

ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ УРО РАН

**МАТЕРИАЛЫ
IV
ВСЕРОССИЙСКОГО
СИМПОЗИУМА
ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКЕ**

**Том 1. Направления и проблемы развития современной теории и методологии региональной экономики.
Соотношение материальных и средовых факторов в современном региональном развитии. Инструментарий и методы прогнозирования регионального развития.**

Екатеринбург
2017

УДК 519.865.330
ББК 65.01
М 34

Ответственный редактор
д.э.н. Ю.Г. Лаврикова

Рецензенты:

д.э.н., профессор Р.М. Качалов (ЦЭМИ РАН, г. Москва)

д.э.н., профессор А.В. Молодчик (ПГТУ, г. Пермь)

Материалы IV Всероссийского симпозиума по региональной экономике. Том 1. Направления и проблемы развития современной теории и методологии региональной экономики. Соотношение материальных и средовых факторов в современном региональном развитии. Инструментарий и методы прогнозирования регионального развития. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. – 292с.

В сборник вошли доклады секционных заседаний IV Всероссийского симпозиума по региональной экономике (Екатеринбург, 03 – 04 октября 2017 года). Рассматриваются проблемы методологии анализа и прогнозирования развития региональной экономики

Сборник трудов предназначен научным работникам, преподавателям высшей школы, руководителям и специалистам народного хозяйства

УДК 519.865.330
ББК 65.01
УДК 519.865.330
ББК 65.01

Материалы печатаются в авторской редакции

ISBN 978-5-94646-589-2

© Институт экономики УрО РАН, 2017
© Авторы, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Направления и проблемы развития современной теории и методологии региональной экономики

<i>Берсенёв В.Л. Методологические особенности ретроальтернативного анализа региональных социально-экономических систем.....</i>	9
<i>Бочко В.С. Реленая экономика: осознание феномена с учетом проблем регионального уровня.....</i>	13
<i>Буторина О.В., Осипова М.Ю. Особенности современного производственного цикла.....</i>	18
<i>Важенина И.С. Территория как специфическая мультиполезная потребительная стоимость.....</i>	23
<i>Важенина И.С., Важенин С.Г., Сухих В.В. Особенности конкуренции регионов за доверие: преодоление эффекта Матфея.....</i>	27
<i>Даванков А.Ю., Кочеров А.В., Морозова Е.С. Стратегические территориальные социо-эколого-экономические интересы.....</i>	33
<i>Захарчук Е.А. Проблемы формирования дезагрегированных матриц финансовых потоков регионов Уральского федерального округа.....</i>	37
<i>Игнатьева Е.Д., Серкова А.Е. Инфраструктурные факторы социально-экономического развития российских регионов.....</i>	40
<i>Ильяшенко В.В. региональный аспект инфляционных процессов в Российской Федерации.....</i>	43
<i>Илюхин А.А., Пономарева С.И. Бюджетная политика региона: в поисках макроэкономической устойчивости.....</i>	47
<i>Клименков, Г.В. Адаптивное управление промышленным комплексом региона: теория, методология, практика.....</i>	50
<i>Курушина Е.В. Концепция и методология пространственного развития на основе проектов межрегиональной интеграции.....</i>	53
<i>Кутергина Г.В., Буторина О.В. К вопросу о выборе показателей для анализа текущего инвестиционного цикла в промышленности.....</i>	58
<i>Малыш Е.В. Региональная рентная экономика как современный экономический феномен.....</i>	61
<i>Малыш Е.В., Малыш К.О. Направления «зеленого» развития регионов.....</i>	66
<i>Мельникова Л.В. Некоторые вопросы теоретической аргументации в стратегическом планировании.....</i>	70
<i>Наслунга К.С., Кашина Т.О. Бюджет как объект экономических исследований.....</i>	75
<i>Орехова С.В., Кузьмин Е.А., Ярошевич Н.Ю. Новая промышленная политика в условиях развития технологических платформ.....</i>	78
<i>Печеркина М.С. Исследование кризисных явлений в регионах УрФО.....</i>	83
<i>Сергеев А. М. Сравнительный институциональный анализ: методология, применение на региональном уровне.....</i>	86
<i>Трунова О.Д., Rondo-Brovetto P. Теоретико-методологические основы концепции государственно-частного партнерства как инструмента регионального развития.....</i>	89

Соотношение материальных и средовых факторов в современном региональном развитии

<i>Антропов В.А. Транспортный университет в российских и международных рейтингах.....</i>	<i>97</i>
<i>Ермакова Ж.А. Факторы развития малого и среднего предпринимательства в производственной сфере на мезоуровне.....</i>	<i>101</i>
<i>Калабина Е.Г. Зарплатное неравенство: инструмент манипуляции vs стимул трудового поведения работника? (случай уральской промышленной компании).....</i>	<i>106</i>
<i>Карпов А.Л., Державин Н.Б. Сравнительный анализ влияния факторов на конкурентоспособность регионов России.....</i>	<i>109</i>
<i>Козлова О.А., Тухтарова Е.Х. Екатеринбург как центр притяжения внутренних мигрантов: факторный анализ.....</i>	<i>114</i>
<i>Мальцев А.А. посткризисное состояние промышленного комплекса среднего Урала: вызовы и возможности.....</i>	<i>118</i>
<i>Морозова Н.В. Внешняя среда развития социально-экономической системы региона.....</i>	<i>122</i>
<i>Некрасов А.А., Пасынков А.Ф. Методические положения формирования финансовых балансов арктических территорий в разрезе институциональных секторов.....</i>	<i>127</i>
<i>Николаева Е.В. Анализ эффективности малых форм сельскохозяйственного производства в челябинской области.....</i>	<i>129</i>
<i>Павлов Б.С. Внеучебный производительный труд учащейся молодёжи как фактор её профессиональной социализации.....</i>	<i>133</i>
<i>Павлов Б.С., Пронина Е.И., Павлов Д.Б. Первоначальный выбор профессии молодым человеком в контексте его перманентных жизненных рисков.....</i>	<i>139</i>
<i>Симонова В.Л. Культура межфирменного сотрудничества.....</i>	<i>144</i>
<i>Сухих В.В. Первые проекты постройки судоходных каналов на Урале.....</i>	<i>149</i>

Инструментарий и методы прогнозирования регионального развития

<i>Берсенева В.Л., Данилов И.П., Ладыкова Т.И. Актуальные вопросы индикативного планирования в современных условиях.....</i>	<i>155</i>
<i>Волкова Т.И. Тенденции институциональной трансформации финансово-экономической системы.....</i>	<i>160</i>
<i>Горбунов В.К., Львов А.Г. Производственные фонды малого предпринимательства регионов.....</i>	<i>162</i>
<i>Городнова Н.В., Пешкова А.А. Прогнозирование вероятности успешной реализации проектов государственно-частного партнерства.....</i>	<i>165</i>
<i>Захарчук Е.А., Заварзина Л.С. Теоретические возможности и ограничения построения системы территориальных счетов в рамках концепции СНС-2008.....</i>	<i>169</i>
<i>Кац И.С. Эволюционная динамика социальных инноваций в общественном секторе.....</i>	<i>171</i>
<i>Котлярова С.Н. Эволюция моделей пространственного развития макрорегионов России.....</i>	<i>176</i>
<i>Кузнецов С.Б. Анализ индикатора стагнации федеральных округов России...</i>	<i>179</i>
<i>Кузовкова С. В. Типология субъектов предпринимательской деятельности.</i>	<i>184</i>

<i>Кузьмин А.И. Оценка вероятности дожития населения регионов России в экономически активном возрасте индексным методом.....</i>	188
<i>Ларина Т.Н. Количественная оценка территориальных различий как индикатор социально-экономического развития региона.....</i>	191
<i>Ли В.А., Каткова А.О. Финансовые инструменты кластерного развития регионов.....</i>	195
<i>Масленников М.И. Региональные особенности привлечения и использования инвестиционных ресурсов в России.....</i>	200
<i>Мелентьев Б.В. Межотраслевой прогноз развития экономики Урала с учётом межрегиональных связей.....</i>	205
<i>Минеева Н.Н. Социально-экономический мониторинг человеческого капитала сельских территорий.....</i>	209
<i>Молотков Ю.И., Пухарев И.В. Формирование стратегии социально-экономического развития муниципального района (на примере Северо-Байкальского района Республики Бурятия).....</i>	214
<i>Наумов И.В. Инерционный сценарий динамики валового выпуска челябинской области до 2020 года.....</i>	219
<i>Омонов Ж.К. Инструментарий оценки социально-инновационного производства общественных благ.....</i>	224
<i>Паздникова Н.П. Проектно-целевые инструменты регионального развития: факты и цифры.....</i>	228
<i>Паникарова С.В., Кульпин С.В. Кластерный анализ туристического потенциала полиэтнических регионов южной Сибири.....</i>	233
<i>Паникарова С.В., Якимова А.В. Модернизация экономики коренных народов в условиях глобализации.....</i>	240
<i>Пасынков А.Ф. Концептуальные основы расчета формирования, распределения и использования добавленной стоимости на территориях... </i>	247
<i>Попов Е.В. Перспективные направления развития экономической теории</i>	251
<i>Пышинцева О.А. Пространственное неравенство трудового потенциала территорий екатеринбургской агломерации.....</i>	255
<i>Рослякова Н.А., Прокопьев Е.А., Рязанцев П.А. Опыт регрессионного моделирования влияния зимних условий на вывозку и формирование сценариев использования объектов сезонной транспортной инфраструктуры.....</i>	262
<i>Севастьянова Е.А. Особенности взаимодействия экономических агентов в секторе общественных благ.....</i>	267
<i>Сидорова Е.Н. Федеральные адресные инвестиционные программы как инструменты территориального развития.....</i>	270
<i>Трушкова Е.А. Анализ эколого-экономического развития свердловской области с применением метода декаплинг и эффектов, связанных с нарушениями здоровья населения.....</i>	275
<i>Трушкова Е.А. Стратегическое планирование как механизм «позиционирования» государственной политики в сфере предпринимательства.....</i>	279
<i>Турыгин О.М. Региональные особенности распределения источников финансирования реальных инвестиций.....</i>	284
<i>Шеховцева Л.С. Институциональные аспекты развития региональной экономики.....</i>	287

***Направления и проблемы развития современной
теории и методологии региональной экономики***

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕТРОАЛЬТЕРНАТИВНОГО АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

*Берсенёв В.Л., д.и.н.
ИЭ УрО РАН, г. Екатеринбург*

Существует предубеждение, что исторический процесс не знает сослагательного наклонения (в оригинале выражение К. Хампе звучит как «Die Geschichte kennt kein Wenn!» или «История не знает никакого “если”»), и к изучению прошлого неприменима посылка «Что было бы, если бы...». Однако данное утверждение применимо лишь к событийному ряду, отражённому в летописях, хронографах и в широко распространившихся за последнее время синхронистических (хронологических) таблицах. История как наука занимается не пересказом произошедшего, а анализом и трактовкой выявленных источников. В этом отношении получаемые в ходе исследования выводы могут быть самыми разнообразными, вплоть до разработки альтернативных вариантов изучаемых тенденций и явлений.

Ретроальтернативное прогнозирование или контрафактическое моделирование – составная часть клиометрики или «новой экономической истории». Несмотря на то, что данное направление в истории экономики зародилось в 1950-е годы в США, для нашей страны оно по-прежнему остаётся именно новым, поскольку интерес к нему в среде отечественных экономистов и историков сформировался только в 1990-х годах – во времена, не слишком располагающие к академическим теоретическим изысканиям, и до настоящего времени ретроальтернативистика в России представлена либо работами военных историков, либо далеко не научными произведениями в жанре «фэнтези».

Согласно определению, С. Уильямсона, клиометрика – это применение экономической теории и количественных методов для описания и объяснения исторических процессов и явлений в сфере экономического развития. Моментом появления клиометрики в науке условно считается выступление А. Конрада и Дж. Мейера в 1958 г. по проблеме рабства, оформленное потом в известной статье «Экономика рабства на довоенном Юге». Они доказывали тезис о том, что рабовладельческое хозяйство сохраняло свою рентабельность даже в условиях промышленной революции.

К данной проблематике обращался и будущий лауреат премии им. А. Нобеля по экономике Р. Фогель, однако подлинную научную славу ему обеспечила публикация в 1964 г. книги с неприметным названием «Железные дороги и экономический рост Америки». Он построил контрафактическую модель – как бы развивались Соединённые Штаты без железных дорог, оставаясь с дилижансами и пароходами. Результаты математических расчётов получились весьма парадоксальными: вклад железнодорожного строительства в экономику США оказался крайне малым. С выходом книги Р. Фогеля стали оспариваться и многие принятые ранее аксиомы об эффективности технических нововведений XIX века.

Фактически именно тогда и зародилась экономическая ретроальтернативистика. При этом клиометристы сразу же стали различать собственно контрафактическое и альтернативное моделирование: в первом случае речь идет о сценариях, которые в принципе не могли осуществиться

(альтернативы железнодорожному строительству в США не предполагались). Во втором случае анализируются те варианты истории, которые имели реальные шансы реализоваться (победа Юга над Севером в гражданской войне 1861-1865 гг. в США и её последствия для американской экономики). Однако критерием их разграничения можно считать только субъективное мнение эксперта, то есть данные категории фактически являются синонимами.

Наряду с Р. Фогелем нельзя не упомянуть и другого лауреата премии им. А. Нобеля по экономике за 1993 г. Д. Норта. Он больше известен как один из ведущих теоретиков неоинституционализма, а его книга «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» (1990; рус. пер. 1997) стала настольной в кругах российских поклонников данного направления экономической науки. Тем не менее, свою премию Д. Норт, как и Р. Фогель, получил с формулировкой «за работы в области новой экономической истории». Его статья «Источники изменений в производительности при строительстве океанских судов с 1600 по 1850 г.» даже считается одной из наиболее цитируемых работ по клиометрике, хотя в ней всего лишь доказывается, что организационные факторы в историческом процессе имели подчас гораздо большее значение, чем технические изменения. Впрочем, можно утверждать, что в данном случае историко-экономическая тематика, сопряжённая с особенностями клиометрического анализа, послужила первотолчком к изучению роли институциональных факторов в экономическом развитии.

Методологическую основу ретроальтернативистики обеспечивает в первую очередь синергетика, согласно которой эволюция вообще не является жёстко детерминированной. Можно выделить периоды, когда направление развития изменить нельзя (так называемое движение по аттрактору), и точки бифуркации, где возникает возможность выбора.

Собственно, предметом ретропрогнозирования и является изучение точек бифуркации – неких ключевых моментов в истории экономики, во время которых происходит выбор пути дальнейшего развития из веера различных альтернатив. Выбор в таких ситуациях практически всегда происходит в условиях неопределённости и неустойчивости баланса сил, поэтому на бифуркацию могут повлиять абсолютно, на первый взгляд, ничтожные и субъективные обстоятельства. К сожалению, следует констатировать, что строго научные ретропрогнозные исследования в постсоветской науке остаются случайными и эпизодическими, хотя в научно-популярной литературе они представлены уже довольно широко.

Тем не менее, специалисты, вооружённые методологией и методикой ретроальтернативного прогнозирования, не просто могут, но и должны дать ответы на актуальные вопросы, возникающие в связи с необходимостью выбора дальнейшего пути развития экономики России в условиях глобальной конфронтации. По крайней мере, уже сейчас просматриваются три основных требования к построению ретроальтернативных моделей:

1. «Точка бифуркации», то есть момент времени, с которого начинается расчёт альтернативного варианта развития, должна быть конкретно определённой и связанной с реальными событиями, допускающими различные тенденции в последующей эволюции системы.

2. Допущения, лежащие в основе ретроальтернативных прогнозов, не должны быть фантастическими.

3. Привлекаемая для расчётов статистика должна быть достоверной или, по крайней мере, восприниматься аналитиками-клиометристами как таковая.

Очевидно также, что сравнительную оценку оптимальности реального и виртуальных сценариев необходимо проводить по нескольким параметрам: во-первых, одно и то же событие может дать обществу благотворный импульс в его политическом развитии, но оказаться неблагоприятным с точки зрения хозяйственного развития; во-вторых, оценки степени благотворности многих событий могут сильно варьироваться в зависимости от идеологических предпочтений исследователя.

Особо следует сказать о преимуществах выбора в качестве объекта ретропрогнозирования не страны в целом, а региональной социально-экономической системы (РСЭС). Во-первых, для доиндустриальной эпохи в истории человечества вообще было характерно, что региональные социально-экономические системы оказывались более устойчивыми, нежели государства, их объединявшие. Незрелость коммуникаций не позволяла центральной власти полностью контролировать управление страной, и на местах в любом случае сохранялись элементы самоуправления административно-территориальных единиц различного уровня. Более того, в случае распада страны именно РСЭС выступали инициаторами восстановления централизованного государства в новом качестве (наиболее показателен пример номов в Древнем Египте).

Во-вторых, бóльшая непредсказуемость «поведения» РСЭС открывает и больше возможностей для выбора аттракторов в точке бифуркации. «Поведение» государства (национальной экономики) в этом случае представляется более жёстко детерминированным. Впрочем, данное обстоятельство не отрицает возможностей ретроальтернативного прогнозирования на макроэкономическом уровне.

В-третьих, модель РСЭС позволяет выявить наибольшее количество альтернатив в процессе ролевой имитации с участием актора. Актор может являться информационным субъектом с условно-оптимизированной программой действий или же быть реальным человеком. Участие последнего весьма желательно, так как субъективное начало в хозяйственной практике относится к числу тех иррациональных величин, которые очень трудно смоделировать, но необходимо учитывать. Жизнь homo oeconomicus не всегда сводится к конечной логической задаче, и в любой человеческой деятельности есть место случайности.

Сотрудникам Института экономики УрО РАН (с привлечением А.П. Горста – специалиста по ролевым имитационным играм) в 2006 г. удалось смоделировать достаточно достоверный вариант развития сельского хозяйства Среднего Урала в 1995-1998 гг. при условии, что увлечённое либеральными экспериментами высшее руководство страны приняло бы решение о всеобщей фермеризации сельского хозяйства. Поскольку даже столь радикальный шаг требует поэтапного исполнения, было сделано предположение, что в «одном из возможных миров» правительство России, в соответствии с прогнозными оценками, предписало довести к 1995 г. площадь крестьянских хозяйств до 7 % от общего количества сельхозугодий. Могла ли продукция фермеров Среднего Урала в этих условиях, как предсказывалось, составить 24 % от общего объёма производства во всех категориях?

Обратившись к одному из самых спорных сюжетов в истории отечественной экономики эпохи «бурных девяностых», а именно – вариантам преобразований в сельском хозяйстве и их последствиям, авторы отдавали себе отчёт, что близость «точки бифуркации» к дням сегодняшним придаёт анализу

изрядный оттенок публицистичности, что для классической клиометрики в общем-то неприемлемо. Однако сам факт первой апробации ещё не до конца отработанной методики ретроальтернативного прогнозирования обусловил необходимость обращения к недавнему прошлому, а также скромные масштабы анализируемого объекта и узкие хронологические рамки исследования.

Никто не будет спорить, что процесс имитационного моделирования применительно к сельскому хозяйству усложняется, прежде всего, тем, что развитие отрасли долгое время находилось в жёсткой зависимости от внеэкономических факторов. На начальном этапе преобразований для аграрной реформы 1990-х гг. были характерны преобладание влияния политической конъюнктуры при принятии хозяйственных решений, тесная зависимость от осуществляемой параллельно общеэкономической реформы, отсутствие единой стратегии преобразований. Однако именно это обстоятельство существенно облегчает поиск тех «звёздных часов», когда последствия случайно принятого решения становились необратимыми.

Для построения ретропрогноза было необходимо:

- построить график исходных данных и попытаться зрительно, приближенно определить характер зависимости;
- выбрать вид функции регрессии, которая может описывать связь исходных данных;
- определить численные коэффициенты функции регрессии;
- оценить силу найденной регрессионной зависимости на основе коэффициента детерминации r^2 ;
- сделать прогноз (при $r^2 \geq 75\%$) или сделать вывод о невозможности прогнозирования с помощью найденной регрессионной зависимости.

В данном случае при конструировании экономической модели не было смысла отдавать предпочтение сельскохозяйственным предприятиям или крестьянским (фермерским) хозяйствам до того, как будет завершён имитационный эксперимент. В результате был обоснован вывод, что и при самых благоприятных обстоятельствах объём производства в фермерских хозяйствах не достигал бы 10 %. Иными словами, даже многократное произнесение магического слова «свобода» не гарантировало экономического успеха, пусть и в такой узкой сфере, как сельское хозяйство Свердловской области.

Таким образом, в результате проведённого контрафактического моделирования был не просто получен некий конкретный результат, характеризующий иллюзорность представлений «младореформаторов» первой половины 1990-х годов о реальном положении дел в экономике страны. Главное, что была продемонстрирована сама возможность осуществления подобного рода «историко-экономических экспериментов» применительно к РСЭС. Разумеется, первый опыт не говорит о том, что предложенная методика ретропрогнозирования носит завершённый характер. Её дальнейшее совершенствование позволит усложнить исследовательское поле и получить новые представления о возможностях ретроальтернативного анализа (контрафактического моделирования) развития региональных социально-экономических систем.

ЗЕЛЕНАЯ ЭКОНОМИКА: ОСОЗНАНИЕ ФЕНОМЕНА С УЧЕТОМ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ

Бочко В.С., д.э.н.
ИЭ УРО РАН, Екатеринбург

В первой четверти XXI века в высокоразвитых государствах активно происходит смена образа жизни людей в направлении экологизации их производственной и социальной деятельности. Одновременно меняется не только производственно-экономическое поведение людей, но и их нравственно-этические, психологические, правовые и иные ценности. Поскольку такие перемены совершаются под влиянием изменений в системе «человек-природа», то формирующееся явление часто называют «зеленой экономикой». Имеются предложения именовать нарождающийся феномен «экологической революцией», соотнося его с «аграрной революцией», продолжавшейся тысячи лет, и «промышленной революцией», продлившейся сотни лет. Но в любом случае по своим влияниям на текущую и будущую человеческую жизнь новый образ жизни действительно сравним с такими феноменами прошлого, как промышленная революция XVIII века, электротехническая революция конца XIX века и научно-техническая революция середины XX века.

В связи с тем, что «зеленая экономика» имеет феноменальные черты, т.е. меняющие все устои жизнедеятельности людей, то по характеру своего воздействия на мир она выступает как *синтетический вызов времени*, на который следует реагировать обосновано и своевременно. Такое понимание зеленой экономики позволяет выдвинуть *гипотезу*, согласно которой запаздывающее понимание перемен в системе «человек-природа» и (или) непринятие действий, соответствующим этим переменам, закладывает условия для технологического и социального отставания страны.

Считается, что термин «зеленая экономика» впервые появился в 1989 году в Англии, но широкое распространение получил после саммита «Рио+20» (2012). В его итоговом документе «Будущее, которого мы хотим» есть раздел «Зеленая экономика в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты». Здесь зеленая экономика сводится к устойчивому развитию, т.е. к максимальному использованию ресурсов, но таким образом, чтобы обеспечивалось сохранение окружающей среды.

Из-за очень короткого периода времени со дня появления термина «зеленая экономика» еще не сложилось его однозначное понимание. Экологи сводят зеленую экономику к сбережению природы, этики – к формированию нравственного уважительного отношения к природе, философы – к объяснению единства природы и общества, отраслевые экономисты – к созданию производственно-экономических отношений, обеспечивающих эффективный выпуск экологических товаров и услуг в текущем и будущем периодах.

По нашему мнению, *зеленая экономика есть осознанный переход интеллектуально развитого общества* на экологически чистые технологии и широкое использование возобновляемых источников энергии во всех сферах жизнедеятельности людей, включая быт и отдых, а также формирование на этой основе экономико-нравственных отношений, способствующих росту благосостояния и развитию личности.

Современная проблема зеленой экономики вырастает из второй *вечной проблемы человечества*, которая называется *необходимость жить в согласии с природой*. Первая проблема – жить в согласии между собой. Решая эти две вечные проблемы, люди ищут пути и средства своего освобождения от страданий и несчастий.

Особо ярко вторая вечная проблема людей начала проявляться в XIX веке вместе с ускоренным ростом численности населения в городах и увеличением в них количества производственных и бытовых отходов. Все это привело к повышенному загрязнению окружающей среды продуктами жизнедеятельности человека.

К концу XX века, когда все пространство планеты превратилось в единый урбанистический организм, *необходимость жить в согласии с природой перешла из проблемы, решаемой людьми наряду с другими, в самостоятельную проблему выживания человечества как биологического феномена*.

Известные исследователи взаимосвязи жизнедеятельности людей и состояния природы Медоуз Денис, Медоуз Донелла и Рандерс Йорген в своей книге «Пределы роста: 30 лет спустя» (2002) заявили, что «основной причиной катастрофы становится сильнейшее загрязнение окружающей среды» (с. 222). Затем они сделали вывод, что «период с 2010 по 2030 г. можно с полным на то основанием назвать «золотым веком» - высокий уровень благосостояния для большой численности населения», но «затем идет на спад». Его результатом станет то, что «в 2050 расчетном году, уровень загрязнения становится настолько высоким, что сказывается на здоровье людей, и ожидаемая продолжительность жизни уменьшится» (с. 299).

Загрязнение окружающей среды проявляется в различных показателях. Одним из них является высокая нагрузка на валовой региональный продукт (ВРП). Так, в Уральском федеральном округе на каждый миллион рублей произведенного ВРП приходилось 0,65 т валовых выбросов в атмосферу, 255 куб. м загрязненных стоков, 32 т отходов. Другой важный показатель загрязнения окружающей среды – низкая доля переработки отходов (см. таблица 1).

Таблица 1.

Образование, использование и обезвреживание отходов производства и потребления в субъектах РФ, входящих в УрФО (тыс. т) (2015)

Субъект РФ	Образовано, всего	Использовано и обезврежено	
		всего	в %
ХМАО - Югра	4 476	3462	77,3
Свердловская область	168 937	89465	53,0
Челябинская область	95 229	32078	37,7
ЯНАО	636	241	37,9
Тюменская область (Юг)	1 079	884	81,9
Курганская область	752,2	211	28,1
УрФО	271 109	126340	46,6
Справочно: РФ	5060244	2685100	53,1

Условием возникновения проблемы жить в согласии с природой является *наличие экологической емкости пространства*, т.е. таких границ выпуска продукции, которые определяются существующими эколого-технологическими знаниями.

Причиной обострения проблемы становится *нарушение экологической емкости пространства*, т.е. границ выпуска продукции при существующих эколого-технологических знаниях.

Следствием таких неблагоприятных действий людей выступает *угроза их самоуничтожения* из-за невозможности справиться с экологическими проблемами, если не будут проведены изменения (улучшения), во-первых, эколого-технологических знаний, во-вторых, экономического поведения, в-третьих, нравственно-этических отношений.

Мировые тренды перехода на зеленую экономику характеризуются следующими основными направлениями.

Первое. Активное смещение акцентов с проблемы энергосбережения на проблему развертывания производства возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В мировом энергобалансе их доля медленно, но уверенно возрастает. Если в 2001 г. она составляла 0,5%, то к 2015 г. возросла до 2,8%, т.е. в 5,6 раза. С учетом сектора крупных ГЭС доля ВИЭ приближается к 10% (2,8% + 6,8%). В России развитие ВИЭ осуществляется в соответствии с Государственной программой «Энергоэффективность и развитие энергетики», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 321. Ее первый этап рассчитан на период 2013-2020 годы. Намечено к 2020 году поднять до 2,5% долю производства электрической энергии генерирующими объектами, функционирующими на основе использования возобновляемых источников энергии, в совокупном объеме производства электрической энергии (без учета гидроэлектростанций установленной мощностью свыше 25 МВт).

Второе. Идет активный переход на использование электромобилей. Ежегодно в странах, например, Западной Европы продается по несколько сот тысяч таких автомобилей. То, что в России является экзотикой, на Западе стало обыденным.

Третье. Мусор все больше превращается в источник прибыли и получения энергии. По данным ООН, в настоящее время использование отходов распределяется следующим образом: 50% идет на повторное использование, 40% - на получение энергии, 10% - захоронение.

Четвертое. Все больше государств строят свое социально-экономическое развитие на принципах зеленой экономики (Корея, Швеция, Франция, Германия, Казахстан и др.).

В России до 2017 года работа по развитию экологизации жизнедеятельности людей велась по таким направлениям, как рекультивация земель, сокращение выбросов и безопасная утилизация отходов, содействие внедрению «зеленых технологий», развитие заповедных территорий и экологического туризма. Это означает, что в основном решались проблемы условий материальной жизни людей, но формированию научного экологического разума внимания уделялось недостаточно.

В теоретическом аспекте основными научными направлениями решения проблемы должны стать следующие. *Первое* - обоснование положения, что природные и социальные факторы являются интернальными (внутренними), а не экстернальными (внешними), т.е. что все зависит от людей, а не от внешних, неподвластных им сил природы. *Второе* - обоснование границ сбалансированного производства «благ» и «антиблаг», т.е. определение пределов выпуска полезной для жизни продукции по критерию получения сопутствующих вредных веществ. Границей должен стать такой объем выпуска продукции, который соответствует реально существующим эколого-

технологическим знаниям и производственным мощностям. *Третье* – обоснование такого экономического роста, который одновременно сопровождался бы не только повышением благополучия населения, но и ростом удовлетворенностью жизнью. *Четвертое* - обоснование показателей «зеленого счетоводства» (корректирующих ВВП на загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов). Итогом выполнения научных исследований должно стать включение формирования научного общественного экологического разума и зеленой экономики в экологические проблемы.

Условия перехода на принципы зеленой экономики: 1) формирование в обществе образа мышления, соответствующего ее сути и принципам существования (переход на научный экологический разум, т.е. на полноценные знания о причинно-следственных связях в системе «человек-природа»); 2) научно-техническая и нравственно-этическая интеллектуализация населения; 3) переход от экологического воспитания к экологическому поведению (нравственно-этическая революция); 4) развитие альтернативных источников энергии.

Основные пути перехода на принципы зеленой экономики:

- от экологизации производства к экологизации всей человеческой жизнедеятельности, включая труд и отдых;
- от устойчивого природопользования к развертыванию зеленой экономики;
- от подготовки специалистов с производственно-прибыльным мышлением к экологически ориентированному мышлению;
- от традиционных источников энергии к возобновляемым источникам энергии;
- от сжигания и закапывания мусора к использованию мусора в качестве источника тепловой и электрической энергии, а также к рециклингу;
- от традиционного проектирования поселений к «зеленому строительству» и экологическому дизайну (бесшумным квартирам, зеленым зонам, и т.д.).

Среди важнейших практических шагов в региональном плане, например, для Урала, могли бы стать разработки «Концепции зеленой экономики на Урале», проектов региональных экологических нормативно-правовых актов, природоохранных норм и стандартов, а также предложений для органов власти и хозяйствующих субъектов регионов. Значительное внимание должно быть уделено анализу влияния наилучших доступных технологий (НДТ) на снижение издержек и объемов вредных выбросов и отходов. Существенной проблемой является повышение экологичности продукции, обоснование строительства мусоросортировочных и мусороперерабатывающих комплексов и центров обращения с отходами. Нужны предложения по изменению положений Водного, Лесного и Земельного кодексов, а также соответствующих федеральных законов. Предполагаемые документы необходимо соотносить с возможностями субъектов Федерации и муниципалитетов, с их полномочиями, обеспеченностью ресурсами и менталитетом местного сообщества, т.е. с тем, что включается в понятие самоидентификации территории. Это означает, что предлагаемые документы должны быть научно обоснованы с позиций экономической выгоды, т.е. стимулирующими субъектов хозяйственной деятельности к соблюдению экологических норм и правил, а не к их нарушению.

Среди конкретных мер в рамках Уральского федерального округа необходимо продолжить работу, которая стала получать практическое оформление:

- поддержка Челябинской области в качестве пилотного региона для отработки механизмов квотирования выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, полученных в результате сводных расчетов;
- использование опыта Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по реализации механизма компенсации ущерба, а также оценки качества рекультивационных работ;
- тиражирование опыта Свердловской области по практической реализации партнерских отношений государственных и муниципальных надзорных (контрольных) органов и социально ответственного бизнеса в сфере управления риском для здоровья населения;
- действия по ликвидации накопленного вреда окружающей среде, сформировавшегося в виде объектов, образованных в связи с промышленным освоением районов Крайнего Севера и расположенных на территории Арктической зоны Российской Федерации.

На Среднем Урале одним из приоритетов перехода на зеленую экономику должна стать активизация переработки промышленных, бытовых и сельскохозяйственных отходов на основе их повторного промышленного использования (рециклинга). Это обеспечит мультипликативный эффект, объединяющий хозяйственную целесообразность с культурным оздоровлением местного сообщества, что сделает переработку отходов не только экономически выгодной деятельностью, но и поднимет эколого-нравственный уровень жителей.

Высшей формой существования зеленой экономики является осуществление экологического мышления и экологического поведения на основе экологических обычаев и традиций

Вывод. Несвоевременное или запаздывающее осуществление перемен в продвижении идей и принципов зеленой экономики приведет не только к сдерживанию текущего социально-экономического развития, но и сформирует условия для последующего технологического и социального отставания стран и народов.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ЦИКЛА¹

*Буторина О.В., к.э.н.,
Осипова М.Ю.
ПГНИУ, ПНИПУ, Пермь*

В современных условиях проблемы, связанные с исследованием сущности, причинно-следственных зависимостей, продолжительности текущего экономического кризиса, приобретают особую значимость. Существует множество трактовок первопричин кризиса, но несомненным остаётся то, что он затронул все сферы общественного развития, прежде всего - реальное производство, которое выступает индикатором, отражающим последствия кризисов и неэффективности государственной политики.

Начавшаяся в первом десятилетии XXI века мировая промышленная рецессия, по мнению Ю.В. Яковца, В.В. Пантина во многом связана с объективными процессами смены технологических и экономических способов производства, сущностных принципов функционирования экономики, формируемых мегатрендами². Как отмечается многими авторами между производственными циклами и научно-техническими переворотами существует несомненная зависимость, позволяющая наиболее комплексно исследовать производственные процессы, а также прогнозировать общее движение конъюнктуры. Исходя из чего, целью данной работы является исследование особенностей современного производственного цикла в условиях неоиндустриального развития.

На основании библиографического анализа под технологическим способом производства будем понимать комплекс взаимосвязанных технико-технологических, организационно-административных принципов, определяющих экономическое, социальное, технологическое содержание производственных процессов на протяжении длительных этапов развития, определенных друг от друга революционными изменениями в развитии системы производительных сил общества. Такая трактовка позволяет выделить три способа производства (аграрный, промышленный, информационный), каждый из которых формирует собственную экономику и присущие только ей производственные и циклические процессы (табл.1).

При этом аграрный способ производства, доминирующая в общественном производстве до конца XVII в., в рамках данной публикации не является приоритетной. Следует отметить, что индустриальный и информационный способы производства реализуются посредством господства технологических укладов как обобщенной характеристики принятого обществом достигнутого уровня развития технологий, формирующих условия производства. Именно они определяют дискретность отдельных больших периодов развития, каждый из которых вызывается собственным технологическим импульсом, порождая соответствующие изменения в динамике производства, в его отраслевой

---

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта РГНФ Методика анализа и модель управления производственным и инвестиционным циклами в рамках современного макроэкономического цикла в экономике региона № 17-12-59005

² Пантин В.И. Кризис как рубеж мирового развития. Материалы круглого стола «Господин кризис, как Вас теперь называть?» // Журнал «Полис». - № 3. – С. 9.; Яковец Ю.В. Прогнозирование циклов и кризисов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.sorokinfond>.

структуре и занятости.

Выделенные в таблице 1 общепринятые в современной науке шесть технологических укладов и их характеристики позволили:

- разграничить понятия «неоиндустриальная экономика» и «информационная экономика». При этом неоиндустриальная экономика может рассматриваться как этап развития индустриальной экономики, начавшийся с 30-х гг. XX в. (периода господства 4 технологического уклада), основанный на использовании новых источников энергии, материалов, масштабном освоении космоса и информационного пространства, а также господстве конвейерного автоматизированного и компьютеризированного типов производства. Под информационной экономикой мы будем понимать новую экономическую систему, функционирующую в рамках информационного способа производства, основанном на производственной информации как базовом ресурсе, а также применении совокупного общественного знания³;

- конкретизировать понятие производственный цикл как обобщенной характеристики динамики процессов, происходящих в производственной сфере.

Особо следует отметить, что в рамках промышленной эпохи данные тенденции характеризовались понятием «промышленный цикл». В современных условиях господства неоиндустриальной экономики понятие промышленный цикл не позволяет в полной мере отразить масштабность структурных изменений в экономике. Поэтому в исследованиях все чаще встречаются понятия «экономический цикл», «цикл деловой активности», «цикл экономической активности». Несмотря на наличие различных трактовок все они условно призваны отразить изменения уровня производства, занятости населения, динамику и структуру спроса, повышение цен на товары, финансовые сдвиги⁴;

Как нам представляется, такая трактовка является очень широкой, поэтому требует конкретизации. Понятие «производственный цикл» ориентировано в большей степени на отражение изменений производственной составляющей, все другие аспекты представляют собой систему факторов, определяющих динамику производства. Другими словами, в самом общем понимании производственный цикл – форма прогрессивного развития экономических систем разного уровня, характеризующаяся последовательной сменой состояний, собственной продолжительностью, рекуррентными зависимостями, отражающая изменения в динамике и структуре производства.

---

³ Нижегородцев Р.М. Экономика инноваций. – Москва: Русайнс, 2016 – 154 с.

⁴ Бизнес. Толковый словарь – М.: ИНФРА-М. Г. Бетс, Б. Брайдли, С. Уильямс и др. Общая редакция: Осадчая И.М. – 1998 – 125 с.

Таблица 1

Особенности циклических процессов в соответствующих способах производства

Период господства	Технологический уклад и его характеристика	Характеристика способа материального производства	Особенности циклической динамики	Направления их исследования в науке
Промышленный способ производства, доминирующий с 1825 года. Индустриальная экономика (экономика промышленного производства). Выделяемые экономические циклы – промышленные циклы.			Продолжительность составляла не больше 8-12 лет, связанная с процессами физического износа и обновления основного капитала	Масштабные исследования циклических процессов, связанные с систематизацией первопричин внутреннего характера экономических процессов в целом
Первый (1785-1835)	Основывался на новых технологиях (машинной базы) в текстильной промышленности, на переходе к энергии воды	Утверждение машинного способа производства «с тяжелыми веяниями фабрики», который пришел на смену мануфактурному, став началом промышленной волны, которая смела ранее сложившиеся устои (Е. Озеров)		
Второй (1830-1890)	Базировался на переходе к механическому производству на основе использования парового двигателя			
Третий (1880-1940)	Основывался на широком использовании электродвигателей при одновременной специализации паровых двигателей			
Промышленный способ производства, доминирующий с 1825 года. Неоиндустриальный этап развития индустриальной экономики. Выделяют неопромышленные циклы (производственные).				
Четвертый (1930-1990)	Базировался на использовании новых источников энергии (прежде всего ее альтернативных источников и атома), разработке и внедрении компьютеров.	Приоритет конвейерного типа производства, частичная автоматизация и компьютеризация производства		
Пятый (1985-2035)	Основывался на достижениях в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, геной инженерии, новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой и электронной сетей связи	Переход к индивидуализации производства и потребления, основанных на ограничениях в сфере экологии, энерго-и материалопотреблении		
Информационный способ производства - Информационная экономика (неоэкономика). Выделяемый экономический цикл – макроцикл			Определить продолжительность невозможно, т.к. их ритмика подчиняется всеобщим законам развития совокупного общественного знания	Формирование экономики знаний
Шестой (2030-2080)	Может базироваться на достижениях молекулярной биологии, геной инженерии, нанотехнологии, систем искусственного интеллекта, глобальных информационных сетей и интегрированных высокоскоростных транспортных систем	Развитие гибкой автоматизации производства с большей ориентацией на ограничения в сфере экологии, энерго-и материалопотреблении		

Охарактеризуем каждую из выделенных в определении характеристик более детально.

Первая из выделенных – повторяемость во времени. Как нам представляется, данная характеристика является наиболее спорной, т.к. определение временного интервала, с одной стороны, очень условно, с другой – связано с системой внутренних причин. Так, известными среди совокупности его внутренних причин наибольшее распространение получили: износ основных производственных фондов (К. Маркс); разрывы между потенциальным и фактическим объемами производства (Т.Ю. Матвеева); колебания денежного потока (Р.Дж. Хоутри); освоение производством инноваций и нововведений (Й. Шумпетер). По мнению многих современных исследователей, производственный цикл относится к среднесрочным циклам, продолжительность которых может колебаться от 7 до 25 лет в зависимости от особенностей и характера производственной динамики.

Вторая характеристика производственного цикла – последовательная смена состояний. Как известно, современная теория цикличности апеллирует понятиями 2-х, 3-х, 4-х, 9-ти, 12-тифазовыми циклами. С нашей точки зрения, именно классический четырех фазовый цикл является более приемлемым для теоретико-методологических основ исследования особенностей производственного цикла, а также разработки адекватной антициклической политики. Данная характеристика требует конкретизации с последующей систематизацией индикаторов, наиболее полно отражающих уровень производственной активности как базового проявления его сущности.

Поэтому далее авторами была составлена обобщающая таблица (табл.2), в которой систематизированы показатели производственного цикла, выделенные на основе описываемых в литературе теоретических моделей экономических циклических процессов, а также представлена их пофазовая характеристика. При этом предложенная система показателей может использоваться для анализа и определения текущей фазы современного производственного цикла.

Таблица 2

Пофазовая характеристика индикаторов современного производственного цикла

Показатели	Кризис	Депрессия	Оживление	Подъем
Объемы производства (ВВП и ВНП), занятость, спрос на товары и услуги, производственные мощности, доходы всех участников производства	устойчиво снижается	неравномерное увеличение при сохранении негативных тенденций	неравномерное увеличение при сохранении позитивных тенденций	стабильно увеличивается

Данные показатели являются общими, т.к. призваны отразить базовые тенденции и могут быть конкретизированы в соответствии с особенностями статистической базы объекта исследований.

Третьей из базовых характеристик производственного цикла является наличие рекуррентных зависимостей, т.е. взаимосвязей между однопорядковыми циклами, формирующими основу современного макроэкономического цикла. Как нам представляется, современный

макроэкономический цикл - особый вид цикла, формируемый совокупностью базовых циклов, определяющих систему причин колебаний в рамках текущего макроэкономического цикла. На рисунке 1 представлена систематизация составляющих современного макроэкономического цикла.

Макроэкономические колебания порождаются объективными процессами технологического прогресса (технологический цикл Н.Д. Кондратьева) и объективно-субъективной природой инноваций (инновационный цикл Й. Шумпетера). Двоякая природа инноваций объясняется высокой долей субъективного фактора: в любой экономике и в каждой фазе развитие определяется «ведущими», т.е. теми, кто «создает и рискует использовать новые комбинации ресурсов в производстве». При этом коммерциализация инноваций (инвестиционный цикл Р. Фриша) обуславливает изменения в движении капитала, что, в свою очередь, несомненно, приведет к отраслевым сдвигам (появлению новых и отмиранию старых отраслей, определяющих характер общественного производства) (структурный цикл С. Кузнеца).

Рис. 1 Систематизация составляющих современного макроэкономического цикла

На основании представленных на рисунке 1 взаимосвязей между циклами, формирующими основу современного макроцикла, можно утверждать, что информационный цикл как самостоятельный вид цикла может рассматриваться как цикл конъюнктурного характера, наслаивающиеся на него технологический, инновационный, инвестиционный циклы имеют обеспечивающий характер, производственный цикл (цикл деловой активности) – характеризующий, а социальный и структурный циклы – результирующие.

В целом, при характеристике рекуррентных зависимостей между циклами особо следует отметить, что производственный цикл является характеризующим, т.е. отражающим реальные процессы в экономике, он формируется под воздействием системы факторов с собственной циклической природой.

ТЕРРИТОРИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ МУЛЬТИПОЛЕЗНАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ¹

*Важенина И.С., д.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Экономические проблемы территории в настоящее время исследуются в рамках экономической географии, географии мирового хозяйства и мировой экономики, региональной и муниципальной экономики, маркетинга территории, международного маркетинга и т.д.

В контексте данного доклада нам представляется более приемлемым рассматривать территорию как часть земной поверхности в определенных границах: государственных, природных, экономических и (или) административных, характеризующуюся размерами (площадью), местоположением, особенностями ландшафта, расселения, хозяйственной освоенности и другими качествами². Думается, что именно территория является той «площадкой», на которой возможно и необходимо наладить процесс координирования действий субъектов, способствующий согласованию экономических интересов субтерриториальных агентов взаимодействия. При этом происходит возвращение собственно регионального интереса как диалектической совокупности интересов всех субъектов, действующих на данной территории. Согласованность интересов субъектов территории способствует поддержанию устойчивости и целостности территориальных социально-экономических систем и достижению в них максимального экономического и социального эффектов.

Мы разделяем точку зрения О. Роя, что самодостаточное территориальное образование располагает рядом признаков: границы, собственность, органы легитимной власти, бюджет и население³. Однако считаем, что к перечисленным признакам необходимо добавить **наличие специфического регионального интереса**. При этом условии территория предстанет как законченный, сформированный политико-экономический организм, будь то на государственном, региональном или местном уровне.

По-нашему мнению, перспективным является подход к анализу территории с позиций маркетинга взаимоотношений (relationship marketing), который дает возможность представить ее в товарной форме как многогранную потребительскую ценность. Многие зарубежные и российские специалисты по маркетингу территорий (Ф. Котлер, Г. Армстронг, Дж. Сондерс, В. Вонг, И. Арженовский, Н. Калюжнова, А. Лавров, А. Панкрухин, М. Сейфуллаева, А. Стась и др.) разделяют товарную парадигму анализа территории.

При исследовании товарной сущности территории мы исходим из классического понимания товара К. Марксом как единства двух факторов: 1) потребительной стоимости (полезность, способность удовлетворять какие-либо потребности) и 2) стоимости (воплощенный в товаре труд)⁴. При таком подходе **территория как товар, по нашему мнению, предстает, прежде всего, как**

---

¹ Доклад подготовлен в соответствии с планом НИР УрО РАН, № темы 0404-2015-0011 в ИСГЗ ФАНО

² Словарь общегеографических терминов: пер. с англ. - Т.2. - М., 1976.

³ Рой О.М. Система государственного и муниципального управления. – СПб: Питер, 2003.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.- 2-е изд. - Т.23.

особая, сложная многогранная потребительная стоимость, обладающая свойством мультиполезности для потребителей территории.

Говоря о потребителях территории, мы имеем в виду всех агентов взаимодействия с территорией, которых интересуют те или другие аспекты ее мультиполезности в целях удовлетворения их потребностей. Такое взаимодействие происходит в различных формах, и **территория в этом случае выглядит как уникальный объект потребления, характеризующийся наличием генеральной совокупности материальных и нематериальных качеств, которые, будучи воспринятыми потребителями, становятся основой удовлетворения их нужд.**

В литературе встречается несколько классификаций потребителей территории, которые отличаются друг от друга незначительно, поскольку в их основе лежит *генеральная цель взаимодействия данной группы потребителей с конкретной территорией.*

Так, по мнению Ф. Котлера, в самом общем виде потребителей территории можно подразделить на три группы: жители, бизнес, гости (посетители). В коллективной монографии «Маркетинг мест» выделяется пять основных потенциальных рынков потребителей территории: 1) производители товаров и услуг; 2) штаб-квартиры и региональные представительства корпораций; 3) внешние инвестиции и экспортные рынки; 4) туризм и гостиничный бизнес; 5) новые жители⁵. А. Панкрухин применил другие критерии сегментирования рынка потребителей территории: например, наиболее крупные группы из них – резиденты – нерезиденты (в зависимости от территориальной принадлежности); физические лица - юридические лица (в зависимости от юридического статуса). Внутри каждой группы и на их пересечении формируются подгруппы целевой аудитории⁶.

Представляется необходимым выделить следующие **целевые группы потребителей территории, наиболее значительные по численности и значимости для территории: жители (постоянные и потенциальные), инвесторы, бизнес, деловые посетители и туристы.**

В процессе удовлетворения своих нужд потребители территории вступают в многоаспектные отношения с территорией (или ее различными структурами) и друг с другом. Определенные социально-экономические отношения складываются по поводу производства (воспроизводства), распределения и потребления **мультиполезности территории**. Потребности, удовлетворяемые в данном случае территорией, в осознанном виде выступают в качестве экономических интересов. Совокупность экономических интересов потребителей территории в их диалектическом взаимодействии и взаимопроникновении нуждается в изучении, поскольку эти интересы требуется учитывать в процессе территориального планирования и управления.

Каждая группа потребителей территории имеет комплекс потребностей, отличающийся от совокупности потребностей других групп, который и определяет генеральную цель взаимодействия этой группы с территорией. Общим между всеми группами потребителей территории является то, что реализация комплексов их потребностей в большей или меньшей степени опосредована полезными качествами территории. В связи с этим **территория предстает как сложный товарный организм, обладающий множеством**

---

⁵ Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.

⁶ Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. - 2-е изд. - СПб.: ПИТЕР, 2006.

отличающихся потребительных стоимостей, предлагающий многочисленные полезные качества, благодаря которым территория и может удовлетворять самые разнообразные потребности представителей разных групп целевой аудитории.

Классификацию потребностей разные авторы проводили по различным критериям в зависимости от целей своих исследований. Так, Дж. Кейнс подразделил потребности *с точки зрения возможностей их удовлетворения* на абсолютные (которые можно удовлетворить) и относительные (нельзя в полной мере удовлетворить, поскольку они постоянно развиваются)⁷. Г. Хамел и К. Прахалад в зависимости от степени изученности выделяют сформулированные (удовлетворенные и неудовлетворенные) и несформулированные потребности (то, чего ожидает потребитель)⁸. Ж. Роза говорит о существовании реальных и ложных потребностей (создаваемых обществом и производителями)⁹; отнесение к той или иной группе производится по критериям происхождения и сущности анализируемой потребности.

Мы предлагаем классификацию потребностей, удовлетворяемых территорией, которая разработана на основе общенаучной теории потребностей и произведена по ряду критериев.

Потребности, удовлетворяемые территорией, можно подразделить по множеству характерных признаков:

- по географо-административному - локальные, муниципальные, региональные, национальные, глобальные;
- по средствам удовлетворения – удовлетворяемые преимущественно за счет природных факторов и удовлетворяемые за счет антропогенных факторов;
- по отношению к сферам общественного производства – производственные и непроизводственные;
- по отношению к масштабам и структуре производства и спроса – абсолютные, действительные, платежеспособные, фактически удовлетворяемые, необходимые;
- по непосредственному субъекту удовлетворения – удовлетворяемые обществом, бизнес-структурами, самообслуживанием (но с использованием, например, ресурсов территории);
- по объекту удовлетворения – потребности общества, организаций, индивидуальных потребителей;
- по характеру потребляемых ресурсов – потребности в материальных благах, потребности в услугах, потребности в социальном взаимодействии и самореализации;
- по степени возмездности – удовлетворяемые бесплатно и за плату;
- по степени распространенности – единичные, ограниченные и массовые;
- по частоте возникновения – повседневные, периодические, эпизодические;
- по стабильности – устойчивые и изменяющиеся;
- по степени удовлетворения – полностью удовлетворенные, частично удовлетворенные, неудовлетворенные и т.д.

В интересах данного исследования первоочередное значение имеет классификация потребностей, удовлетворяемых территорией, **по основным целевым группам потребителей территории: это потребности реальных и потенциальных жителей, уже существующих и возможных инвесторов,**

⁷ Ламбен Ж.-Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок. - СПб.: ПИТЕР, 2005.

⁸ Хамел Г., Прахалад К.К. Конкурируя за будущее. - М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2002.

⁹ Ламбен Ж.-Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок. - СПб.: ПИТЕР, 2005.

имеющегося и желаемого бизнеса, а также посетителей (туристов, гостей, деловых визитеров и т.д.). В свою очередь, потребности каждой отдельной группы целевой аудитории, которые удовлетворяет территория, также могут быть классифицированы по достаточно большому количеству критериев.

Реализация интересов всех групп потребителей определяется ресурсной базой территории. При этом речь идет не только о природных ресурсах, но и о трудовых, социальных, инновационных, инфраструктурных, технологических, институциональных, историко-культурных и прочих территориальных возможностях. *Для всех потребителей территории важны отсутствие перманентных экстремально-негативных природно-климатических явлений на территории, отсутствие насильственных политических проявлений (например, военные действия, террор) и общая политическая стабильность. Также непреложны потребности в социальной стабильности, оптимальном уровне развития инфраструктуры, институтов и т.д.*

На этой основе для каждой группы целевой аудитории на первый план выступают те составляющие мультиполезности территории, которые их интересуют непосредственно. Фундаментальная основа мотивации потребителя территории – удовлетворение физиологических потребностей и потребностей в самосохранении. Важное дополнение к ним - возможности, предоставляемые территорией в плане самореализации, получения качественного образования и престижной и высокооплачиваемой работы. Если в минувшие эпохи мотивом перемены места жительства зачастую было элементарное физическое выживание, то на современном этапе все большее значение приобретают возможности социальной самореализации, предоставляемые территорией.

Для жителей территории, например, важны такие аспекты мультиполезности территории, как уровень и качество жизни, особенности социально-экономической политики, деятельность региональных властей по созданию для населения благоприятных условий жизни, работы, ведения бизнеса, уровень развития социальной инфраструктуры, социальная и экологическая безопасность и т.д.

*Для потенциальных инвесторов мультиполезность территории реализуется через гарантии сохранности бизнеса, возможности минимизации рисков, наличие необходимых для организации бизнеса ресурсов; также важны развитость инфраструктуры, законодательные и налоговые условия ведения бизнеса, репутация региональных руководителей и т.д.*¹⁰

В современных условиях территории «вписываются» в глобальную экономику преимущественно за счет «инвестиционной полезности» - привлекательного предложения ресурсов, инфраструктуры и комфортных условий производства, которые в наиболее эффективном сочетании могут создать ту уникальную территориальную ситуацию, которая обеспечит конкурентное преимущество данного региона в глобальной конкуренции¹¹.

То же самое относится к обеспечению привлекательности территории для других целевых групп ее потребителей: территория должна показать и подтвердить на деле свою полезность – способность эффективно и качественно удовлетворять потребности целевой аудитории.

---

¹⁰ Котлер Ф. Как завоевать города и страны /Филип и Милтон Котлер. – Москва: Эксмо, 2015.

¹¹ Важенина И.С., Важенин С.Г. Горизонты территориальной конкуренции в современном экономическом пространстве // Общество и экономика. 2011. № 3. С. 67-85.

ОСОБЕННОСТИ КОНКУРЕНЦИИ РЕГИОНОВ ЗА ДОВЕРИЕ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭФФЕКТА МАТФЕЯ¹

*Важенина И.С., д.э.н.,
Важенин С.Г., к.э.н.,
Сухих В.В., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Эффект Матфея (Matthew effect) - феномен неравномерного распределения преимуществ, при котором уже обладающая преимуществами сторона продолжает их накапливать и приумножать, в то время как другая, изначально обделенная, постепенно оказывается еще более отстающей при уменьшающихся шансах на дальнейший успех. Назван по утверждению Христа из Евангелия от Матфея: «ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф.25:29). Американский социолог Роберт Мёртон первым использовал это понятие в своих статьях, посвященных анализу научных сообществ², удачный термин быстро подхватили представители других наук, описывая аналогичные явления в социологии³ и экономике⁴. При изучении конкуренции регионов за доверие эффект Матфея выявляется регулярно.

Конкуренция за доверие, по нашему мнению, это целенаправленное поведение субъекта рынка в экономическом пространстве, ориентированное на получение специфического нематериального конкурентного преимущества - доверия к себе со стороны как можно большего числа других акторов рынка. Это сознательная деятельность по завоеванию и поддержанию доверия посредством и на основе создания и совершенствования привлекательного имиджа и положительной репутации. Важнейшими конкурентными преимуществами территорий становятся такие их нематериальные активы, как привлекательный имидж и позитивная репутация (включая качество работы органов власти, низкий уровень коррупции, благоприятные условия ведения бизнеса, социальная ориентированность и т.д.), которые создают доверие населения и партнеров. В условиях глобализации неизбежно усиливается конкуренция регионов за доверие, так как в нее вступает все больше и больше территорий.

Регионы, вступающие в конкуренцию за доверие, постоянно сталкиваются с эффектом Матфея. Доверие туристов, выбирающих маршруты поездок, и доверие потребителей, выбирающих нужный им товар, во многом определяется давно сложившимися стереотипами. Центрами моды традиционно являются Париж и Милан. Венеция и Рим будут привлекать туристов уже тем, что существует огромный пласт художественной литературы

---

¹ Данное исследование выполняется при поддержке Гранта РГНФ (проект № 16-02-00016 «а») «Сущность, особенности и последствия конкуренции за доверие».

² Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности// Thesis, 1993. Выпуск 3. С.256-276.; Merton R.K. The Matthew Effect in Science. The reward and communication systems of science are considered // Science, 1968. Vol. 159. P.56-63.

³ Гладуэлл М. Гении и аутсайдеры: почему одним всё, а другим ничего? М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

⁴ Райнерт Э.С. Почему богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2011.

и множество фильмов, посвященных этим городам. Давно функционирует совместный брендинг, когда бренды ассоциируются с городом или регионом, где они производятся. Духи «Шанель» неотделимы от Парижа, а часы «Ролекс» неразрывно связаны с Женевой. Сила традиций велика и для выбора занятий в пределах территорий. Российский хоккей неизбежно будет пользоваться поддержкой и вниманием, в то время как футбольная сборная в России скорее тема для анекдотов, от нее изначально не ждут ничего хорошего. Даже неизвестный парфюмерный бренд будет привлекать внимание покупателей, если станет производиться в Париже, в то время как фото- или электротехнике добавление «сделана в Париже» скорее навредит, так как люди ожидают высокого качества от техники, выпущенной в Германии или Японии, и не ценят французских производителей фотоаппаратов и радиоприемников.

Осознавая свои выгоды от успешных брендов, регионы с сильными конкурентными преимуществами в имидже и брендинге всеми силами стараются их сохранить и увеличить разрыв в привлекательности и узнаваемости от своих потенциальных конкурентов. Создаются барьеры входа на рынок, чтобы не допустить конкурентов (технические, структурные или стратегические). Справедливо замечание, что нелегко пробиться на рынок даже с самым актуальным и замечательным товаром, если на то, чтобы рассказать о себе потенциальным покупателям, требуются гигантские затраты на рекламу, а, чтобы попытаться убедить клиентов попробовать продукт – и того больше⁵. Соревноваться с давно общепризнанными лидерами крайне сложно, что порой заставляет региональные власти не выдвигать амбициозных проектов и делать весьма скромные заявки на продвижение своих товаров и услуг. Но при этом глобализация дает больше шансов регионам – аутсайдерам проявить себя, найти и заинтересовать партнеров и инвесторов. Известно немало примеров, когда регионы успешно завоевывают доверие к своим товарам, делая их востребованными в мировом масштабе.

Некоторые особенности доверия⁶ облегчают положения слабых в конкурентном плане регионов. Доверие иррационально и изменчиво, не фиксируется и крайне сложно передается, при этом легко исчезает, так что сегодняшние фавориты в завоевании доверия завтра могут потерять лидирующие позиции. Доверие может быть неограниченным ресурсом, доступным сразу всем конкурентам, что создает основу для их сотрудничества. Доверие, в отличие от многих других ресурсов, способно восстанавливаться. Учитывая эти моменты можно строить свою политику для преодоления эффекта Матфея.

Раз уж эффект назван в честь одного из евангелистов, можно вспомнить средневековую историю с мощами святых и иконами. Почитаемые мощи и иконы привлекали паломников, которые не только обогащали подношениями город, хранящий мощи, но и делали его местом благоприятным для торговли. Территории, лишенные известных реликвий, для привлечения паломников использовали два метода – «открывали» (через творимые чудеса) могилы местных праведников или неизвестные ранее чудотворные иконы, добиваясь для них статуса общехристианских святынь (что было весьма непросто и

---

⁵ Найм М. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе. М.: Изд-во АСТ, 2016.

⁶ Важенина И.С., Важенин С.Г., Сухих В.В. Конкуренция регионов за доверие: особенности становления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4 (46). С.74-75.

требовало многолетней «рекламной» компании), либо воровали уже общеизвестные и почитаемые святыни. Так итальянцы из города Бари силой вывезли мощи святого Николая Чудотворца из Мир Ликийских, а венецианцы активно вывозили христианские реликвии из захваченного крестоносцами Константинополя. В современном мире невозможно похитить и вывезти целиком в свой регион известную компанию или прославленный музей, но есть шанс добиться открытия их филиала в своем городе. Привлечение в регион раскрученных компаний с известными брендами заметно повышает известность региона. Как только производитель обосновывается в каком-то определенном месте, оно становится частью его имиджа в глазах его клиентов. Диснейленд способен привлечь в регион туристов со всего света, только вот пойдут ли известные компании туда, где нет ничего для привлечения внимания? Уже сложившийся образ территорий программирует отношение потенциальных инвесторов. Силиконовая долина будет превосходить по привлекательности для инвесторов «Сколково» изначально, так как демонстрирует многолетнюю историю успеха, стала общемировым брендом научного прогресса, сложившимся кластером высокотехнологичных компаний с удобной инфраструктурой и квалифицированной рабочей силой.

Преодолеть эффект Матфея для регионов могут помочь изменения в технологиях, моде и транспорте. Ранее бесполезные ресурсы постепенно становятся ценными и востребованными, как это случилось с каучуком и нефтью. Страны Персидского залива до середины XX века были забытой окраиной великих держав с немногочисленным населением, теперь же это одни из богатейших стран мира, активно развивающих не только нефтедобычу, но и туризм. Возросший интерес отдыхающих на альпинизм и экстремальные виды спорта сделал горные Альпы модным курортом. Развитие авиасообщения сделало доступными для туристов самые отдаленные уголки планеты, куда раньше морем надо было добираться долгие месяцы. Появление акваланга открыло человеку морские глубины и новые перспективы для тех территорий, рядом с которыми обнаружили интересные подводные достопримечательности (к примеру, Большой Барьерный риф в Австралии). Внимательно отслеживающие мировые тенденции в технологиях и туризме регионы при успехе первыми предоставляют новые услуги и выбиваются в лидеры по привлечению туристов и инвесторов.

Но не стоит ждать благоприятных изменений, которые могут наступить весьма нескоро или же предоставлять крайне немного времени для плодотворного использования открывшихся перспектив. Разумней выращивать преимущества самим. Наиболее перспективной является политика создания брендов местных товаров и привлекательного образа региона⁷. Верный выбор брендовой политики в отношении производимых в регионе товаров весьма непрост. С одной стороны, есть вероятность успеха в позиционировании товаров как региональной гордости, с упором на патриотизм населения. Применительно к Свердловской области можно вспомнить 1980-е годы, когда для повышения спроса стали на местных товарах помещать отметку о производстве в Свердловске. Регулярно проводились компании «покупайте местное» в 1990-2000-х гг., когда знаком соболя отмечались товары, произведенные в Екатеринбурге и области. С другой стороны, бренд, опирающийся на местный патриотизм, вряд ли позволит обрести широкий круг покупателей по всему миру.

---

⁷ Важенина И.С., Важенин С.Г., Сухих В.В. Образ пространства в контексте хозяйственного освоения территории // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 31. С.2-7.

В СССР для преодоления этого затруднения применялась тактика двух брендов – один для внутреннего рынка и другой для внешнего. Самый известный пример этому – удачный бренд LADA, который из бренда для экспортных автомобилей ВАЗ, стал постепенно и внутрироссийским.

Примером успешной политики продвижения своего бренда на мировой уровень стала деятельность Эрмитажа в последние четверть века. Пользуясь заслуженной славой внутри России, Эрмитаж не был настолько же популярен за рубежом. Доступ к нему для иностранных туристов был долгое время ограничен, отличных музеев с богатейшими коллекциями хватает в Европе и США в городах с развитой и привычной туристической инфраструктурой, так что стимула ехать в негостеприимную Россию не возникало. Искусно соединяя образ Эрмитажа с образом Санкт-Петербурга как имперской столицы, что увеличивало узнавание музея, директор Эрмитажа Михаил Пиотровский смог открыть филиалы музея в Лондоне и Амстердаме, активно устраивал выставки по всему миру. Как отмечают авторы классической работы «Маркетинг места», разместив выставку в Лас-Вегасе Эрмитаж получил возможность рекламировать себя и свою коллекцию на рынке, который, скорее всего, едва ли когда обратил бы внимание на российский музей. И это идет на пользу не только Эрмитажу, но и его родному городу Санкт-Петербургу⁸. Посмотрев коллекции Эрмитажа на внешних площадках, заинтересовавшийся турист с большей вероятностью посетит и Санкт-Петербург, чтобы увидеть понравившийся музей во всем его великолепии. Совместный брендинг музея и территории увеличил привлекательность их обоих.

Если известные компании не идут на территорию – способ исправить ситуацию есть и его неоднократно использовали в прошлом многие страны, в том числе и Россия. Рассматривая историю производства и завоевания доверия к местным товарам в Европе XIX века и в Юго-Восточной Азии второй половины XX века, нетрудно заметить, что там преодоление эффекта Матфея начиналось с самовольного присвоения чужих марок или их имитации. По-другому и быть не могло. Невозможно было с нуля конкурировать с уже модными на рынках товарами из известных развитых регионов, пользующихся высоким доверием покупателей. Механизмом, преодолевающим недоверие к товарам иных регионов, стала практика имитации изделий известных и востребованных центров производства. При этом имитация не обязательно была именно подделкой, так как на товаре писалось и истинное место изготовления. Скорее указание на конкретный регион изготовления становилось само по себе брендом и отрывалось от изначального значения, как то произошло с шампанским и коньяком.

Ценный китайский фарфор стали копировать сперва в Японии, потом с XVIII века в Европе и в России, называя его по-прежнему «китайским». На внутрироссийском рынке любимые покупателями валдайские колокольчики стали изготавливать и за пределами Валдая, при этом порой указывая настоящее место производства. Указание на изготовление изделия из «английской стали» вовсе не означало, что сталь была привозной, но говорило о высоком качестве и новой технологии литья.

Особо важную роль сыграла имитация для поднятия немецкой промышленности в XIX веке. Из крупных промышленных центров всеевропейскую известность имели лишь Золинген (холодное оружие) и Мейсен

---

⁸ Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И, Хайдер Д. Маркетинг места. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.

(фарфор). В производстве машин, часов и товаров народного потребления немецкие производители уступали английским и французским компаниям, не столько качеством, сколько известностью и оттого востребованностью. В ответ немецкие фабриканты сделали ставку на копирование изделий, наравне с их удешевлением при сохранении достаточно высокого качества. К примеру, при копировании английских столовых приборов использовалось не серебро, а нейзильбер, немецкие часы, шедшие с гордой надписью «Le Roi a Paris» уступали изысканным французским и швейцарским моделям, но были гораздо дешевле и доступней.

Немцы охотно шли на такую уловку как предоставление права на собственные торговые марки экспортерам их товаров. Не тратя средств на продвижение немецких марок товаров, они отгружали продукцию в США и страны Латинской Америки, где фирмы - экспортеры сами заботились о создании и продвижении своих товарных марок, так что конечный потребитель не всегда осознавал, где именно изготовлен купленный им предмет. Постепенно количество перешло в качество. Привыкший к недорогим и довольно качественным немецким товарам покупатель стал готов покупать и более дорогие немецкие изделия уже под немецкими же марками. «Немецкое качество» стало в итоге брендом целой страны, удерживаемым уже более века.

В XX веке такой же путь сделали японские товары (от подделок до изготовления товаров под европейскими и американскими марками, а затем под собственными брендами), а в XXI веке мы наблюдаем подобную трансформацию отношения к китайским изделиям, которые стремительно улучшают качество и вкладывают усилия по улучшения имиджа и высокотехнологичности изделий.

Распространена была практика имитации и в нашей стране в начале и в конце XX века, когда российские товары продавались под импортными, часто совершенно фантастическими, порой поддельными, марками. Можно осуждать такой обман со стороны производителей, но это был первый шаг к завоеванию доверия покупателя, что до революции, что в 1980-1990-е гг. излишне восторженно относившегося к иностранным лейблам. Надо отметить, что доверие ко всему иностранному имело глубокие корни в любом традиционном и закрытом обществе. Товары с дальних стран всегда были дороже из-за редкости поставок и высокой цены доставки. Поэтому колониальные и европейские товары ценились в России выше местных, являясь символом высокого статуса их потребителя. Потребитель оттого хотел все импортное, вынуждая русские компании выдумывать себе звучные «европейские» имена. К примеру, когда в начале XX века в Росси стала популярна венская мебель, то построенная в Пензе местными купцами фабрика была гордо названа «RAMIBA». Покупатель, выбирая стулья этой фабрики, вряд ли догадывался, что это вовсе не европейская компания, а товарищество купцов Рабиновича, Михайлова и Барышева (Ра-Ми-Ба). Но характерно то, что после первого успеха подобные компании обычно возвращались к покупателю уже под русскими именами, обладая капиталом доверия, завоеванным под «чужим» флагом. И RAMIBA стала с 1913 года фабрикой «Бук».

Венская мебель, будучи изначально именно мебелью из Вены, стала постепенно «венской» мебелью абстрактно «иноземной» фирмы, а потом стала востребованной мебелью открыто российской компании. Если бы компания купцов сразу решила побороться на равных с венскими фирмами, то из-за эффекта Матфея ее ждал бы неизбежный крах, так как покупатель хотел импортного модного мебельного гарнитура и не был готов покупать местное,

пусть и такого же качества, но без столь желанного статуса «иностранности». Имитируя свой иностранный статус, компания смогла тем самым завоевать доверие покупателей, убедившихся в хорошем качестве изделий и потому сохранивших верность их товару уже после смены бренда на российский.

В современной России такой позитивный процесс изменения не произошел. Стало выгодней продавать под звучной «иноземной» маркой не российский, а китайский товар. Постепенно появились и российские бренды – но и под ними стали продавать товары китайского производства, тем самым не завоевывая доверия к местным товарам, а повышая доход китайской промышленности.

Регионы России, и в частности, Свердловская область как регион с давними промышленными и торговыми традициями, имеет высокие шансы создания и удержания своих звучных брендов как всероссийского, так и всемирного значения. Очевиднейшим из них является продвижение ювелирных брендов – уральских самоцветов и местной гранильной фабрики, основанной еще при Петре Великом. Промышленный потенциал позволяет создать и марки высокотехнологических товаров. Для этого вполне допустимо сотрудничество с ведущими зарубежными технологическими концернами, и первоначальное производство продукции под их торговыми марками, с постепенным переходом на русские бренды, сперва на внутренний рынок (уже есть подобный пример, когда электропоезд Siemens Desiro, производимый компанией «Уральские локомотивы» в Верхней Пышме, на внутрироссийском рынке носит свое название - «Ласточка»), а потом и на зарубежные.

У местных товаров уже есть традиции продвижения и сохранения брендов. Особенно интересна история демидовской марки «Старый соболь» (или «сибирский соболь») для железа. Высокого качества железа с «сибирским соболем» весь XVIII век было вне конкуренции, подавляющее большинство демидовского металла продавалось в Англию. Однако с начала XIX века ситуация изменилась и связано это было не с падением качества тагильского железа, но с удешевлением производства в Англии, когда покупатель стал выбирать менее качественный, зато гораздо более дешевый металл. Обеспокоенный заводовладелец Н.Н. Демидов писал в заводскую контору в 1827 году: «У англичан железо мерзкое, но они, имея способ делать оное дешевле, всюду делают нам подрыв». Этот «подрыв» дошел до того, что и в России английское качество начали ценить выше местного. Когда в начале XIX века Нижнетагильский завод изготовил чугунное литье для петербургских мостов очень высокого качества, то «все почитали в Англии литыми – никто не хотел верить, чтоб были сибирского литья». К чести Демидовых и их управляющих, они решительно и последовательно стали поддерживать бренд своего товара. Уже в 1830-х гг. демидовские изделия участвуют в российских выставках, при этом при заводе был создан музей, где сохранялись выставочные экземпляры. Тагильский завод стал пионером выставочного дела на Урале⁹, а с появлением Всемирных выставок стал их постоянным активным участником. На первой Всемирной выставке 1851 года в Лондоне тагильский металл получил три бронзовые медали, в 1867 году в Париже – золотую медаль за медь, железо и образцы руд, в 1873 году на Венской всемирной выставке – Почетный диплом, в том же году в Лондоне – медаль. В 1876 году в Филадельфии – бронзовую медаль. В 1878 году на Всемирной выставке в Париже тагильские экспонаты были удостоены высшей

---

⁹ Важенин С.Г., Сухих В.В., Татаркин А.И. Вклад Урала в становление и развитие выставочной деятельности в России // Экономическое возрождение России. 2014. №2. С.117-126.

награды – Гран-при¹⁰. Память о демидовском качестве смогла пережить советские годы, так что уже в 1990е гг. стали появляться товары с приставкой «демидовский», производимые даже там, где Демидовых никогда не было. Это уже свидетельство умелого управления и внедрения бренда, коли он пережил три века и уход самих Демидовых с Урала, но остался в памяти местного населения и иностранцев. Повторить подобный успех вполне возможно за счет качества и продуманной политики создания или возрождения брендов.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ¹

*Даванков А.Ю., д.э.н.,
Кочеров А.В.,
Морозова Е.С.
ЧелГУ, Челябинск*

Разработка стратегии развития территориальных систем разного иерархического уровня, требует ответа на вопросы: каков уровень сегодняшнего и будущего удовлетворения интересов населения общественными социо-эколого-экономическими благами, все ли интересы выявлены; каковы степень и качество удовлетворения этих интересов. Нами проводится попытка через интересы разных групп населения установить главные противоречия территориальных подсистем (социальной, экономической, экологической), показать, как их взаимодействие определяет безопасное функционирование всей территориальной системы, ее развитие². Устранение дисбаланса между экономическим ростом, социальной неудовлетворенностью и экологической безопасностью на локальном территориальном уровне даёт возможность решать вопросы повышения качества жизни населения и снижение уровня глобальных экологических проблем.

Вопросы развития человеческих потребностей и интересов достаточно широко разрабатывались рядом общественных наук. В тоже время существуют значительные различия в их формировании, выявлении, способах удовлетворения. В отличие от потребности, которая выступает в качестве непосредственного отношения человека к действительности, интерес – осознанное выражение потребности. Интерес есть форма проявления в сознании человека такой его потребности, удовлетворение которой для него жизненно важно, и удовлетворить которую можно только посредством определенной деятельности. Интерес есть специфическая связь между человеком и внешней средой. Сущность связи состоит в том, что у человека

---

¹⁰ Мезенин Н.А. Урал на всемирных выставках. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1981.; Нижнетагильский музей-заповедник. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1988.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований №16-06-00299а "Формирование модели управления хозяйственной деятельностью, обеспечивающей состояние социо-эколого-экономической среды региона в границах устойчивости биосферы"

² Общественное благосостояние территориальных сообществ: теоретико-методологические подходы / Под ред. Т.А. Верещагиной, А.Ю. Даванкова. – Челябинск: ЧелГУ. – 2008. – 204 с.

имеется потребность, а во внешней среде – ценность, удовлетворяющая эту потребность. Интересы выступают первым шагом на пути удовлетворения потребностей³.

Между потребностями и интересами находится связующее звено – мотивы человеческой деятельности, представляющие собой ее необходимый компонент. В мотиве концентрируется отношение человека к интересам и ожидаемым результатам его деятельности. Мотив выражает отношение человека к объективной действительности, включающее индивидуальные и коллективные интересы. На мотивы человеческой деятельности оказывает влияние институциональная среда – местные традиции и менталитет населения территории, ее географическое положение и др.

Под традицией понимаются «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени. В качестве традиции выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т.д. Определенные традиции функционируют во всех социальных системах и в известной мере являются необходимым условием их жизнедеятельности... Традиции присущи самым различным областям общественной жизни (экономике, политике, праву и т.д.), но удельный вес их в той или иной области не одинаков».

Природа общественной потребности отличается от потребности индивидуальной. В основе лежит не сам феномен потребления данного блага отдельным человеком, а возможность потребления этого блага на заданном уровне группой людей или всеми членами общества. В формировании потребностей большая роль принадлежит стереотипам, которые «навязываются» населению модой, престижем. Ими можно с успехом управлять, что и происходит в современном обществе безудержного потребления.

Интересы (экономические, экологические, социальные) могут представлять и выражать как отдельные субъекты (индивидуальные интересы), их группы (групповые интересы), так и населения в целом (территориальные интересы). В основе экономических интересов лежат физиологические потребности людей, удовлетворяемые с помощью природных благ: растительности, атмосферного воздуха, солнечного света и т.п. Экологические интересы рождают стремление человека (общества) сохранить природные блага для использования их как в настоящем, так и в будущем. Объектом социальных интересов предстает место в социуме. В связи с тем, что у населения существует множество интересов, которые в той или иной мере относятся к экономическим, экологическим и социальным, мы их классифицируем как стратегические интересы⁴.

С точки зрения интересов населения разного территориального уровня возникает вопрос об объекте исследования, что развить – экономику в традиционном рыночном ее понимании или территориальное хозяйство? В отечественной науке в историческом контексте первичным был термин

---

³ Ляшенко, В.И. Регулирование развития экономических систем: теория, режимы, институты / В.И. Ляшенко / Донецк: ДонГУ. – 2006.

⁴ Даванков, А.Ю. Локальная социо-эколого-экономическая система, как объект управления / А.Ю. Даванков, А.В. Кочеров, Г.Н. Пряхин / Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики / Ред. кол. Академик Татаркин А.И. (руководитель), д.э.н. Даванков А.Ю., д.э.н. Пряхин Г.Н. / Челябинск: ЧелГУ. – 2016. – с.183-186.

«хозяйство». В словарях, изданных до революции, термин «экономика» практически не встречался. В.И. Даль определяет хозяйство как «заведование, управление порядком и расходованию по заведению»⁵. В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона говорится, что «хозяйством называется в политической экономии совокупность хозяйственных действий, объединенных в одно целое»⁶. Русский философ С.Н. Булгаков в начале XX века создал философию хозяйства – учение, по его определению «о человеке в природе и о природе в человеке». «Философия хозяйства представляет собой и известную систему оценки норм и идеалов в применении к хозяйственной жизни»⁷. Теоретические исследования современной экономики усложнялись и постепенно происходит вытеснение понятия «хозяйство» понятием «экономика».

«Философия хозяйства» нашего современника Ю.М. Осипова является дальнейшим развитием идей ученых начала 20-го века⁸. Приведем несколько определений этого автора. «Хозяйство» не экономика, точнее, не только экономика. Экономика – частный случай хозяйства, особое по качеству, системе организации и реализации хозяйство, специфический способ хозяйства». «Экономика или экономическое хозяйство в самом общем виде – товарообменное хозяйство... увлечение обменно-оценочными проблемами, вполне оправданное для теоретической экономии, не способствует постановке и решению более общих задач хозяйствования, не говоря уже о так называемых вечных проблемах бытия, имеющих прямое отношение к хозяйству». Другой известный ученый специалист по городской экономике Смирнягин Л.В. пишет, что городская экономика – это не экономика в городе, не просто совокупность всех предприятий, расположенных в городской черте. Среди них есть муниципальные службы и предприятия, производящие общественные блага, а также предприятия, которые работают по правилам, обычным для рыночной экономики. А городская экономика лишь та часть «экономики в городе», которая, так или иначе, связана с производством общественных благ. Главная задача городской власти – производство общественных благ. Это совершенно особая категория, и связанная с нею экономика строится на особых началах⁹. Таким образом, решение проблем территориального развития с помощью только элементов рыночной экономики не приведет к желаемой цели – повышению благосостояния населения.

Если представить согласование стратегических территориальных социо-эколого-экономических интересов населения в формализованном виде как степень удовлетворения совокупной потребности в функциональной зависимости от степени реализации стратегических интересов, то разбалансированность интересов происходит, когда, например, экономические или социальные интересы удовлетворяются за счет значительного ущемления экологических интересов. Очевидно, что такая социо-эколого-экономическая система не может быть сбалансированной, из-за несогласованности

---

⁵ Даль, В.И. Толковый словарь, живого великого русского языка / В.И. Даль / Москва: Терра. – 2000. – Т. 4. – с. 359.

⁶ Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь. Москва: Терра. – 1993. – с. 489.

⁷ Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков / Москва: Наука. – 1990. – с. 43.

⁸ Осипов, Ю.М. Философия хозяйства / Ю.М. Осипов // Время философии хозяйства. – Москва. – 2003. – с. 434-437.

⁹ Смирнягин, Л.В. Местное самоуправление и муниципальное экономическое развитие в контексте концепции экономики общественного сектора / Л.В. Смирнягин // Лекции по экономике города и муниципальному управлению. – М.: Фонд «Институт экономики города». – 2004. с.13-37.

интересов¹⁰. Следовательно, необходима технология защиты баланса стратегических интересов при управлении территориальной хозяйственной деятельностью.

Основными критериями оценки территориальной хозяйственной деятельности отражающих защиту стратегических интересов являются:

- определение идеальных параметров удовлетворения территориальных интересов (построение идеальной модели);
- определение допустимых параметров рассогласования интересов (построение нормативной модели);
- определение меры соответствия реальных параметров нормативным и идеальным значениям¹¹.

Одним из методов эмпирического замера границ, в которых хозяйственная система теряет свою качественную определенность от простой разбалансированности до угрозы катастрофы является условная модель допустимого рассогласования между целями развития системы, стратегическими интересами и их актуализацией в условиях конкретной территориальной ситуации. Границы допустимого рассогласования интересов, при котором противоречия формируют потенциал напряженности, определяются статистическими границами, при которых явление рассогласования интересов рассматриваются как случайное, устойчивое и массовое. Если рассогласование интересов нормативной и реальной моделей оказывается в пределах 25 %, то это показывает «потенциал напряженности». «Потенциал напряженности» трансформируется в, «конкретный потенциал», если рассогласование превышает 25 %. Порог катастрофы достигается в случае если, конфликтный потенциал составляет более 75 %. Нормативные параметры функционирования хозяйственной системы моделируется с опорой на представления экспертов в «весе» отдельных параметров стратегических интересов. Используя экспертные оценки, в процессе проектирования определяется уровень согласования (рассогласования) стратегических интересов.

Технологии проектирования защиты социо-эколого-экономических интересов и выявления «болевых точек» позволяет не просто установить зоны напряжения, составить картину стратегических интересов, а определить приоритеты и современные технологии, способные положительно решить возникающие противоречия, обеспечить стратегические интересы и создать бесконфликтное функционирование территории. Именно такой подход к осуществлению и реализации проекта позволяет получить ряд новых практических результатов, которые на деле способствуют снижению уровня напряженности при рассогласовании стратегических интересов, тем самым повышая социо-эколого-экономическую безопасность развития территориальной системы. В идеале территориальные интересы общества должны быть с помощью акторов территориального развития сбалансированы таким образом, чтобы реализация социальных потребностей не вела к ущемлению экономических или экологических интересов и соответствующему «перекоосу» в удовлетворении экономических и экологических потребностей. В этом случае можно говорить о безопасном, сбалансированном развитии территориальной системы.

---

¹⁰ Социально-экономические проблемы общественного благосостояния малых городов // Челябинск: Челябинский филиал ИЭ УрО РАН. – 2009. – 204 с.

¹¹ Иванов, В.Н. Социальные технологии в современном мире / В.Н. Иванов // Москва: Славянский диалог. – 1996. – 335 с.

По мнению авторов данной работы, главной целью ведения хозяйственной деятельности является повышение общественного благосостояния территориальной системы, с учетом стратегических интересов населения, а не развития отдельных ее подсистем (экологии, экономики и т.д.). Это заключается в том, чтобы с учетом реальных ограничений и объективных процессов обеспечить максимум возможных общественных экономических, социальных и природных благ, т.е. создать условия сбалансированного развития территориальных подсистем в соответствии со стратегическими интересами. Создание таких условий — это не план разработки и внедрения инновационных технологий или информационных систем. Условия должны способствовать инновационному развитию, связанному с решением социальных, экономических и экологических проблем, чтобы все необходимое в сбалансированном виде стало реальностью. Таким образом, ведение хозяйственной деятельности должно быть направлено на достижения нового уровня баланса стратегических интересов. Это означает, что центр тяжести переносится с планирования объектов производства, жилья, услуг и др. на качественное обеспечение социально-экономических и экологических условий жизни населения. При этом сбалансированное социо-эколого-экономическое развитие понимается как бесконфликтное безопасное развитие.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕЗАГРЕГИРОВАННЫХ МАТРИЦ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА *

*Захарчук Е.А., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

В ходе проведения дезагрегированных расчетов финансовых балансов регионов Уральского федерального округа, автор столкнулся с неполнотой данных по региональному уровню управления.

В секторе «Корпорации» выявился ряд проблем с занесением данных в модель Системы территориальных счетов (СТС), относящихся к формированию добавленной стоимости сектора (является ключевым показателем в формировании доходов региона). Так, если добавленная стоимость секторов представлена в относительных показателях, позволяющая рассчитать совокупный объем ВДС по каждой отрасли, то формирование доходов по компонентам (заработная плата, другие налоги на производство, валовые смешанные доходы) представлено лишь в целом по региону, что значительно снижает аналитическую ценность модели и приводит к искажению данных. Также при формировании балансов инвестиций по Свердловской области выявилось несоответствие данных статистики по ОКВЭД (256 млрд. руб.) и в целом по экономике региона (372 млрд. руб.). Наименее информативным органом региональной статистики оказалась Тюменская область – в открытом доступе не представлены таблицы формирования ВРП по отраслям, поэтому автором

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-06-08932а «Разработка региональной балансовой модели финансовых потоков с использованием методологии Системы национальных счетов»

пришлось опираться на национальные таблицы Системой национальных счетов (СНС), проведя расчеты по укрупненным данным.

Сектор «Государственное управление», в части формирования доходной базы регионов РФ обладает, наверное, самой обширной информацией, сопоставимой с СНС. Так, достаточно хорошо представлена региональная налоговая и бюджетная статистика, что позволило сформировать общий поток налоговых и неналоговых платежей, собираемых с территории, в соответствии с предлагаемой методологией формирования СТС. Так, были выделены не учитываемые в валовом региональном продукте налоги на производство и импорт (налог на добавленную стоимость, акцизы, налог на добычу полезных ископаемых, а также таможенные платежи с товаров, ввозимых с таможенного союза), а также определены налоговые платежи, формируемые сектором домашних хозяйств. Статистика расходов консолидированных бюджетов регионов, структурированная по видам расходов (заработная плата, товары и услуги, инвестиции, субсидии и т.д.), хотя и потребовала ручной консолидации по статьям, позволила заполнить таблицу использования по региональному бюджету в разрезе трансфертов домашним хозяйствам. В то же время, с таблицей использования государственного сектора возникли проблемы с полным наполнением массивами данных: во-первых, значительная часть бюджетных расходов (в основном на образование и здравоохранение) проходит по разделу субсидии, означающих не прямое отражение конечных затрат на персонал, товары и услуги и т.д. Связано это с бюджетной конструкцией затрат в РФ, когда финансирование различных учреждений (школы, больницы, детские сады и т.д.) финансируются на основе «выполнения государственного задания», а оплата производится путем субсидирования, хотя по факту эти затраты представляют собой расходы на индивидуальные услуги. Во-вторых, отсутствует выделение целей приобретения товаров и услуг – либо для деятельности органов власти, либо для передачи их домашним хозяйствам, как этого требует СНС.

В этой связи, на данном этапе, отражение конечных расходов по видам затрат в необходимом нам виде затруднено, и требует дальнейших исследований, возможно, путем создания сводных комплексов счетов по данным расходам.

Другая часть расходов сектора – это прямые федеральные расходы на территории, не учитываемая в консолидированном бюджете региона (затраты на силовые ведомства, представительства федеральных органов власти и т.п.) потребовала от авторского коллектива дополнительных исследований по структуре таких расходов. В результате выяснилось, что расходы, финансируемые напрямую за счет федерального бюджета, как правило, имеют территориальную привязку, то есть консолидируются в региональных представительствах таких структур, однако в открытом доступе не представляются. К тому же часть расходов (спецслужбы, закрытая часть военного бюджета и другие) засекречена даже на федеральном уровне, и получить информацию по региональным представительствам невозможно. Поэтому авторским коллективом была разработана обратная схема исчисления такого вида расходов – это сопоставление данных валовой добавленной стоимости по разделу ОКВЭД «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование» с формируемыми региональными балансами данных, включенных в данный раздел. Таким

образом, появится возможность (с некоторой долей условности) определить объем прямых федеральных расходов на исследуемых территориях.

В секторе «Домашние хозяйства» структура состава денежных средств разными региональными органами статистики подается по-разному. Например, в Челябинской области в располагаемых доходах домашних хозяйств имеется строка «социальные выплаты», и судя по ее весу (20 % от всех доходов), в нее были включены все выплаты населения государственного управления, включая пособия, пенсии и т.д. В тоже время, в Тюменской области под социальными пособиями (если смотреть расшифровку) понимаются фактически выплаты из Фонда социального страхования РФ (по беременности и родам, ежемесячное пособие за уходом за ребенком и пр.) В связи с этим возникает несопоставимость данных, в плане соответствия методологии СНС, так как, например, пенсии необходимо учитывать, как поправку с Пенсионным фондом (то есть, хватает ли средств для выплаты пенсий из социальных платежей), а не включать их в доходы граждан «напрямую», поскольку платежи в социальные фонды учитываются в заработной плате наемных работников. Поэтому возникла необходимость дальнейших исследований по данной проводке – то ли «перемаршрутизировать» данные платежи по социальным фондам в соответствии с методологией их расчета в региональной статистике, либо рассматривать вариант использования первичных данных по социальным платежам (а данные региональной статистики использовать как «проверочные»). Также существует несовпадение данных статистики по конечному потреблению домашних хозяйств – в него разные органы региональной статистики включают расходы бюджетов на выполнение государственных обязательств (коллективные услуги), другие приводят фактическое потребление, основанное на данных по обороту розницы.

Хотелось бы особо отметить Ямало-Ненецкий автономный округ, у которого практически все данные в базах данных Росстата по СНС заканчиваются 2011-2013 гг. Например, баланс денежных доходов и расходов населения ЯНАО, сформированный по стандартной форме, актуализирован лишь за 2011 г., более поздних публикаций найти не удалось. Учитывая, что и статистика по сектору «Корпорации» также носит условный характер, формирование баланса доходов и расходов домашних хозяйств Ямала было отложено до получения соответствующих данных.

Отдельным блоком, в соответствии с методологией построения Системы территориальных счетов, формировались потоки **социальных фондов**. В ходе их исследования выявились ряд методологических проблем по использованию массивов данных.

1) Специальное исследование, проведенное авторским коллективом и посвященное пенсионным выплатам в России, выявило, что вся официальная статистика на региональном и федеральном уровне оперирует данными Пенсионного фонда РФ. Однако, если обратиться к классификации Федерального бюджета РФ по целям, затраты на пенсионное обеспечение включают в себя не только трансферты ПФР, но и расходы на обеспечение правоохранительных органов, осуществляемые напрямую через бюджеты министерств и ведомств. В целом данные расходы составляют около 10% от общих расходов пенсионной системы, распределены крайне неравномерно как по ведомствам, так и территориям (см. таблицу). Фактически, в нашей стране сложилась параллельная система социального обеспечения силовых ведомств – заработные платы работников не подлежат обложению социальными

налогами, а взамен отдельно финансируются социальные обязательства (в повышенном размере) напрямую из бюджета министерств. Такие расходы никак не регистрируются на уровне регионов, отражаются лишь в федеральном бюджете, что приводит к существенному искажению данных по балансу денежных доходов населения в территориальной привязке.

2) Формирование баланса доходов и расходов регионального фонда медицинского страхования крайне затруднено в силу сложного состава финансирования медицины в РФ. На официальный запрос в Федеральный фонд медицинского страхования по балансам доходов и расходов регионов РФ, был предоставлен ответ об отсутствии в открытом доступе данных по сборам ФОМС в разрезе территорий, доступ к системе сбора данных крайне ограничен. Расходы, производимые федеральным бюджетом на здравоохранение, не имеет территориальной привязки, финансирование производится либо напрямую через субсидии, либо через министерства и ведомства (Министерство обороны, Управление делами Президента и т.д.), что также не дает представление о структуре финансирования таких расходов в регионе.

Для решения данных проблем необходимо провести отдельное исследование возможностей учета данных потоков в региональном балансе на основе первичных данных, которое будет проведено на завершающем этапе работ.

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

*Игнатьева Е.Д., к.э.н.,
Серкова А.Е.,
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Анализ влияния инфраструктурных факторов на социально-экономическое развитие региона российских регионов необходим для обоснования и разработки направлений их инфраструктурного обустройства в соответствии с развитием реального сектора экономики и социальной сферы. Методология анализа влияния инфраструктуры на региональное развитие основана на исследовании сущности инфраструктуры, которая, в свою очередь, наиболее полно может быть раскрыта через ее содержание и функции.

Основные функции инфраструктуры вытекают из основной цели ее функционирования – удовлетворение социально значимых потребностей общества¹. В числе таких функций мы выделяем экономическую, финансовую, демографическую, социальную и экологическую. Объективные и субъективные условия, обеспечивающие наиболее полную реализацию данных функций, мы рассматриваем в качестве преимуществ в развитии и размещении

---

¹ Пыхов П.А., Кашина Т.О. Инфраструктурная обеспеченность регионов УрФО : методика оценки и результаты диагностики//Экономика региона. № 3 (2015). С. 66-77.

производительных сил как базисной основы региональной социально-экономической системы².

Инфраструктура влияет на региональное развитие за счет создания условий для наиболее полной реализации основных функций региона как социально-экономической системы при условии ее эффективного использования и сбалансированности элементов инфраструктуры с развитием реального сектора экономики. Этот вывод можно рассматривать в качестве исходной гипотезы исследования. Для проверки этой гипотезы нами проведен эконометрический анализ влияния инфраструктурных факторов, представленных показателями уровня развития и обеспеченности регионов различными видами инфраструктуры, на социально-экономическое развитие региона.

Исходные данные для эконометрического анализа были представлены в виде панели размером в 249 наблюдений по 83 российским регионам за 3 года с (2012-2014 гг.).

Итоговая модель имеет следующий вид:

$$gnp = 260900,7 + 0,543cap + 0,722extr + 12,72ctr + 0,193dep - 1723,04hbd.$$

Таблица 1

Параметры эконометрической модели

Наименование переменных	Значения
<i>Gnp</i> - валовой региональный продукт на душу населения, руб.	
<i>Cap</i> - инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	0,5428181
<i>Extr</i> - добыча полезных ископаемых на душу населения, руб.	0,7221582
<i>Ctr</i> - оборот общественного питания, руб.	12,71773
<i>Dep</i> - объем вкладов населения в руб.	0,1932171
<i>Hbd</i> - число больничных коек на 10000 населения	-1723,04
константа	260900,7
R-sq: within = 0,8364	
R-sq: between = 0,9464	
R-sq: overall = 0,9453	
F(5,161) = 164,58	
Prob > F = 0,0000	

В табл.1 представлены переменные, вошедшие в число наиболее значимых: инвестиции в основной капитал, оборот общественного питания, объем вкладов населения. В число значимых переменных не вошли факторы, связанные с развитием транспортной инфраструктуры. Как отмечалось выше, транспортная инфраструктура влияет на рост ВРП через протяженность транспортных сетей, эффективное использование транспорта, увеличение грузо- и пассажирооборота и т.д. В то же время, сдерживающими факторами могут быть несоответствие состояния транспортной инфраструктуры нормативным требованиям, неравномерность размещения транспортных сетей,

² Игнатъева Е.Д., Мариев О.С. Оценка сравнительных преимуществ в развитии и размещении производительных сил российских регионов // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2014. № 2. С. 75-85.

высокие транспортные издержки, наличие «узких мест» и низкий спрос населения на определенные транспортные услуги³.

Результаты эконометрического анализа послужили основой для оценки сравнительной обеспеченности регионов разными видами инфраструктуры в соответствии с развитием реального сектора экономики на основе типологического анализа методом самоорганизующихся карт Кохонена. В результате типологического анализа нами было выявлено 8 групп (кластеров) субъектов РФ с точки зрения обеспеченности разными видами инфраструктуры.

Относительно высокими сравнительными преимуществами в развитии производственной инфраструктуры обладают такие субъекты РФ, как г. Москва, Московская область и г. Санкт-Петербург. Регионы с наименее развитой производственной инфраструктурой – республики Тыва, Алтай и Калмыкия. Безусловные лидеры в обеспеченности железными дорогами и автодорогами с твердым покрытием – Москва и Санкт-Петербург. Регионы в составе УрФО уступают не только лидерам по обеспеченности данными видами инфраструктуры, но и значительной части регионов европейской части РФ, например, Московской, Калининградской, Тульской, Липецкой и Владимирской областям.

Лидером в обеспеченности социальной инфраструктурой является город Москва. В числе регионов с относительно высоким уровнем обеспеченности социальной инфраструктурой – город Санкт-Петербург, Московская, Свердловская, Нижегородская области и Республика Татарстан. Наихудшее положение с точки зрения обеспеченности данным видом инфраструктуры – в Республике Ингушетия.

Проведенный анализ позволил выявить ряд наиболее типичных проблем, решение которых необходимо учитывать при формировании направлений инфраструктурного развития регионов РФ.

В Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года предусмотрено опережающее развитие транспорта наряду с Югом России, Сибирью, Дальним Востоком и арктической зоной в Поволжском и Уральском макрорегионах, сосредоточение мер по развитию транспортной системы наряду со столичными агломерациями также в городах с значительной концентрацией человеческого капитала и инновационного потенциала. Данные направления должны обеспечить «инфраструктурный эффект», связанный с реализацией крупных транспортных проектов и многополярность пространственного развития, не привязанного жестко к сложившимся энергосырьевым и финансовым центрам страны⁴.

Одним из важнейших направлений является увеличение инвестиций в инфраструктуру, что подтверждается и результатами корреляционно-регрессионного анализа. Это позволит, как отмечает Рачеева Я.В., создать новые рабочие места, решить социальные вопросы, стимулировать экономический рост в регионе, и, в конечном итоге, улучшить качество жизни населения⁵.

---

³ Дубровская Ю.В., Копнинцева Н.М., Поздеева А.Н. Транспортная инфраструктура как фактор экономического роста региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 1. 2015. С.293-296.

⁴ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р.

⁵ Рачеева Я.В. Инфраструктурные инвестиции: проблемы и перспективы // Экономические науки. 2016. № 40-1. [Электронный ресурс]. URL: <http://novainfo.ru/article/4190>.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Ильяшенко В.В., д.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

Развитие инфляции обусловлено многими факторами, которые в конкретных экономических условиях проявляются по-разному и могут действовать в противоположных направлениях. Поэтому методы, эффективные для преодоления инфляции спроса, в ситуации преобладания инфляции издержек могут способствовать ее развитию и возникновению различных негативных социально-экономических процессов.

Как известно, инфляция спроса развивается в результате увеличения совокупного спроса (совокупных расходов) и имеет монетарный характер, т.е. обусловлена ростом предложения денег. С позиции экономической теории механизм ее развития отражает монетаристский подход к исследованию инфляционных процессов, когда инфляция рассматривается как чисто денежное явление. Инфляцию издержек обычно связывают с факторами, влияющими на рост средних и предельных издержек производства и на сокращение совокупного предложения. Повышение издержек на единицу продукции ведет к снижению прибыли, сокращению объемов производства и создает объективную основу для увеличения цены единицы продукции.

В начале рыночных преобразований в России в 1990-е гг. в качестве теоретической базы антиинфляционной политики правительства была использована монетаристская теория. В определенной мере это было оправдано, так как в период 80-х – начала 90-х годов XX века в нашей стране в полной мере проявлялась инфляция спроса, связанная с избыточной денежной массой в обращении. Хотя нельзя не отметить, что принятые меры в сочетании с обвальной либерализацией цен и внешнеэкономической деятельности в 1992 г. отличались излишним радикализмом, что привело к высоким темпам инфляции, значительному спаду производства и снижению уровня жизни трудящихся.

Инфляция спроса, доминировавшая в начале 1990-х годов, трансформировалась в инфляцию издержек, поскольку цены продолжали расти в сочетании со спадом производства и ростом безработицы. Изменилась роль факторов инфляции – на первый план выдвинулись затратные причины инфляционных процессов: монополизация экономики, рост цен на топливно-энергетические и сырьевые ресурсы, высокие ставки налогов. Несмотря на изменившуюся природу инфляции, для ее преодоления по-прежнему использовались монетарные методы. Однако они эффективны для преодоления инфляции спроса, но в условиях преобладания инфляции издержек эти методы становятся факторами ее саморазвития, так как ведут к дальнейшему спаду производства, росту средних и предельных издержек и сокращению совокупного предложения.

Инструментами антиинфляционной политики для преодоления инфляции спроса могут быть, в частности, рост ставки процента, увеличение норматива обязательных резервов, продажа центральным банком государственных ценных бумаг, сдерживание роста заработной платы и других денежных доходов населения, воздействие на ограничение инвестиционного спроса,

государственных расходов и т.д. Снижение прироста денежной массы будет препятствовать развитию инфляционных процессов. Однако такой подход в полной мере может быть использован в экономике полной занятости или имеющей небольшие резервы производственных мощностей. Для экономики, в которой важную роль играют факторы инфляции издержек, такой подход может оказаться недостаточно эффективным с точки зрения экономического развития страны.

Проведенный нами анализ показал, что в российской экономике прямая зависимость между темпами инфляции и приростом денежного агрегата М2 по сравнению с предыдущим годом, соответствующая монетаристской теории, наблюдалась в 2000-е гг. за 17 лет только в 2000 г., 2003 г., 2005 г., 2008 г., 2012 г. и 2013 г.¹

Нельзя отрицать, что монетаристские методы, направленные на сокращение совокупного спроса (потребительских, инвестиционных, государственных расходов), могут привести к снижению уровня инфляции, что наблюдалось и в 2016 г., когда темп инфляции снизился до 5,6%. Но борьба с инфляцией рестриктивными монетаристскими методами не должна быть самоцелью, так как снижение темпов инфляции и ее трансформация в инфляцию издержек сочетаются с крайне негативными для экономики последствиями: сокращением темпов развития производства или его спадом (несмотря на политику импортозамещения, связанную с санкциями), снижением инвестиционных расходов, сокращением уровня жизни населения. Так, по данным Росстата, в 2015 г. физический объем ВВП снизился на 2,8%, в 2016 г. – на 0,2%; инвестиции в основной капитал в 2015 г. сократились на 10,1%, в 2016 г. – на 0,9%; реальные доходы населения в 2015 г. уменьшились на 3,2%, в 2016 г. – на 5,9%; оборот розничной торговли снизился в 2015 г. на 10,0%, в 2016 г. – на 5,2%².

Особенности инфляционных процессов в российской экономике проявляются и на региональном уровне. Для подтверждения преобладающей роли инфляции издержек в российской экономике мы провели анализ статистических данных за 2015 г. по субъектам Российской Федерации³.

Нами были выделены 23 субъекта РФ, в которых темпы инфляции в 2015 г. были выше, чем в целом по России. Исследование показателей, влияющих на инфляцию спроса и издержек, проведенное по всем субъектам РФ, установило, что в большинстве из этих 23 субъектов преобладающую роль в развитии инфляционных процессов сыграли именно показатели инфляции издержек, а не спроса. В частности, индекс цен в добыче полезных ископаемых увеличился по сравнению с предшествующим годом в 17 из 23 выделенных субъектов РФ; индекс цен в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – в 19 из 23 субъектов; индекс цен производителей на строительную продукцию – в 12 из 23 субъектов.

Мы проанализировали динамику показателей, влияющих на инфляцию спроса и издержек, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. по Федеральным округам Российской Федерации для подтверждения отмеченных ранее закономерностей

---

¹ Ильяшенко В.В. Монетаристская теория и инфляционные процессы в России // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2014 г. – № 5 (55). – С. 9.

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru

³ Ильяшенко В.В., Куклина Л.Н. Инфляция в современной России: теоретические основы, особенности проявления и региональный аспект // Экономика региона. – 2017 г. – Том 13 (вып. 2). – С. 434-445.

развития инфляционных процессов в России. В качестве показателей, которые могут характеризовать развитие инфляции спроса, были использованы индексы среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, оборота розничной торговли, инвестиций в основной капитал и расходов консолидированных бюджетов. Для характеристики инфляции издержек были проанализированы показатели индексы цен в добыче полезных ископаемых, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, производителей на строительную продукцию, а также индекс тарифов на грузовые перевозки. Данные приведены в таблицах 1 и 2⁴.¹

Таблица 1

Индексы показателей, влияющих на инфляцию спроса, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. в Федеральных округах Российской Федерации, в %

Федеральный округ	Индекс потребительских цен	Показатели, влияющие на инфляцию спроса			
		Индекс среднемесячной номинальной начисленной заработной платы	Индекс оборота розничной торговли	Индекс инвестиций в основной капитал	Индекс расходов консолидированных бюджетов
Российская Федерация	105,6	107,8	94,8	99,1	104,8
в т.ч.					
Центральный	106,0	109,3	94,4	98,7	108,1
Северо-Западный	105,6	108,4	96,9	108,3	110,5
Южный	105,4	107,5	97,6	83,6	126,3
Северо-Кавказский	105,3	104,8	97,1	96,3	100,1
Приволжский	104,8	106,0	95,8	92,3	107,4
Уральский	105,8	106,2	92,7	108,8	101,9
Сибирский	105,5	105,8	94,6	95,8	103,0
Дальневосточный	105,7	106,8	97,5	97,1	96,8

Из таблицы 1 видно, что показатели индексов оборота розничной торговли и инвестиций в основной капитал не могли стать причиной развития инфляции спроса в 2016 г., так как в основном снизились в Федеральных округах по сравнению с 2015 г. Рост среднемесячной номинальной начисленной заработной платы мог повлиять на развитие инфляции. Однако данный показатель влияет не только на инфляцию спроса, но и на инфляцию издержек, поскольку заработная плата является не только доходом, но и составной частью затрат на производство. Единственный показатель, который мог однозначно повлиять на развитие инфляции спроса в 2016 г., – это индекс расходов консолидированных бюджетов.

⁴ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru

Таблица 2

Индексы показателей, влияющих на инфляцию издержек, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. в Федеральных округах Российской Федерации

Федеральный округ	Индекс потребительских цен	Показатели, влияющие на инфляцию издержек			
		Индекс цен в добыче полезных ископаемых	Индекс цен в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды	Индексы цен производителей на строительную продукцию	Индекс тарифов на грузовые перевозки
Российская Федерация	105,6	102,5	101,5	106,6	105,6
в т.ч.					
Центральный	106,0	101,7	103,3	105,5	103,0
Северо-Западный	105,6	100,5	104,4	109,2	105,4
Южный	105,4	106,6	110,1	104,5	99,8
Северо-Кавказский	105,3	93,9	100,5	104,6	85,6
Приволжский	104,8	101,1	98,9	105,7	109,0
Уральский	105,8	101,9	104,6	103,3	107,0
Сибирский	105,5	105,0	101,5	106,6	104,1
Дальневосточный	105,7	103,8	98,9	110,0	106,7

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что индексы всех показателей, влияющих на инфляцию издержек, выросли по сравнению с предшествующим годом во всех Федеральных округах, за редким исключением. При этом два из этих показателей снизились в Северо-Кавказском Федеральном округе, где темпы инфляции были почти самыми низкими из всех Федеральных округов.

Приведенные выше данные дают основание утверждать о преобладании инфляции издержек в российской экономике в последние годы.

В связи с особенностями российской экономики и преобладающим значением инфляции издержек, особенно в кризисные годы, органам государственной власти при формировании и реализации экономической политики следует учитывать необходимость использования мер по стимулированию совокупного спроса и развитию национального производства на основе уменьшения процентной ставки, роста инвестиционной активности, увеличения реальных доходов населения, совершенствования системы налогообложения, развития конкуренции и повышения эффективности антимонопольного законодательства. Эти меры приведут также и к увеличению совокупного предложения, что, при прочих равных условиях, должно повлиять на снижение общего уровня цен при достижении экономического роста и повышении уровня жизни населения.

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА: В ПОИСКАХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

*Илюхин А.А., к.э.н.,
Пономарева С.И., к.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

В настоящее время в большинстве регионов страны, в том числе в Свердловской области, приняты промежуточные решения, которые устраняют наиболее сильные провалы посткризисной экономики, однако они еще не достаточны для формирования условий макроэкономической устойчивости на длительную перспективу.

Объективные предпосылки перехода к устойчивому экономическому росту достаточно широко представлены в научной литературе. Мы склонны согласиться с авторами, полагающими, что сегодня ключевой задачей становится выработка экономической политики, обеспечивающей устойчивый рост экономики темпами, превышающими среднемировые¹. При этом экономические преобразования должны сопровождаться соответствующей структурной модернизацией. Необходимо сформировать новую модель роста экономики, основанную не столько на наращивании факторов производства, сколько на повышении эффективности их использования, то есть совокупной факторной производительности. Как показывает опыт, в настоящее время это возможно в рамках экономики предложения, т.е. политики стимулирования предложения в противовес политике стимулирования спроса (сложившаяся в России 2000-е годы и действующая до 2012г. модель роста – экономика спроса, была основана на наличии масштабных, дешевых и незаработанных финансовых ресурсов, источником которых выступает благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура).

Главное направление социально-экономической стратегии страны на перспективу определено Президентом РФ В.В. Путиным в послании Федеральному Собранию: «обеспечить развитие экономики России темпом, превышающим среднемировой». Вопрос о новой модели развития российской экономики, в том числе региональной, встал в практическую плоскость. Задачи разработки такой программы были определены правительству РФ, и прежде всего Министерству экономического развития. Соответствующую работу над долгосрочной стратегией социально-экономического развития страны начали вести несколько групп экономистов: Президентский совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам, Центр стратегических разработок во главе с зампреда Экономического совета при Президенте РФ А.Л. Кудриным, а также группа предпринимателей и экономистов, объединившихся под эгидой «Столыпинского клуба». Свои предложения они должны представить для обсуждения в 2017 г.

Правительство Свердловской области разработало Прогноз бюджета Свердловской области до 2030 года в условиях экономического роста.

Формат данной публикации не позволяет подробно обсудить весь комплекс задач, связанных с устойчивым развитием посткризисной экономики

---

¹ Сурнина Н.М., Илюхин А.А., Илюхина С.В. Развитие социальной и инженерной инфраструктуры региона: сущностный, институциональный, информационный аспекты // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 5 (67). С. 54-65.

страны и региона. Рассмотрим наиболее значимые, на наш взгляд, макроэкономические проблемы формирования бюджетов разных уровней, нашедшие отражение в научной дискуссии, которая развернулась в последние годы в экономической литературе². Речь идет о том, в какой мере долгосрочный прогноз областного бюджета должен противодействовать негативным трендам и быть ориентирован на социально-экономический результат. Именно с этих позиций проводилась оценка исполнения и прогноза областного бюджета на основе результирующих конечных показателей развития отраслей и сфер деятельности.

Выбор проблем долгосрочного планирования и прогнозирования регионального бюджета не случаен. Последние три года инвестиции в основной капитал сокращаются, в том числе по государственной линии. Одновременно в составе ВВП сокращаются вложения в экономику знаний (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение). При таком низком финансировании главных источников социально-экономического развития экономика обречена на застой. Единственный путь добиться экономического роста, превышающего общемировые показатели, - как можно быстрее перейти к ускоренному росту инвестиций в основной капитал предприятий и в человеческий капитал. Это потребует дополнительного финансирования, в том числе из региональных бюджетов.

Макроэкономисты полагают, что бюджет любого уровня является основным рычагом государства по стимулированию социально-экономического развития, поскольку многие финансируемые им виды экономической деятельности обладают мультипликативным эффектом. Соответственно бюджет должен включать средства для стимулирования отраслей, которые могли бы стать локомотивами социально-экономического развития.

В этой ситуации использование краткосрочных инструментов стимулирования экономического роста оправдано, если они будут иметь долгосрочный эффект. К таковым теоретически относится увеличение инвестиций в инфраструктуру. Согласно экономической теории, эффект от инфраструктурных проектов можно разложить на две составляющие: рост госинвестиций (краткосрочный эффект) и выигрыш экономики от улучшения инфраструктуры (снижение издержек, появление ранее отсутствовавших возможностей, улучшение имиджа страны).

Как отмечают в экономической литературе, оценка второго эффекта основана на расчетах, которые предполагают, что финансирование дополнительных инвестиций осуществляется за счет увеличения расходов, то есть смягчения бюджетного правила. Из расчетов следует, что при смягчении бюджетного правила и увеличении бюджетных расходов темпы роста экономики могут быть несколько выше, однако эффект может быть получен только в первый год изменения правил определения бюджетных расходов³. Возможности фискального стимулирования экономики также ограничивает неэффективность управления государственными ресурсами, которая проявляется, в частности, в

---

² Мау В. Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика России в 2016 году // Вопросы экономики. 2017. №2. С 5-29.

³ Илюхин А.А., Куклина Л.Н., Пономарева С.И. Формирование новой модели развития национальной и региональной экономики // материалы III всероссийского симпозиума по региональной экономике сборник докладов. Ответственный редактор А.И. Татаркин. 2015. С. 71-75.(2)

завышении цен при заключении и исполнении государственных контрактов на закупки для нужд текущего потребления и осуществления инвестиций.

Рассмотрим аргументы авторов, полагающих, что бюджет любого уровня является основным рычагом государства по стимулированию социально-экономического развития, поскольку многие финансируемые им виды экономической деятельности обладают мультипликативным эффектом. Соответственно областной бюджет должен включать средства для стимулирования отраслей, которые могли бы стать локомотивами социально-экономического развития. Для решения долгосрочных задач социально-экономического развития Свердловской области необходимы финансирования технологического обновления экономики социальной сферы, которая становится важным фактором социально-экономического развития страны, т.к. эти государственные расходы обеспечивают повышение потенциального экономического роста⁴.

Отсюда следует важный вывод: для обеспечения долгосрочного экономического роста, прежде всего, необходимы вложения в человеческий капитал. Кроме того, надо создавать предпосылки для эффективных частных вложений в производственный капитал (формировать институты, способствующие росту, включая последовательную и предсказуемую экономическую политику) и совершенствовать модели государственного инвестирования. Не менее важно обеспечить также условия для повышения отдачи от частных инвестиций (совокупная факторная производительность), включая бюджетные расходы на развитие инфраструктуры и науки⁵.

Остановимся на важнейших, на наш взгляд, дискуссионных вопросах, касающихся оценки дефицита госбюджета. Мы склонны согласиться с авторами, которые полагают, что правительству следует пересмотреть свое отношение к профицитному бюджету, поскольку он не гарантирует устойчивого роста: дефицитный бюджет должен стать для России нормой, а не чрезвычайной мерой в трудных условиях⁶. Так, Аганбегян считает основным условием повышения эффективности государственного бюджета России его ориентацию на социально-экономическое развитие в целом, а финансирование отдельных статей бюджета должно быть нацелено на конкретные конечные результаты финансируемой сферы.

Аганбегян напоминает, что такая модель широко используется другими странами: их бюджет остается дефицитным при относительно устойчивом развитии. Развитые страны активно используют возможности дефицитного бюджета, поскольку он имеет ряд преимуществ.

Во-первых, таким образом можно существенно увеличить расходы бюджета и решить многие экономические и социальные задачи.

Во-вторых, дефицит бюджета играет важную роль в формировании рынка ценных бумаг. Для покрытия дефицита бюджета Казначейство выпускает ценные бумаги под определенный процент, которые приобретают население, организации, иностранные инвесторы. При этом ценные бумаги государства имеют более высокую надежность и меньшую волатильность, чем, например,

---

⁴ Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 4-20.

⁵ Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП в 2016-2019гг.// Экономическое развитие России. 2016. № 6. С. 3-7.

⁶ Аганбегян А. Как госбюджет может стать локомотивом социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. 2015. № 7. С. 142-151.

акции частных компаний. Поэтому наличие государственных обязательств дает возможность формировать пакеты ценных бумаг с разными рисками, что стимулирует сбережения граждан и организаций.

В-третьих, выпуск ценных бумаг с целью покрыть дефицит бюджета особенно важен для формирования в стране фонда «длинных» денег, необходимых для инвестиций.

В этой связи важной темой современных экономических и политических дискуссий становится проблема оптимизации структуры бюджетных расходов с точки зрения приоритетов социально-экономической политики. Для России важнейшим бюджетным критерием макроэкономической стабильности является не только показатель базового уровня доходов бюджета, но и структура бюджетных расходов.

Можно утверждать, что дальнейшее сокращение расходов без проведения структурных реформ создает серьезные риски для экономической и социально-политической стабильности страны уже в ближайшие годы (в 2017-2020гг.). Без структурных реформ бюджетная политика лишится возможности маневра, который может понадобиться в 2017-2018гг., а положительный макроэкономический эффект от девальвации будет нивелирован.

АДАПТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ РЕГИОНА: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА¹

*Клименков, Г.В., к.т.н.
ПФ ИЭ УрО РАН, Пермь*

В российской науке управление в региональной экономике давно признано как важная отрасль знания, а существующие подходы к исследованию элементов региональной экономики изложены в целом ряде публикаций.

История с системами ситуационного управления еще не закончена. Огромный методологический багаж, который был заложен изначально в метод ситуационного управления, психологией, семиотикой и др., полностью еще не реализован, особенно в управлении в социально-экономических системах, в управлении промышленностью.

Цель и задачи статьи – дать целостный и содержательный анализ, вскрывающий логику стратегического управления экономикой региона в условиях ее трансформации, установить основные цели и конструктивные пути развития качественных теоретических представлений о важнейших сторонах процесса управления, выделить практические (прикладные) следствия такого исследования, раскрыть понятие управления в социально-экономической системе, используя концепцию ситуационного управления в условиях рыночной конкуренции.

В монографии «Адаптивное управление промышленным комплексом региона: теория, методология, практика» основные подходы излагаются в контексте построения систем ситуационного управления на базе логико-лингвистического моделирования (ЛЛМ). Метод управления, который реализует

---

¹ Статья подготовлена и опубликована в рамках выполнения государственного задания № темы 0404-2015-0016 в информационной системе государственного задания.

процесс распознавания и разрешения проблемных ситуаций в социально-экономических системах основан на введении понятия ситуации, классификации ситуаций и их преобразовании. По этой причине он и назван методом ситуационного управления.

Стратегическое управление в экономике региона является прерогативой высшего руководства социально-экономическими системами. Функция общего руководства осуществляется в форме построения рекурсий, речевого общения – важнейшей разновидности целенаправленного поведения. Речевые акты представляют собой не просто представление данных, а совершение каких-то действий, причем для некоторых высказываний эти действия, в силу своей сути, передают чувственную информацию, которая имеет вполне определенные последствия для говорящего и слушающего (обязательства, вопросы, побуждения, угрозы и т.д.). Поэтому теория речевых актов (неформальная логика), интегрирующая логику и чувственную информацию позволяет глубже понять логику стратегического управления социально-экономическими системами.

Подобная постановка целей монографии определяет порядок изложения материала. Основная задача, возникающая здесь – это выявление отправных положений теории стратегического управления социально-экономическими системами.

В основе реализации методов стратегического управления в экономике региона лежит не только технология, но и общественное сознание как целое. Его действительное влияние на эффективное использование стратегического управления в экономике региона будет представлять равнодействующая интересов, стоящих за определенными лицами, группами, обществом, за определенными идеями и предложениями. На этом основании возникает угроза перекосов (из-за низкой компетентности или «скрытой» мотивации), которые могут уводить и зачастую уводят социально-экономический процесс от реального удовлетворения общественных нужд.

В первом разделе монографии определены и исследованы базовые понятия, отношения и закономерности адаптивного управления промышленным комплексом региона. Выявлены особенности межэлементного взаимодействия в иерархической структуре системы адаптивного управления промышленным комплексом региона. Выполнен анализ основных принципов и методов адаптивного управления промышленным комплексом региона в конкурентной среде.

Во втором разделе представлена структура циклов и отношений формирования и функционирования социально-экономических систем (СЭС, выявлены базовые понятия и базовые отношения СЭС, предложено формирование теоретических концептов и терминосистемы, предложено логико-лингвистическое моделирование с целью выявления закономерностей формирования и функционирования СЭС, предложено моделирование предметной области в виде многоярусной семантической сети, выполнена адаптация аппарата формальной и неформальной логики для использования передовых организационно-информационных технологий, изложены закономерности горизонтальной и вертикальной интеграции элементов СЭС.); (2) закономерности системы адаптивного управления процессом формирования и функционирования СЭС (рассматривается моделирование многоярусной управляющей структуры как совокупности лиц, принимающих решения, связанных отношениями подчинения и коммуникациями, моделирование

проблемной области, включающей причинно-следственные связи между проблемными ситуациями трех классов - узкие места и диспропорции, расхождение целей и интересов, неправильное отношение подчинение и нарушение коммуникаций; изложены закономерности распознавания опознания ситуаций на основе меняющейся социально-экономической среды, формирование системы планирования саморазвивающихся СЭС, формирование системы координации саморазвивающихся СЭС, функции руководства и организации саморазвития СЭС); дается оценка эффективности механизма адаптивного управления функционирования СЭС (формирование универсума механизма адаптивного управления функционирования СЭС в условиях глобализации, методология выявления уровня существующих потерь в народном хозяйстве регионов и СЭС из-за отсутствия свойства адаптивности структур СЭС в рамках стратегических и тактических проблемных ситуаций трех классов по ярусам СЭС, алгоритм эффективного механизма адаптивного управления функционирования СЭС); в качестве примера разработаны научно-методические подходы и методические рекомендации по внедрению системы саморегулирования в промышленном секторе экономики региона.

В третьем разделе определены: (1) предпосылки и концептуальные положения по совершенствованию адаптивного управления промышленным комплексом региона (проблемы устойчивого развития российских промышленных предприятий в современных условиях, мониторинг как форма реализации функции контроля функционирования и развития промышленного предприятия, устойчивое развитие промышленных предприятий: выявление и оценка угроз возникновения проблемных ситуаций и их предотвращение; анализ методов выявления и оценки угроз возникновения проблемных ситуаций); (2) методологические подходы к достижению оптимальной адаптивности систем управления промышленным комплексом в конкурентной среде (метод логико-лингвистического моделирования как основа выявления и распознавания угроз потери экономического равновесия, методология мониторинга социально-экономической системы на основе создания логико-лингвистической модели объекта и субъекта управления, действие механизма адаптивного управления в инфраструктуре промышленного комплекса региона (строительство и транспорт), (3) методологический подход к оценке эффективности механизма адаптивного управления в конкурентной среде (методы альтернативного сетевого моделирования управляемых процессов, оценка эффективности стратегического управления межфирменных отношений).

В четвертом разделе описано построение организационно-экономической модели системы адаптивного управления промышленным комплексом региона, процесс взаимодействия элементов системы адаптивного управления промышленным комплексом региона, разработаны методические рекомендации по внедрению эффективной системы адаптивного управления промышленным комплексом региона в конкурентной среде. Обосновано при формировании системы стратегического управления экономикой региона построение целевых функций отдельных подсистем экономики региона и оценки развития региона в целом. В качестве интегральной целевой функции экономики рекомендуется принять функцию общественной полезности. Понятие цель характеризуется и выражается через различные понятия – не только полезность, но и «предпочтение», «эффективность», «ценность» - положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом.

Внедрение систем адаптивного управления – это построение систем ситуационного управления на базе логико-лингвистических моделей, которые реализуют в себе функции управления, стратегического управления и свойства экспертных систем, свойства прогнозирования, быстрого распознавания и предложения разрешения проблемных ситуаций, предупреждения рисков, выявления «альянсов» и скрытой мотивации, паразитических схем и структур. Для каждой территории (нижний уровень управления) легко осуществляется наполнение систем с учетом деятельности окружной и федеральной власти (верхний уровень управления).

КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Курушина Е.В., к.э.н.
ТИУ, Тюмень

Главной целью пространственного развития на современном этапе выступает достижение глобальной конкурентоспособности российской экономики при условии обеспечения экономической и демографической безопасности на основе максимального использования потенциала развития территорий, преодоления инфраструктурных ограничений, неравномерности поляризации и фрагментарности пространства. В Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года¹ (Концепции СПР) просматриваются два основных **направления повышения эффективности использования пространственного фактора**.

Первое направление, предполагающее изменение топографических характеристик пространства, имеет своей целью обеспечение экономического роста за счет повышения локационной и коммуникационной связности пространства. Оно объединяет следующие задачи: 1) эффективную экономическую *специализацию* регионов; 2) повышение *связности* пространства на основе интенсификации межрегиональных связей; 3) задействование потенциала *агломерационного* развития; 4) использование широкого арсенала *форм пространственной организации* экономики (кластеры², ТОРы и др.); 5) повышение *интегрированности* экономического пространства России на основе реализации крупномасштабных проектов инфраструктурного обустройства.

Второе направление связано с обеспечением развития на основе гармонизации пространства за счет интеграции усилий по прогрессивным изменениям в территориальной организации общества. Оно реализуется через

¹ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. М., 2016.

² Татаркин А.И., Бочко В.С., Берсенёв В.Л., Акбердина В.В., Коровин Г.Б., Бухвалов Н.Ю., Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А., Петров М.Б., Макарова И.В., Лыжин П.С., Малыш Е.В., Баженов С.И., Дорошенко С.В., Шеломенцев А.Г., Романова О.А., Ченчевич С.Г., Вегнер-Козлова Е.О., Пилипенко Е.В. и др. Проникая в будущее, инновационный портрет Уральского макрорегиона / Под общей редакцией А. И. Татаркина, В. С. Бочко. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016.

решение следующих стратегических задач: 1) создание среды, благоприятной для жизни; 2) гармоничное и сбалансированное развитие экономики и социальной сферы в каждом регионе; 3) учет глобальных процессов и местных интересов в пространственном развитии.

Две группы задач пространственного развития определяют векторы научного поиска по расширению концептуальных представлений о многомерности пространства. Концептуальное осмысление многомерности пространства в соответствии со схемой, представленной на рис. 1, связано со сменой парадигмы пространственного развития: от жесткого рационализма (территориально-производственный комплекс) – к социальному (среда жизнедеятельности) и коммуникационному (пространство сетей) подходам.

Коммуникационный подход базируется на современных представлениях о **пространстве как совокупности планарных и непланарных пространств³, сформированных на основе коммуникаций разных эволюционных типов.** Последовательное выделение сфер соотносится с этапами эволюции экономических парадигм, моделей и факторов экономического роста, включая: 1) труд и капитал как факторы материального пространства; 2) институциональные факторы, такие как налогообложение, правительственные расходы, уровень законности и т.д.; 3) факторы ментального пространства, например, религия и лингвистические переменные. Эволюция типов коммуникаций находит отражение в стадиях развития экономики с позиций ее фактороемкости: 1) ресурсная экономика; 2) цифровая (информационная) экономика; 3) когнитивная экономика (образ которой только складывается в рамках будущего седьмого технологического уклада). К пространственным факторам развития относятся плотность и конфигурация коммуникационных сетей (транспортной, энергетической, инфокоммуникационной), их высокая пропускная способность (высокоскоростные магистрали, интернет 4G).

Рис. 1. Концептуальные подходы к стратификации многомерного пространства

³ Демьяненко А.Н., Минакир П.А. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология. / В кн. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – М.: Медиа-Пресс, 2013, с.195.

Социальный подход к стратификации многомерного пространства базируется на теории социального пространства П. Бурдьё, в соответствии с которой экономическое пространство выступает в качестве подпространства **пространства** социального (понимаемого в широком смысле слова как пространство общества), **представленного в виде совокупности полей деятельности, формируемых взаимодействующими между собой и внешней средой агентами**. Стратификация многомерного пространства в соответствии с социальным подходом определяется движущими силами пространственного развития, включая население/общество; корпорации/бизнес; государство/власть. В Концепции СПР триада «население» – «хозяйство» – «территория» выступает в качестве ориентиров, определяющих экономические драйверы роста для различных регионов. В соответствии с этим, определены целевые задачи: 1) совершенствование системы расселения, 2) рациональное размещение производительных сил; 3) капитализация территориальных активов. Основная идея развития *пространства как объекта управления* заключается в формировании макрорегионов на основе реализации долгосрочных *мегапроектов межрегионального сотрудничества*.

В Концепции СПР предусмотрено сочетание двух моделей, имеющих разную концептуальную основу пространственного развития: 1) модель рыночной организации пространства (концепция поляризованного пространственного развития); 2) модель государственного сохранения пространства (концепция эндогенного экономического роста). Первая модель предполагает углубление специализации конкурентоспособных регионов, открытость экономики и задействование интеграционного (в том числе внешнеэкономического) потенциала территорий. Вторая модель ориентирована, преимущественно, на поиск внутренних источников развития территорий во всех регионах.

Механизм саморазвития территорий в рассматриваемых моделях имеет разную функциональную основу. В соответствии с разработанной концептуальной функционально-стадийной пространственной моделью региональной системы, сформированной на основе парадигмы AGIL Т. Парсонса и системно-интеграционной теории Г. Клейнера, жизнеспособность и саморазвитие системы обеспечивается реализацией четырех функций: репродукции, эволюции, метаболизма и гармонизации. В модели рыночной организации пространства заложен механизм саморазвития (эволюции), основанный на *метаболизме* региональной системы, а в модели сохранения пространства – на функции *репродукции*. Например, в накоплении человеческого капитала (как одного из главных факторов саморазвития), в первом случае, в фокусе управления будут находиться миграционные процессы и повышение привлекательности территорий для высококвалифицированных мигрантов, а во втором, – обеспечение благоприятных условий для репродуктивных процессов и развития научно-образовательных центров.

Одним из важных направлений накопления человеческого капитала является повышение привлекательности территорий для населения (для мигрантов и для акторов репродукции). Достоинствами предлагаемой методики оценки регионального пространства как *среды обитания*⁴ является, во-первых, учет системы потребностей на основе теорий мотивации (включая потребности существования, безопасности и защищенности, потребности в общении и

---

⁴ Курушина Е.В., Дружинина Е.В. Человекоориентированное развитие российских регионов. Тюмень: ТИУ, 2016. – 158 с.

достижении), а во-вторых, возможность интерпретации характеристик привлекательности территорий с позиций ценностей, концептуализированных в современных стратегиях развития. В Концепции СПР это стратегия устойчивого развития (социально-эколого-экономическое развитие). В расширенном варианте, предусмотренной стратегией ЕС-2020, это стратегия умного, устойчивого и инклюзивного роста. Применение методов многомерной статистики позволяет представить двенадцать характеристик привлекательности территорий, соответствующих указанным требованиям, в виде трехкомпонентного вектора территориального (человекоориентированного) развития, включая экономическую, социоприродную и инклюзивную компоненты. Введение в анализ ценностно-ориентированных моделей человека как единиц анализа *ментального пространства* позволяет определить влияние на репродуктивный и метаболический рост человеческого капитала (по его количественной составляющей) не только объективных характеристик привлекательности территорий, но и субъективных – через типы ментальных моделей мигрантов и акторов репродукции. Кроме того, разрабатываемой методологией оценки и трансформации социально-экономического пространства предусмотрено определение закономерностей изменения значимости характеристик среды обитания по стадиям экономического цикла.

Одним из направлений повышения привлекательности территорий для *населения и корпораций*, а также эффективности *государственного* управления, предусмотренных Концепцией СПР, является обеспечение более высокого уровня интегрированности пространства на основе реализации мегапроектов межрегионального сотрудничества. Реализация крупномасштабных проектов требует повышения их обоснованности с позиций успешности достижения целей. Использование теории региональной интеграции позволяет сформулировать *методологические принципы* межрегиональной интеграции, включающие принцип соседства, синергии, взаимовыгоды, культурно-исторической близости, ограниченного числа участников, личных предпочтений, информированности заказчиков и инвесторов проекта. При формировании альтернативных вариантов интеграционных проектов по составу регионов-участников могут быть использованы различные подходы: 1) по принципу соседства (по общности границ субъектов РФ); 2) административный подход (по принадлежности к одному федеральному округу); 3) *vision*-теории (Великий шелковый или Северный морской путь); 4) теория пройденного пути (например, Тюменская область с автономными округами); 5) районирование по какому-либо признаку.

Методология оценки интеграционных проектов пространственного развития предполагает разработку оценочных критериев, состав которых не должен ограничиваться такими, как *экономическая, бюджетная и финансовая эффективность*, предусмотренными официальными методиками. Обязательной составляющей должны стать критерии оценки *агломерационных, интеграционных и мультипликативных эффектов* социально-экономического развития территорий. Кроме того, в систему оценки альтернативных вариантов межрегиональных проектов целесообразно включить ***косвенные критерии***, разработанные на основе теоретических положений и анализа практической реализации проектов международной экономической интеграции. К ним относятся следующие: 1) объективные экономические критерии; 2) объективные социально-экономические критерии подобию региональных пространств; 3) субъективные критерии.

К первой группе относится *критерий уровня экономического развития*, который может быть оценен по ВРП на душу населения. Успешными, как правило, бывают проекты с высоким уровнем развития интегрирующихся регионов. Другим фактором, способствующим интеграции, является наличие реальных интеграционных связей. В качестве второго критерия первой группы предлагается *критерий интеграции экономик*, для оценки которого может быть использован один из соответствующих методов. Авторская методика оценки экономической интеграции предполагает оценку синхронизации темпоритмов с использованием корреляционного анализа динамики ВРП⁵.

Критерии второй группы предназначены для оценки совместимости интегрируемых пространств. Условием и признаком успешной интеграции является унификация среды. Оценка подобия региональных пространств может быть произведена в рамках типологизации территорий с использованием количественных и качественных методов. В авторской методике для оценки регионов по *критерию подобия пространств как среды обитания* сформирована типология на основе применения методов кластерного анализа. Объединение субъектов РФ в кластеры происходит по однородным характеристикам привлекательности для населения материального и институционального пространств, образующим специфическое для выделенных типов регионов сочетание компонент экономического, социоприродного и инклюзивного развития. Оценка унификации среды предполагает использование «разноосновных» типологий, включая типологии по инвестиционному и предпринимательскому климату для оценки по *критерию подобия пространств как зоны хозяйствования корпораций*. В Концепции СПР предусмотрено использование в системе государственного управления двух типологий субъектов РФ. Это *структурно-отраслевая типология*, предполагающая объединение их в макрорегионы с учетом перспективной специализации и повышения конкурентоспособности. Вторая типология (*проблемно-ориентированная*) предполагает группировку регионов с целью регулирования системных социально-экономических проблем. Обе типологии направлены на оценку по *критерию подобия региональных пространств как объектов государственного управления*.

К третьей группе косвенных критериев относятся *критерий минимального числа участников* (из возможных альтернатив) интеграционного проекта и *критерий подобия ментальных региональных пространств*. Исследование факторов ментального пространства, по мнению автора, находится в области поведенческой экономики или нейроэкономики. В этом направлении перспективно построение типологий регионов по показателям, оценивающим реакции акторов пространственного развития (мигрантов, инвесторов, губернаторского корпуса и т.д.) на различные характеристики материального пространства и институциональной среды. Авторская типология регионов по рациональности поведения мигрантов, полученная с применением корреляционного и кластерного анализа, позволила выделить кластеры с рациональным, нерациональным, а также индифферентным поведением мигрантов.

Успешность реализации крупномасштабных межрегиональных проектов, инициированных как на государственном, так и на региональном уровнях,

---

⁵ Курушина Е.В. Об интеграции и синхронизации экономического развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2015. № 3 (32). С. 142-153.

является залогом эффективности реализации стратегии пространственного развития. От этого зависит, превратится ли пространственный ресурс из преимущества низшего порядка в преимущество высшего порядка? В условиях падения мировых цен на нефть он остается главным естественным конкурентным преимуществом России, способным обеспечить долговременный устойчивый рост.

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ТЕКУЩЕГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ЦИКЛА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ¹

*Кутергина Г.В., к.э.н.,
Буторина О.В., к.э.н.
ПГНИУ, Пермь*

Исследования особенностей макроэкономической динамики на протяжении XX в. позволили утверждать, что инвестиционные процессы могут рассматриваться как одна из первопричин циклических процессов, определяющих взаимосвязи между его базовыми структурными элементами. На основании представленных взаимосвязей в работах различных авторов можно предположить, что инвестиционные процессы также имеют циклическую природу. При этом само понятие инвестиционного цикла в современной теории макроэкономической динамики является слабо исследованной. Одни авторы не акцентируют на нем внимания, определяя их сущность только как процессы, определяющие общую динамику производства, другие – более детально рассматривают применительно к экономике предприятия (в рамках инвестиционного проектирования и анализа его эффективности).

Для более детальной характеристики сущности инвестиционного цикла считаем целесообразным использование рекуррентного подхода. Его основные положения достаточно детально сформулированы в работах². В соответствии с общими положениями рекуррентного подхода инвестиционный цикл – структурная составляющая прогрессивного макроэкономического развития, характеризующаяся:

- 1) повторяемостью во времени (периодичностью);
- 2) последовательной сменой состояний;
- 3) наличием рекуррентных зависимостей, обеспечивающий характер которых определяет базовые тенденции современного макроэкономического цикла.

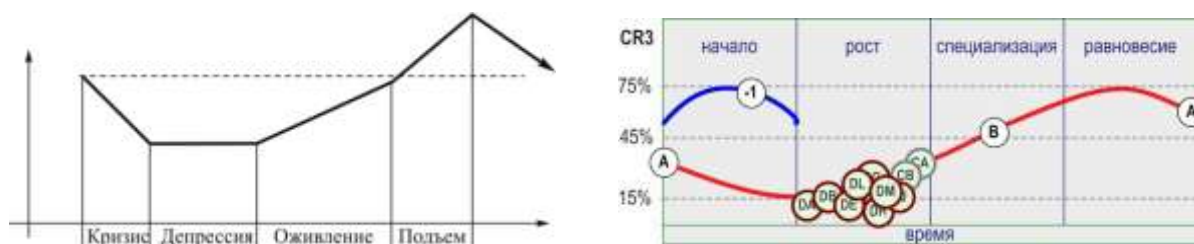
Как известно, современная теория цикличности апеллирует понятиями 2-х, 3-х, 4-х, 9-ти, 12-тифазовыми циклами. С нашей точки зрения, именно классический четырехфазовый цикл является более приемлемым для

---

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта РГНФ: «Методика анализа и модель управления производственным и инвестиционным циклами в рамках современного макроэкономического цикла в экономике региона» № 17-12-59005

² Буторина О.В. Инновационное развитие экономики региона: методика анализа в рамках рекуррентного подхода// Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2016. № 3 (30). С. 105-119.; Буторина О.В., Баталова Е.В. Особенности исследования циклических процессов// Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2013. Т. 1. С. 220-228.

теоретико-методологических основ исследования особенностей инвестиционного цикла, а также разработки адекватной антициклической политики. При этом фазы трактуются по-разному (рис. 1 А, 1Б):

А. Фазы классического экономического цикла

Б. Развитие отрасли. А.Т. Kearney

Рис.1. Классический четырехфазовый цикл

Классический экономический цикл включает 4 фазы (рис.1А): кризис, депрессия, оживление и подъем. При рассмотрении инвестиционных циклов промышленности в монографии Маркевич С.В. и Фоминой Н.Е., по нашему мнению, обоснованно предлагается рассматривать генезис инвестиционного цикла в контексте «методологии А.Т. Kearney», в которой представление о динамике развития отрасли отображается «матрицей А.Т. Kearney», которая описывает развитие отрасли на базе единичной технологической платформы через выделение четырех этапов: «начало», «рост», «специализация», «равновесие», а критерием выделения этапов являются точки минимакса функции консолидации отрасли во времени (рис. 1Б), рассчитываемой через коэффициент концентрации (сумма трех самых больших долей участников отрасли на рынке) - CR3.

Проведенный анализ научных публикаций позволяет, на наш взгляд, выделить ряд наиболее важных показателей, которые могут быть использованы для характеристики фазы развития инвестиционного цикла в промышленности (табл. 1).

Для проведения анализа текущего инвестиционного цикла в промышленности, необходимо дополнительно изучить степень влияния на результаты анализа следующих информационных ограничений:

1) существенное запаздывание представления отчетов о величине показателя валового регионального продукта (ВРП) – до двух лет, а также существенное статистическое расхождение значения показателя ВРП в зависимости от выбранного метода счета (методом валовой добавленной стоимости (ВДС) или методом конечного использования) – от 18 до 40%, что объясняется неполным отражением на региональном уровне межрегиональных связей и может приводить к существенному искажению объема ВРП по отдельным ВЭД, т.к. доля не распределенной между регионами России НДС в общем объеме НДС России по оценкам экспертов составляла, например, в 2013 году от 6,7% (гостиницы и рестораны) до 91,7 % (финансовая деятельность).

2) отсутствие текущего статистического учета деятельности малых предприятий и индивидуальных предпринимателей в разрезе ВЭД, несмотря на их существенное влияние на показатели развития отдельных ВЭД в регионах³;

³ Согласно ФЗ № 209-ФЗ о развитии малого и среднего предпринимательства в РФ сплошные статистические наблюдения проводятся один раз в пять лет, а в остальное время – выборочно по разным формам в зависимости от типа организации. Таким образом, основные статистические

Таблица 1

Показатели/ характеристики развития инвестиционного цикла в промышленности

№ п.п.	Наименование показателя	Содержание показателя	Влияние инвестиционную активность
1.	Индекс реальной процентной ставки (ex post)	Отражает предельную производительность инвестиционного капитала, привлекательность экономики для портфельных инвесторов. По методологии И. Фишера исследуется в сравнении со средней ставкой инфляции.	Низкий уровень показателя снижает интерес к размещению капитала в промышленности.
2.	Число организаций, осуществляющих инвестиции.	Выявляется наличие тренда смещения инвестиционного интереса к обрабатывающей промышленности.	Рост инвестиционной активности создает перспективы модернизации по ВЭД
3.	Коэффициент концентрации (CR3)	Сумма трех самых больших долей участников отрасли на рынке, обозначаемая как CR3 (рис. 1Б)	Консолидация отрасли во времени характеризует фазу инвестиционного цикла в отрасли
4.	Распределение инвестиций в нефинансовые активы, цели капвложений	Особо выделяется доля затрат на приобретение объектов интеллектуальной собственности и выполнение НИР и ОКР (ОТР). Актуальна парадигма расширенного воспроизводства, НИР и инновационной деятельности с внедрением новых технологий, расширением номенклатуры продукции.	Данные по доле НИОКР в структуре инвестиционных затрат EU25 OECD: более 13%
5.	Состояние ОПФ, участие в производстве высокотехнологичной продукции	Коэффициент износа, выбытия и обновления ОПФ: выявляется тенденция доминирования простого или расширенного воспроизводства	Характеристика морального и физического устаревания ОПФ отражает фазу цикла.
6.	Уровень загрузки основных производственных мощностей	Показатель «загрузки производства» характеризует уровень востребованности ВЭД рынком.	Критически - низкий: <20%;
7.	Средневзвешенная рентабельность активов	Сравнивается с реальной процентной ставкой (ex post) (актуальной ставкой)	Критически низкая средневзвешенная рентабельность активов

показатели, такие как «оборот организаций» или «средняя численность работников» лишь с определенной долей вероятности соответствуют истинным значениям показателей. По итогам сплошного наблюдения малых предприятий, проведенного в 2016 г., выручка малых предприятий Пермского края в 2015 году составила 845,99 млрд. руб. при обороте предприятий и организаций края в 2015 году без субъектов малого предпринимательства, бюджетных и финансово-кредитных организаций – 1590 млрд. руб. Число замещенных рабочих мест на малых предприятиях Пермского края в 2015 году составило – 218,99 тыс. ед. при среднегодовой численности занятых в Пермском крае в 2015 году 1246,0 тыс. человек. Вклад в экономику индивидуальных предпринимателей края: выручка от реализации их товаров (работ, услуг) составила в 2015 году 176,63 млрд. руб., а в расчете на 1 предприятие – 5,1 млн. руб.; число замещенных рабочих мест индивидуальных предпринимателей Пермского края – 110 694 единиц (см.: Предварительные итоги сплошного наблюдения. Малые предприятия. Индивидуальные предприниматели // Статистика в картинках. Выпуски № 9, №10. Электронный ресурс. Режим доступа: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/publications/news_issues/ дата обращения 12.07.2017).

		дисконтирования, средневзвешенным банковским процентом)	говорит о депрессии, кризисном состоянии.
8.	Структура себестоимости национального промышленного продукта.	Увеличение интеллектуальности промышленного продукта обеспечит снижение ресурсо-энергоёмкости производства, общее снижение себестоимости, рост конкурентоспособности в конечном итоге.	Модернизация трансформирует структуру себестоимости в пользу расходов на развитие персонала, нематериальных интеллектуальных активов.

3) обобщенный и приблизительный характер информации о ВЭД предприятия, поскольку одновременно с основным, зарегистрированным, предприятие занимается и другими ВЭД (предприятия и организации проходят процедуру регистрации, при которой им присваивается определенный вид деятельности, т.е. определяется группа (класс), к которой впоследствии при подготовке статистической информации и будут относиться количественные характеристики этого предприятия) ОКВЭД⁴;

4) отсутствие аналитического статистического учета всего многообразия источников инвестиций, к каким можно, на наш взгляд, можно отнести налоговые льготы и кредиты, обязательства по договорам о государственно-частном партнерстве о полном или частичном возврате расходов после введения объектов в рамках договора, финансирование строительства и ремонта объектов социально-инженерной инфраструктуры в рамках реализации политики корпоративной социальной ответственности (КСО), проектов инициативного бюджетирования и НКО с привлечением денежных средств граждан и бизнеса к их реализации и т.д.;

5) сложности учета в оценках инвестиций временного разрыва между осуществлением инвестиций и получением результата, который может быть от нескольких месяцев до десятка лет – в зависимости от типа реализуемого инвестиционного проекта и ВЭД.

РЕГИОНАЛЬНАЯ РЕНТНАЯ ЭКОНОМИКА КАК СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН¹

*Малыш Е.В., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Развитие теории ренты оказало существенное влияние на становление экономической науки и объяснение отличия прибыли предпринимателя от дохода собственника капитала, а также практики регулирования экономических отношений, поскольку всегда считалось, что коренное отличие ренты от всех других экономических категорий, состоит в её «незаработанности». Теория ренты является основой различных учений о собственности, о распределении ресурсов, о социальном устройстве общества; она постоянно развивается и

⁴ Кутергина Г.В., Иванова О.Г. Нефтегазовые комплексы и кластеры: идентификация и мониторинг в экономике региона // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2015. № 2(25). С. 99–110.

¹ Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ИЭ УрО РАН тема № 0404-2015-0025 в ИСГЗ ФАНО

пополняется. Вместе с тем существует почти всеобщее признание, что законченной теории ренты до сих пор не существует.

Современная теория рентных отношений призвана исследовать ренту как государственное, институциональное, системное и, что очень важно, социальное явление. Рентные отношения вышли за пределы микро, мезо, макроэкономики, вошли с одной стороны в сферу глобальной экономики, с другой стороны стала разрастаться массовость рентных явлений в обществе. В условиях глобализации экономики формирование социально-ориентированной системы рентных отношений становится одним из условий обеспечения устойчивого развития как отдельных или интегрированных экономических субъектов, так и экономики страны в целом и её регионов.

«Рентный» вопрос всегда «обострялся» в промежутки времени, когда экономика «искала пути» нового развития, новые источники роста. Рента стала меняться, она стала своеобразным и в чем-то даже новым и необычным явлением для современной экономики - феноменом региональной экономики. Новое постиндустриальное направление развития имеет характерные, присущие только ей эффекты:

- закон экономической отдачи стал в большинстве экономических сфер повышательным;
- экономический рост стал приобретать черты экспоненты;
- меняется общая модель хозяйствования: ведущую роль стала играть не промышленное производство, а сфера услуг;
- наращивается объем сетевой структуры взаимодействия субъектов;
- стремительное накопление интеллектуальной ренты и, что более важно, эксплуатация интеллектуального капитала;
- знания становятся тем факторам производства и потребления, адекватное использование которых дает значительные результаты даже при относительно незначительных объемах вложения ресурс;
- решение по-новому проблемы о структуре ресурсов экономики, их роли в воспроизводственном процессе и в приросте доходов частного и государственного секторов экономики.

Все эти основные эффекты стали особенно остро проявляться не только на уровне национальной экономики, но на уровне региональной экономики.

Эксплуатация региональных внутренних локальных рентообразующих ресурсов социально-экономического развития регионов до сих пор либо не использовались вовсе в рассмотрении источников роста и развития регионов и страны в целом, из-за слабости институтов капитализации рентных доходов в региональной экономике, либо используются отчасти, с не должной степенью эффективности.

Проведение исследований рентной экономики на уровне региона или региональной рентной экономики (будет считать эти выражения синонимичными) являются редким, объект подобных исследований плохо проработан и специфичен. Специфика заключается в «отрыве» теории ренты от методологии регионального развития.

Исследуем вопрос о возможности и условиях применения терминов рентных отношений на уровне региональной экономики.

Появлению научной литературе термина «рентная экономика» предшествовала достаточно многолетняя дискуссия о роли минерально-сырьевых ресурсов и природной ренты в формировании факторов экономического роста страны и её регионов. Подобные исследования ещё

назвали терминами «сырьевая» или «ресурсная» экономика и «рентный капитализм». Все эти термины связывались с нефтедобычей и с зависимостью экономики от извлечения углеводородной ренты. В настоящее время под влиянием процессов глобализации в терминологию, показывающую влияние ренты на экономику, стали вкладывать новый смысл. Покажем с чем связано разрастание традиционного понимания «рентной экономики».

Основное противоречие, которое отмечали экономисты, обсуждая сырьевой потенциал стран или регионов, было следующее: приведет ли «сырьевая» экономика в долгосрочной перспективе к деградации экономической системы вследствие экстенсивного характера использования ресурсов или, наоборот, большой сырьевой потенциал позволит получить и больший экономический рост, и даст возможность манипулирования странами без сырьевых ресурсов.

Анализу сущности ресурсно-сырьевой экономики посвящено большое число работ российских ученых, особенно на рубеже XX-XXI вв. Все они посвящены решению проблем ресурсообеспеченности и ресурсозависимости. Эта двойственность и проявляется в использовании ренты: ренты ресурсообеспеченности, в особенности углеводородные ренты, будет давать положительные эффекты в экономике при развитости общественных институтов доступа к ресурсам; ренты ресурсозависимости дают экономике только отрицательные ренты, связанные с недостатками использования ресурсного капитала.

Отрицательный характер рентно-сырьевой экономики основан, по нашему мнению, не на факте наличия или отсутствия ресурсов в экономике, а на крайне высокой волатильности сырьевых рынков. Природно-ресурсную ренту нужно не растрачивать, нам необходимо выработать механизмы управления ею, механизмы использования на благо сегодняшнего и будущего общества.

Итогом дискуссии о «ресурсном проклятии» для теории рентных отношений стало то, что, по нашему мнению, она «оторвалась» от проблематики природной ренты, её синтезировала в себя, распространила на другие виды рент, «извлекла положительные уроки».

По нашему мнению, на основе проведенного анализа можно обозначить черты современной российской рентной экономики, которые будут непосредственно влиять на развитие региональной экономики и на эффективность любой экономической деятельности на территории страны и региона.

1) Основная часть рентной экономики страны направлена на экспорт, в результате региональная экономика становится зависимой от мировых цен на сырье.

2) В сырьевой экономике низкая доля добавленной стоимости.

3) Издержки производителей не сырьевых отраслей разрастаются.

4) Не производительное истощение невозпроизводимых ресурсов.

5) Теряется эффективное воспроизводство других видов капитала.

6) Повышается макроэкономическая волатильность.

7) Темпы развития экономики сырьевого экспортера снижаются.

8) Снижается качество институциональных структур.

Большинство исследований, связанных с превращением экономики в рентную основаны, по сути, сосредотачиваются на решении как минимум двух основных вопросов:

1) при каких условиях развитие экономики, характеризуется как рентное;

2) рентное развитие неизбежно и/или существуют ли возможности для смены рентной модели экономики.

Требования к исследованиям современной теории рентных отношений выдвигаются самой природой этих отношений в обществе: особой взаимосвязью рентных отношений с отношениями собственности, с властными, ресурсными и распределительными отношениями.

По нашему мнению, основное противоречие, приводящее любые рентные отношения в отрицательную плоскость, состоит в противопоставлении ренты с условиями формирования свободного рыночного предпринимательского дохода. Устранение противоречий переводит результат воздействия рентных отношений на экономику в положительную плоскость. Каждый вид рентных отношений формирует свои тренды рентной ориентированности экономики. Все тренды концентрируются в единую тенденцию.

Синтезируя позиции отечественных авторов и во многом разделяя их, автор предложил выделить тренды рентной экономики, влияющие на эффективность экономической деятельности. Тренды, которые напрямую связаны с влиянием экспортно-сырьевой модели развития экономики России и с модернизацией рентной зависимости отечественного воспроизводства:

- изменяющийся характер отношений собственности,
- изменение форм эксплуатации,
- новые способы реализации власти хозяйствующими субъектами,
- новые требования к регулированию экономики, основанных на разрастании потоковых финансовых инструментах.

Тренды нарастания влияния рентной экономики напрямую связаны, по нашему мнению, с процессами глобализации только не прибыли, а с процессами глобализации ренты.

Глобализация является основой для формирования установки ухода от «совершенной модели» рыночной экономики - расширение перечня рыночных несовершенств, углубление процессов монополизации, увеличения возможности влияния политической власти на рыночные процессы, усиление политического контроля и другого.

Таким образом, можно увидеть, что процессы глобализации находятся в рамках двух противоположно направленных тенденций:

с одной стороны, обусловленных углублением и расширением процессов глобального (всеобщего, всеохватного, экзогенного) системного кризиса

и, с другой стороны, находятся под влиянием процессов интеграции, объединения, развития в форме глобализации (всеобщих, захватывающих все страны и народы, эндогенных).

Перечислим основные социально-экономические процессы, находящиеся в рамках тенденций глобализации. Укажем только те из них, на которых непосредственно сказывается влияние рентных отношений:

- замедление глобального роста,
- цикличность возникновения кризисов,
- истощение мировых запасов природно-сырьевых ресурсов,
- резкое увеличение потребления природных ресурсов,
- рост численности мирового населения, на фоне низкого уровня воспроизводства населения в европейских странах,
- рост глобального терроризма,
- расширение пространства экономической и социальной деградации,
- усиление конкуренции на мировых рынках,

- дисбалансы в мировой торговле,
- дисбалансы в движении капитала,
- диспропорции на мировом рынке труда,
- формирование новых региональных интеграционных объединений стран,
- рост доли транснациональных корпораций в совокупной мировой добавленной стоимости,
- рост мировых процессов концентрации производства,
- рост доли высокотехнологичной продукции в мировом объеме экспорта.

Рентная экономика всегда имела два оттенка. «Положительная» рента приносила пользу обществу и экономике. «Отрицательная» - не совсем «правильная», приносила вред развитию, тормозила темпы роста.

Следует констатировать, что сегодня рентные доходы аккумулируют лишь два экономических субъекта – предприятия, использующие рентные ресурсы, и государство – в лице государственного аппарата. Предприятия не могут их освоить даже для собственной инвестиционной политики. Государство формирует доходы бюджета, которые используются на цели государственной политики.

Сложившаяся политика российского государства в отношении рентных доходов приводит к отрицательным последствиям для экономики:

- 1) она стимулирует коррупцию органов управления в форме «платы» за доступ к рентным ресурсам;
- 2) укрыть рентный доход гораздо проще, чем любой другой вид дохода, что способствует непропорциональному обогащению и уходу от налогов;
- 3) собственники неоправданно высоких рентных доходов опосредованно влияют на увеличение цен, на инфляцию.

По итогам анализа современного применения понятия «рентная экономика» можно сделать вывод о том, что применение терминологии оправдано следующими всеобщими, системными тенденциями влияния рентных отношений на экономику:

- доминирование рентного способа гарантированного извлечения дохода над способом его конкурентного подтверждения;
- способствование монополизации рынков;
- феномен социально-экономического иждивенчества;
- сервисная функция собственности по отношению к власти;
- возникновение новых «не экономических» видов рентных доходов;
- формирование основных тенденций в распределении рентных доходов под воздействием мировых рент;
- перенос теории ренты с невозобновляемых источников на возобновляемые и связанные с социальной сферой.

По нашему мнению, анализ стратегий снижения влияния рентных отношений на развитие экономики большинство авторов проводятся исходя из таких посылов.

Первый подход масштабная технологическая модернизация производительных сил на основе развития фундаментальных и прикладных исследований, связанных с оптимизацией условий и факторов расширенного производства. В рамках этого подхода предполагается масштабное использование технологических рент.

Второй подход поддержание макроэкономической стабильности через изменение свойств экономической системы, измеряемых макроэкономическими

показателями, через обеспечение взаимосвязи между макроэкономическими регуляторами: низкая инфляция, регулирование курса национальной валюты, расширение конкуренции, удлинение горизонтов финансового рынка, развитие отраслей с высокой добавленной стоимостью, поддержание инноваций. Подход основан на использовании инновационных рент.

Третий подход, представленный исследованиями С.Ю. Глазьева и его последователями в вопросах формирования стратегии устойчивого развития российской экономики. Подход предполагает комплексное системное использование рент.

Очертим круг основных проблем, указывающих на необходимость применения терминологии «региональных рентных отношений».

1) Сужается сфера рентных отношений, в неё все чаще перестают входить присвоение и, что носит более глубокие последствия для экономики региона, распределение сверхприбыли в региональном хозяйстве происходит с перекосами рента «уходит» за пределы региона.

2) Важнейшими рентоуправляющими факторами становятся, в основном, цены, которые различаются как по регионам и от мировых цен. Колебания мировых цен трудно прогнозируются, но становятся первопричиной резких колебаний рентных доходов внутристрановых и региональных агентов.

3) Субъекты присвоения ренты со временем становятся все крупнее и малочисленнее, малые и средние предприятия не имеют шансов влиться в число рентоориентированных субъектов.

4) Современная система цен становится все более и более подвижной, на неё влияют множество, часто противоречивых факторов, все это нарушает устойчивость цен, но это не позволяет строить хоть какие-то прогнозы по уровням рент.

5) Региональные объемы ренты напрямую связаны с мировыми колебаниями цен.

6) На уровне государства порядок формирования, присвоения, распределения и использования ренты нормативно определен, на уровне региона подобной регламентации нет.

НАПРАВЛЕНИЯ «ЗЕЛЕНОГО» РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

*Малыш Е.В., к.э.н.,
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург
Малыш К.О.
УрФУ, Екатеринбург*

Термин «зеленая экономика» введен в научный оборот уже порядка 25 лет назад. Считается, что впервые этот термин появился в работе «Проект зеленой экономики» (Blueprint for a Green Economy, Pearce et al, 1989 г.). Нужно сразу сказать, что указанная работа была проведена по теме «экономика устойчивого развития».

Начиная с 2008 года можно увидеть активное употребление термина при разработке международных программных документов. Мировой кризис обострил проблемы экономического развития, как всего мира, так и отдельных стран, и

регионов. Всеобщая докризисная модель экономического роста, основанная на количественном росте экономик, стала привносить в изменившихся условиях серьезные риски, связанные с экономической турбулентностью, дефицитом ресурсов, с процессами адаптации к изменениям климата, загрязнению окружающей среды и сокращению земного биоразнообразия.

Основной особенностью, поставленных в то время задач, стало понимание изменения подходов и взглядов на решение проблем экономического роста. Все увидели бесперспективность дальнейшего количественного роста экономики. Стало ясно, что качественный рост экономических систем может обусловить устойчивое развитие. Шаги, сделанные с долгосрочным настроем, в сторону устойчивых и социально справедливых решений дадут новые направления в обеспечении экономического роста и развития на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Концепция «зеленой» экономики возникла не на пустом месте. Даже поверхностный взгляд на идеи «зеленой» экономики, позволяет отнести её к теории благосостояния. Глубокое профессиональное воззрение, санкционирует более широкий спектр современных теорий и практик. «Зеленая» экономика творчески интегрирует идеи теории благосостояния и современных вариантов следующих теорий¹:

- теории качества жизни;
- теории больших циклов Кондратьева;
- теории пределов экономического роста;
- теории инновационного развития;
- институциональной теории;
- концепций динамического и органического роста;
- концепции динамического равновесия.

Несмотря на то, что «зеленая» экономика имеет такие корни, введение новой терминологии в теоретический экономический оборот четко обозначило основную проблему необходимости её изучения: как соотносятся отношения, свойственные «зеленой» экономике и процесс экономического развития и роста экономических систем. Другими словами, даст ли применение принципов «зеленой» экономики тех эффектов, которые от неё ожидают. Не станет ли применение «зеленой» экономики некой модой. Ни для кого не секрет, что выдвижение её принципов произошло «сверху вниз». Она «не рождена» практикой. Может быть, что это некая «красивая картинка», которую «двигают» для общественности, отвлекая внимание от решения реальных проблем. Тем более, что идеи «зеленой» экономики пришли на смену идеям постиндустриальной экономики.

Резюмируя точки зрения авторов различных докладов и работ прикладного характера в области «зеленой» экономики, можно сказать, что научная мысль западных исследователей понимает под «зеленой» экономикой «ориентированный на действие подход для достижения устойчивого развития». То есть «зеленая» экономика в большинстве случаев интерпретируется как некий набор инструментов, методов, позволяющих осуществить «сдвиг в сторону» более устойчивого и экологически ответственного производства и потребления.

Свойственное многим, упрощенное понимание проблем «зеленой»

---

¹ Лаврикова Ю.Г. Зеленая экономика в кластерном развитии / Ю.Г. Лаврикова, Е.В. Малыш // Региональная экономика. Теория и практика. – 2014. – № 36(363). - С. 48-59.

экономики, как некой части экономических отношений, уводит решение проблем экономического развития таким «способом» в некий, часто не взаимосвязанный, набор плоскостей, с координатами либо в ресурсоемкости экономики, либо с энергоемкости, либо с другими не менее важными, но частями общей проблемы устойчивого развития.

Мы считаем, в этой связи, оправданным применение системного подхода к проблемам «зеленой» экономики. Только системный подход, по нашему мнению, позволит выяснить, каким образом «зеленая» экономика будет способствовать ускорению процесса перехода к социально-ориентированному росту и устойчивому развитию. Возникает необходимость таких направлений системных исследований механизмов влияния «зеленых» экономических отношений на процессы устойчивого развития, как:

1) на всех уровнях экономической системы, нужно выяснить зависимость, взаимосвязь и взаимообусловленность между «зеленой» экономикой и устойчивым развитием, определить основные параметры механизма взаимосвязи, его пределы, составные части, уровни взаимодействия частей и их влияние на эффективность;

2) необходимы исследования наднациональной увязки экономических, социальных и экологических целей развития, как отдельных стран, так и мира в целом в рамках механизмов международного сотрудничества;

3) всё это вместе позволит разработать глобальную модель и определить сценарии развития «зеленой» экономики, включая взаимодействие в рамках международной торговли, инвестиций и передачи технологий.

Закономерности применения системного подхода к экономическим отношениям, определяют необходимость выделения системообразующих элементов. «Зеленые» экономические отношения по своей сути должны иметь некие особенности, по которым их можно будет выделить в отдельную подсистему.

По нашему мнению, экономические отношения «зеленой» экономики обладают особенностями, которые как раз и обеспечивают новые источники развития экономики и, вместе с тем, определяют основные элементы «зеленой» системы:

- «зеленый» рост производительности активов предприятий, основанный на ресурсо и энергосбережении, приоритет отдается наукоемким, высокотехнологичным, обрабатывающим и инфраструктурным отраслям с минимальным воздействием на окружающую среду;

- «зеленые» инновации создающие новые «зеленые» ценности;

- создание «зеленых» рынков путем стимулирования спроса и предложения на «зеленые» товары и услуги, с основной формулой эффективности: резкое снижение затрат природных ресурсов и объемов загрязнений на единицу конечного результата;

- повышение доверия «зеленых» инвесторов благодаря большей предсказуемости и стабильности того, как правительство будет решать основные экологические вопросы.

Таким образом, к «зеленым» отношениям можно применить все имеющиеся характеристики общественной системы, как «множества взаимосвязанных элементов, существующее в некотором окружении»:

- все элементы системы взаимосвязаны;

- единство с окружающей систему средой;

- «зеленая» система вложена в систему более высокого порядка;

- элементы «зеленой» системы – это элементы систем более низкого порядка (система производительности активов предприятия, система инноваций, система рынков, система доверия инвесторов).

По мнению Порфирьева Б.Н., механизм функционирования элементов «зеленой» экономики должен базироваться на следующих принципах:

- экоэффективность (максимизация полезных свойств товаров и услуг при одновременной минимизации воздействия на окружающую среду в течение всего жизненного цикла продукции);

- ресурсосбережение (принятие управленческих решений с учетом необходимости сохранения природных ресурсов);

- единство (согласованность действий всех субъектов национальной экономики, участвующих в процессе эко-развития);

- обучение и формирование экологической культуры в бизнесе и среди населения.

Для перехода к «зеленой» экономике на уровне региона можно выделить следующие предпосылки:

1) во всех основных секторах наблюдается либо низкоэффективное, либо неэффективное использование основных производственных непроизводимых ресурсов, но, вместе с тем, потенциал уменьшения ресурсопотребления существует;

2) несовершенство системы тарифо- и ценообразования на энергоресурсы тормозит технологическое совершенствование промышленности;

3) в регионах существует проблема ухудшения состояния природных ресурсов и окружающей среды по наиболее важным экологическим показателям. Отсутствует интегрированная система управления отходами. Также серьезной проблемой являются исторические отходы промышленности;

4) если смотреть на страну в целом, то все её регионы унаследовали территориальную неоднородность в экономическом развитии, в уровне жизни и в состоянии окружающей среды.

По нашему мнению, для Свердловской области нужно назвать следующие актуальные направления развития «зеленой» экономики:

1) внедрение возобновляемых источников энергии;

2) энергоэффективность в жилищном и коммунальном хозяйствах;

3) органическое земледелие в сельском хозяйстве;

4) совершенствование системы управления отходами;

5) совершенствование системы управления водными и лесными ресурсами;

6) развитие «чистого» транспорта;

7) сохранение и эффективное управление экосистемами региона.

Основными проблемами перехода российских регионов на «зеленый» курс экономического развития являются:

1) отсутствие законодательного регулирования в области «зеленой» экономики;

2) низкая эффективность экологического нормирования и экспертизы;

3) высокий уровень потребления природных ресурсов промышленностью;

4) существенные потери природных ресурсов при добыче, транспортировке и переработке.

«Зеленый» цвет ставит перед экономикой совсем не «зеленые» задачи, решение которых требуется в ближайшее время. Основной вопрос, без которого

идеи «зеленой» экономики останутся благими намерениями - это выяснение взаимосвязи и взаимообусловленности между «зеленой» экономикой и устойчивым развитием на всех уровнях экономических систем.

Как известно, основные противоречия, которые вызвали появление идей «зеленой» экономики основаны на таких утверждениях:

- невозможно бесконечно расширять сферу влияния в ограниченном пространстве;
- невозможно требовать удовлетворения бесконечно растущих потребностей в условиях ограниченности ресурсов;
- все процессы (экономические, социальные и экологические) взаимосвязаны.

Устойчивое развитие на базовых принципах «зеленой» экономики - это такое развитие экономических систем, когда воздействие на окружающую среду остается в пределах хозяйственной емкости биосферы без разрушения природной основы для воспроизводства жизни человека. Хозяйственная емкость биосферы понимается как предельно допустимое антропогенное воздействие на биосферу, превышение которого переводит ее в возмущенное состояние и со временем должно вызвать в ней необратимые деграционные процессы. Она есть главное ресурсно-экологическое ограничение экономического развития. Наиболее важные ресурсно-экологические ограничения связаны с хозяйственной емкостью среды, с физическими ресурсными ограничениями для невозобновляемых и возобновляемых природных ресурсов, с ассимиляционным потенциалом окружающей среды.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ

*Мельникова Л.В., к.э.н.
ИЗОПП СО РАН, Новосибирск*

Недавняя история попыток разработки отечественных стратегий пространственного развития характеризуется постоянной сменой позиций при выборе между целями пространственной эффективности и межрегионального равенства. Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации образца 2005 г. впервые провозгласила отказ от политики выравнивания. В до сих пор действующей Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. указаны обе цели пространственного развития: и формирование новых центров социально-экономического развития, и сокращение дифференциации уровня и качества жизни на территории страны. В проекте Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 г. (от Минрегионразвития) вновь провозглашена цель сбалансированного развития регионов. В то же время в Стратегии-2020 предлагались принципы стимулирования существующих центров роста и управляемого «сжатия» периферийных территорий. Новая версия закона о региональной политике «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» нацелена не на выравнивание, но на

сокращение пространственных различий в уровне и качестве жизни граждан и в уровне социально-экономического развития регионов; на решение накопившихся за 20 лет проблем обеспеченности территорий транспортной, энергетической и инженерной инфраструктурой; на дальнейшее развитие процесса урбанизации и на рост удовлетворённости граждан деятельностью органов власти. И, наконец, проект Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года видит в концентрации населения и ресурсов в крупнейших городах и чрезмерных межрегиональных контрастах внутренние вызовы пространственному развитию России. Целью Концепции впервые провозглашено «совершенствование пространственной организации страны».

В стратегических документах не принято обозначать приверженность авторов определенным теориям, хотя они неявно присутствуют в любой стратегической разработке. В новых Основах региональной политики в духе новой экономической географии подчеркивается, что развитие агломераций является необходимым условием обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках.¹ В то же время содержание большинства стратегий социально-экономического развития субъектов РФ обнаруживает, что они базируются на теориях середины 20 в., таких как кейнсианская теория экспортной базы или неоклассическая модель регионального роста. Как правило, экономическое развитие региона увязывается с привлечением новых фирм, созданием рабочих мест, строительством объектов инфраструктуры и ростом населения.

При этом наиболее влиятельными направлениями экономической мысли с 90-х гг. 20 в. являются новая экономическая география и теория эндогенного роста. Модели новой экономической географии используют теории торговли и несовершенной конкуренции, развитые в 1970-е годы, для изучения центробежных и центростремительных сил в пространственной экономике. Эти силы порождают пространственную структуру экономической деятельности. Теории эндогенного роста выявили роль знаний, накопления информации и ее распространения и инвестиций в человеческий капитал и далее развивались применительно к пространству, что позволило оценить роль агломерационных эффектов в распространении инноваций. Неомаршаллианские и неошумпетерианские теории выявили значение нематериальных составляющих конкурентоспособности региона: знаний, обучения, инноваций, социальных связей, социального капитала. Эти факторы оказывают влияние на конвергенцию региональных траекторий развития. Таким образом, современная региональная наука ориентирована на изучение движителей роста, предпринимательства и инноваций в теоретической и прикладной перспективе.

В настоящее время две крупные научные школы региональной политики ведут принципиальную полемику о соотношении целей эффективности и равенства в пространственном развитии. Они концентрируются вокруг Всемирного банка и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В работах Всемирного банка адаптируются положения новой экономической географии, теории региональных диспропорций Дж. Уильямсона и теории стадий развития региона А. Фишера и Э. Гувера. Аналитические

---

¹ Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/4/4951.html> (дата обращения: 12.04.2017).

документы ОЭСР базируются скорее на теориях эндогенного роста и развития региона. Всемирный банк рекомендует правительствам создавать условия для концентрации ресурсов в отдельных городах и регионах – точках роста, которые вносят наибольший вклад в национальную экономическую динамику, а в России содействовать концентрации населения в европейской части. Такой подход получил название «пространственно-нейтрального» (space-neutral approach) в смысле сознательного отказа от преференций в развитии отдельных регионов. ОЭСР рекомендует политику, которая определяет и ориентируется на возможности для будущего, мобилизуя недостаточно использованный потенциал и сосредоточивая ограниченные финансовые ресурсы на поощрении инновационных практик бизнеса и регионального управления. Такой «локально-адресный» подход (place-based approach) ставит значительно более сложную и отвечающую структуре современной экономики задачу по сравнению с простой территориальной концентрацией.

В силу ряда причин в российской экспертной среде широко популяризируется подход Всемирного банка. В этом духе были выдержаны ряд проектов национальных стратегий пространственного развития. Голоса приверженцев европейского подхода стали слышны в современном проекте Концепции Стратегии пространственного развития. Представляют интерес положения, по которым уже выработался консенсус в российской дискуссии по региональной политике.

Пространственная «мисаллокация», т.е. неправильное размещение производительных сил в России, в силу неэкономических соображений. В современной литературе «мисаллокация» трактуется как негативное последствие «коммунизма» для территориальной структуры экономики. Постулируется, что производственные мощности размещались на востоке страны волонтаристски, по принципу равномерного размещения производительных сил по территории, приписываемого Ф. Энгельсу. В результате территориальная структура оказалась искаженной по сравнению с той, которая сложилась бы в результате действия рыночных сил в условиях свободной конкуренции и совершенной мобильности производственных факторов, т.е. в условиях неоклассической модели. Известные оценки пространственной мисаллокации относятся к структуре городского расселения и степени перенаселенности восточных регионов страны.

Неправильная кривая Ципфа. Во многих странах размеры городов хорошо аппроксимируются Парето-распределением. Однако существующая литература до сих пор не может предоставить убедительное экономическое объяснение этой закономерности, называемой «закон Ципфа»². При этом утверждается, что в России не хватает крупных городов с населением 1,5-4,0 млн чел. что позволило бы улучшить качество построенной на основе «закона Ципфа» линейной регрессии³. Специалисты Всемирного банка вменяют закону Ципфа функцию индикатора «рыночности» исторического развития страны. Отсюда следуют рекомендации стимулировать «обратную миграцию», и т.п.

Перенаселенность восточных регионов страны. Этот тезис, необоснованно приписываемый различным политическим деятелям, в

---

² Masahisa Fujita, Thisse J.M. The Formation of Economic Agglomerations: Old Problems and New Perspectives // In Economics of Cities: Theoretical Perspectives, Huriot, Jean-Marie and Jacques-François Thisse (Editors), (Cambridge, UK: Cambridge University Press). - P. 9.

³ От экономики переходного периода к экономике развития. Меморандум об экономическом положении Российской Федерации. Апрель, 2004 год. Всемирный банк. - С. 18.

действительности был опубликован в популярной книге «Сибирское проклятье». Единственная количественная оценка была получена на основе т.н. контрфактического моделирования, в предположении, что в течение советского периода направления миграционных потоков в России были бы подобны канадским.⁴

Территориальная концентрация производства – драйвер экономического роста при переходе от аграрной экономики к индустриальной и постиндустриальной. Согласно популярному расчету, половина мирового ВВП производится на 1,5% территории планеты. Отсюда следует, что поощрять мерами региональной политики развитие периферийных регионов, – значит лишиться стимулов роста в масштабе национальной экономики. С другой стороны, исследования экономического роста в странах ОЭСР за 1995–2007 гг. в разрезе 335 регионов обнаружили, что 14 крупнейших регионов-«хабов», составляющих 4% общего числа регионов обеспечивают 1/3 совокупного роста ВВП ОЭСР, тогда как подавляющую часть роста, 2/3, дают остальные регионы. Отсюда следует противоположный вывод: вклад региона в экономическую динамику не обязательно жёстко связан с его размером. Аналогичный подход к анализу вкладов российских регионов в рост ВРП за 1998–2011 гг. показал, что динамичность региональной экономики действительно не связана с её размером. Построение зависимости ранга региона по вкладу в рост от его вклада в совокупный рост позволило выделить четыре группы регионов, вносящих близкие по размеру вклады (по признаку разрывов данной зависимости в логарифмическом масштабе). Распределение быстро растущих регионов по группам оказалось почти равномерным.⁵

Сглаживание межрегиональной дифференциации с ростом экономического развития страны. Это наблюдение подтверждается существованием зависимости между национальными показателями ВВП на душу населения и межрегиональным неравенством, измеряемым коэффициентом Джини, для 20 стран ОЭСР и стран БРИК. Ему приписывают характер естественного и универсального закона, следуя известным теориям стадий развития У. Ростоу и Дж. Уильямсона, разработанным в 1960-е годы. Но в современной экономике существуют рыночные и институциональные факторы, которые поддерживают притягательность центральных регионов и позволяют им побеждать в конкурентной борьбе за инвестиции и работников. Рост продолжает концентрироваться в ядре, не перетекая на периферию. Отсюда следует противоположный тезис «с ростом национального благосостояния межрегиональное неравенство усиливается» Он подтверждается анализом зависимости роста и неравенства в динамике. С 1995 г. по 2010 г., рассчитанный нами уровень межрегионального неравенства на указанной выборке вырос на полтора пункта коэффициента Джини.⁶

*Более высокая эффективность крупных городов – тезис, который считается самоочевидным.*⁷ Экономическая теория обосновывает снижение

---

⁴ Gaddy C., Hill F. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brookings Institution Press, Washington D.C. 2003

⁵ Мельникова Л.В. "Пространственно-нейтральная" и "локально-адресная" региональная политика: проблемы выбора // Регион: экономика и социология. - 2014. - № 1. - С. 64-85.

⁶ Мельникова Л.В. Региональная наука в поисках консенсуса, региональная политика в поисках целей // ЭКО. - 2014. - № 4. - С. 28-51.

⁷ Тезисы выступления министра Э.С. Набиуллиной на пленарном заседании Московского урбанистического форума «Глобальные решения для российских городов», Москва, 8 декабря

производственных издержек и увеличение выпуска при росте агломерации следующим образом. В классической теории размещения А. Вебера концентрация фирм в агломерации обеспечивает им снижение затрат на производственные факторы, перевешивающее возможное увеличение транспортных затрат. Кроме того, согласно А. Маршаллу, снижаются затраты на получение информации, на пользование специализированными производственными услугами и инфраструктурой, на поиски квалифицированного труда и его обучение. Б. Олин и Э. Гувер относят эти эффекты к проявлению локализационной отдачи от масштаба, в отличие от урбанизационной отдачи, которая возникает, если в большом городе собираются компании разных отраслей, поставщики, производители и потребители, и это делает для всех более доступными разнообразные общественные блага, социально-бытовую инфраструктуру, правительственные и информационные услуги, цена которых снижается с ростом количества пользователей. Рост выпуска в агломерации происходит в соответствии с принципом «круговой и кумулятивной причинности» Г. Мюрдаля: возможность получить эффекты масштаба привлекает в город все больше фирм, а повышенные доходы – работников, что обеспечивает дальнейший рост спроса на разнообразные продукты и услуги. Увеличение спроса в свою очередь позволяет фирмам нарастить масштаб производства и получить внутреннюю отдачу от масштаба, что обеспечивает возможности для создания инновационных продуктов, отличающихся высокой долей издержек на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Укрупнение фирм создает дополнительный спрос на продукты и услуги, и Ж. Будвиль, развивая теорию «полюсов роста» Ф. Перру применительно к пространству, подчеркивал роль крупных инновационных фирм в развитии промышленных кластеров. Кроме того, нахождение в агломерации облегчает распространение и обмен знаниями и навыками, что увеличивает объемы и уровень инноваций, а, следовательно, повышает уровень производительности труда.

Описанные взаимосвязи сводятся к афоризму Р. Флориды, согласно которому удвоение размера города приводит к более чем двукратному росту продукта, но требует менее чем двукратного роста издержек.⁸ Но популярность этого аргумента, кажется, основана на его буквальной трактовке. Наши расчеты на данных по городам ОЭСР, ЕС и России показали, что высокая производительность труда отнюдь не является свойством больших агломераций.⁹ Показатели размера городов (измеренного численностью населения) и производительности труда (измеренной по ВДС или по отгруженной продукции) не обнаружили корреляции в большинстве стран, за исключением США и Германии. Стоит подчеркнуть, что идеи школ «городской экономики» и «новой экономической географии», образующие теоретическую основу политики развития городских агломераций, возникали в основном на базе изучения эмпирических данных США.¹⁰

2011 г. // Сайт Минэкономразвития России. – URL:

http://www.economy.gov.ru/minec/press/news/doc20111208_004 (дата обращения: 01.06.2017).

⁸ Florida R. The Rise of the Creative Class –Revisited: Revised and Expanded. – New York: Basic Books, 2014.

⁹ Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. - 2017. - № 7. - С. 5-19.

¹⁰ Cox E., Longlands S. City Systems: The Role of Small and Medium-sized Towns and Cities in Growing the Northern Powerhouse // IPPR North, 2016. URL:

http://www.ippr.org/files/publications/pdf/city-systems_June2016.pdf (дата обращения: 01.06.2017).

Крупные города – драйверы роста национальной экономики. Наблюдения показывают, что потенциал роста необязательно сосредоточен именно в них. Измеряя рост по занятости, мы рассчитали в процентах прироста среднесписочной численности работников организаций по городам за период 2004-2013 гг., сгруппировали города по 10%-м интервалам изменений от «-80%» до «+100%», и для каждой группы определили число входящих в нее городов и среднюю численность населения по состоянию на 2013 г. Большинство миллионников распределилось по первым трем отрицательным интервалам, не подтвердив популярные аргументы о концентрации роста в крупных городах, либо об их большей устойчивости к спаду. Исключив миллионники, отметим, что средний размер 96 городов, показавших положительные темпы роста за указанный 10-летний период, не превышает 112 тыс. чел. (в среднем – 80 тыс. чел.). На другом полюсе – 98 городов, экономика которых сократилась в полтора раза и более, а их средний размер составляет 20 тыс. чел. Отрицать потенциал роста, присутствующий в экономике малых и средних городов, было бы неразумно.

Современная дискуссия по региональной политике показывает, что зачастую те или иные теоретические положения ложатся в основу стратегических документов в статусе самоочевидных, продвигаются ссылками на авторитеты, на практику «развитых стран» и другими риторическими приемами. Статистический анализ не всегда подтверждает выводы известных теорий. Успех простых аргументов свидетельствует о проблемах региональной науки не только в России, но и за рубежом.

БЮДЖЕТ КАК ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

*Наслунга К.С.,
Кашина Т.О.
ИЭ УрО РАН Екатеринбург*

Бюджетная система занимает центральное место в финансовой системе. Понятие «бюджет» многогранно, поэтому в финансовой теории существуют различные подходы к его определению.

В современной социально-экономической политике государства бюджет занимает важное место. С его помощью финансируются такие значимые для населения сферы как образование, здравоохранение, ЖКХ, социальная политика и прочие. Государственному бюджету как составной части финансовой системы присущи функции: распределительная (перераспределительная) и контрольная. Бюджет служит для формирования и перераспределения централизованных денежных фондов по уровням бюджетной системы, что способствует удовлетворению потребностей общества и создание материально-вещественной базы для выполнения органами государственной власти своих полномочий.

---

¹ Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН в рамках направления XI.171. Номер темы в ИСГЗ ФАНО № 0404-2015-0020.

Главным документом, регулирующим бюджетные отношения в РФ, является Бюджетный кодекс (БК РФ), согласно ему «бюджет – форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления». Денежные средства могут существовать в рамках бюджета только в определенной правовой форме, а именно как доходы бюджета, расходы бюджета и источники финансирования дефицита бюджета. Исходя из определений, приведенных законодателем в ст. 6 БК РФ, доходы и расходы бюджета различаются в зависимости от направления движения средств, т.е. операции зачисления и списания средств со счета бюджета.

С помощью бюджета государство может влиять на:

- уровень безработицы;
- развитие социально-экономической инфраструктуры;
- доходы населения;
- привлечение инвестиций;
- инфляцию;
- экономический рост.

Слово Бюджет произошло от английского budget, что означало мешок или саквояж. В XVI—XVII вв. палата общин утверждала субсидию королю, в конце заседания канцлер казначейства открывал портфель с законопроектом. Этот процесс назывался открытием бюджета. Позже бюджетом стал называться принятый парламентом документ, который содержал план доходов и расходов государства².

Роспись государственных доходов и расходов в России была принята в 1723 году. Но только с 1811 года данные росписи приняли форму бюджета.

На сегодняшний день существуют различные подходы к определению категории «бюджет».

К. Маркс писал, что бюджетом является соотношение расходной и доходной частей, т. е. сальдо бюджета (излишек или дефицит)³.

Фишер С. Рассматривал бюджет как детальную опись затрат, а также финансовых планов отдельных людей, компаний или правительств⁴.

Бриггем Ю., Гапенски Л. утверждают, что бюджет - план, подробно раскрывающий приток и отток средств в течение определенного планируемого периода времени⁵.

В.П. Дьяченко, трактовал бюджет как часть сферы денежных отношений, обусловленных социалистической организацией общественного производства⁶.

По словам В.Е. Хруцкого, бюджет – это и финансовое выражение целей, стратегии и намеченных мероприятий, и плановые финансовые сметы, и графики расходов, прогнозируемые финансовые результаты исполнения программ и затраты, необходимые для этого⁷.

---

² Сибигатулина Л.М. История теории бюджета // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2015. – №2 (7). – С. 243-245.

³ Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. – М: Полиakov, 1872. – Т. 1.

⁴ Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. – М., 1993. – С. 513.

⁵ Бриггем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент. СПб.: Экон. шк., 1997. 669 с.

⁶ Дьяченко В.П. Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. – М.: Наука, 1974. – С. 123.

⁷ Хруцкий В.Е. Управленческий потенциал в промышленности США. М.: Наука, 1988. 132 с.

Бланк И.А. считал, что бюджет – это оперативный финансовый план краткосрочного периода, разрабатываемый обычно в рамках до одного года, отражающий расходы и поступления финансовых средств в процессе осуществления конкретных видов хозяйственной деятельности⁸.

Константин Зусманович трактует бюджет, как прогнозируемое состояние основных финансовых отчетов на момент окончания заданного при планировании периода⁹ [9].

Керимов В.Е. рассматривает бюджет, как оперативный финансовый план, составленный, как правило, в рамках одного года, отражающий расходы и поступления средств по операционной, инвестиционной и финансовой деятельности предприятия¹⁰.

И так, понятие бюджет – это категория, которая рассматривается авторами с экономической стороны:

- соотношение расходной и доходной частей;
- финансовое выражение целей, стратегии и намеченных мероприятий;
- прогнозируемые финансовые результаты исполнения программ и затраты;
- оперативный финансовый план;
- прогнозируемое состояние основных финансовых отчетов
- расходы и поступления средств по операционной, инвестиционной и финансовой деятельности;
- количественное воплощение плана;
- капитал, который необходимо привлечь для достижения заданных планом целей.

Однако бюджет так же можно рассмотреть с правовой стороны:

- утверждается в форме закона;
- представляет собой сводную роспись доходов и расходов, предназначенных для выполнения функций органов власти;
- объем денежных средств бюджета контролируется структурным подразделением.

Итак, бюджет – это оперативный финансовый план, который утверждается в форме закона и представляет собой сводную роспись доходов и расходов, предназначенных для выполнения задач и функций органов власти по операционной, финансовой и инвестиционной деятельности, который прогнозирует состояние основных финансовых потоков.

Сущность бюджета реализуется через его основные функции, среди них можно выделить: распределительную, регулирующую, социальную, контрольную.

Под распределительной функцией подразумевается деление национального дохода между секторами экономики на разных уровнях бюджетной системы, с учетом наиболее значимых, на данном этапе развития государства, направлений.

---

⁸ Бланк И.А. Стратегия и тактика управления финансами. Киев: МП «ИТЕМЛтд»: СП «АДЕФ-Украина», 1996. 534 с.

⁹ Зусманович К. Как наладить бюджетный процесс // М: Журнал БОСС №1, 2001 <http://www.cfin.ru/press/boss/2001-01/10.shtml> (дата обращения 05.05.2017г)

¹⁰ Керимов В.Е. Бюджетирование и внутрихозяйственный контроль в торговле: Учеб. пособие / В.Е. Керимов, Д.С. Аболенский, П.В. Селиванов / Под ред. В.Е.Керимова. – М.: Эксмо, 2006 – 224с.

Регулирующая функция позволяет целенаправленно воздействовать на совокупные спрос и предложение, накопление и сбережение через систему государственных финансов (дотации, субсидии, субвенции, заказы), усиливать или сдерживать темпы производства¹¹.

Социальная политика страны направлена на повышение уровня занятости, снижение смертности и рост рождаемости, увеличение социальных пенсий и пособий, реализацию различные меры социальной поддержки населения. Повышение качества и уровня жизни населения проявляется через социальную функцию бюджета.

Контрольная функция, включает надзор за объемами поступлений и целевым расходованием средств.

Таким образом, бюджет является многосторонним понятием его можно рассматривать как с юридической, так и с экономической стороны. Через основные функции бюджета отражается его роль и значение для экономики государства.

НОВАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ ¹

*Орехова С.В., к.э.н.,
УрГЭУ, Екатеринбург
Кузьмин Е.А.,
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург
Ярошевич Н.Ю., к.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

В имеющихся классификациях механизмов организации и развития бизнеса изучаются три возможных варианта: предприятие функционирует самостоятельно, в рамках цепочки создания стоимости или в рамках сети. Сравнительный анализ традиционной (цепочка добавленной стоимости - pipeline business), сетевой (сети - network) и новой (технологической платформы - platform-technology) бизнес-моделей представлен в таблице 1.

Глобальные и региональные изменения, а также экономическая структура Уральского региона таковы, что оптимальной моделью развития промышленного предприятия на сегодняшний день является сеть. При этом исследования успешности крупнейших высокотехнологичных промышленных предприятий в качестве одного из базовых источников конкурентных преимуществ называют создание определенного типа сети – **технологической платформы (platform-technology или industry platform)**, описанной в работе А. Гавье и М. Кусумано.

---

¹¹ Швецов Ю.Г. Теоретические аспекты бюджета как экономической категории // Финансы и кредит. – 2012. – №27. – С. 64-71.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Теоретико-эмпирическая модель институционального взаимодействия на отраслевых рынках в России», № 17-32-01063.

Таблица 1

Сравнительный анализ механизмов развития предприятия

Критерии сравнения	Виды механизмов		
	Цепь создания стоимости (дуальная модель)	Сети	
		Простая сеть	Многосторонняя сеть (платформа)
Характеристика	Отношения двух предприятий при создании добавленной стоимости продукта	Отношения трех участников рынка, один из которых является посредником между продавцами и покупателями	Сеть, где предприятие-медиатор связывает группы потребителей между собой
Примеры компаний	McDonalds	Booking. com	Google, Siemens
Стратегические цели	Оптимизации внутренней среды, снижение затрат	Взаимодействие с внешней средой для максимизации эффекта от масштаба	Взаимодействие с внешней средой для максимизации эффекта от технологии и ценности для всей сети
Ядро бизнес-модели (медиатор)	Отсутствует (задача участников - приращение собственной прибыли)	Посредник (его задача - объединение участников)	Собственник технологического стандарта (его задача - генерирование прибыли сети)
Отношения с потребителем	1. Потребители не являются участниками бизнес-модели, контактируют с предприятием напрямую 2. Предприятия ориентированы на целевые группы клиентов	Потребители являются частью сети (продавцы и покупатели, для которых организовано взаимодействие)	1. Потребители являются проактивным участником сети 2. Потребители подразделяются на пользователей (user-customer) и плательщиков 3. Взаимодействие между потребителями определяется моделью бизнеса 4. Охват всех сегментов потребителей
Продукт	Товар или услуга (simple product)	Мультиатрибутивный товар (servitized product) - предложение товара вместе с комплексом услуг, связанных с его функционированием	Комплементарный товар (complementary product) – пучок продуктов и услуг, производимых разными предприятиями, объединенными единым стандартом
Виды главенствующих ресурсов	Физические активы Финансовые активы	Человеческий капитал, организационный и социальный капитал	Технология, социальный капитал
Собственность на ресурсы	Принадлежат предприятиям, четко специфицированы;	Принадлежат компаниям, четко специфицированы;	Объединение ресурсов в сети;

Критерии сравнения	Виды механизмов		
	Цепь создания стоимости (дуальная модель)	Сети	
		Простая сеть	Многосторонняя сеть (платформа)
	Владелец ресурса является его пользователем	Владелец ресурса не всегда является его пользователем.	Ресурсная «оркестровка». ²
Инновации	Закрытые, в рамках одного предприятия	Открыты для всех участников сети, взаимное стимулирование инноваций участников	

Технологическая платформа – это особый вид бизнес-модели, основанный на системе инноваций, присущих конкретной, относительно устойчивой сети. Держатель технологии – «компания-медиатор» (или ядро платформы) – обеспечивает взаимодействие в сети всех ее участников. База платформы – это наличие уникальной технологии (технологического стандарта), основанной на перманентных инновациях всех участников сети. Включенные в сеть предприятия учатся у компаний-лидеров, за счет чего происходит распространение технологий. Таким образом, объединение предприятий в сеть является источником долгосрочного роста отраслей и предприятий, входящих в нее.

Считаем, что логика такого типа бизнес-модели может быть использована и для традиционных промышленных предприятий, составляющих основу экономики Уральского региона.

Традиционная модель вертикальной интеграции в отраслях тяжелой промышленности основывается на классической цепи создания стоимости (supply chain или pipeline business), когда контроль носит линейный характер и от поставщиков сырья «движение ценности» постепенно переходит к производству конечного продукта. Однако в такой цепи наиболее эффективно взаимодействуют только смежные звенья, в результате чего качество, цена и другие параметры продукта плохо контролируются и прогнозируются. Кроме того, из цепи фактически выключен потребитель, для которого и создается ценность.

В национальном аспекте предложенный механизм позволит сохранить внутри платформы специфические активы, снизить транзакционные издержки и уровень цен для пользователей, объединить усилия и возможности, двигать дальше «цепочку спроса». Если предприятия включены в сеть, их технологический стандарт и ценообразование влияют на спрос комплементарных продуктов. Создание эффективных технологических платформ в промышленности может дать существенный мультипликативный эффект в развитии всей российской экономики.

Применение технологической платформы как механизма устойчивого развития промышленного предприятия приводит к целому ряду сетевых и рыночных эффектов, среди которых усиление конкуренции, рост концентрации и интеграции, смещение цепочки создания стоимости от производства к распределению, рост значимости неструктурированных данных (big data), усиление глобализации и создание очагов «новой локализации». Очевидно, что такое **«форматирование» рынков приводит к необходимости изменения промышленной политики, роли государства в регулировании рыночных**

² Термин из: Van Alstyne M.W., Parker G.G., Choudary S. Pipelins, Platforms, and the New Rules of Strategy. //Harvard Business Review, April 2016, pp. 54-62, p.57

отношений, поиска места и позиции государства в системе сетевых отношений, возникающих при функционировании технологической платформы. Государство не должно являться участником платформы, а скорее должно быть своеобразным регулятором, определяющим выбор технологического стандарта.

В Российской Федерации преобладает четко выраженный отраслевой подход к регулированию рынков, что подтверждается многочисленными нормативно-правовыми актами и «Стратегиями развития» отраслей и комплексов. Несмотря на понимание того, что ряд направлений государственного вмешательства распространяется на всю национальную экономику, планирование и прогнозирование результатов промышленной политики осуществляется в рамках «поотраслевого» подхода.

Новая промышленная политика, направленная на регулирование технологических платформ, может быть основана на двух основных постулатах.

1) Промышленная политика должна базироваться на мультиотраслевом подходе, что предполагает одновременное развитие целого ряда секторов экономики.

Поскольку главной характеристикой промышленной политики была и остается селективность (в силу ресурсной и прочих ограничений), важно определить «рэперные точки», на которых имеет смысл фокусировать усилия. Согласно исследованиям Высшей школы экономики, имеет смысл поддерживать следующие сектора:

- отрасли венчурного бизнеса, образования, рыночной инфраструктуры и коммуникаций, так как эти отрасли стратегически важны для создания условий развития других отраслей;

- отрасли реального сектора экономики и, в первую очередь тяжелая промышленность, являются «дойными коровами» для национальной экономики, и могут являться мультипликативным источником роста для других отраслей;

- отдельные сектора высоких технологий (по рыночным нишам), так как они являются мировыми лидерами;

- «мягкие» сектора, так как они могут развиваться на недорогой технической базе.

Такая научная задача на практике представляется достаточно сложновыполнимой и может при слабой проработке привести к отрицательным эффектам. Поэтому второй постулат является более реальным для реализации в ближайшее время.

2) Необходимость повышения качества национальной, общеэкономической институциональной среды.

Выделяют два основных направления изменения институциональной среды: снижение уровня неопределенности и модификация системы стимулов. Исследуя эволюцию подходов к изменениям институциональной среды в России (таблица 2), можно констатировать, что именно это путь трансформации промышленной политики выбрала Россия.

Таблица 2

Эволюция подходов к трансформации институциональной среды в России

Период	Стратегия трансформации	Цели стратегии	Результаты стратегии	Примеры трансформации институтов
1990-е гг.	Заимствование институтов	1 Стимулирование экономического роста; 2 Быстрое вхождение в рыночную экономику	1 Отторжение или низкая эффективность институтов из-за их несоответствия неформальным институтам; 2 Возникновение институциональных ловушек; 3 Рентоориентированное поведение участников	Организационно-правовые формы, налоговое законодательство, приватизация собственности
Начало 2000-х гг.	Коррекция институциональной среды	1 Снижение транзакционных издержек; 2 Спецификация прав собственности; 3 Стимулирование конкуренции	1 Снижение транзакционных издержек в краткосрочном периоде; 2 Отсутствие результатов по повышению транспарентности прав собственности и рынков	Корректировка законов о патентном праве, о банкротстве
2005 – 2014 гг.	Модернизация институциональной среды	Снижение административных барьеров	1 Снижение транзакционных издержек в долгосрочном периоде; 2 Учет внешних эффектов от деятельности институтов	Принцип «одного окна» при лицензировании и уплате налогов
С 2015 г.	Стратегия долгосрочного развития с учетом социокультурной специфики страны	1 Повышение эффективности институтов через взаимодействия «власть – бизнес – общество»; 2 Поддержка переговорной силы субъектов; 3 Развитие новых технологий традиционных видов промышленности	1 Учет внешних эффектов за счет трехстороннего взаимодействия; 2 Снижение транзакционных издержек в долгосрочном периоде;	Замена технического надзора обязательным страхованием и контролем со стороны саморегулируемых организаций; Политика «новой индустриализации» (совокупность мер)

Таким образом, идеи новой промышленной политики сводятся к системе следующих изменений:

единица управления – это фирма (точнее – сеть фирм, объединенных единым технологическим стандартом);

промышленная политика основывается не на отраслевом, а на мультиотраслевом подходе;

в рамках промышленной политики для каждой платформы необходима разработка отдельного сценария технологического развития.

ИССЛЕДОВАНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РЕГИОНАХ УРФО¹

*Печеркина М.С.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

В современных условиях изучение динамики экономических колебаний на уровне региона является важной составляющей экономического анализа. Экономика каждого отдельного региона имеет особенности, отличные от национальной экономики, составной частью которой она является, что приводит к различной реакции регионов на проявление макроэкономической нестабильности².

Понятия «кризис» и «кризисные явления», как правило, отождествляются между собой. Это обуславливает необходимость теоретического разделения этих понятий, определение признаков кризисных явлений. Попытка разграничения этих понятий осуществлена в работе³: кризисные явления выступают начальным этапом кризиса и получают свое развитие в кризисных процессах и в совокупности формируют кризис как экономическую категорию. Кризисные явления – одна из форм постоянно повторяющихся негативных действий в процессе производства, обмена и распределения материальных благ.

«Региональные кризисные процессы» определяются как совокупность явлений в экономическом пространстве, характеризующихся: 1) ухудшением основных экономических параметров (реального ВРП; инфляции и/или безработицы); 2) ограниченной территориальной локализацией (один или несколько регионов); 3) совпадением/несовпадением с национальной или мировой конъюнктурой; 4) разнообразием причин дисфункций территориальных

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16-06-00048а «Социальная парадигма регионального развития: выбор приоритетов и трансформация экономики».

² Зубаревич Н.В. Кризисы в постсоветской России: региональная проекция // Региональные исследования. – 2015. – №1(47). – С. 23-31.; Кашина Т.О., Наслунга К.С. Анализ проблем регионального бюджета Свердловской области // Журнал экономической теории. 2016. – № 4. – С. 55-64.

³ Управление кризисными явлениями на предприятиях промышленности в условиях нестабильной внешней среды / Безрукова Т.Л., Морковина С.С., Сибиряткина И.В. Под ред. Безруковой Т.Л. – Невинномысск: НИЭУП, 2006. – 160 с.

экономических параметров. Региональные кризисные процессы не имеют циклической динамики и явно выраженной временной повторяемости⁴.

Автор статьи предлагает считать **кризисные явления в регионе** как феномен, отражающий проявления социально-экономической нестабильности, имеющий ограниченную территориальную локализацию, отличающийся фазовым характером (латентная, явная, переломная фазы), а также в условиях нарастания рисков, как крайняя форма реализовавшегося риска.

В динамике кризисных явлений можно выделить три фазы:

- *латентную или скрытую*. В этой стадии идет накопление противоречий, увеличение рисков, угроз, но кризисные явления еще не проявляются в прямом снижении ключевых макроэкономических индикаторов;
- *явную*. Эта стадия открытого выражения кризисных явлений, резкого ухудшения показателей экономической конъюнктуры: падение ВРП, промышленного производства, снижения уровня жизни населения. В этой стадии нарушается устойчивость социально-экономической системы региона, возможны задержки в устранении кризисных явлений;
- *переломную*. В этой стадии начинают формироваться предпосылки для преодоления кризисных явлений, начинается постепенный рост экономических индикаторов.

Основываясь на предположении о сходстве природы периодически повторяющихся экономических кризисов, для российской экономики были выделены четыре маркера-предвестника кризисной ситуации: цена на нефть (перед кризисом наблюдается ее рост); курс доллара (укрепляется по отношению к национальной валюте); индекс РТС (фиксируется «разогрев» фондового рынка); инфляция (образуется инфляционная «яма»)⁵. Для исследования возникновения кризисных явлений в регионе как ответной реакции на кризис в стране были рассчитаны коэффициенты корреляции ВРП регионов УрФО с ВВП страны, и с обозначенными выше маркерами-предвестниками кризисной ситуации – коэффициенты корреляции ВРП регионов УрФО с ценой на нефть, индексом РТС и курсом доллара.

Корреляция применяется для выявления зависимости между изучаемыми явлениями. Коэффициент корреляции (R), изменяющийся от 0 до 1, определяет степень тесноты связи. Качественные оценки тесноты связи приведены в таблице 1⁶.

---

⁴ Данилова И.В., Гвоздецкая Е.В. Методические подходы к оценке кризисности субъектов Российской Федерации // Вестник ЮУрГУ. Серия Экономика и менеджмент. 2011. – Выпуск 18. – № 21(238). – С. 15-18.

⁵ Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение: монография / под ред. С.С. Сулакшина. – М.: Научный эксперт, 2012. – С. 186.

⁶ Факторный анализ, планирование и прогнозирование экономических и управленческих процессов в научно-исследовательской работе магистров: учеб.-метод. пособие / В.П. Постников, О.В. Буторина. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. – 130 с.; Бараз В.Р. Корреляционно-регрессионный анализ связи показателей коммерческой деятельности с использованием программы Excel: учебное пособие. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «УГТУ–УПИ», 2005. – 102 с. http://st.vstu.by/files/5513/7196/2002/-_____Excel_-__-_2005_-_102.pdf.

Таблица 1

Качественная оценка тесноты связи

Величина коэффициента корреляции	Характеристика силы связи
до 0,3	Практически отсутствует
0,3–0,5	Слабая
0,5–0,7	Заметная
0,7–0,9	Сильная
0,9–0,99	Очень сильная

В таблицах 2 и 3 представлены рассчитанные значения коэффициентов корреляции ВРП субъектов УрФО с ВВП России (по данным 1998-2014 гг.) и коэффициенты корреляции ВРП регионов УрФО с ценой на нефть (по статистическим данным 1998-2014 гг.), индексом РТС (по данным 2004-2014 гг.), курсом доллара (по данным 2000-2014 гг.).

Таблица 2

Значения коэффициентов корреляции ВРП субъектов УрФО с ВВП России

Субъекты УрФО	Коэффициент корреляции	Сила связи
Курганская область	0,80	сильная
Свердловская область	0,91	очень сильная
Тюменская область	0,80	сильная
ХМАО	0,76	сильная
ЯНАО	0,63	заметная
Челябинская область	0,94	очень сильная

Проведенный расчет коэффициентов корреляции ВРП субъектов УрФО с ВВП России показал, что субъекты УрФО можно разделить на три группы: Свердловская и Челябинская области – присутствует «очень сильная связь» с экономикой страны (значения коэффициента корреляции составляют 0,91 и 0,94 соответственно); Курганская, Тюменская области и ХМАО – «сильная связь» с экономикой страны (значения коэффициента корреляции составляют 0,80 и 0,76 соответственно); ЯНАО – «заметная связь» с экономикой страны (значение коэффициента корреляции составляет 0,63).

Таблица 3

Значения коэффициентов корреляции ВРП субъектов УрФО с ценой на нефть, индексом РТС и курсом доллара

Субъекты УрФО	Коэффициент корреляции					
	Нефть	Сила связи	Индекс РТС	Сила связи	Курс доллара	Сила связи
Курганская область	0,17	Практически отсутствует	0,33	Слабая	0,63	Заметная
Свердловская область	0,14	Практически отсутствует	0,43	Слабая	0,44	Слабая
Тюменская область	0,50	Заметная	0,05	Практически отсутствует	0,48	Слабая
ХМАО	0,57	Заметная	0,13	Практически отсутствует	0,46	Слабая
ЯНАО	0,08	Практически отсутствует	0,46	Слабая	0,005	Практически отсутствует
Челябинская область	0,18	Практически отсутствует	0,47	Слабая	0,40	Слабая

По маркерам-предвестникам кризисной ситуации сложилось следующее положение: ВРП Курганской области больше всего зависит от курса доллара («заметная связь»). Экономика Свердловской и Челябинской областей обладает «слабой связью» с индексом РТС и курсом доллара и практически отсутствует связь с нефтью. Расчет коэффициентов корреляции для Тюменской области и ХМАО показал наличие «заметной связи» с ценой на нефть, «слабой связи» с курсом доллара, а с индексом РТС – связь «практически отсутствует». Экономика ЯНАО характеризуется «слабой связью» с индексом РТС и практически «отсутствующей связью» с нефтью и курсом доллара.

Полученные результаты показывают неодинаковую связь экономики региона с экономикой страны и мировой экономикой, что особенно необходимо при исследовании кризисных явлений в регионах, поскольку присутствуют регионы, показывающие не только падение, но и рост на фоне падения ВВП России. Курганскую, Свердловскую и Челябинскую области можно отнести к регионам, в которых возникновение кризисных явлений будет совпадать с негативными изменениями в национальной экономике. Экономика ЯНАО в меньшей степени, чем три выше описанных области определяется экономикой страны, т.к. ЯНАО относительно независим от отобранных выше индикаторов, поэтому развитие кризисных явлений будет в большей степени определяться внутренними тенденциями развития региона. В Тюменской области и ХМАО возникновение кризисных явлений может быть взаимосвязано с резким падением цен на нефть.

Таким образом, нужен комплексный подход для изучения кризисных явлений в отдельно взятом регионе.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: МЕТОДОЛОГИЯ, ПРИМЕНЕНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

*Сергеев А. М., к.э.н.
УрГЮУ, Екатеринбург*

Сравнительный институциональный анализ представляет собой своеобразное соединение ряда современных направлений в экономической теории, прежде всего таких, как новая институциональная экономика и теория игр. В фокусе внимания этого течения – вопросы, характеризующие взаимосвязь институтов и общественного благосостояния. Например, каковы причинно-следственные связи между развитием институтов и состоянием экономики, почему в одних странах и регионах формируются институты, обуславливающие экономический рост, а в других, весьма похожих с точки зрения географических условий и обеспеченности природными ресурсами, нет? Поиску ответов на такого рода вопросы посвящены фундаментальные работы Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. Робинсона, М. Аоки, Л. Бальцеровича, А. Грейфа, Д. Родрика и многих других исследователей.

Схематически общую логику сравнительного институционального анализа можно представить следующим образом¹:

берется конкретная историческая ситуация;

---

¹ Ананьин О. И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М.: Наука, 2005. С. 187.

для ее интерпретации конструируется специальная контекстно-специфическая модель;

сначала эта модель фиксирует специфические институты, существенные для понимания данного исторического контекста;

затем она проходит эмпирическую проверку на адекватность;

после такой проверки модель используется для анализа взаимной согласованности различных институтов, их способности надежно координировать поведение экономических агентов;

на основании проведенного анализа объясняется устойчивое разнообразие институциональных форм, выполняющих однородные социальные функции.

Применение таких аналитических средств, как теория игр, обеспечивает, по мнению разработчиков сравнительного институционального анализа, его научность, универсальность и эффективность. Согласно М. Аоки, именно теоретико-игровые модели или равновесные игровые ситуации позволяют «пролить свет на природу некоторых базовых институциональных атрибутов, таких как многообразие (множественность состояний равновесия), устойчивость, взаимное соответствие (связывающее игры и стратегические дополняющее) и так далее»².

Аналогично А. Грейф рассматривает институты как самоподдерживающиеся равновесия в повторяющейся координационной игре, то есть как стратегии, доказавшие свою способность обеспечивать успех экономических агентов, которые им следуют. При этом теория игр не столько предполагает, что индивиды следуют правилам, сколько предлагает аналитический аппарат, позволяющий изучать, каким образом происходит эндогенное формирование поведения³.

Развивая методологию сравнительного институционального анализа, М. Аоки приходит к выводу о необходимости использования трехуровневого подхода к исследованию институтов⁴. На базисном онтологическом уровне изучение условий существования равновесных игр позволяет прояснить роль истории, отношений между индивидуальными решениями о выборе и социальными категориями, а также отношений между поведением и познанием в процессе институциональной эволюции. На промежуточном (сравнительном и историческом) уровне существенные формы правил игры должны идентифицироваться как множественное равновесие нормотворческих игр. И, наконец, на третьем (эмпирическом и политическом) уровне с использованием контекстно-специфических игровых моделей должен быть проанализирован конкретный процесс эволюции правил. Необходимо, чтобы решение этой задачи было найдено на основе понимания, достигнутого в процессе анализа двух предшествующих, более глубоких уровней.

Данная версия сравнительного институционального анализа активно применяется ее автором для исследования бизнес-корпораций как ассоциативных когнитивных систем, обоснования различных моделей корпоративного управления.

Значительный вклад в развитие сравнительного институционального анализа внесли Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон. «Экономический успех той или

---

² Аоки М. Корпорация в условиях растущего многообразия: познание, руководство и институты, М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 212.

³ Грейф А. Институты и путь к свободной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 153.

⁴ Аоки М. Указ. соч. С. 236.

иной страны зависит от институтов – правил, по которым работает ее экономика, – и стимулов, которые получают ее граждане», – справедливо утверждают они⁵. Специфической особенностью подхода этих наиболее часто цитируемых в последнее время ученых к проблеме взаимозависимости институциональных структур и экономического роста стало выделение в национальных экономиках двух типов институтов – инклюзивных и экстраактивных. Если первые из них являются «двигателями процветания», стимулируя участие больших групп населения в экономической активности, то вторые направлены на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части. В состав инклюзивных институтов обязательно входят защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности.

Важным положением концепции институционального развития Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона выступает критика «географической теории», согласно которой главную роль в экономическом росте играют географические факторы и климат. Они пишут: «История показывает, что не существует простой и долгосрочной связи между климатом и географией с одной стороны и экономическим процветанием – с другой»⁶. По их мнению, географическая теория – это пример теории, которая «не работает», поскольку не может объяснить не только мировое неравенство по доходам в целом, но и бессильна в вопросе о том, почему во многих странах, длительное время пребывающих в стагнации, начинается быстрый экономический рост.

Различиями в институтах может определяться неравенство среднедушевого дохода не только между странами, но и между регионами внутри отдельных стран⁷. Более того, внутристрановые различия в доходах, продуцируемые различия в качестве «местных» институтов, как показывают данные по двум американским континентам, в среднем значительно больше, чем межстрановые различия.

Положение Аджемоглу – Робинсона о том, что темпы экономического роста во многом обусловлены различными институциональными условиями, а не только и не столько различиями в пространственном размещении ресурсов, коммуникациях и природных факторах последовательно применяют В. В. Вольчик и И. М. Ширяев для интерпретации неравномерности развития российских регионов (особенно между центральными и периферийными федеральными округами). По их мнению, региональные институциональные различия основываются, прежде всего, на специфических для периферийных регионов неформальных институтах, структурирующих социальные взаимодействия и связи. Основанные на исторически обусловленной хозяйственной культуре и социальном капитале, периферийные институциональные системы в целом консервируют архаичные институты, препятствующие модернизации общества и экономики⁸.

---

⁵ Д. Аджемоглу, Дж. А. Робинсон. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Издательство АСТ, 2015. С. 104.

⁶ Там же. С. 73.

⁷ Acemoglu A., Dell M. Productivity differences between and within countries // American Economic Journal: Macroeconomics. 2010. Vol. 2. No 1.

⁸ Вольчик В. В., Ширяев И. М. Институциональные изменения в периферийных регионах: роль социального капитала // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 154 – 155.

Многие элементы методологии сравнительного институционального анализа фактически используются для оценки качества институтов в российских регионах, проведения межрегионального сопоставления индексов институтов, выявления динамики индексов региональных институтов на фоне общероссийских институциональных трендов. Так, в многоплановом исследовании А. Баранова, Е. Малкова, Л. Полищука и др. региональные институты в значительной степени противопоставляются экзогенным условиям развития регионов, главным образом географии, наличию природных ресурсов, исторически сложившейся структуре региональной экономики, социальным, культурным и этническим особенностям населения⁹, а разнообразные индикаторы институтов позволяют подтвердить их решающий вклад в региональное развитие.

Как правило, на региональном уровне сравнительного институционального анализа используются методы и подходы, апробированные ранее на национальном (межстрановом) уровне. Поэтому большой интерес представляет одна из последних работ Л. Бальцеровича и его коллег по сравнению траекторий экономического роста в парах стран, близких по географическому положению и культуре¹⁰. Это масштабное исследование подтвердило тезис о том, что непосредственные детерминанты экономического роста (накопление капитала, рост занятости, повышение факторной производительности и т.д.) сами зависят от некоторых более глубинных факторов, в том числе и прежде всего – от институтов. Сопоставление фактических данных показало, главными институтами ускорения роста выступают структура и степень защиты прав собственности, интенсивность конкуренции, фискальная политика государства и др. Эмпирический анализ подтверждает также наличие в определенных случаях институциональных барьеров развития, то есть таких состояний ключевых институтов ускорения роста, которые обрекают данную страну на медленный рост, а то и на стагнацию, вне зависимости от состояния других институтов.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

*Трунова О.Д.,
УрФУ, Екатеринбург
Rondo-Brovetto P., Prof., Dr
Alpen-Adria-Universität, Klagenfurt*

За последние два десятилетия государственно-частное партнерство (ГЧП) приобрело особую популярность в роли инструмента для предоставления общественных услуг в развитых и развивающихся странах.

Во многих научных работах обсуждение ГЧП вызывает противоречия, поскольку рассматривается в качестве новой многообещающей концепции, нового метода в сфере государственного управления и региональной политики.

---

⁹ Баранов А., Малков Е., Полищук Л., Рохлиц М., Слюняев Г. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // Вопросы экономики. 2015, № 2. С. 72.

¹⁰ Загадки экономического роста: движущие силы и кризисы – сравнительный анализ / Научные редакторы Л. Бальцерович и А. Жоньца. М.: Мысль, 2016.

Однако, данный инструмент отнюдь не новый. Доказательством этого могут служить многочисленные примеры в истории, иллюстрирующие существующее взаимодействие между государственным и частным структурами. В частности, оказание услуг по обслуживанию уличных фонарей в Англии в 18 в.

Несмотря на длительную историю развития данного понятия, в научной литературе продолжают множественные дискуссии по поводу определения государственно-частного партнерства, а также форм и видов кооперации, которые можно отнести к данному формату взаимодействия. Специалисты предлагают разнообразные подходы для исследования ГЧП не только с теоретической точки зрения, но и со стороны прикладных аспектов.

В данной работе проведен анализ существующих теоретических подходов к изучению ГЧП, представлено содержание государственно-частного партнерства в рамках обобщения разнообразных концепций в русскоязычной и зарубежной литературе. В результате выявлены основные тенденции среди отечественных и зарубежных авторов.

Таким образом, гипотезу исследования предлагается рассматривать в двух аспектах: на сегодняшний день до сих пор прослеживается отсутствие согласия среди специалистов по поводу дефиниции государственно-частного партнерства. Несмотря на существующее противоречие среди различных авторов - в русскоязычной, и в англоязычной литературе используются в схожие основные концепции для изучения ГЧП.

Целесообразно начать с вопроса о том, что представляет собой государственно-частное партнерство?

В литературе представлено множество определений государственно-частного партнерства, однако единая общепринятая дефиниция, с которой могли бы согласиться все специалисты, отсутствует. Для иллюстрации ниже приведены несколько определений, где ГЧП понимается как:

- «финансовые модели, применяемые государственным сектором для использования частного финансового капитала, позволяющие расширить возможностей для предпринимательских и государственных структур»;
- «инновационные методы, используемые государственным сектором для заключения соглашения с частной структурой, в рамках которого последняя предоставляет свой капитал и возможности (способности) для осуществления проектов в рамках определенного времени и бюджета, в то время как за государственным сектором закреплена ответственность предоставления данные услуги обществу в целях экономического развития и улучшения качества жизни»;
- «форма организации бизнеса с двумя специфическими особенностями: консолидация частных и государственных ресурсов (консолидированное предприятие) и обеспечение сопроизводства через улучшение взаимодействия и другие неисчисляемые выгоды»;
- «соглашение о сотрудничестве, основанное на взаимном участии (сверх того, что закреплено в контракте) между организациями государственного сектора и любыми структурами вне государственной сферы»;
- «институциональный и организационный альянс между органами государственной власти и структурами бизнеса, созданный с целью реализации социальных проектов в широком перечне сфер, начиная с развития стратегически важных областей экономики и заканчивая

услугами социального характера в масштабах страны или на уровне региона»;

- «партнерство между агентами государственного сектора и бизнес-структурами, включая организации научной и образовательной системы, нацеленное на решение проблем в общественно важных отраслях».
- «в широком смысле ГЧП означает, что частный сектор инвестирует в общественные продукты или услуги. В более узком смысле – действия, риски и ответственность организаций распределены между участниками».

В каждом определении авторы подчеркивают особенности, которые, по их мнению, являются ключевыми, поэтому одна концепция понимается по-разному. Это наглядно иллюстрирует одновременно существующее противоречие касательно сущности ГЧП и согласие в том, что ГЧП представляет форму взаимодействия между государственным и частным сектором в рамках реализации проекта с взаимными выгодами для обеих сторон. Так, китайские исследователи Денг и соавторы разделяют узкое и широкое определение ГЧП, российский специалист И.Макаров предлагает расширенное определение, рассматривая ГЧП в виде альянса. В противоположность, немецкий ученый Бовард добавляет, что в качестве партнеров государственного сектора могут выступать как бизнес-структуры, так и общественные объединения, включая НКО.

В рамках данной работы ГЧП представляется в виде комплекса средне- и долгосрочных форм взаимодействия между государственными структурами и частными, направленными на решение социально значимых задач, основанных на взаимовыгодных отношениях.

Различные специалисты акцентируют внимание на разные особенности ГЧП, что обуславливает специфичность выбранной теоретической основы для изучения соответствующей концепции.

Ряд исследователей рассматривает ГЧП с точки зрения теории контрактов. С этой точки зрения ГЧП представляется в виде комплексного проекта, например, инфраструктурного проекта, включающего несколько процессов (проектирование, строительство, эксплуатации объекта и др.). Госсектор делегирует все эти функции или их часть частной организации, стараясь при этом определить оптимальную форму контракта для соответствующей операции. В этом контексте пренебрегается синергетический эффект, т.к. проект разделяется на части.

Другие авторы используют альтернативный подход и предлагают исследовать ГЧП как совместное предприятие или сопроизводство благ. В данном случае возникает вопрос: какая форма производства благ будет оптимальна: силами госсектора, частной организации или совместными усилиями.

Ткаченко И. и Евсеева М. Предлагают стейкхолдерский подход для изучения ГЧП-проектов. Партнерство понимается как система взаимодействия в широком смысле, в которой учитываются общественные интересы и необходимость удовлетворения множества социальных и экономических нужд. Особенно подчеркивается роль общества в системе отношений между агентами. Так, ГЧП понимается как определенный временными рамками альянс государства и бизнеса, направленный на реализацию социально значимых проектов под контролем общества, основанный на взаимном выигрыше для всех сторон и прозрачных отношениях для всех участников кооперации. Таким

образом, можно вкратце проиллюстрировать несколько основных существующих подходов для изучения ГЧП среди различных авторов (рис.1).

Большинство исследователей фокусируются на двух ключевых теориях в качестве основы для изучения ГЧП: теории контрактов и теории регионального развития. Результаты библиографического анализа демонстрируют, что теория контрактов в основном используется зарубежными авторами на Западе. Данная концепция базируется на неоклассической теории, разработанной в 1970-х гг. в Европе и в Америке и сейчас получившей развитие, в том числе, в русскоязычной литературе. Основу теоретических рамок составляет допущение о провалах и неравномерности с точки зрения распределения информации, совершенной конкуренции, полноте рынков и отсутствии трансакционных издержек.

Другим распространенным подходом является Теория регионального развития, которая по большей части представлена в работах русскоязычных авторов, включая специалистов из Украины и Таджикистана.

В соответствии с данной концепцией, которая базируется на ключевых аспектах политической экономии, изучаются региональные системы в рамках государства и отдельных территорий. ГЧП часто рассматривается в качестве инструмента для регионального экономического развития и реализации территориальной стратегии.

ГЧП также изучается с точки зрения анализа и оценки рисков. Данный подход распространен в зарубежной литературе, где риски в ГЧП-проектах детально изучаются с помощью эмпирических методов исследования. В русскоязычных источниках данный подход представлен более поверхностно, описательно. Аналогичная ситуация наблюдается при изучении с использованием Финансового и инвестиционного анализа.

Ряд работ посвящен концептуальным вопросам ГЧП, однако среди авторов отсутствует единство. Основоположники изучения ГЧП австралийские исследователи Г.Ходж и Е.Грив определяют ГЧП как разветвленное «семейство», включающее множество различных видов и форм коопераций. Н.Муравьев и Н.Какабадзе разделяют ГЧП на две основные группы: институциональные и контрактные. Контрактные представляют специфический контракт, реализуемые в рамках государственно-частного взаимодействия, а институциональные партнерства образуются, когда собственниками одного предприятия совместно являются госсектор и частные инвесторы.

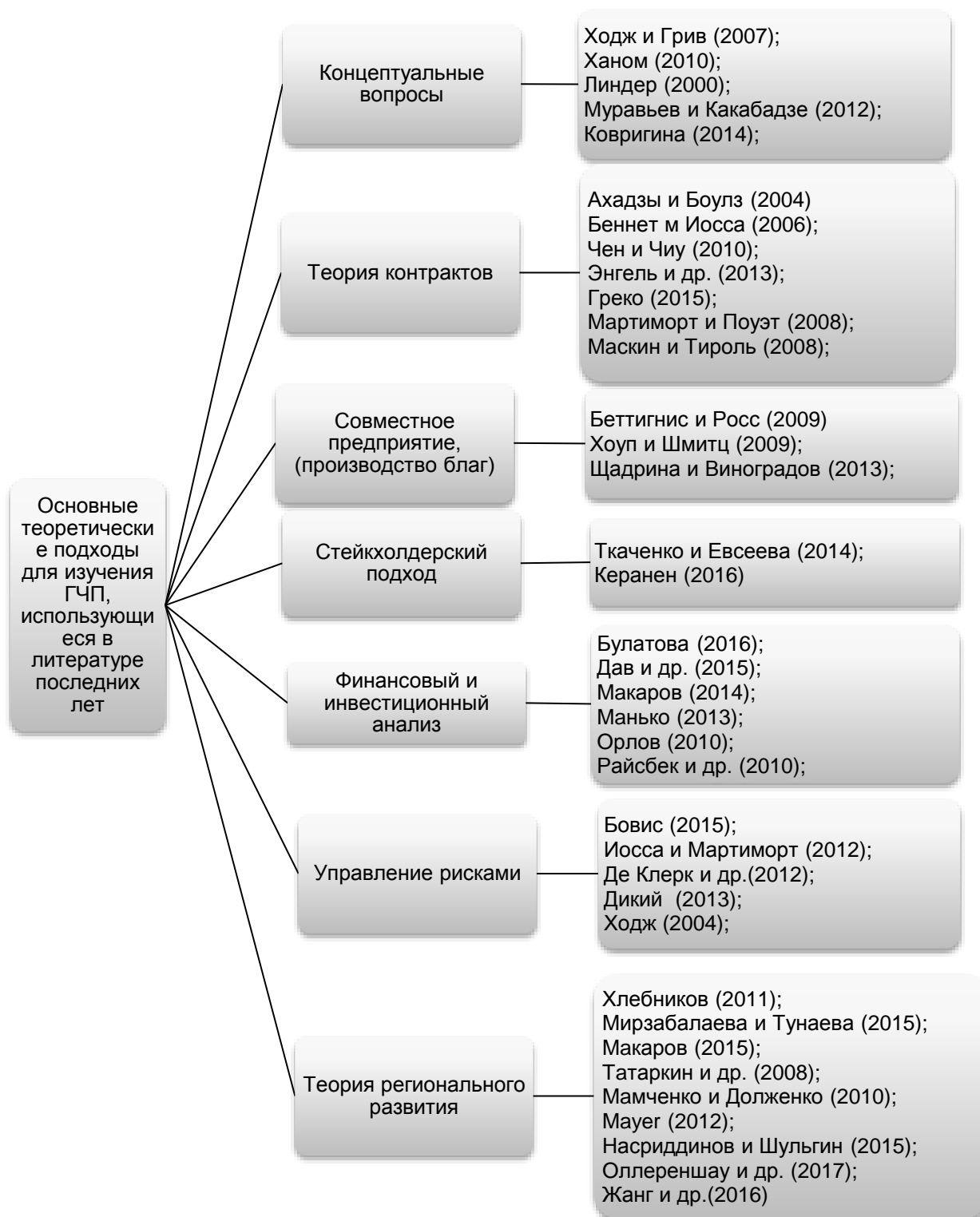

Рис.1. Существующие основные подходы для изучения ГЧП в научной литературе (2000–2017). Источник: составлено авторами.

Последний подход базируется на Теории регионального экономического развития. Данная позиция часто наблюдается для выделения специфических черт использования данной концепции в регионах России, а также в сравнении с другими государствами.

В дополнении к названным выше концепциям для изучения ГЧП, партнерство достаточно часто рассматривается с точки зрения законодательного регулирования.

Результаты анализа источников зарубежной и русскоязычной литературы можно обобщить в виде следующих основных моментов, доказывающих выдвигаемую ранее гипотезу:

- Изучение государственно-частного партнерства до сих пор неоднозначно понимается специалистами, несмотря на существующие работы, посвященные концептуальным вопросам. Данная ситуация формирует перспективы для дальнейших более глубоких исследований;
- Используемые в литературе основные подходы для изучения ГЧП в целом общие для российских и зарубежных авторов;
- Теория регионального развития для изучения ГЧП преимущественно представлена в русскоязычных источниках, в то время как Теория контрактов используется больше в англоязычной литературе;
- Изучение ГЧП с точки зрения финансового и инвестиционного анализа, Совместного предприятия и управления рисками в литературе представлено в основном в описательном виде, т.к. специфические черты использования ГЧП существенно зависят от контекста.

Соотношение материальных и средовых факторов в современном региональном развитии

ТРАНСПОРТНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГАХ

*Антропов В.А., д.э.н.
УрГУПС, Екатеринбург*

Транспортная отрасль России, как одна из ведущих отраслей, является локомотивом экономики. Она призвана решать проблемы развития транспортных коммуникаций, одна из которых – это строительство высокоскоростных магистралей (ВСМ).

Достаточно большое количество уже разработанных документов определяют гигантские объемы идущей и предстоящей работы, успех которой определяют профессионально подготовленные в транспортных университетах специалисты (бакалавры, магистры).

Работа идет «с колеса»: разрабатываются стратегии, программы, конкретизируются вопросы специфики подготовки кадров под ВСМ. Об этом шла речь на международной промышленной выставке в Екатеринбурге в июле 2017года.

Можно сказать, что развивающаяся система международных транспортных коммуникаций настроена на эффективное развитие экономики, а транспортные университеты нашли в ней свое законное место по всем уровням подготовки востребованных специалистов¹.

Это именно так по содержанию работы, а вот с формой представления результатов дела обстоят несколько иначе. Транспортные университеты России, к которым практически никогда не было претензий по качеству подготовки кадров, не значатся на передовых позициях практически ни в одном международном и российском рейтингах. А это подрывает имидж системы, формирует неверное представление о ее качественных характеристиках.

Примеров тому достаточно. Ситуацию с рейтингами можно рассмотреть на базе Рейтинга лучших университетов мира².

Уровень достижений университетов в нем оценивается на основании статистического анализа их деятельности, а также результатов ежегодного глобального экспертного опроса представителей международного академического сообщества и работодателей.

Анализ деятельности высших учебных заведений складывается из 13 показателей. Ниже представлены количественные и качественные показатели, по которым проводится оценка деятельности университетов.

- Академическая репутация университета, включая научную деятельность и качество образования (данные глобального экспертного опроса представителей международного академического сообщества).

- Научная репутация университета в определенных областях (данные глобального экспертного опроса представителей международного академического сообщества).

---

¹Антропов В.А. Проблемы модернизации и инноваций в российском профессиональном образовании. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. – 2013. – 104с.

² Рейтинг лучших университетов мира по версии Times Higher Education. Гуманитарная энциклопедия [2 Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). URL: <http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info>

- Общая цитируемость научных публикаций, нормализованная относительно разных областей исследований (данные анализа 12 тысяч научных журналов за пятилетний период).

- Отношение опубликованных научных статей к численности профессорско-преподавательского состава (данные анализа 12 тысяч научных журналов за пятилетний период).

- Объем финансирования исследовательской деятельности университета по отношению к численности профессорско-преподавательского состава.

- Объем финансирования сторонними компаниями исследовательской деятельности университета по отношению к численности профессорско-преподавательского состава.

- Отношение государственного финансирования исследовательской деятельности к общему исследовательскому бюджету университета.

- Отношение профессорско-преподавательского состава к общей численности обучающихся.

- Отношение количества иностранных представителей профессорско-преподавательского состава к численности местных коллег.

- Отношение количества иностранных студентов к общей численности обучающихся.

- Отношение защищенных диссертаций (Ph.D) к численности преподавательского состава.

- Отношение защищенных диссертаций (Ph.D) к численности бакалавров, идущих на звание магистра.

- Средний размер вознаграждения представителя преподавательского состава (показатель нормализуется по паритету покупательной способности, исходя из экономики конкретной страны).

По итогам ежегодного исследования составляется совокупный рейтинг лучших университетов мира.

По всем параметрам транспортные университеты результаты своей работы могут представить, т.е. в «игру» ввязываться можно. Другой вопрос, какое место мы займем, насколько комфортным оно нам покажется.

Боле того, в приведенном рейтинге указывается, что в нем не учитываются университеты, которые занимаются только специфическими областями исследований и имеют менее 200 научных публикаций в год.

Какой же путь выбрать? Обосновать специфику работы транспортной отрасли и ее подсистем, которая не учитывается международными и российскими рейтингами? На это есть основания: только в России существует транспортная образовательная система со своими специфическими характеристиками, которые неактуальны для других стран и их образовательных систем.

Возможны два варианта решения проблемы места транспортных университетов в рейтингах мира и России.

Первый заключается в осознании специфики транспортной отрасли, системы ее кадрового обеспечения и понимании невозможности занимать призовые места в университетских рейтингах по очевидным мотивам. Причем это понимание следует сделать брендом транспортных университетов и четко прописать: наша транспортная образовательная отрасль специфическая, а по своим характеристикам несравнимая с общепринятыми показателями известных международных и российских рейтингов.

В этом варианте следующим шагом будет согласование права транспортных университетов на «свой» рейтинг, а также приглашение к участию в нем других вузов. Это будет сильный ход их позиционирования на мировой арене профессиональных образовательных систем.

Такой шаг имеет полное право на реализацию хотя бы уже потому, что любая профессиональная образовательная система любой страны и отрасли имеет по определению общие инвариантные характеристики: по контингенту, инфраструктуре, финансовым потокам, трудоустройству и т.д.

С нашей точки зрения такой шаг будет тупиковым, отгораживающим транспортные вузы от мировых образовательных практик. Его следует проработать, но только «для себя», для анализа ситуации на личностном уровне собственного понимания.

Другой вариант предпочтительнее. Необходимо проанализировать сложившуюся в мировой практике ситуацию, осознать сильные и слабые стороны (SWOT- и STEEP-анализ) существующей транспортной образовательной системы, вычленив те характеристики, которые не под силу улучшить (без потери качества по другим параметрам!), обосновать безальтернативную специфику «наших» транспортных параметров и их возможный взаимозачет другими на инвариантной основе.

Другими словами, надо иметь отправную точку «А» с характеристиками известного рейтинга (лучше - их перечня), точку «Б» характеристик транспортной образовательной системы на сегодня, сравнительный анализ тех и других характеристик, определение пути достижения требуемых характеристик или обоснованного понимания невозможности такого достижения³.

Однако это путь простой аддитивной арифметики движения из точки А в точку Б. Гонясь за параметрами, мы можем забыть главное – качество и своевременность подготовки требуемых специалистов⁴. Чтобы этого не произошло, необходимо иметь еще одну точку В – характеристики, а лучше модель современного транспортного университета. Тогда движение из точки А в точку Б будет корректироваться характеристиками точки В.

Идя по этому пути, мы одновременно решим тактическую и стратегическую задачи: осознание своего места транспортного вуза в рейтингах и причинах нахождения на этом месте, дорожную карту движения «транспортных» показателей для того, чтобы занять достойное место в известных рейтингах, формулировка на этой основе модели транспортного университета и его дальнейшей реализации в соответствии с миссией и стратегией его развития⁵.

Работа с рейтингами в предлагаемом аспекте очевидно необходима, она позволит оценить ситуацию и сформировать путь к цели, т.е. к модели, сформулированной заранее и не противоречащей реальной ситуации во внешней среде.

Работа с рейтингами – это начало пути для последующей концептуальной проработки модели транспортного университета (опорный, региональный,

---

³Акатов Н.Б., Антропов В.А., Подбельский Н.В. DBA на Урале (Doctor of Business Administration in the Urals). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2012. – 123с.

⁴ Антропов В.А., Киселева Н.Н., Нестеров В.Л. Система управления качеством подготовки специалистов в отраслевом высшем учебном заведении. – Москва: ВИНТИ РАН, 2007. – 236с.

⁵ Ефимов А.В., Антропов В.А. Миссия университетов в условиях модернизации образования и реформирования транспортного комплекса/ Система менеджмента качества в вузе: Сборник материалов по повышению квалификации преподавателей университета. Вып. 1. – Екатеринбург: УрГУПС, 2005. – 252с.

исследовательский?), его места в регионе и сети дорог с необходимым пониманием личности молодого специалиста, подготавливаемым в университете.

Проблема актуализируется необходимостью пересмотра всей технологии обучения студентов под развитие ВСМ. Технологически она переходит в разряд проблем рейтинга.

Такой вывод можно сделать исходя из следующей логики развития:

модель вуза – модель молодого специалиста –

- вычленение основных характеристик обеих моделей,
их формализация в виде перечня и систем оценки –
ранжирование –

создание собственного рейтинга транспортных вузов

– экспериментальная апробация –

утверждение документа «Рейтинг транспортных университетов».

Проведенный анализ отечественных и зарубежных рейтингов даст возможность их сравнительного анализа. Он позволит ответить на вопрос: возможно ли войти «транспортному» рейтингу в состав известных, на каких условиях. Или это невозможно, как нецелесообразно создание железнодорожных университетов в странах Европы (по их мнению).

Рейтинги, модели специалиста и транспортного университета – триединая задача, востребованная жизнью. Для ее решения нужно понимание, что любые рейтинги опираются на модель вуза. Отсюда и вопрос: а какова модель транспортного вуза? И рядом органичный вопрос: модель современного специалиста, в т.ч. для высокоскоростных магистралей.

Такие задачи нами решаются в рамках межкафедральной госбюджетной научно-исследовательской работы по методологии, теории и практике развития транспортного образования России.

На этом пути стоят следующие задачи:

- Анализ существующих рейтингов оценки качества работы вузов; выявление ключевых показателей, методик их расчета.

- Анализ показателей (признаков) федеральных, национальных, исследовательских, предпринимательских, опорных университетов. Классификация признаков.

- Экспертная оценка ключевых показателей, значимых для транспортного университета.

- Разработка модели транспортного университета, «собственного» рейтинга или обоснование дорожной карты вхождения в мировые и российские рейтинги.

Формализация решения перечисленных задач на заключительном этапе возможна с привлечением теории распознавания образов для отнесения вуза по определенным параметрам к формализованной группе вузов (свой – чужой).

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЕ НА МЕЗОУРОВНЕ

*Ермакова Ж.А., д.э.н.
ОГУ, Оренбург*

Развитие малого и среднего предпринимательства в производственной сфере на мезоуровне связано с влиянием ряда факторов. По мнению одних авторов к наиболее значимым относятся факторы пространственного размещения производства¹. По мнению других ученых ключевыми факторами развития малого и среднего предпринимательства в производственной сфере на мезоуровне являются затратные характеристики производственных отношений². В настоящее время все больший акцент переносится на учет нематериальных факторов размещения производства³. Также интеграционные отношения в сфере малого и среднего предпринимательства приводят к повышению результативности развития данного явления⁴.

Рядом ученых изучается взаимосвязь развития малого и среднего предпринимательства в сфере производства со структурой потребительского спроса, которая, в свою очередь, отражает некоторый заданный уровень национального дохода и его распределение. По мнению уральских ученых такие факторы необходимо исследовать комплексно с позиции влияния: научно-технического прогресса, финансовой мезоэкономической системы, внешнеэкономических воздействий, ресурсной дифференциации территорий и др.

Ученые Оренбургского государственного университета изучили данную проблему, проведя социологическое исследование предпринимательского сообщества Оренбургской области, что позволило актуализировать современные особенности проявления факторов.

Была разработана анкета, которая включала 19 вопросов, позволяющих изучить предпринимательскую активность, оценить состояние конкуренции и конкурентной среды и проанализировать наличие барьеров для ведения предпринимательской деятельности. Было исследовано 1128 представителей предпринимательского сообщества во все муниципальные образования региона, в соответствии со структурой видового и пространственного распределения экономических субъектов малого и среднего предпринимательства. Таким образом, было опрошено 549 представителей розничной торговли, 210 представителей сельского и лесного хозяйства, 51 производитель пищевых продуктов, 43 предприятия транспорта и связи, 37 предприятий строительства, 35 предприятий текстильного и швейного производства и прочие экономические субъекты и др.

---

¹ Launhardt W. *Matematische Begründung der Volkswirtschaftslehre*. – Leipzig, 1885.; Вебер М. *Хозяйство и общество*: пер. с нем. под научн. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. 377 с.

² *Региональная экономика: учебник* / Под ред. В.И. Видяпина, М.В. Степанова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 686 с.

³ Cao J., L. L. Wang, X. P. Mu, 2013. *The Research on Product Quality Competitiveness Based on Innovation*. *Advanced Materials Research*, Vol. 744: 591-594.

⁴ Adamik A., 2016. *The mechanism of building competitiveness through strategic partnering*. *The Journal of University of Zielona Góra*, Vol. 20, Issue 1: 292-309.; Гречанюк С., Петрова Ю. *Эффективность интеграционных процессов в АПК // Экономика сельского хозяйства России*. – 2001. – № 2.

Краткая характеристика исследованной выборки выглядит следующим образом: 55 % субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляют свою деятельность более 5 лет, 33 % – от 1 до 5 лет, остальные менее 1 года. В 85 % исследованных экономических субъектах численность сотрудников до 15 чел., в 9 % – численность сотрудников от 15 чел. до 100 чел., в остальных – более 100 чел. У 66 % исследованных субъектов среднегодовой оборот составил до 120 млн. руб., у 7 % – 120-800 млн. руб.

По результатам проведенного социологического исследования были выявлены следующие факторы развития малого и среднего предпринимательства в производственной сфере на мезоуровне.

Уровень развития конкурентной среды в регионе.

В Оренбургской области анализ конкурентной среды предпринимательства позволяет утверждать о неразвитости конкуренции на рынках производимых товаров и услуг, что оказывает негативное влияние на рост качества предоставляемых услуг. Число конкурентов респондентами оценивается следующим образом от 1 до 3 – 31 %, более 4 конкурентов у 24 % опрошенных субъектов. Порядка 50 % опрошенных отметили увеличение уровня конкуренции за последние 3 года. При этом в России переход к конкурентной рыночной среде на значимых рынках пока не решил важнейшей задачи – повышение жизненного уровня населения страны.

Уровень спроса на продукцию и услуги на мезоуровне (на уровне региона и муниципальных образований).

Выявлено, что 48,3 % обследованных предпринимателей, ориентируются на производство продукции и услуг для рынка того муниципального образования, на территории которого они располагаются, еще 36,8 % экономических субъектов производят продукцию и услуги на региональный рынок.

Качество официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг.

Более 55 % опрошенных респондентов в той или иной мере удовлетворены качеством официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Оренбургской области и деятельности по содействию развитию конкуренции (см. табл. 1). Более 50 % предпринимателей отметили высокий уровень понятности и удобства получения официальной информации.

Тем не менее, значительная часть экономических субъектов (около 30 %) затруднились ответить на этот вопрос, что является негативной характеристикой, так как предприниматели, и экономически активное население не проинформированы о том, где можно получить необходимую информацию, что значительно сдерживает предпринимательскую активность в производственной сфере на мезоуровне.

Развитость в регионе сети поставщиков товаров и ресурсов, используемых в производственном процессе.

При проведении исследования было выявлено, что 35 % предпринимателей имеют не более 3 поставщиков основного закупаемого товара (работы, услуги), который приобретает представляемый вами бизнес для производства и реализации собственной продукции. Еще у 34 % не более 10 поставщиков.

В той или иной мере удовлетворены состоянием конкуренции между поставщиками товара (работы, услуги) или ресурсов, используемых в производственном процессе – 52 %.

Таблица 1

Распределение оценок респондентов качества официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Оренбургской области и деятельности по содействию развитию конкуренции, размещаемой в открытом доступе, %

№ п/п	Наименование параметра	Удовлетворительно	Скорее удовлетворительно	Скорее неудовлетворительно	Неудовлетворительное	Затрудняюсь ответить
	Уровень доступности	26,09	29,36	11,55	5,09	27,91
	Уровень понятности	22,42	30,90	11,99	5,90	28,78
	Удобство получения	24,20	27,78	12,79	6,44	28,79

Наличие административных барьеров на макроуровне.

Среди наиболее существенных для открытия бизнеса административных барьеров предприниматели считают высокие налоги (35 %), нестабильность российского законодательства (20 %), сложность процедуры получения лицензий (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение оценок респондентов о том, какие из административных барьеров являются наиболее существенными для открытия и ведения бизнеса, %

Одновременно, при другой постановке вопроса, большинство предпринимателей ответили, что административные барьеры легко преодолимы, либо их вовсе нет (см. рис. 2). Значительная доля предпринимателей затруднились ответить на данный вопрос, так как зачастую не владеют информацией о реализуемых в регионе программах поддержки малого и среднего предпринимательства, особенно в сфере материального производства.

24 % представителей предпринимательства заявили, что за последние 3 года бизнесу стало проще преодолевать административные барьеры, чем раньше, одновременно 33,7 % предпринимателей затруднились ответить на

вопрос о том, как изменился уровень административных барьеров на рынке, основном для бизнеса, который вы представляете, в течение последних 3 лет.

Характеристики подключения к услугам естественных монополий.

Наибольшее негативное влияние на развитие малого и среднего предпринимательства в производственной сфере на мезоуровне оказывает деятельность естественных монополий. По мнению предпринимательского сообщества, в большинстве случаев стоимость подключения к услугам основных естественных монополий является очень высокой (см. табл. 2).

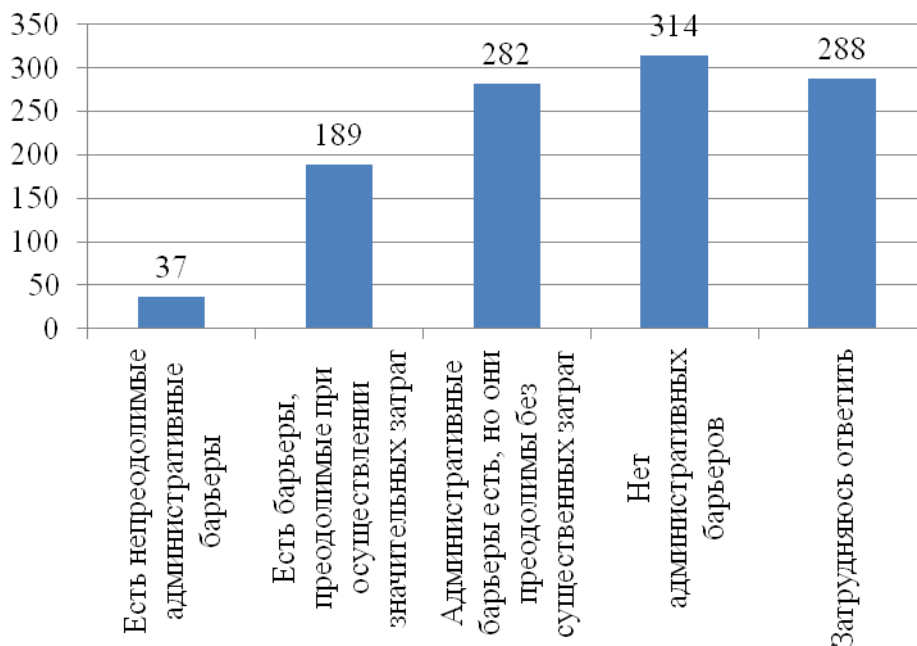

Рис. 2. Распределение оценок респондентов о том, насколько преодолимы имеющиеся административные барьеры при открытии и ведении бизнеса, ед.

При этом порядка 30 % опрошенных предпринимателей затруднились ответить на вопрос о том, насколько высокой является стоимость подключения к услугам естественных монополий, так как в большинстве случаев получение данной информации объективно затруднено.

Одновременно, более 50 % опрошенных предпринимателей удовлетворены сроками подключения к услугам естественных монополий. Однако присутствует неудовлетворенность количеством качеством процедур подключения к данным услугам, неудовлетворенными оказались более 30 %.

Таблица 2

Распределение оценок респондентов о том, насколько высокой является стоимость подключения к услугам естественных монополий, %

№ п/п	Наименование естественной монополии	Удовлетворительно/ низкая	Скорее удовлетворительно/ скорее низкая	Скорее неудовлетворительно/ скорее	Неудовлетворительно/ высокая	Затрудняюсь ответить
1	Водоснабжение, водоотведение	13,82	21,03	17,97	18,16	29,02
2	Газоснабжение	9,84	17,99	18,59	24,55	29,03
3	Электроснабжение	10,19	18,89	21,86	20,67	28,39
4	Теплоснабжение	10,15	17,11	19,70	18,51	34,53
5	Телефонная связь	14,73	19,64	19,04	16,43	30,16

Стоит отметить, что данное исследование еще окончено и находится в процессе дальнейшего проведения. Тем не менее, выделение факторов развития малого и среднего предпринимательства в производственной сфере на мезоуровне позволило определить детерминанты данного явления:

- уровень административных барьеров входа на региональные рынки производства товаров и услуг;
- степень институционального развития предпринимательства на мезоуровне;
- характеристики доступности услуг естественных монополий для малого и среднего предпринимательства в производственной сфере;
- нацеленность производителей малого и среднего бизнеса на рынок региона и муниципальных образований;
- величина платежеспособного спроса населения на товары и услуги малого и среднего предпринимательства в производственной сфере на мезоуровне и др.

Факторами, сдерживающими результативное развитие малого и среднего предпринимательства в производственной сфере на мезоуровне, по мнению бизнес-сообщества, являются: высокие ставки налогов в Российской Федерации, несовершенство российского законодательства, значительная сложность и стоимость подключения к услугам естественных монополий, недостаточное информационное сопровождение развития малого и среднего предпринимательства в производственной сфере на мезоуровне со стороны региональных органов государственной власти, низкая информированность предпринимателей о реализуемых программах поддержки малого и среднего предпринимательства и др.

ЗАРПЛАТНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ VS СТИМУЛ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РАБОТНИКА? (СЛУЧАЙ УРАЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ КОМПАНИИ)

*Калабина Е.Г., д.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

В современных условиях политика, осуществляемая различными организациями в области оплаты труда, детерминирована действием комбинации факторов: рыночных сил, норм трудового законодательства, позиции собственников и топ - менеджмента, степенью юнионизации работников, внутриорганизационным и профессиональным разделением труда, форм собственности и стадии жизненного цикла компании, финансово - экономического положения и др¹.

Каждый из факторов может обуславливать как логику, так и содержание элементов внутриорганизационной политики оплаты труда: постановку целей, выбор того или иного подхода к организации системы мотивации и стимулирования работников, взаимодействие субъектов политики – работников, работодателя, юнионизированных групп и других, принятие решений по размеру, структуре и принципам дифференциации оплаты труда, и в результате детерминировать выбор определенного типа политики. При этом логика формирования и развития внутриорганизационной политики в области оплаты труда, продиктованная влиянием различных детерминант, остается малоизученным вопросом системы отношений между работниками и работодателями. Отдельным аспектом политики в области оплаты труда в организации, требующим пристального рассмотрения, является проблема установления и поддержания зарплатного неравенства как инструмент реализации данной политики.

Известно, что внутриорганизационная политика оплаты труда является частью предметной области отношений между работником и работодателем в части выбора и построения мотивационной системы, эффективных трудовых контрактов, обеспечения конкурентоспособного уровня оплаты труда в соответствии со способностями, опытом, компетенциями, должностной позицией и ответственностью работника, а также формирования различных схем компенсационных и стимулирующих выплат². Фактически она является своеобразным промежуточным звеном в цепи детерминант дифференциации оплаты труда. С данной точки зрения влияние различных факторов – рыночных, институциональных, внутриорганизационных – на механизм зарплатообразования и его составляющие (повышение заработной платы, периодичность и условия выплаты стимулирующих выплат, диапазон зарплатного неравенства и его причины, а также др.), являющиеся сосредоточием интересов субъектов политики, предстает как следствие

---

¹ Сабирова Л.Т., Стукен Т.Ю. Внутрифирменная политика оплаты труда: теория и современная практика. - Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. - 232с.

² Заработная плата в России: эволюция и дифференциация: Монография под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2008. - 575 с.

проводимой политики в области оплаты труда³. Все это актуализирует эмпирические исследования в данной области, существенно ограниченные двумя обстоятельствами - необходимостью сохранения конфиденциальности персональных данных и доступа к информации о размерах и структуре заработной платы работников организации.

В связи с этим *цель* исследования состояла в изучении особенностей зарплатного неравенства работников промышленной компании с учетом стремления к установлению справедливой оплаты внутри организации и поддержания ее внешней конкурентоспособности как следствия реализации политики в области оплаты труда.

Для этого были выявлены значимые и измеряемые детерминанты дифференциации оплаты труда в организации – такие как: профессиональное разделение труда, специфичность условий труда, социально - демографические характеристики работников, форма собственности, количество отработанного времени, финансово - экономическое положение компании, тип локального и профессионального рынка труда, а затем проведен регрессионный анализ их влияния на уровень среднемесячной заработной платы по каждой профессионально-квалификационной группе работников.

Для измерения величины и характера зарплатного неравенства в промышленной компании был проведен дисперсионный анализ с помощью индекса Тейла (index Theil) по четырем профессионально-квалификационным группам работников.

Индекс Тейла (index Theil) как методический инструмент для измерения зарплатного неравенства обладает аддитивностью по отношению к разным подгруппам и позволяет интерпретировать полученные результаты в двух аспектах - как для описания изменения в размерах среднемесячной заработной платы между различными профессионально-квалификационными группами работников (Inter -Theil), так и для объяснения дисперсии в пределах уровней каждой группы (Intra -Theil). Кроме того, индекс Тейла выполняет аксиому декомпозиции и может раскладываться на межгрупповую и внутригрупповую компоненты, которые в сумме равны значению агрегированного индекса, что позволяет определить зарплатное неравенство в каждой группе работников.

Оценка зарплатного неравенства в целом и по основным профессионально-квалификационным группам работников проводилась по данным промышленной компании, расположенной в городе Екатеринбурге (таблица 1).

Таблица 1.

Индекс Тейла для оценки дифференциации среднемесячной заработной платы работников промышленной компании (по данным за 2013 - 2016 г, г. Екатеринбург)

Показатели измерения	Промышленная компания	
	2013 г.	2016г.
Межуровневый индекс Inter - Theil	0,0710 (36%)	0,0860 (39%)
Внутриуровневый индекс Intra-Theil	0,1143 (61%)	0,1346 (61%)

³ Калабина Е.Г. Эволюция системы отношений «работник – работодатель» в экономической организации – Екатеринбург, Изд-во Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 2011. – 437с.

Теоретические основания исследования опираются на утверждение, что работники, обладающие примерно одинаковыми компетенциями и навыками, а также выполняющие равный объем работ, могут получать разную заработную плату в силу объективных и субъективных причин⁴. Последствия существенных различий в заработных платах работников могут сказаться на деятельности организации как отрицательно, так и положительно. С одной стороны, могут возникать конфликты, попытки оказывать давление на выделенных работников и руководство, а также другие деструктивные действия. С другой стороны, производительность труда может возрасти (без роста затрат на оплату труда), появится здоровая конкуренция между работниками, проявится инициатива и творческий потенциал и т.д.

Тема зарплатного неравенства связана с концепцией справедливой оплаты труда. Справедливая оплата труда соотносится с квалификацией, уровнем образования, количеством и качеством труда работника. Если работник по сравнению со своими ближайшими работниками обладает лучшим образованием, выполняет повышенный объем работы более качественно, согласно теории справедливой оплаты труда, его работа будет оплачиваться в большем размере. Следовательно, зарплатное неравенство может быть элементом как справедливой, так и несправедливой оплаты труда, проводя подчас к неэффективному росту текучести и интенсивности труда.

Информационной базой исследования явились данные о размере и структуре среднемесячной заработной платы всех работников уральской промышленной компании, работающей в сфере строительства, которая предоставляет услуги по монтажу, ремонту и техническому обслуживанию башенных кранов, с 2013 по 2016 гг.

Данное промышленное предприятие было создано в 2001 г. и является типичным предприятием малого бизнеса в крупном мегаполисе, обслуживая производственные и строительные предприятия г. Екатеринбурга и Свердловской области. Численность персонала составляет свыше 100 человек, имеют основные фонды на сумму 510 млн. руб., средняя фактически выплаченная заработная плата, включая все группы работников, в 2015 году составляла 51 407 рублей, что по сравнению с 2013 годом увеличилась на 165 %. Для исследования влияния детерминант институциональной (соблюдение норм трудового законодательства), внешней (тип локального профессионального рынка труда, тип товарного рынка) и внутриорганизационной среды (системы оплаты труда, процедуры учета рабочего времени, социально-демографические характеристики работников и др.) были использованы данные среднемесячной заработной платы всех работников за 2013-2016 гг. (5023 наблюдения) и проведен регрессионный анализ с использованием уравнения Минцера.

В ходе эмпирического анализа зарплатного неравенства в организации на примере уральской промышленной компании были получены следующие результаты:

- прослеживается тенденция возрастания степени дифференциации среднемесячной заработной платы работников, прежде всего, в зависимости от их принадлежности к определенной профессионально - квалификационной группе. Поскольку на локальном профессиональном рынке труда существует повышенный спрос на сертифицированных машинистов башенных кранов,

---

⁴ Ощепков А.Ю. Неравенство в заработках: роль профессий: препринт WP3/2011/03 - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 54 с.

размер их вознаграждения детерминирован преимущественно дефицитом данных работников, т.е. действием рыночных факторов, а не внутриорганизационными факторами.

- для группы вспомогательных работников размер заработной платы детерминирован совокупностью факторов как внешней, так и внутренней среды организации, а степень дифференциации наименьшая.

- для группы административно – управленческого персонала более значимыми оказались внутриорганизационные факторы: реакция среднемесячной заработной платы на все другие детерминанты является в некоторой степени производной от финансово - экономического состояния предприятия

- проблемой, которая обнаружилась в ходе исследования, стал существенный (нередко более чем десятикратный) разрыв между зарплатами административно - управленческого персонала компании и другими группами работников, что создает у квалифицированных работников чувство несправедливости при оценке оплаты их труда.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ

*Карпов А.Л., к.э.н.,
Державин Н.Б.
ОмГУ, Омск*

Экономическая теория определяет, что конкурентоспособность региона в определенных отраслях соответствует наличию или отсутствию производственных факторов на определенной территории и эффективности их использования. Однако в наше время ясно, что без инноваций использованное сырье и природные ресурсы не дают достаточного преимущества конкурентоспособности. Чтобы быть конкурентоспособным региону без специализации, в соответствии с доступным в нем в достаточном количестве сырьем, в нем должны быть высокие технологические производственные факторы. Для их создания экономические субъекты привлекают как рабочую силу и рабочие ресурсы, так и инвестиции.

Регионы, которые будут способны создать и удержать на своей территории такую среду, которая позволит данным экономическим субъектам быть конкурентоспособными на мировом рынке и реализовать свои стратегии развития, получают более продуктивные производственные процессы и более квалифицированную рабочую силу. Конкурентоспособные предприятия смогут оказывать сильное влияние на весь регион и способствовать появлению дополнительных преимуществ региональной экономики.

Показатели, для которых были найдены подходящие данные, указаны ниже, по которым далее представлен корреляционный анализ:

- инвестиции (выбран показатель «Инвестиции в основной капитал» по данным Росстата);

- инновации (выбран показатель «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами: инновационных, млн. руб.» по данным Росстата);
- трудоспособное население (выбран показатель «Трудоспособное население, чел.» по данным Росстата);
- уровень знаний (выбран показатель «Индекс Человеческого Развития»);
- экспорт (выбран показатель «Внешняя торговля субъектов со странами дальнего зарубежья: экспорт»);
- миграция (выбраны показатели «Число прибывших в возрасте 14 лет и старше» и «Число выбывших в возрасте 14 лет и старше» по данным 2012 года).

Нами выделены шесть факторов, которые были ассоциированы с данными из официальных статистических источников. Основываясь на выбранных данных, ассоциированных с рядом факторов конкурентоспособности регионов, был сформулирован ряд гипотез, связанных с предположениями о значимости выделенных факторов по отношению к конкурентоспособности регионов.

Отметим, что для измерения корреляционной связи между выбранными факторами и региональной конкурентоспособностью нам было бы необходимо квантифицировать уровень региональной конкурентоспособности для каждого региона, используя, например, готовые индексы региональной конкурентоспособности. Такие индексы основываются на собственных предположениях о значимости тех или иных факторов по отношению к региональной конкурентоспособности. Поэтому такой подход был бы бессмысленным, так как нам пришлось бы рассматривать корреляцию между одними и теми же факторами. Чтобы решить такую проблему, был взят альтернативный уровню региональной конкурентоспособности показатель – валовый региональный продукт (ВРП), основываясь на предположении о том, что существует явная прямая зависимость между уровнем региональной конкурентоспособности и размером региональной экономики (ВРП).

Гипотеза 1: Инвестиции в основной капитал региона положительно коррелируют с ВРП.

Инвестиции являются основополагающим фактором конкурентоспособности региона. Так, эффективная региональная политика, необходимая для роста конкурентоспособности региона, возможна лишь при наличии необходимого объема финансовых ресурсов, которые, частично, обусловлены уровнем инвестиционной привлекательности региона.

Между ВРП и инвестициями в основной капитал имеет место линейная зависимость. Коэффициент корреляции при этом составляет 0.94, что подтверждает наличие сильной и положительной корреляционной связи между показателями.

Следовательно, гипотеза о зависимости ВРП и инвестиций в основной капитал региона подтвердилась. Из чего можно сделать вывод, что, при условии, что предположение, сделанное выше верно, инвестиции в основной капитал также имеют положительную корреляционную зависимость с уровнем региональной конкурентоспособности.

Можно выделить ряд причин почему инвестиции могут положительно влиять на конкурентоспособность региона:

- Приток инвестиции во вторичный сектор региональной экономики может стимулировать создание новых рабочих мест, развитие новых технологий и методов управления, повышая региональную конкурентоспособность;

- Инвестиции в сектор услуг региона могут повысить эффективность функционирования отраслей третичного сектора, приближая их к мировому уровню, что также положительно влияет на региональную конкурентоспособность;
- Инвестиции, направленные на внедрение инноваций, увеличивают конкурентоспособность региона через инновационное развитие региона (об инновациях будет сказано далее);
- Помимо всего прочего, инвестиции увеличивают доверие инвесторов к региону, что, в свою очередь, привлекает еще большие инвестиции (повышает инвестиционный климат региона).

Гипотеза 2: Инновации положительно коррелируют с ВРП.

Инновации способствуют увеличению производительности регионов, в том числе создавая конкурентные преимущества. Конкурентные преимущества, создаваемые в следствии инновационных введений, весьма разнообразны. Они могут положительно влиять на технологическую составляющую продуктов, производимых в регионе, на совершенствование бизнес-процессов, на научно-образовательную составляющую региона, и т.д.

Чтобы проверить действительно ли значим инновационный аспект в рамках конкурентоспособности региона, были взяты официальные данные Росстата по стоимости отгруженных инновационных товаров собственного производства, выполненных инновационных работ и услуг собственными силами.

Явная зависимость между уровнем ВРП и отгруженными инновационными товарами, выполненными работами, услугами не прослеживается. В данном случае, одной из причин отсутствия явной зависимости может быть низкий процент отгруженных инновационных товаров собственного производства и предоставленных инновационных работ и услуг в общей массе отгруженных товаров собственного производства и выполненных работ и услуг. Средний уровень инновационных товаров, работ, услуг по всем регионам РФ составляет всего 6.3% от общего объема товаров, работ, услуг. Результаты такого анализа могут ошибочно определять уровень зависимости инноваций и ВРП.

Для более точной оценки обратимся к индикатору инновационного развития регионов, который составляется в рамках квалификационного комитета ассоциации инновационных регионов России. Индикатор составляется из 23 показателей, которые входят в три группы: научные исследования и разработки, инновационная деятельность, социально-экономические условия инновационной деятельности. Индикатор может быть использован для оценки инновационной активности региона.

Между ВРП и индикатором инновационного развития по регионам имеет место нелинейная экспоненциальная зависимость. Коэффициент корреляции Спирмена составляет 0.62, что подтверждает наличие средней и положительной корреляционной связи между показателями. Таким образом, можно сделать вывод, что гипотеза о положительной корреляции между инновациями и ВРП, а соответственно и конкурентоспособностью региона, верна.

Гипотеза 3: Количество трудоспособного населения в регионе имеет положительную корреляционную зависимость с ВРП.

Безусловно конкурентоспособность региональной экономики зависит от наличия достаточных трудовых ресурсов. Трудовые ресурсы непосредственно влияют на экономический рост, соответственно, без достаточного количества трудоспособного населения экономический рост становится возможен только за

счет увеличения продуктивности и/или увеличения капитала. Таким образом, количество трудоспособного населения в регионе имеет значимое влияние на региональную конкурентоспособность.

Между валовым региональный продуктом и количеством трудоспособного населения отлично прослеживается взаимосвязь в регионах России.

Так как в работе мы предполагаем существеннее сильной зависимости между конкурентоспособностью региона и его экономическим положением, следовательно, подтверждается гипотеза о том, что количество трудоспособного население имеет положительную корреляционную связь с региональной конкурентоспособностью.

Гипотеза 4: Уровень знаний населения положительно коррелирует с ВРП.

На сегодняшний день знания являются одним из основных источников конкурентного преимущества на различных уровнях хозяйствования. Это означает, что в современных условиях знания становятся основой благосостояния.

На территории региона, уровень образования населения может влиять на тип размещаемого производства, т.е. чем выше уровень образования населения, тем выше вероятность развития технологически сложных производств, которые создают более высокую добавленную стоимость.

Также уровень образования (знаний) определяет отношение к инновациям, новым технологиям, что, в свою очередь, обуславливает потенциал экономического развития региона. Более того, частично от уровня образования населения зависит его предрасположенность к предпринимательской деятельности, что непосредственно влияет на развитие предпринимательской среды в регионе.

К сожалению, статистически довольно сложно определить уровень знаний населения или найти какой-либо средний показатель по региону. Росстат публикует данные по образованию в России, но ни количество студентов в регионе, ни доля людей, имеющих высшее образование в регионе, ни количество образовательных учреждений на территории региона не отражают полноценную картину, потому что, как минимум, не учитывают качество образовательных услуг, уровень знаний студентов, и т.д.

В силу отсутствия других данных на Росстате, для проверки гипотезы был взят Индекс Человеческого Развития (ИЧР) для оценки уровня образования (знаний). Нужно сказать, что ИЧР учитывает ряд показателей, которые не относятся напрямую к уровню знаний населения. Такие показатели, как продолжительность жизни и индекс дохода, но, как показывают исследования, косвенно влияют на качество образования. Так, например, показатель продолжительности жизни, зависящий от качества медицинских услуг, по результатам исследования всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), может влиять на образовательные результаты.

Между ВРП и ИЧР отчетливо прослеживается линейная зависимость. Исходя из этого, можно предположить, что гипотеза о зависимости ВРП и уровня образования верна, а соответственно и уровень региональной конкурентоспособности коррелирует с уровнем образования (знаний) населения.

Гипотеза 5: Экспорт из российских регионов положительно коррелирует с валовым региональным продуктом.

Увеличение экспорта из региона влечет за собой увеличение производства в регионе, порождающее дополнительные доходы, которые через

расходы на потребление и инвестирование также оказывают положительное влияние на региональную конкурентоспособность.

Между ВРП и экспортом прослеживается линейная зависимость. Коэффициент корреляции составляет 0.82, что подтверждает сильную прямую корреляционную зависимость между показателями.

Таким образом, подтверждается гипотеза о существовании корреляционной зависимости между ВРП и экспортом также, как и корреляционная связь между экспортом и региональной конкурентоспособностью.

Гипотеза 6: Миграция коррелирует с ВРП.

Говоря о миграции стоит обозначить несколько моментов:

Во-первых, существует трудовая и нетрудовая миграция. В данной работе нас интересует только трудовая миграция, так как трудовая миграция непосредственно связаны с рынком труда, следовательно, влияет на региональную экономику.

Во-вторых, существует два типа трудовой миграции: внешняя трудовая миграция и внутренняя трудовая миграция. К внешней трудовой миграции относится миграция, связанная с пересечением границы страны для вступления в трудовые отношения с работодателем в другой стране. Внутренняя трудовая миграция – это зачастую миграция из менее развитых регионов страны в более развитые. В данной работе нас более интересует внешняя трудовая миграция.

Во-третьих, миграция подразделяется на эмиграцию (выезд из страны или региона) и иммиграцию (въезд в страну или регион). Направление миграции зачастую определяется экономическими причинами.

Хоть нас и интересует только трудовая миграция, для проведения анализа были взяты данные по общей миграции в России, т.к. именно статистику по общей миграции предлагает Росстат. Для удобства, мы предположим, что распределение трудовой и нетрудовой миграции примерно одинакова по регионам.

Между размером региональной экономики и количеством мигрантов имеет место прямая зависимость. Коэффициенты корреляции между ВРП и числом прибывших и выбывших человек составляют 0.89 и 0.88 соответственно. Это подтверждает значимость гипотезы о существовании корреляционной связи между ВРП и миграцией.

Вообще, трудовая миграция может подразумевать как миграцию низкоквалифицированных кадров, так и высококвалифицированных. Низкоквалифицированные мигранты занимают рабочие места, которые на которых не хотят работать местные. Низкоквалифицированные мигранты зачастую плохо встраиваются в новое общество из-за низкого дохода и нестабильного социального статуса, что в целом негативно влияет на социально-экономическую ситуацию в регионе. С другой стороны, высококвалифицированные мигранты привносят знания и навыки, которые позволяют повышать конкурентоспособность компаний, на которые они устраиваются.

Нужно отметить, что не только иммиграция высококвалифицированных кадров может положительно влиять на конкурентоспособность региона, но и эмиграция. Люди, выезжающие на обучение или работу за границу, могут вернуться в страну, улучшив свои знания и навыки, и использовать их на уже на более высоком уровне.

Так, можно сделать вывод, что, во-первых, трудовая иммиграция высококвалифицированных кадров положительно влияет на региональную конкурентоспособность, во-вторых, трудовая эмиграция высококвалифицированных кадров может положительно влиять на конкурентоспособность региона, при условии, что не произойдет утечки мозгов и эмигрант вернется на родину.

Итак, как показывают результаты корреляционных анализов, все шесть предполагаемых факторов региональной конкурентоспособности, для которых были найдены данные (в том числе, инвестиции, инновации, трудоспособное население, уровень знаний, экспорт и миграция), оказались значимыми, другими словами, влияют на региональную конкурентоспособность.

ЕКАТЕРИНБУРГ КАК ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ ВНУТРЕННИХ МИГРАНТОВ: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ¹

*Козлова О.А., д.э.н.,
Тухтарова Е.Х.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Теоретическая основа для анализа внутренних мигрантов желающих приехать в Екатеринбург на постоянное место жительства

Современная российская действительность, вызванная серьезной региональной дифференциацией по доходам, экономическому и человеческому потенциалу, возможностям, историко – географическому развитию и т.д. создали предпосылки для внутреннего движения населения в стране. В результате серьезных региональных отличий в России были сформированы центры притяжения как для внутренних, так и внешних мигрантов.

На наш взгляд наиболее интересными теориями, позволяющими классифицировать факторы миграционных процессов, являются труды ученых за последние полвека. Одной из таких теоретических концепций является многофакторный подход к анализу миграции на примере модели «push - pull». Основателем этой направления является Эверетт С. Ли в 1966 г., его модель характеризуется несколькими факторами: выталкивания (push) и притяжения (pull)². Факторы выталкивания представляют собой набор различных условий в стране происхождения, которые стимулируют населения передвигаться. Данная теория базируется на сравнительном анализе условий между двумя странами или в нашем случае регионами. Отметим, что в рамках данной концепции факторами притяжения внутренних мигрантов из Свердловской области в Екатеринбург на постоянное место жительства (ПМЖ) будут являться следующее:

- возможности творческой самореализации,
- уровень доходов,
- социальные возможности региона (финансовая поддержка, фонды на развитие своего дела и т.д.),

---

¹ публикация подготовлена при поддержке РГНФ №16-02-00164 «Научно-методические инструментарий измерения оценки и управления факторами социально – экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России».

² Everett S. Lee A Theory of Migration // Demography, Vol. 3, No. 1. (1966), pp. 47-57.

Тогда как факторами выталкивания будут именно отсутствие перечисленных возможностей в области, регионе и т.д..

Другим подходом в рамках неоклассической теории является функция Кобба – Дугласа. Достоинством этой модели стало расширение возможностей для теоретического анализа, а именно гибкая замена капитала трудом. В условиях высокой цены капитала и относительно низкой оплаты труда за счет гибкости и некоторой взаимозаменяемости можно заменить более дефицитный ресурс – капитал, на менее дефицитный – труд³. Данная теория особенно хорошо объясняет развитие трудозатратных отраслей и экономики в целом. На наш взгляд в текущих условиях – сокращение финансовых возможностей региона, такая модель может быть одним из инструментов анализа. Мы полагаем, что сложившаяся трудозатратная экономика в городе Екатеринбург будет создавать условия для привлечения внутренних мигрантов из малых городов Свердловской области. Как известно в Екатеринбурге расположено большое количество заводов, которые в современных условиях не всегда могут направлять свои средства на модернизацию основных средств производства. Поэтому многие из них работают по принципу задействования большого количества труда. Однако, мы полагаем, что в условиях кризиса, такая модель может пробуксовывать, т.к. будут сокращаться возможности у различных контрагентов, а потому снижаться спрос на производимую продукцию. Поэтому в этих условиях будет сокращаться как спрос на труд, так и на капитал. Вместе с тем в отсутствие кризисных явлений в экономике, данная модель очень работоспособна.

Несомненно, заслуживает интереса в рамках неоклассического учения работа Дж. Харисса и М. Тодаро⁴. В 70-х годах прошлого столетия появилось новое течение как теория рациональных ожиданий. Эти исследователи попытались синтезировать модель притяжения – выталкивания с теорией рациональных ожиданий⁵. Основной тезис его работы заключается в следующем: объем миграции сильно зависит от величины разрыва между реальным заработком в регионе исхода мигранта и ожидаемым заработком на другой территории. Иначе говоря, в условиях высокой дифференциации внутри одной области разрыв в доходах в совокупности с представлениями о возможном его увеличении будет давать фон для миграционных процессов.

Еще одной теорией, на наш взгляд, объединяющей выше изложенные концепции является труд И. Валерстайна – мир системный анализ. Так, адаптируя теоретические воззрения И. Валерстайна на микроуровень, отметим, что в регионе могут быть образованы две системы: ядро и периферия. При этом ядро региона является зоной притяжения для миграционных потоков, тогда как периферия является донором и поставщиком трудовой силы.

Все выше перечисленные теоретические модели позволяют выделить социально – экономические факторы в рамках рынка труда. Между тем факторами миграционных процессов могут являться и демографические, и климатические и т.д. Так к демографическим факторам можно отнести те условия, которые представляет Екатеринбург для молодых поколений. Это и творческая самореализация, и более высокого уровня профессиональное

---

³ Нуреев Р.М. Теории развития: неоклассические модели становления рыночной экономики // Вопросы экономики, 2000, №5, С. 145 – 151.

⁴ Harris J., Todaro M. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review. 1970. № 60. P. 126–142.

⁵ Todaro M. Internal Migration in Developing Countries. Geneva, 1976.

обучение и многое другое. Тогда как климатические факторы также могут оказывать доминирующее воздействие в сочетании с демографическим и экономическими. Например, в молодом возрасте люди готовы работать в суровых климатических условиях, при этом накапливая финансовые возможности, которые реализуют в более зрелом возрасте с желанием мигрировать в более мягкие климатические зоны на ПМЖ. Вместе с тем мы полагаем, что все выше названные концепции можно синтезировать в комплексный подход для понимания миграционных процессов в Свердловской области, который позволяет выделить факторы и центры притяжения в городе Екатеринбург.

Предположения о возможных факторах и зонах притяжения для внутренних мигрантов в районах Екатеринбурга

Для того чтобы выделить факторы выталкивания и притяжения мигрантов на ПМЖ в Екатеринбург разделим предполагаемых внутренних мигрантов, желающих приехать на ПМЖ в Екатеринбург на некоторые категории:

1. трудовые мигранты из близлежащих городов,
2. студенты и выпускники ВУЗов города Екатеринбург,
3. бывшие жители Екатеринбурга, уехавшие на заработки в северные широты или другие регионы с более высоким заработком,
4. мигранты с других северных зон России (см. рис.).

Таким образом, у нас получилось 4 категории возможных мигрантов, которые могут приехать на ПМЖ в Екатеринбург. При этом их можно объединить в большие две категории с условным названием внутренние мигранты (перемещения внутри Свердловской области) и внешние мигранты по отношению к Свердловской области.

Вследствие разных возможностей у этих двух категорий мигрантов, центры притяжения будут сильно отличаться. К примеру, мигранты внутри Свердловской области, имеющие работу в Екатеринбурге, будут рассматривать возможность переезда на ПМЖ в город, учитывая свои возможности и потребности. Потребности могут быть связаны с мотивационными установками: улучшения своего экономического и социального положения, возможность не тратить время в дороге, доступность к социальной инфраструктуре города. Тогда как имеющие возможности будут несколько ограничивать мигрантов и вынуждать искать жилье с доступной ценой или кредитом. При этом второстепенную роль будут играть фактор близость к работе. Поэтому мы предполагаем, что выбор в пользу обоснования на ПМЖ будут рассматривать районы на окраине города, как в новостройках, так и на рынке вторичного жилья.

Другая категория студенты похожи с предыдущей категорией людей, единственное отличие близость к расположению ВУЗа. К примеру, как показывает практика, многие студенты арендуют жилье в Пионерском районе, вследствие его выгодного расположения и близостью к главным ВУЗам Екатеринбурга, а также наличием хорошей транспортной развязки.

Мигранты с мотивационными установками на ПМЖ в Екатеринбург

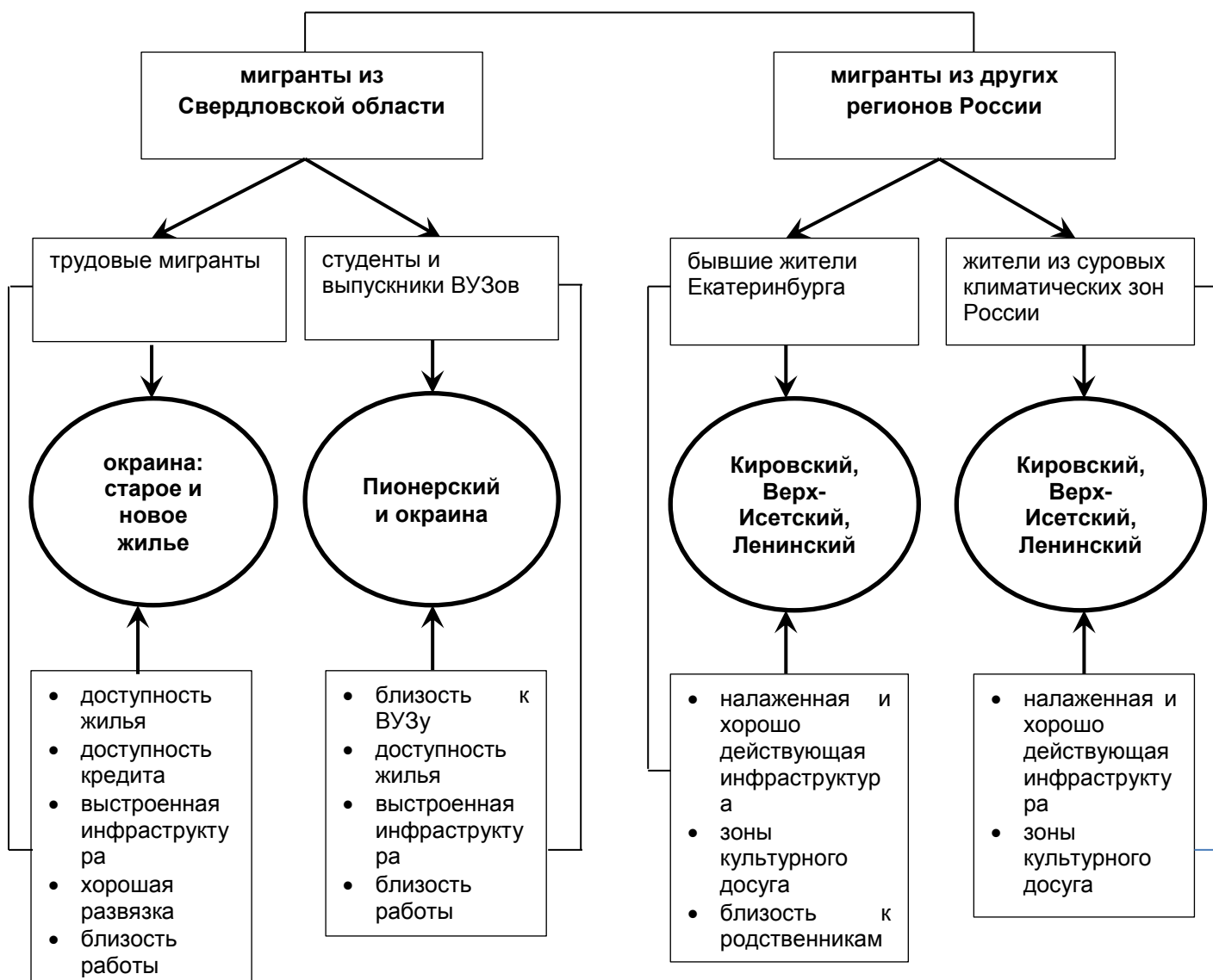

Рис.1. Центры притяжения мигрантов и факторы оказывающие влияние на выбор района в г. Екатеринбург

Тогда как другая категория, так называемые внешние мигранты, по отношению Свердловской области, но являющиеся гражданами РФ, находятся в других рамках возможностей, а потому для них будут свои центры притяжения. По нашему мнению, внешние мигранты, работающие в северных климатических зонах или Центральной части России имеют более высокие заработки, а потому финансовые возможности купить хорошее жилье в центральной части города. При этом факторы оказывающие давление на выбор в пользу того или иного района могут быть связаны с доступность к культурно – массовым мероприятиям, хорошо выстроенная экономическая и транспортная инфраструктура. В связи с выше изложенным материалом, предположительно эта категория мигрантов будет выбирать Кировский, Верх - Исетский и часть Ленинского района Екатеринбурга.

ПОСТКРИЗИСНОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СРЕДНЕГО УРАЛА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

*Мальцев А.А., д.э.н.
УрГЭУ, Екатеринбург*

Значение промышленного ядра хозяйственного комплекса Свердловской области – одного из ведущих старопромышленных регионов России под разным углом зрения рассматривалось в различных работах уральских экономистов. Кризис 2014-2015 гг., отягощенный санкционными обстоятельствами, ведущие народнохозяйственные подкомплексы Среднего Урала «пережили» по-разному¹. События 2016 г. добавили новых «красок» в складывающуюся картину активно обсуждаемой в последнее время реиндустриализации российской экономики².

На фоне активно растущей мировой экономики (3,0 % роста в среднем за 2014-2016 гг. (от 1,6 до 2,3% роста в ЕС. 1,6-2,6% годового прироста за тот же период в США) российские итоги (плюс 0,7% ВВП в 2014 г., минус 3,7% в 2015 г. и снова минус 0,8% в 2016 г. [8]) смотрятся явно «менее убедительно». Отдельные отечественные эксперты ставят на этой основе российской экономике диагноз «не просто кризис... системная стагнация»³.

Для подтверждения его справедливости в «приземленном» формате предпримем попытку разобрать текущее положение дел в промышленном «ядре» Свердловской области. Как известно, это 6-ой регион страны по валовой добавленной стоимости или ВРП после г. Москвы, Тюменской области, г. Санкт-Петербурга, Московской области и Краснодарского края (по состоянию на 2013 г.) и 4-ый промышленный центр России вслед за г. Москва, г. Санкт-Петербург и Московской областью (по состоянию на 2014 г.)⁴. К сожалению, федеральная статистика с середины 2000-х гг. все активнее сужает информационное поле публично вводимой в оборот первичной информации потоварного и посубъектного производства важнейшей промышленной продукции. Плюс выходит с известным научной общественности изрядным временным лагом запаздывания. Пожалуй, единственным выходом в сложившейся ситуации для получения исходной статистической базы для объективного анализа и аргументированных обобщений выступает отчетность, которой, согласно федеральному законодательству, распоряжаются непосредственно субъекты хозяйственной деятельности. Конечно, можно и нужно прибегать к полевым исследованиям, которыми, например, активно пользуется заслуженно снискавшее себе добрую славу рейтинговое агентство «Эксперт – РА»⁵. За ограниченностью временных ресурсов воспользуемся более чем разумной – на такой случай – альтернативой: базой данных системы профессионального анализа рынков и конкурентов СПАРК.

¹ Мальцев А.А., Уральская промышленность: возможности для роста в посткризисной фазе [Текст] / А.А. Мальцев // Управленец. – 2015. – № 1 (53). – С. 22-27.

² Романова О.А., Бухвалов Н.Ю. Реиндустриализация как определяющая тенденция экономического развития промышленных территорий [Текст] / О.А. Романова, Н.Ю. Бухвалов // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-1. – С. 151-155.

³ Титов Б. Нам нужна коалиция роста [Текст] / Б. Титов // Российская газета. – 2016. – 29 августа.

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат, 2015. URL: <http://www.gks.ru/>

⁵ С 2004 г. АЦ «Эксперт-Урал» на регулярной основе готовит ежегодные рейтинги крупнейших предприятий всех регионов Урала и Западной Сибири.

Предварим «браунфилд-характеристику» состояния дел в промышленном ядре Свердловской области практическим анализом макроэкономической среды состояния ее хозяйственного комплекса. Выясняется, что при сохранении относительно неплохой динамики старопромышленный регион шаг за шагом сдает свои позиции в общереспубликанском «раскладе». Так, нарастив свою долю в ВРП РФ за 2005-2013 гг. с 2,6% до 2,9%, в российской иерархии субъектов федерации Средний Урал отступил на одну позицию (с 5-ой на 6-ую). Аналогично, почти вплотную подтянувшись к среднероссийскому показателю ВРП на душу населения за тот же период с 86,5% до 97,5%, область потеряла 2 позиции, переместившись с 14-ого на 16-ое место. В контексте нашего разговора особенно удручает одновременное снижение вклада Свердловской области в суммарную выработку обрабатывающих производств в РФ с 5,3% до 4,4% (2014 г.) и выпадение из тройки российских лидеров (после г. Москвы и Московской области) по этому критерию (пропуск на 3-ью строку г. Санкт-Петербург).

При этом по доле обрабатывающих производств (26,2% в 2013 г.) в ВРП Средний Урал почти двукратно перекрывает среднероссийский результат (17,4%) при почти полном совпадении долей оптово-розничной торговли (20,8% / 18,0%) и операций с недвижимостью (12,4% / 12,0%). Собственно, в структуре областного обрабатывающего комплекса доминирует металлургическое производство (55,5% в 2014 г.), «поддерживаемое» машиностроением (15,6%, включая 10,3%, обеспечиваемых производством машин, оборудования и транспортных средств и 5,3% – электрооборудования). Существенно важно, что при сохранении металлургическим комплексом Свердловской области своих лидирующих ролей в стране в целом (16,3% от суммарного объема производства черных и цветных металлов в РФ в 2014 г. против 15,1% в 2008 г.) удельный вес продуцентов машиностроительной продукции в сводном российском итоге год за годом снижается (с 3,5% до 3% за 2008-2014 гг. по машинам, оборудованию и транспортным средствам и с 4,3% до 4,2% по электро-, электронному и оптическому оборудованию).

Обратимся теперь непосредственно к позаводной статистике. Проверим исходной статотчетностью, как «пережили» кризис 2014-2015 гг., отягощенный санкционными обстоятельствами, ведущие народнохозяйственные подкомплексы Среднего Урала. Для этого мы составили рейтинг 200 ведущих предприятий промышленности Свердловской области по объемам реализации на 2015 г.

Конечно, по «самочувствию» лидеров оценивать общехозяйственные итоги развития региона или страны сложно. Какая-то аналогия со «средней по больнице температурой» неизбежно возникает. Однако в наших реалиях именно флагманы бизнеса выступают камертоном для всего «оркестра», тем более, принимая во внимание известные реалии, в которых функционирует отечественный малый и средний бизнес.

Это утверждение, кстати, подтверждает несложный расчет. По итогам 2014 г. (в рейтинге которого нами учтены данные абсолютно всех лидеров свердловской промышленности) на долю Топ-200 пришлось 89,9 % всего объема реализации обрабатывающих производств Свердловской области или 1,208 из 1,343 трлн руб. в текущих ценах.

Первое. Начнем с «подводящих» обстоятельств. При сокращении лидирующих позиций на Урале по ВРП, экспорту, розничному товарообороту, др. Свердловскую область, приходится еще раз констатировать, в общероссийском таблице о рангах тех же показателей начинают обгонять конкуренты. Один из

самых тревожных симптомов усугубления ситуации – сохраняющаяся недоинвестированность экономики. За 2010-е гг. положительное сальдо притока прямых иностранных инвестиций в Свердловскую область отмечено только в 2012 г. Другими словами, за этот период из региона за границу уходило средств больше, чем поступало оттуда же.

Второе. За 2010-2015 гг. объем реализации 200 ведущих предприятий промышленности Свердловской области вырос в 1,5 раза. Среднегодовые темпы прироста для флагманов среднеуральской индустрии составили невероятные 8,75% (в неизменных ценах). Легко представить, каких успехов мог добиться регион, обеспечив подобную динамику для всей промышленности. Между тем, «водораздел» авангард-арьергард обозначился уже здесь. По объему реализации вторая сотня уральской промышленности уступает первой 20-кратно, причем, в отличие от нее, в 2014 г. резко сбросила обороты.

Третье. Материалы составленного нами рейтинга промышленности Свердловской области, на первый взгляд, сколько-нибудь серьезных сигналов об изменении ее отраслевого расклада не подают. Рейтинг-2010 расходится с версией-2015 где-то на 10%. При всей инерционности отраслевой структуры промышленного ядра региона отметим два момента. Десятка предприятий, наиболее радикально улучшивших свои позиции по итогам 2015 г., выглядит достаточно сбалансированно и включает предприятия всех ведущих отраслей промышленности области (по 3 – цветной металлургии, машиностроения и химпрома, плюс один представитель пищевой промышленности), за исключением черной металлургии, чьи заводы, что называется, остались, в основном, «при своих». Вполне объяснимо и то, что в среде машиностроителей наиболее комфортно чувствуют себя получающие внушительную поддержку предприятия ОПК.

Несколько иная ситуация в анти-рейтинге лидеров по утрате ранее завоеванных позиций. В этой десятке также представлены все ведущие отрасли промышленности региона: 2 предприятия цветной металлургии, по одному – черной металлургии, пищевой промышленности, химпрома и ювелирной промышленности. Но почти половину этого «пелотона», к сожалению, составляют машиностроители.

Четвертое. Вглядевшись в данные нашего рейтинга, приходишь к неутешительному выводу: к середине 2010-х гг. промышленность региона, с большим трудом отходя от воздействия мирового кризиса 2008-2009 гг., с еще большими сложностями преодолевает последствия санкций, отягощаемые торможением мировой экономики. Если в 2015 г. каждое 8-ое предприятие из фронт-линии лидеров (26 из 200 или 13,0%, почти половину которых – 11 – сформировали машиностроители) не смогло преодолеть свой же рубеж 2010 г., то планку-2014 годом позднее не удержало уже вдвое большее их число (59 или 29,5%).

Наибольшие потери в 2015 г. к итогу предыдущего года понесли машиностроение (19 хозяйствующих субъектов из 59), черная и цветная металлургия (8 и 7, соответственно) и промышленность строительных материалов (10 предприятий или 2/3 «отраслевиков», вошедших в топ-лист за 2015 г.). При этом 14 предприятий из авангардного отряда 200 лидеров промышленности Среднего Урала, к сожалению, "отстают" год за годом: в 2014 г. – к 2010 г., в 2015 г. – к 2014 г. Каждое из них, естественно, "несчастливо" по-своему. Однако крайне удручает то, что половину из числа "отстающих" составляют машиностроители – Уралмашзавод, Свердловский завод

трансформаторов тока, Нижнетагильский котельно-радиаторный завод, "Пневмостроймашина", 144-й бронетанковый ремонтный завод, Уральский электронный завод, что, с одной стороны, осложняет реализацию задачи реиндустриализации экономики региона, а с другой – делает ее вдвойне актуальной.

Пятое. В принципе, именно модернизация машиностроения (3,5 тыс. предприятий, 137 тыс. занятых)⁶, занимающего в нашем рейтинге в общей сложности 65 мест (в первой сотне, правда, только 22), предполагающая качественное обновление его технологической базы, позволит хозяйственному комплексу Свердловской области успешно "оседлать" поднимающуюся волну реиндустриализации. Судя по динамике закладки новых обрабатывающих производств, ориентированных, прежде всего, на "расшивку" самых узких мест, эта идея все больше овладевает практическими "массами". Так, в марте 2016 г. в Екатеринбурге группа "Пумори" и японская Okuma начали серийное производство станков с ЧПУ Genos L300M (4 млрд руб. инвестиций; запланированный годовой объем производства к 2020 г. – 120 станков с постепенным повышением локализации с 30 до 70%)⁷. Это тем более примечательно, что страна едва не потеряла экономику "средств производства", в частности, 70-кратно уронив производство металлорежущих станков до 3,3 тыс. шт. в 2014 г. (для сравнения: в одной Башкирии в 1990 г. выпустили 10,3 тыс. станков или 13,9% общесоюзного итога)⁸. В мае 2016 г. на площадке Уральского турбинного завода открыт первый в стране центр восстановления деталей горячего тракта газовых импортных турбин. Если учесть, что на российских электростанциях на середину 2010-х гг. работали порядка 150 зарубежных газовых турбин большой мощности, детали для которых (как, впрочем, и ремонт) поставляли западные компании, то реализация проекта позволит обеспечить энергетическую безопасность России⁹. В июне 2016 г. на Уральском дизель-моторном заводе открыт производственный комплекс для выпуска дизельных двигателей нового поколения – ДМ-185 мощностью от 1 тыс. до 4 тыс. кВт (с потенциалом модернизации до 6 тыс.) и дизель-генераторов на их базе. Реализация проекта позволит закрыть потребности, как минимум, в четырех областях: тепловозного машиностроения (стране требуется 100-120 дизель-генераторов в год); грузового автомобилестроения (БелАзы грузоподъемностью 200 т сходят с конвейера в количестве 800 шт./год, но пока комплектуются немецкими дизелями MTI); электрогенерации (потребности генерирующих компаний оцениваются в 200 агрегатов в год); военного судостроения (последние 30 лет в стране даже разработок современных дизельных двигателей для судов не велось)¹⁰. Ряд аналогичных примеров, к счастью, можно продолжить.

В целом, диагноз «самочувствию» промышленности Среднего Урала на середину 2010-х гг. можно, наверное, с оговорками поставить в формате «идет на поправку». Однако очаговость точек роста, огромный разрыв между топовой сотней лидеров и «вторым эшелон» создают дополнительное напряжение в хозяйственной цепи. Закреплению позитивных сдвигов призвано способствовать

---

⁶ Коваленко А. Новые драйверы [Текст] / А. Коваленко // Эксперт-Урал. – 2016. – № 27. – С. 79.

⁷ На Урале запущено станкостроительное производство [Текст] // Эксперт-Урал. – 2016. – № 12. – С. 6.

⁸ Зубков И. Ставка против слова [Текст] / И. Зубков // Российская газета. – 2016. – 28 октября

⁹ Миляева Е., Швабауэр Н. Привязались к деталям [Текст] / Е. Миляева, Н. Швабауэр // Российская газета. – 2016. – 11 июля

¹⁰ Конева Т. На отечественном ходу [Текст] / Т. Конева // Эксперт-Урал. – 2016. №29-30. С. 18

последовательное отстраивание государственной промышленной политики, включающей разнообразный инструментарий скоординированной разноразмерной (федерация-регион) бюджетной поддержки, налогового стимулирования, тарифного регулирования и др., подробный анализ которых составит предмет отдельного разговора.

ВНЕШНЯЯ СРЕДА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА¹

*Морозова Н.В., к.э.н.
ЧГУ, Чебоксары*

Среда является важнейшим фактором (праматерью) существования системы. Одно из важнейших свойств системы – ее взаимодействие со средой. Любая система развивается в окружении среды, испытывая на себе ее воздействие и влияя на среду. По этой причине, по мнению Могилевского В.Д., одной из особенностей функционирования системы является ее взаимосвязь со средой. Эта взаимосвязь является внешней характеристикой системы, в значительной степени определяющей ее свойства, т.е. внутренние характеристики. Именно во взаимодействии с «внешней средой система формирует и проявляет свои свойства, обеспечивающие относительную устойчивость и адаптивность ее функционирования. Без взаимодействия с внешней средой открытая система не может функционировать»².

Современная региональная экономическая система – это система открытого типа, для описания которой необходимо выделить из среды объект, установив границы между средой и системой и определив характер отношений объекта и среды. Один из главных принципов разграничения системы и среды, по мнению В.Д. Могилевского в том, что в «системе действуют другие, нежели в окружающей среде, законы, определяющие ее функционирование; отсутствие границы не гарантирует наличие хороших связей со средой, но размывает систему и делает ее плохо управляемой».³

Сегодня стоит выбор, сформировать систему государственного регулирования, тяготеющую к высокой степени концентрации власти в руках центрального правительства, или систему, предполагающую передачу большой доли государственных полномочий в руки региональных и местных властей. Во многом это зависит от характера внешних угроз для развития страны и региона.

Сущность стратегического подхода к управлению региональным развитием заключается в том, что «регион рассматривается как организационная система, внешняя среда которой становится не менее, а в ряде случаев более важной, чем внутренняя. Внешняя среда региона характеризуется неопределенностью и изменчивостью, неполнотой информации, таит угрозы и

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-02-00401 «Интегральный потенциал развития реиндустриализации территорий Российской Федерации в условиях неблагоприятного влияния факторов внешней среды»

² Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход / Отд-ние экон. РАН; науч.-ред. Совет изд-ва «Экономика». – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. – 251с. С.39.

³ Могилевский В.Д. Указ. соч. С.49

вызовы»⁴. В современных условиях не только компании, но и отдельные регионы стали рассматривать причины своих главных успехов или неудач не только во внутренней среде, но и вовне, а также связывать их с возможностями приспособиться к внешнему окружению, вовремя отреагировать на возникающие угрозы и появляющиеся возможности. Кроме того, поведение региона как самостоятельного хозяйствующего субъекта (квазикорпорации) направлено, прежде всего, не на устранение последствий и адаптацию к быстро меняющейся среде, а на предвидение и упреждающие действия. Это в свою очередь обеспечивает региону не просто экономический рост, а качественное изменение социально-экономического развития, обеспечивающее его конкурентоспособность в условиях глобализации.

Современная региональная экономическая система – это система рыночного типа, которая базируется на использовании преимуществ разделения и кооперации труда. Конкуренция регионов, а не только фирм (хозяйствующих субъектов) на национальном и мировом рынках становится мощной движущей силой экономического развития в рыночной среде. Однако конкуренция может одновременно стать и фактором разрушения накопленного экономического потенциала регионов, особенно регионов дотационного типа. Поэтому национальная экономика должна стать средой, способствующей проявлению позитивных сил конкуренции, благодаря которым регионы смогут занять достойные конкурентные позиции не только в национальной экономике, но и в мире.

Под внешней окружающей средой для любого региона понимается сложная совокупность социально-эколого-экономических факторов, воздействующих на эффективное развитие региона. Ее важнейшие характеристики – динамизм (связан со скоростью и частотой изменений), сложность (как результат «диверсификации» влияния окружающей среды и «системного эффекта» от взаимодействия и взаимовлияния отдельных факторов), неопределенность (связанная с недостатком знаний о состоянии и тенденциях развития внешней окружающей среды)⁵.

Внешнюю окружающую среду исходя из степени влияния на динамику развития региона можно подразделять на два уровня: глобальная и макроэкономическая среда. При этом макроэкономическую среду можно разделить на общую (дальнюю) – среду косвенного воздействия на регион и специфическую (ближнюю) – среду прямого воздействия на регион. Ближняя среда оказывает наиболее сильное воздействие на динамику регионального развития.

Во внешней среде глобального уровня действуют следующие факторы:

- глобализация, в результате которой мир получил более высокую производительность, распространение передовых технологий, усиление международной координации;
- глобальная конкуренция, требующая от национальных экономик и региональных экономических систем создания конкурентных преимуществ на глобальном рынке;
- глобальные миграционные потоки, требующие учета национальных культур в управлении: в регионы, приходят трудовые ресурсы, принадлежащие к

---

⁴ Шеховцева Л.С. Концептуальные основы стратегического управления развитием региона Вестник МГТУ, том 9, No4, 2006 г. стр .690-693 (<http://vestnik.mstu.edu.ru>)

⁵ Стратегическое планирование: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Петрова. 2-е изд. – СПб.: Знание, ГУЭФ, 2004. – 200с. С.84.

разным этническим группам со своей национальной культурой, требующие знания особенностей менталитета с целью синергии кадров;

- глобальное информационное пространство и информационное общество, предполагающее изменение характера трудовой деятельности в результате увеличения роли информации и знаний;

- глобальные информационные системы, позволяющие использовать Интернет для развития и продвижения регионов на глобальных рынках, чтобы не только получать информацию, но и создавать собственные сайты, как средство коммуникации с внешней средой;

- глобализация финансовой, в том числе и банковской системы;

- развитие новых технологий, а также возможность их приобретения и использования позволяют регионам искать резервы нового роста за счет сокращения издержек, значительного повышения производительности и качества жизни;

- экономика знаний с ее возможностями использования внешних и внутренних знаний для развития региональных сообществ;

- мировой экономический кризис, позволяющий переосмыслить положение региональных экономик в структуре мировой и национальных экономик и развития отдельных сфер бизнеса.

Среда косвенного воздействия на регион (дальняя макроэкономическая среда) включает следующие группы факторов:

1) *общеэкономические условия*, в которых функционируют и развиваются региональные хозяйственные системы:

- рыночные факторы, связанные с взаимопроникновением региональных, национальных и мирового рынков, из которых для регионов России особое значение приобретают либерализация внешней торговли и снятие с одной стороны протекционистских ограничений в результате вступления России в ВТО, а с другой – введение санкционных мер;

- конкурентные факторы: усиление конкуренции на всех глобальных рынках возможного присутствия регионов России, неценовая конкуренция, конкуренции в области качества жизни и инноваций; важнейшие параметры конкурентной среды – конкурентное окружение, конкурентная позиция, структура конкуренции;

- производственные факторы, связанные, с выбором регионами России дотационного типа стратегии новой индустриализации (реиндустриализации) для достижения нового качества экономического роста; в-третьих, с нестабильной стоимостью производственных факторов – рабочей силы, топлива, электроэнергии.

Глубокие качественные сдвиги в экономике России приводят к росту степени многоукладности, открытости национальной хозяйственной системы, ее интеграции в мировую хозяйственную систему.

2) *общеполитические и организационно-управленческие факторы* – отражают складывающуюся в тот или иной исторический период в стране форму власти и взаимоотношения между властными структурами различных уровней и обществом в целом. В условиях демократических форм правления на регионы как на экономических агентов возлагаются функции целеполагания и выбора средств достижения целей экономической деятельности, равно как и ответственность за все результаты деятельности⁶:

---

6 Национальная экономика. Система потенциалов: учеб. пособие. / (С.Г. Тяглов и др.); под ред. Н.Г. Кузнецова, С.Г. Тяглова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 367 с. С. 13.

- политическая стабильность, которая обуславливает привлекательность национальной экономики и регионов для инвесторов;
- гарантии со стороны государственных и местных органов власти;
- политические риски;
- преемственность основных принципов внешней и внутренней политики;
- ориентация на использование методологии стратегического планирования развития и др.

3) *научно-технические факторы национального уровня:*

- сочетание технологических укладов и технологическая политика;
- возможности технологического лидерства по ряду важнейших направлений;
- развитие институтов стимулирования инновационного развития;
- возрождение предприятий ОПК;
- научно-исследовательский потенциал для создания и распространения новых технологий;
- возможности расширения позиций на мировых рынках наукоемкой продукции;
- модернизация экономики;
- в то же время отставание в развитии технологий последнего поколения.

4) *природно-экологические факторы, среди которых наиболее важные:*

- уровень антропогенного воздействия, антропогенная емкость территории, трансграничное загрязнение;
- эколого-экономические ограничения экономического роста;
- кризис экспортно-сырьевой модели развития российской экономики;
- переход на энергосберегающую модель развития экономики и т.д.

5) *демографические и социокультурные факторы:*

- социальная ориентация экономики;
- возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития.
- социальные диспропорции и социальная напряженность;
- рост совокупного уровня потребления;
- уровень развития социальной инфраструктуры и т.д.

6) *институциональные факторы:*

- особенности развития институтов-факторов (государство, собственность, фирмы, правовая и судебная системы, банковская и страховая системы), институтов-условий (стереотипы и модели поведения, обычаи, традиции), а также институтов-механизмов (реформы, правовые акты, программы, планы, контракты и договора);
- высокий уровень рисков ведения предпринимательской деятельности и низкий уровень корпоративной культуры;
- высокий уровень административных барьеров;
- недостаточная защищенность прав собственности, сложная система земельных отношений;
- высокий уровень социального неравенства и региональной дифференциации;
- слабое развитие форм самоорганизации и саморегулирования бизнеса и общества;
- низкий уровень конкуренции на целом ряде рынков;
- недостаточное развитие национальной инновационной системы;
- слабая взаимосвязь образования, науки и бизнеса.

Количественный и качественный анализ внешней среды региональных экономических систем позволяет уточнить и оценить внешние ресурсы экономического развития региона (финансовые, человеческие, природные, институциональные), а также позволит адекватно структурировать среду путем внесения в нее порядка. Под порядком макроэкономической среды, как правило, понимают устойчивость определенным образом ориентированных элементов внешней среды, построенных в три органически связанных между собой яруса:

- нравственные категории среды, в которой функционирует и развивается региональная система;

- правовые категории, т.е. действующее законодательство, в рамках которого предполагается формировать и развивать региональные системы;

- функциональные категории среды – общая направленность развития государства, а также идея, концепция будущего развития региональных систем и их места в национальной и мировой экономике.

Внешняя среда региона прямого воздействия (ближняя макроэкономическая окружающая среда) включает:

- регионы - соседи, т.е. непосредственно граничащие с анализируемым регионом: например, непосредственными соседями Чувашской Республики являются республики Татарстан, Марий Эл, Мордовия, Нижегородская и Ульяновская области. Реализация крупного проекта национального уровня в одном регионе непосредственно оказывает влияние на экономику, инфраструктуру, социальную сферу и т.п. соседнего региона (например, проведение Универсиады в Казани позволило значительно улучшить качество транспортной инфраструктуры в Чувашской Республике); или же, наоборот, до сих пор не удается реализовать важный для Чувашской Республики проект подъема уровня реки Волги на Чебоксарской ГЭС без согласия Нижегородской области и Марийской Республики;

- регионы – конкуренты: в современных условиях регионы конкурируют за ограниченные ресурсы, за внимание федеральной власти и за бюджетные ресурсы, за реализацию крупных экономических, культурных, спортивных и др. проектов, за рынки сбыта производимой в регионе продукции; регионы начинают использовать местные этнокультурные, природные и другие особенности в качестве фундамента новых стратегий конкурентной борьбы;

- внешние поставщики товаров и услуг: в условиях территориального разделения труда и неравномерности территориальной организации хозяйства регионы имеют возможность выбора более дешевых поставщиков товаров и услуг, причем не обязательно только внутри страны; главная задача – это повышение качества жизни населения региона и удовлетворение его потребностей;

- внешние потребители товаров и услуг: это прежде всего возможности роста не только за счет внутреннего потребления (стратегия автаркии), а за счет выхода на новые рынки (стратегия фритридерства);

- транспортные предприятия;

- финансовые организации и т.п.

Нахождение социально-экономической системы в окружении внешней среды и некое энергетическое взаимодействие с ней приводит к внешним возмущениям, которые положительно или отрицательно влияют на развитие регионов. В одних ситуациях среда забирает энергию как источник развития (например, Москва как субъект федерации притянула все трудоспособное население близлежащих регионов-соседей), а в других среда может передавать

энергию, подпитывать ею региональную систему. Поэтому важно на государственном уровне согласовать ориентацию сил внешней среды, желательно трансформировать среду в интересах создаваемой системы. Тем более регионы становятся все более сложными системами, расширяется состав выполняемых ими функций, в международных отношениях регионы выступают в качестве самостоятельных субъектов.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ БАЛАНСОВ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В РАЗРЕЗЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СЕКТОРОВ*

*Некрасов А.А., к.э.н.,
Пасынков А.Ф., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Рассмотрим основные принципы и ограничения, используемые при исследовании финансовых потоков Арктических территорий.

1) Базовым принципом формируемых балансов финансовых потоков является их построение на секторальном подходе к учету экономических операций. Такой подход позволяет оценить «вклад» в развитие территорий не с позиции агентов «производящих», а с позиции агентов «потребляющих» доходы, что соответствует методологии СНС, а также частично решает проблемы методологического и практического характера по информационному наполнению счетов и показателей территорий.

2) В условиях невозможности построения полного набора счетов для территориального уровня, мы предлагаем ограничить количество формируемых секторов тремя – это государственное управление, корпорации и домашние хозяйства (объединив нефинансовые и финансовые корпорации в один, без выделения малозначащего сектора «Некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства», а сектор «Остальной мир» использовать в качестве балансирующего показателя оттока и притока ресурсов).

3) Также предлагается максимально упростить балансовые соотношения и ввести ряд ограничений и допущений для территориального (точнее, муниципального) уровня. Это относится как к различным досчетам (ненаблюдаемая и скрытая экономическая активность, добавленная стоимость финансового сектора и прочее), так и к строгости построения различных счетов. То есть, в данном случае, мы используем «фактические» статистические данные территориальных образований, постепенно приводя их к классическому виду СНС.

Таким образом, группируя доходы и расходы секторов СНС, мы показываем, за счет какой деятельности существует Арктическая территория, каналы и источники оттока/притока капитала, а также определяем потоки вторичного образования и распределения доходов. В итоге, суммируя все финансовые потоки, образующиеся в конкретной Арктической территории, мы

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ ОГОН в рамках научного проекта №15-02-00647 а «Формирование финансового фундамента развития арктических территорий РФ на основе модернизации структуры и динамики движения финансовых потоков».

определяем общий «финансовый баланс», свидетельствующий об эффективности функционирования экономики территорий.

Вкратце рассмотрим методические положения формирования финансовых балансов Арктических территорий, в разрезе институциональных секторов.

Сектор «Корпорации».

В секторе «Корпорации» предложено в качестве **ресурсов** использовать расчетную добавленную стоимость отраслей А-К, основанную на соотношении начисленной заработной платы работников муниципального образования к региональной таблице формирования доходов ВРП. К добавленной стоимости сектора также предложено относить налоги на производство и импорт (НДПИ, акцизы и НДС), в официальной статистике, выведенной из доходов территорий (источник – ФНС РФ). Расчет использования средств сектора «Корпорации» по показателям СТС проводится на основе данных налоговой службы и базы данных муниципальных образований Росстата, с определенными корректировками.

Для обеспечения сопоставимости балансов, **использование** добавленной стоимости сектора «Корпорации» рассматривается через следующие показатели:

- оплата труда наемных работников. Источником данных здесь выступили данные муниципалитетов о начисленной зарплате по территории в разрезе видов экономической деятельности, с поправкой на оплату труда государственного управления.

- налоги во все уровни бюджетной системы. В отличие от чистых налогов на производство, не учитывающих все платежи предприятий в бюджет, мы используем показатель валового сбора налогов с территории, чтобы показать отток/приток финансовых ресурсов через бюджетную систему (источники данных – Федеральная служба по налогам и сборам).

- валовое накопление основного капитала. Данный показатель условно показывает использование валовых смешанных доходов предприятий – это либо приток капитала (использование амортизации и прибыли, плюс внешние источники финансирования), либо его отток (вывод части амортизационных отчислений и прибыли). С источниками данных практически проблем нет – в муниципальной статистике данный показатель отображается довольно корректно.

Сектор «Государственное управление»

В **ресурсной** части данного сектора отображается показатель, рассчитанный по сектору «Корпорации», то есть налоги во все уровни бюджетной системы. **Использование согласно** классификации СНС, проходит по трем статьям:

- оплата труда бюджетников. Здесь источниками данных выступают данные отчетов муниципальных образований, входящих в статистический район. В частности, в настоящее время выделяются затраты на оплату труда из местных бюджетов по социальной сфере (образование, здравоохранение, культура) и работников органов местного самоуправления.

- инвестиции. Также, как и по предприятиям, в муниципальной статистике выделяется показатель «Инвестиции в основной капитал за счет местных бюджетов», который мы и используем при построении данного счета.

- прочие расходы. Под ними понимаются все остальные расходы, не направленные на оплату труда служащих и накопление основного капитала. Определяется расчетным путем.

Сектор «Домашние хозяйства».

Данный сектор показывает, какую часть добавленной стоимости территории направляется на конечное потребление, а также отток/приток финансовых ресурсов населения в Арктических регионах.

Ресурсная часть данного сектора является зависимой от других секторов – доходы работников предприятий и бюджетников аккумулируются в ресурсном счете. К тому же, если опираться на классическое построение счетов СНС, нам необходимо выделить трансферты населению, и одним из этих элементов выступают пособия и выплаты от государственного управления (различные субсидии по ЖКХ, материальная помощь, выплаты и т.д.). **Использование** ресурсов населения может осуществляться по нескольким направлениям: это конечное потребление, инвестиции, валовое сбережение и трансферты.

Конечно, представленный методический подход к определению финансовых потоков Арктических территорий, в силу использования косвенных методов наполнения счетов, а также недостатка статистической информации, является достаточно условным. В то же время, при учете всех крупных финансовых потоков статистических районов, он дает представление о зарождении и расходовании добавленной стоимости территорий с достаточной для данного исследования степени достоверности.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МАЛЫХ ФОРМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

*Николаева Е.В., к.э.н.
ЧелГУ Челябинск*

В России программы государственной поддержки малого и среднего бизнеса существуют на протяжении многих лет. Однако, по мнению многих исследователей, результаты этих программ не вполне удовлетворительны. Малый бизнес по-прежнему остается одним из самых уязвимых сегментов экономики, а в сфере сельского эта ситуация еще больше усугубляется негативным влиянием действия не только общеэкономических и политических факторов, но и рядом специфических отраслевых (таких как, сезонность, природно-климатические условия, трудовые факторы и прочие).

Ввиду этого показатели деятельности малых сельскохозяйственных предприятий демонстрируют негативную динамику. В целом по России ежегодно неуклонно сокращается число малых сельскохозяйственных предприятий, что является одним из главных сигналов неблагополучного развития в отраслях. При этом все больше производимой продукции приходится на долю личных подсобных хозяйств. Неутешительны и цифры, демонстрирующие состояние кооперативных сельскохозяйственных объединений, в которых в настоящий момент видится один из главных путей выхода из сложившейся ситуации в

---

¹ Исследование выполнено на средства гранта Президента Российской Федерации (МК-3005.2017.6)

секторе малых сельскохозяйственных предприятий. Отмечается, с одной стороны, отсутствие положительной динамики в численности производственных, сбытовых и кредитных сельскохозяйственных кооперативах, а с другой – низкие показатели отдачи от их деятельности, а также отсутствие в настоящее время достаточного числа кооперативов, способных решить задачу повышения эффективности малых сельскохозяйственных производителей.

Анализ был проведен с использованием данных отчетности предприятий, предоставленных первым независимым рейтинговым агентством FIRA.PRO. В первую очередь, следует отметить, что из общей совокупности сельскохозяйственных предприятий Челябинской области (381 предприятие) лишь 12 являются крупными или средними (по показателю выручки от реализации товаров в 2015 году), остальные же 369 – это малые и микропредприятия.

Одним из важных факторов эффективности деятельности сельскохозяйственных предприятий является правильный выбор организационно-правовой формы ведения бизнеса. В исследовании проведен анализ сельхозпроизводителей по организационным формам с целью выявления наиболее 'популярных' из них, являющихся с точки зрения фермеров более адекватными особенностям и масштабу их деятельности. Было выявлено, что среди малых сельскохозяйственных предприятий наибольший удельный вес занимают общества с ограниченной ответственностью. На них же приходится большая часть совокупной выручки малых сельхоз предприятий Челябинской области (около 70%). Второе место по численности занимают крестьянские (фермерские) хозяйства (13,3%), однако их доля в совокупной выручке мала – всего 5,6%. Сельскохозяйственные производственные кооперативы хоть и имеют малую представительность в выборке (около 6%), но вносят значительный вклад в совокупный доход – 15,7%.

С точки зрения оценки эффективности сельскохозяйственных предприятий Челябинской области были проанализированы показатели рентабельности основной деятельности и темпов роста доходов предприятий. По показателю рентабельность прибыли от обычной деятельности малые сельскохозяйственные предприятия значительно опережают соответствующие крупные и средние предприятия (14,6% и 1,8% соответственно). Среди малых предприятий наибольшую рентабельность в 2015 году продемонстрировали крестьянские (фермерские) хозяйства (37,3%), сельскохозяйственные производственные кооперативы имели невысокую рентабельность 6,6,%. На рисунке 1 представлены данные о среднем уровне рентабельности основной деятельности среди малых сельскохозяйственных предприятий Челябинской области различных организационно-правовых форм.

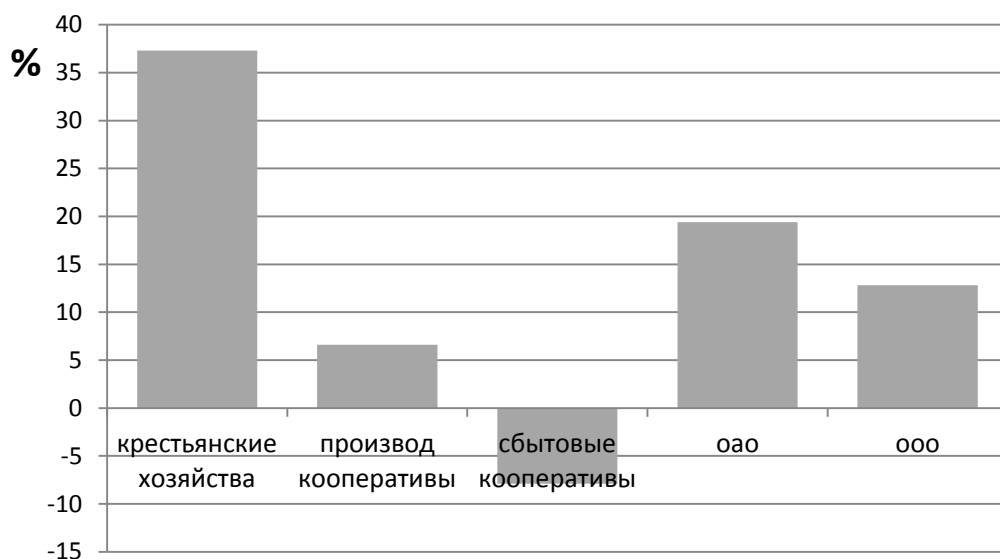

Рис. 1 Средний уровень рентабельности основной деятельности малых форм организации сельскохозяйственного производства в Челябинской области (в разрезе организационно-правовых форм) в 2015 г.

Интерес представляет анализ эффективности (рентабельности основной деятельности) у исследованных предприятий в разрезе отраслевых подгрупп. В Челябинской области малые сельскохозяйственные предприятия в основном заняты в выращивании зерна, животноводстве, овощеводстве, растениеводстве и смешанном сельском хозяйстве. На рисунке 2 представлены показатели рентабельности основной деятельности в рамках отраслевых подгрупп для малых сельскохозяйственных предприятий

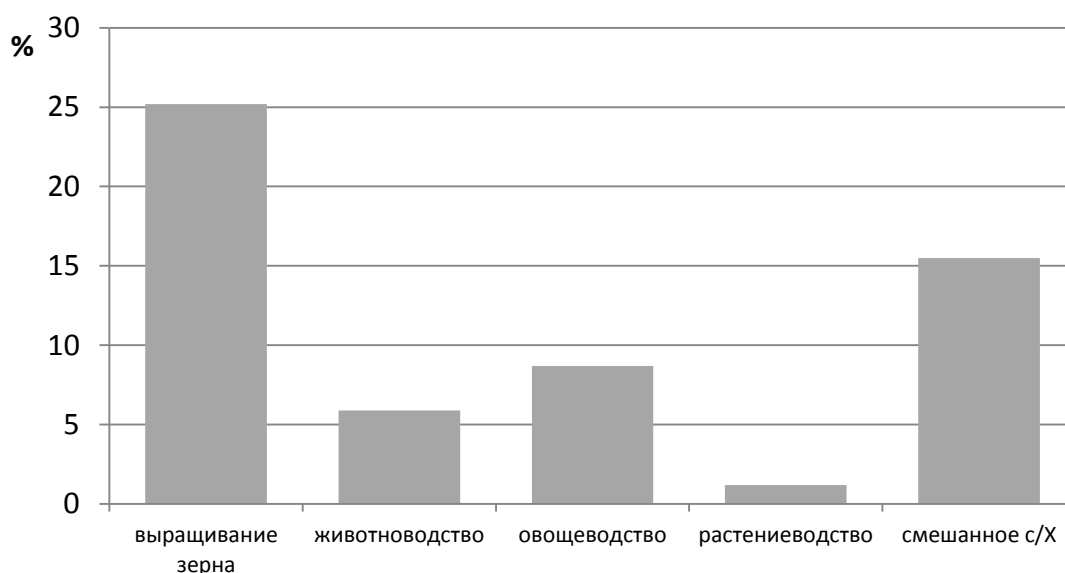

Рис. 2 Средний уровень рентабельности основной деятельности малых форм организации сельскохозяйственного производства в Челябинской области (в разрезе отраслевых подгрупп) в 2015 г.

Большая часть предприятий выборки занята в выращивании зерновых и зернобобовых культур (около 62%). Эти же предприятия продемонстрировали и наибольшую отдачу от своей деятельности – их средняя рентабельность составила 25,2%. На втором месте по численности предприятия занятые в животноводстве (21%), однако их рентабельность была невысока, всего лишь 5,9%. Достаточно высокую рентабельность показали предприятия смешанного типа 15,5%, при этом их доля в общем числе предприятий всего 6,5%.

Крестьянские (фермерские) хозяйства в 2015 году опережали и по темпам роста доходов, которые составили 236%. На рисунке 3 показаны темпы роста доходов различных форм организации малого сельскохозяйственного производства в Челябинской области.

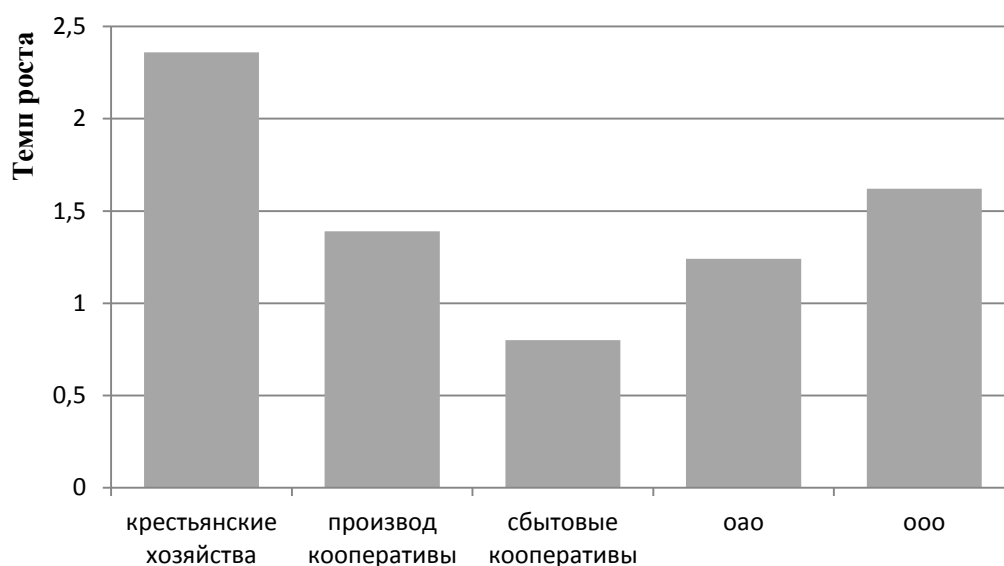

Рис. 3 Средние темпы роста доходов малых форм организации сельскохозяйственного производства в Челябинской области (в разрезе организационно-правовых форм) в 2015 г.

Производственные и сбытовые кооперативы продемонстрировали невысокие темпы роста доходов (ниже среднего по выборке), что еще раз подтверждает их низкую эффективность. В среднем же (благодаря показателям крестьянских (фермерских) хозяйств темпы роста малых сельскохозяйственных предприятий региона были на высоком уровне 166%.

Таким образом, на основе проведенного анализа сформулируем ряд выводов.

Во-первых, в последние несколько лет сократилось и продолжает сокращаться общее число малых сельскохозяйственных предприятий, что особенно ярко проявляется в динамике численности крестьянских (фермерских) хозяйств. Кроме того снижается и общее число кооперативных объединений фермеров (различных типов), что неблагоприятно сказывается на развитии малых форм сельскохозяйственного производства в целом.

Во-вторых, анализ данных бухгалтерской отчетности малых сельскохозяйственных предприятий в Челябинской области показал, что высокие показатели эффективности имели в 2015 году крестьянские (фермерские) хозяйства, как по уровню отдачи на капитал, так и по темпам

развития. Кооперативные предприятия, напротив, были одними из самых низкоэффективных в исследуемом периоде. Это, безусловно, требует принятия комплекса мер на уровне государства, которые впоследствии позволят мелким сельскохозяйственным товаропроизводителям использовать инструменты кооперации для повышения своей конкурентоспособности и эффективности.

ВНЕУЧЕБНЫЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ КАК ФАКТОР ЕЁ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Павлов Б.С.

д.филос.н.

ИЭ УрО РАН, Екатеринбург

Основополагающей в понимании истории человеческого общества, первой его предпосылкой была и остается непрерывность существования сообществ живых человеческих индивидов. Это существование обеспечивалось постоянным воспроизводством двух основных сторон их жизненного процесса: с одной стороны, за счет производства «средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой – производства самого человека, продолжения рода». При этом, поступательное, прогрессивное развитие общества, сменяющих друг друга поколений людей было неразрывно связано, более того, обусловлено постоянным развитием, наращиванием производительной силы совокупного субъекта истории¹.

В данной статье нас в первую очередь интересует процесс включения молодых поколений россиян в общественное производство и, сопутствующее ему, трудовое (*экономическое*) поведение детей (молодых людей) по мере их онтогенетического взросления и профессионально-трудовой социализации. Молодежь традиционно считается наиболее мобильной социальной группой. Ее энергия и «гибкость» особенно востребованы в современном динамично развивающемся обществе. Возрастает роль молодежи в качестве потенциального источника преобразований всех сфер жизни. Молодые люди не только усваивают ценности предыдущих поколений, но и генерируют новые. Молодежная интерпретация культурного наследия и окружающей действительности во многом определяет направления общественного развития. Умные, дальновидные реформаторы не могут не видеть в молодежи обновляющую силу, оживляющий инновационный элемент, интеллектуальный, духовный и энергетический резерв, который выступает на передний план и вводится в действие, когда обществу надо произвести глубокую и быструю перемену и в то же время хорошо приспособиться к быстро меняющимся и качественно новым обстоятельствам. В этом и состоит основная социальная функция молодежи в обществе².

Вместе с тем, острота проблем социально-экономического развития России (*естественно, и Уральского региона*) зависит не только от *количественного* дефицита человеческих ресурсов, то есть, от их *демографического*

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.

² Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. - М.: Голос, 2001. – 696 с.

недопроизводства». На повестке дня - другая, не менее важная, составляющая возобновления трудового потенциала – *дефицит их качества*.

В каждый данный момент трудовой потенциал сохраняет качественно-количественную конкретность, т.е. имеет определенную *меру*: человек, вступающий в общественное производство, располагает каким-то фондом трудового потенциала, устанавливает оптимальные пропорции его необходимого и рационального использования. «Мера необходимого развития трудового потенциала, – отмечает уральский социолог Н.И. Шаталова, – обуславливает сроки и систему подготовки специалиста, позволяет судить об этапах и фазах функционирования и развития, дает возможность измерять его с помощью традиционных социологических методов и т.п.»³.

Небезызвестный К.Прутков настоятельно советовал соотечественникам: «Зри в корень!». Попытаемся воспользоваться этим советом. Нам представляется, что «*ахиллесовой пятой*» современной системы воспроизводства трудового потенциала социума (*на всех его территориально-поселенческих этажах*), формирования и использования трудовых ресурсов (*в разрезе территориально-производственной структуры*) выступает сегодня «провал» в сфере трудового воспитания молодых поколений россиян, подготовки их к труду в сфере общественного производства, другими словами, воспроизводства и использования трудового потенциала молодёжи⁴.

Наше нелицеприятное заключение попытаемся обосновать не «голословно», а «с цифрами на руках». В статье нами будут использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам различных по возрасту категорий уральской молодёжи (*детей, подростков, студентов*), проведённых в 2008-2016 гг. в Институте экономики УрО РАН под научным руководством и при личном участии автора. В частности, это следующие проекты:

- **2008 г.** - по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей по специальным анкетам опрошены 665 учащихся, 490 их родителей и 230 экспертов - специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодёжной среде. В числе опрошенных подростков 327, так называемых, «*благополучных*», по оценкам учителей («*Б*») и 338 – «*трудных*» – «**Урал-2008**»;
- **сентябрь 2016 г. - февраль 2017 г.** было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос **500 студентов первых и четвёртых курсов** четырёх уральских вузов на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ - г. Челябинск) - 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ - г. Екатеринбург) - 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) - 100 чел.; г) в двух институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) - 200 чел. - «**Урал-2017**».

---

³ Шаталова Н.И. Теоретико-методологические проблемы социологического изучения трудового потенциала работника: автореф. дис. д-ра социол.н. Екатеринбург, 1999. - 44 с.

⁴ Павлов Б.С. Диссонанс потребительских притязаний и трудовой активности в молодёжной среде на [Урале](#) // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 4. - С. 153-164.

Реализация всех видов потенциалов человека (интеллектуального, биологического, духовно-нравственного), приобретаемых им в ходе социализации, происходит в процессе его трудовой (общественно полезной) деятельности. Преимущественно через сферу труда происходит вовлечение индивида в систему общественного разделения труда, достижение определенного социального статуса, уровня жизни и развитие личностных характеристик индивида. Качество трудовой жизни человека во многом определяется степенью его подготовленности к участию в трудовой деятельности и существующих в обществе условий данного участия.

В то же время, как показывают многочисленные социологические опросы (в том числе и наши, проведенные на Урале) «интеллектуализм» современного подростка (как городского, так и сельского), большой объем усвоенных им знаний нередко достигается ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы⁵. Подобный формат «трудового взросления» молодых продолжается в большинстве случаев и на последующем этапе профессионально-трудовой социализации - в процессе обучения в ВУЗе. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка (*молодого человека*) далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими

Вспомним классическое о том, что спорить о словах не умно, но надо выяснить точно понятие, «если хотите вести дискуссию»⁶. Что мы подразумеваем в нашей статье под феноменом **«внеучебный производительный труд учащейся молодёжи»**? По нашему мнению, это, прежде всего, **дополнительный** труд учащихся (в школе, в ВУЗе), не предусмотренный **обязательной** учебной программой и выполняемый молодыми людьми, главным образом, в целях получения дополнительных доходов и средств для своего повседневного жизнеобеспечения, включая оплату за обучение в ВУЗе (в школе) и расходы на досуговую деятельность (социокультурные занятия). К такому труду можно отнести как временные приработки, так и трудовую деятельность на постоянной договорной основе, позволяющей совмещать, например, с учёбу в ВУЗе (на дневном, вечернем или заочном отделении) с производительным (оплачиваемым) трудом на производстве. Сюда же можно отнести и петнюю трудозанятость школьников. Условно будем обозначать такой труд аббревиатурой - **ВПТ**.

По нашему убеждению, в процессе профессиональной социализации студента ВПТ выполняет ряд важных функций, среди которых можно выделить следующие:

Функция ВПТ	Содержание функции
Социализирующая	Субъекты ВПТ включаются в разнообразные социальные группы, приобщаются к разнообразным видам социального взаимодействия
Адаптационная	ВПТ позволяет более эффективно использовать имеющиеся ресурсы индивида, помогает его адаптации

⁵ Павлов Б.С. Трансформация отношения молодёжи к труду в старопромышленном регионе: онтогенетический аспект // Экономика региона. 2015. № 3. - С. 134-135.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 93.

	к новым реалиям общества, формирующемуся региональному рынку и соответствующим рыночным отношениям
Профессионально-интегративная	Виды, формы и места приложения ВПТ во многом отражают моду и общественное мнение, т.е. посредством такого труда и соответствующего экономического поведения индивид интегрируется в ту или иную профессиональную группу
Регулирующая	Те или иные поведенческие акты, связанные с ВПТ, затрагивают глубинные механизмы восприятия и понимания существующих обычаев, традиций, привычек, правил поведения, профессиональных кодексов чести.. В конечном счете это определяет всеобщее следование законодательно закрепленным нормам и способствует сохранению и поддержанию общественной системы
Целеполагания	Социально-экономическая система постоянно развивается, вместе с ней появляются и развиваются формы и виды труда, модели поведения людей, что обуславливает непрерывное обновление целей и создание новых ценностей в сфере профессионально-производственной деятельности индивидов.
Социально-экономического консенсуса между производительной и потребительской деятельностью индивида	Формирование у индивида разумных потребностей и ценностных ориентаций в достижении их удовлетворения в различных сферах своей жизнедеятельности. Помимо этого, она компенсирует государственное «недофинансирование» системы общеобразовательной и профессиональной подготовки трудовых ресурсов социума.
Семейно-ориентирующая	ВПТ детей в родительской семье выступает средством и целью их первичной и вторичной социализации (в частности, <i>профессиональной</i>), фактором подготовки к « <i>обязательному</i> » семейному образу жизни

Не вдаваясь в полемику современников, хотелось бы напомнить известные положения К.Маркса, написанные полтора столетия назад (1866 г.): «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый взрослый трудоспособный человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками». И далее: «Мы считаем необходимым, основываясь на физиологии, разбить детей и подростков обоего пола на *три группы*, требующие различного отношения к себе: в первую группу должны входить дети от 9 до 12 лет, во вторую - от 13 до 15 лет, в третью - 16 и 17-летние. Мы предлагаем, чтобы для первой группы закон ограничил труд в какой бы то ни было мастерской или на дому *двумя* часами; для второй - *четырьмя* и для третьей - *шестью* часами. Для третьей группы должен быть перерыв по крайней мере в один час для еды или для отдыха».

Согласны ли с классиком современные уральские родители? Полученные данные о желаемом, возрасте приобщения детей к посильному производительному труду, высказанном уральскими

родителями и экспертами (**«Урал-2008»**), свидетельствуют о следующем: каждый шестой-седьмой из двух групп респондентов (15-16 %) считает, что приобщать к серьёзному труду детей можно с 6-7 класса. Каждый третий родитель (33 %) готов к включению своего сына (реже дочь) с 8-9-го класса. Каждый четвёртый родитель (24 %) и столько же экспертов (25 %) считают наиболее благоприятными для включения подростков в производительный труд – 9-11 классы. В первую очередь за такой «щадящий» возрастной режим трудового воспитания родители из семей, живущих «в полном достатке». Однако развитию системы детского трудового воспитания противостоит, как показало исследование, довольно солидная группа противников. Вариант анкеты *«В школе дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они успеют»* после окончания учёбы» отметили 28 % опрошенных родителей и 19 % - экспертов.

По нашему твёрдому убеждению, дальнейшему развитию нетрудового образа жизни значительной части российской молодёжи будет способствовать, принятый в конце декабря 2012 г. и ныне действующий, федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации»: Одно лишь тому подтверждение: в «Законе...», на более чем 150 страницах «убористого почерка», в 111-ти содержательных...статьях «Закона...» мы не встретим ни одного словосочетания *«трудовое воспитание»*. «Не нашлось места», или это своеобразная *«запланированная кем-то кардинальная инновация»* в сфере российской молодёжной политики, или, другими словами, в сфере стратегического развития российского социума?

. «Семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, – писал Н.Бердяев, – биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире. Нет феномена в жизни человечества, который бы так удачно объяснялся экономическим материализмом, как семья. В этой области социологический материализм одержал наибольшие победы. Семья – хозяйственная ячейка, прежде всего, и ее связь с полом всегда косвенная, а не прямая»⁷.

В исследовании **«Урал-2017»** на вопрос анкеты: *«Припомните, приходилось ли Вам работать (подрабатывать) в летние каникулы?»*: респонденты отвечали отдельно по вариантам «после 10 класса» и «после 11 класса». Вот какие были получены следующие ответы - табл. 1.

---

⁷ Бердяев Н.А. Философия неравенства. [Письмо девятое. О социализме.](http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev> (дата обращения: 20.6.17).

Трудозанятость уральских тинэджеров
в летние каникулы после окончания 10 и 11 классов
(% от общего числа опрошенных по каждому вузу;
в числителе ответы на вариант «*после 10 кл.*», в знаменателе - «*после 11 кл.*».)

Варианты ответов на вопрос:	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ
Да, приходилось	25 / 15	51 / 50	71 / 58	23 / 13
Не помню, не работал	75 / 85	49 / 50	29 / 42	77 / 87

Полученные данные позволяют судить о трёх аспектах развития трудового воспитания (*трудоузанятости*) тинэнджеров в период летних каникул: а) о сравнительно низкой трудозанятости подростков в летний период на Урале в целом; б) об определённом снижении трудовой занятости выпускников общеобразовательных школ в период подготовки и сдачи экзаменов при поступлении в ВУЗ в) о существенных различиях в степени приобщённости к производительному труду у контингентов различных ВУЗов. Особо заметны в этом плане две группы вузов: с одной стороны, «трудолюбивые» студенты УрГУПС и УрГАУ, с другой «трудолюбивые» ЮУрГУ и УрФУ.

За последние пару десятилетий, в силу происшедшей существенной трансформации экономических и имущественных отношений «поколений отцов и детей» на уровне семейной общности, состояние «*социальной незащищённости*» молодёжи «на наших глазах» превращается в свой антипод, Речь идёт о формировании *воинствующей потребительской психологии* значительной (если, не большей) части молодых людей, в первую очередь, школьников и студентов

О феномене ВПТ уральских студентов в какой-то мере можно судить по ряду фрагментов, взятых нами из табуляграмм обчёта анкет одного из указанных выше опросов - «*Урал-2017*». Ниже приведены некоторые цифровые данные ответов уральских студентов (% от общего числа опрошенных студентов в каждом из четырёх технических ВУЗов Южного и Среднего Урала):

- перед поступлением в ВУЗ, в 9-11 классах занимались с репетиторами - 96 % студентов ЮУрГУ, 90% - УрГУПС, 98 % - УрГАУ и 79 % студентов УрФУ;
- по самооценкам студентов, им «*не хватает денег на питание*» - 10 % студентов ЮУрГУ, 19% - УрГУПС, 26 % - УрГАУ и 6 % студентов УрФУ;
- за процесс обучения в ВУЗе, по оценкам студентов «по преимуществу за всё ПЛАТЯТ (платили) мои РОДИТЕЛИ (родственники)» - 42 % студентов ЮУрГУ, 34% - УрГУПС, 22 % - УрГАУ и 21 % студентов УрФУ.;
- намерены (не против) совмещать учёбу в ВУЗе и подрабатывать «По профессии (специальности), на которую учатся в ВУЗе» и «На предприятии, в организации, где предполагают (хотят) работать после окончания ВУЗа» - 58 % студентов ЮУрГУ, 50% - УрГУПС, 22 % - УрГАУ и 21 % студентов УрФУ;

- считают, что сегодня среднемесячный заработок у молодого специалиста – выпускника вуза на предприятии, чтобы обеспечить достойное содержание себя и своей семьи должен быть не менее 40 тыс. рублей - 63 % студентов ЮУрГУ, 73% - УрГУПС, 54 % - УрГАУ и 80 % студентов УрФУ.

Положение молодежи, её социально-экономическое и нравственно-этическое поведение, в том числе расширенное воспроизводство феноменов ВПТ, не может быть улучшено, если пытаться решать эту проблему вне контекста общих проблем того или иного социума. Нынешний кризис носит не временный характер, он отражает тенденции, которые зародились в прошлом и продолжатся в будущем. Поэтому их решение может быть достигнуто лишь в общенациональном контексте, на долгосрочной основе, при полном осознании теснейшей зависимости и взаимозависимости экономических реформ и эффективной социальной, в том числе молодежной, политики⁸. При этом, как отмечал замечательный российский педагог К.Д. Ушинский, «Возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных заведений»⁹.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВЫБОР ПРОФЕССИИ МОЛОДЫМ ЧЕЛОВЕКОМ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПЕРМАНЕНТНЫХ ЖИЗНЕННЫХ РИСКОВ

*Павлов Б.С., д.филос.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург
Пронина Е.И.,
ИС РАН, Москва
Павлов Д.Б.
РАНХ и ГС, Москва*

Основной целью и средством процесса воспроизводства общественной жизни было и остаётся производство человека, человеческого сообщества, так называемое классиками социально-экономической мысли «производство третьего рода»¹. Характер этого производства, его количественные и качественные показатели (в первом приближении – это качество населения и отдельной личности) определяется, если так позволительно выразиться, *степенью культуры этого первичного производственного процесса* в воспроизводственной общественной жизни.

Полноценным членом общества индивид становится только будучи *реальным субъектом социализации*, который усваивает социальные нормы и культурные ценности, преимущественно путём самоактивности, саморазвития и

---

⁸ Павлов Б.С., Анисимов С.А. Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН, Физико-технологический институт Уральского федерального университета - Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. - 603 с.

⁹ Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. - М.: Просвещение, 1968. 560 с.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.

самореализации. Естественно, *субъектом социализации* молодой человек становится благодаря соответствующих объективных причин и обстоятельств, т.к. на протяжении всей жизни на каждом возрастном этапе перед ним встают задачи (естественно-культурные, социально-экономические, социально-психологические и др.), для решения которых он более или менее осознанно, а чаще неосознанно, ставит перед собой соответствующие цели и вырабатывает способы их достижения, тем самым проявляя свою субъектность².

Конечная цель социализационного процесса достигается путём решения целого ряда конкретных задач, среди которых известный московский социолог-«молодёжник» И.М. Ильинский выделил наиболее актуальные³:

- ориентация личности на гуманистические установки и смысложизненные ценности в новых социально-политических и экономических условиях общества, определение своего места и целей жизнедеятельности, формирование самосознания и гуманистически направленных высших потребностей;

- выявление и развитие задатков, формирование на их основе общих и специфических способностей, индивидуальности личности, возвышение ее творческого потенциала и способности к саморазвитию;

- воспитание потребности к труду как первой жизненной необходимости, высшей жизненной ценности и главного способа достижения жизненного успеха, целеустремленности и предприимчивости, конкурентоспособности во всех сферах жизнедеятельности.

В ходе своего становления как субъекта социального воспроизводства в настоящее время молодёжь вынуждена вступать в конфликт с социальной системой на всех ее уровнях. Все многообразие возникающих между молодежью и обществом конфликтов условно можно свести к трем основным типам:

• возрастное неравенство социального статуса молодежи и связанные с этим противоречия ее включения в различные сферы общества;

• несовпадение целей и интересов молодежи в целом или отдельных ее групп со многими существующими институциональными нормами, а также противоречие между стремлением молодежи реализовать свой инновационный потенциал и консерватизм институтов социализации;

• состояние напряженности или противостояния молодежной субкультуры традиционной культуре⁴.

Важно подчеркнуть, что профессиональная социализация происходит *с уже социализированным индивидом*, преимущественно на стадии *вторичной социализации*, позволяющей осваивать новые сектора социальной реальности, и определяется, прежде всего, сложностью разделения общественного труда и соответствующего ему знания. Следует учитывать также, что сам процесс профессиональной социализации выступает *видовой формой социализации*, будучи взаимосвязанной с ней как часть с целым. Вместе с тем, профессиональная социализация может анализироваться в рамках социальных взаимодействий основных акторов функционирующих рынков образования и труда. Достижение профессиональной зрелости и включение индивида в

---

² Миронов М.П., Павлов Б.С., Попов В.Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, УрАГС, 2005. – 230 с.

³ Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. - М.: Голос, 2001. – 696 с.

⁴ .Юпитов А.В., Зотов А.А. Исследование ситуации профессионального самоопределения студентов // Социс, 1997, № 3. – С. 84-92.

профессионально-производственные отношения предполагает прохождение им в процессе своего онтогенетического развития целого ряда состояний и действий,

Профессиональное становление может быть представлено как реальный социальный процесс, включающий в себя зарождение и формирование профессиональных намерений, выбор определенной профессионально-трудовой сферы, профессиональное обучение и воспитание, в период которого происходит формирование специальных знаний, умений и навыков, социально значимых и профессионально важных качеств личности и профессиональное самоопределение, активное вхождение индивида в профессионально-трудовую среду и успешное овладение профессией (специальностью) в условиях конкретного трудового процесса и производственных отношений, а также полную или частичную реализацию личности в самостоятельном труде, достижение ею творчества, мастерства, своего «акме» в профессиональной деятельности⁵.

Используя системный анализ в раскрытии взаимосвязи таких многоаспектных феноменов, как «*профессиональная социализация индивида*» и его индивидуальный «*жизненный путь*», можно более предметно раскрыть непрерывность и целостность процесса профессиональной социализации, выявить его основные элементы, рассмотреть профессиональную социализацию как часть общей социализации личности. При этом можно сформулировать несколько важных положений:

во-первых, традиционный, «классический жизненный (профессиональный путь: выбор профессии – профессиональная учёба и последующий труд по избранной профессии, хотя и остаётся в качестве возможного сценария жизненного пути молодого человека, может дополняться различными вариациями профессиональных (жизненных) ситуаций, «*превратностей судьбы*»;

во-вторых, первоначальный профессиональный выбор и полученное профессиональное образование могут стать своеобразным «*холостым выстрелом*» в случае, когда специалист порывает со своей профессией и стремится освоить другую;

в-третьих, выбор профессии и получение диплома об окончании образовательного учреждения автоматически не гарантируют применение полученных знаний в общественном производительном труде. Профессионально-трудовой потенциал может использоваться в других сферах жизнедеятельности индивида (*семейно-бытовой сфере, в занятиях любительским трудом, типа хобби и т.д.*);

в-четвёртых, та или иная ситуация, тот или иной сценарий реализации жизненного самоопределения личности в сфере профессиональной трудозанятости есть детерминанта управляемых (целенаправленных) и спонтанных факторов, условий, создаваемых (создавшихся) для конкретного человека в процессе реализации им выбранной (предпочитаемой) жизненной программы. Последнее, в свою очередь, в немалой степени зависит от такого фактора, обстоятельства, как профессиональное призвание⁶.

Эмпирическим подтверждением наших выводов могут служить, в

---

⁵ Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала). Екатеринбург. 2014. 575 с.

⁶ Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала 2013, № 12. С. 90-94.

частности, результаты двух социологических опросов, проведённых нами в 2016-2017 гг. в Институте экономике УрО РАН

- **2016 г.** в семи вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов 2-х и 4-х курсов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей. Опрошенные студенты были подразделены в соответствии с профессиональной направленностью вузов на три группы: а) технические (УрФУ, УрГУПС, ЮУрГУ – 750 чел.) – условная аббревиатура в тексте – «**Техн**»; педагогическими (СГПУ, ЧГПУ – 350 чел.) – «**Пед**» и гуманитарные (ЧелГУ, ТюмГУ) – «**Гум**» - 400 чел. Общая аббревиатура для опроса - «**Урал-ВУЗ-2016**».

- **2017 г.** было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос *500 студентов первых и четвёртых курсов* четырёх уральских вузов на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ - г. Челябинск) - 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ - г. Екатеринбург) - 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) - 100 чел.; г) в двух институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) - 200 чел. - «**Урал-ВУЗ-2017**»⁷.

Следуя логике Н.Лумана, характерной чертой постсовременного общества, является не столько потребность создания условий стабильного существования, сколько интерес к крайним, даже невероятным альтернативам, которые разрушают условия для общественного консенсуса и подрывают основы коммуникации. Поведение, ориентированное на такие случайности, и принятие таких альтернатив являются противоречивыми. «Все усилия основать решения на рациональном подсчете не только остаются безуспешными, но, в конечном счете, также подрывают требования метода и процедур рациональности». По утверждению Лумана, «современное рисковое поведение вообще не вписывается в схему рационального/иррационального»⁸.

Понятие «онтологическая безопасность», т.е. ощущение надежности людей и вещей, надежности и предсказуемости повседневной жизни было введено Э.Гидденсом, который, при этом, уделил достаточно много внимания соотношению модерна и традиции. Модернизация разрушает традицию, главным «врагом» которой является растущая институциональная рефлексивность. Но, по его мнению (и это важно для нас), «сотрудничество» модерна и традиции было критически важным на его ранних стадиях, когда предполагалось, что риск может быть калькулирован⁹.

Следует признать, что в разряд «рисковых, непредсказуемых поведений» в условиях современного российского социума следует отнести поведение россиян в сфере труда, как производственного, так и внепроизводственного. «Интеллектуализм» современного подростка (как городского, так и сельского), большой объем усвоенных им знаний нередко достигается ценою полного

---

⁷ Ответственными исполнителями и участниками опросов «**Урал-ВУЗ-2016**» и «**Урал-ВУЗ-2017**» являлись доцент ЧелГУ Л.П. Бердник, а также сотрудники кафедры СБ ФТИ УрФУ Н.И. Разикова, А.Ю. Степанова, О.Р. Шевелёва; научн. рук. проф. Б.С. Павлов..

⁸ Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993.- 236 p.

⁹ Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал, 2001. № 1.

освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими.

О рисках взаимоотношений **«молодой человек и профессия**, которую он получил в уральском ВУЗе», о возможных жизненных ситуациях в которых оказались молодые специалисты, можно судить по ряду фрагментов, взятых нами из табуляграмм обсчёта анкет одного из указанных выше опросов - **«Урал-ВУЗ-2017»**. Ниже приведены некоторые цифровые данные ответов уральских студентов (% от общего числа опрошенных студентов в каждом из четырёх технических ВУЗов Южного и Среднего Урала):

- по мнению студентов отношение родителей к выбору их детьми той или иной профессии «было безразличным» - 10 % студентов ЮУрГУ, 23% - УрГУПС, 9 % - УрГАУ и 44 % студентов УрФУ;
- перед поступлением в ВУЗ, в 9-11 классах занимались с репетиторами - 96 % студентов ЮУрГУ, 90% - УрГУПС, 98 % - УрГАУ и 79 % студентов УрФУ;
- считают, что занятия с репетиторами помогли им поступить - 83 % студентов ЮУрГУ, 71% - УрГУПС, 69 % - УрГАУ и 38 % студентов УрФУ;
- *за время учёбы в ВУЗе родители студентов НЕ ПРИЕЗЖАЛИ (не приходили)* «проведать» своего сына или дочь - 58 % студентов ЮУрГУ, 32% - УрГУПС, 61 % - УрГАУ и 32 % студентов УрФУ;
- осуждают распространение религиозного сознания среди студентов в ВУЗах - 52 % студентов ЮУрГУ, 26 % - УрГУПС, 35 % - УрГАУ и 23 % студентов УрФУ;
- в процессе своего обучения в ВУЗе допускают **«Пропускать занятия без уважительной причины»** - 75 % студентов ЮУрГУ, 57% - УрГУПС, 57 % - УрГАУ и 27 % студентов УрФУ;
- в процессе своего обучения в ВУЗе допускают **«Пользоваться шпаргалками на экзамене»** - 77 % студентов ЮУрГУ, 73% - УрГУПС, 90 % - УрГАУ и 51 % студентов УрФУ;
- в процессе своего обучения в ВУЗе допускают **«Списывать курсовые, дипломы из Интернета»** - 34 % студентов ЮУрГУ, 49% - УрГУПС, 73 % - УрГАУ и 31 % студентов УрФУ;
- если бы предоставилась вновь выбирать профессию и специальность, то выбрали бы **«другое учебное заведение и другую специальность»** - 26 % студентов ЮУрГУ, 22% - УрГУПС, 14 % - УрГАУ и 7 % студентов УрФУ;
- после окончания ВУЗа планируют **«Постараться уехать работать и жить в другую страну»** - 39 % студентов ЮУрГУ, 22% - УрГУПС, 21 % - УрГАУ и 10 % студентов УрФУ;
- достаточно твёрдо уверены в осуществлении своих жизненных планов после окончания ВУЗа - 88 % студентов ЮУрГУ, 85% - УрГУПС, 89 % - УрГАУ и 79 % студентов УрФУ;
- в реализации своих жизненных планов **НАДЕЮТСЯ НА «ПОМОЩЬ ЗНАКОМЫХ и ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»** - 11 % студентов ЮУрГУ, 18% - УрГУПС, 25 % - УрГАУ и 14 % студентов УрФУ.

«Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, писал К.Д. Ушинский, -должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни. ...Воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объем сведений, но должно зажечь в нём жажду серьезного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой»¹⁰. Эти мысли были высказаны замечательным российским педагогом более полутора веков тому назад... Но как актуальны они и сегодня.

КУЛЬТУРА МЕЖФИРМЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА*

*Симонова В.Л., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

В современных условиях развития сетевые структуры становятся реальными производственными единицами, а конкурентоспособность определяется способностью экономических агентов к интеграции и координации совместных действий для снижения уровня неопределенности, эффективного обмена ресурсами, информацией как основы для внедрения технологических, продуктовых, организационных улучшений. Развитие межфирменных отношений, увеличение числа и разнообразия форм сетевых организаций вызывает необходимость поиска и оценки факторов, влияющих на этот процесс.

Доминирующей парадигмой для анализа сущности межфирменных отношений в экономической литературе является теория трансакционных издержек, сосредоточенная на анализе характеристик трансакций. В рамках данного подхода выделяются три типа механизмов управления трансакциями: рыночный, иерархический и гибридный. Рынки и иерархии представляют собой две полярные формы институциональных соглашений. Другие координирующие структуры занимают промежуточное положение и представляют собой гибриды рынка и иерархии, определяемые существованием некоей промежуточной взаимозависимости их участников, когда эта зависимость уже рождает потребность в тесной координации, но еще недостаточна для полной интеграции¹. При этом гибридные (в частном случае взаимодействия более двух фирм – сетевые) структуры являются не просто результатом синтеза атрибутов двух противоположных друг другу механизмов управления, а обладают уникальными характеристиками, обеспечивающими самобытную логику протекающих в них процессов координации².

О.Уильямсон определил гибридные соглашения как долгосрочные контрактные отношения, сохраняющие автономность сторон, но предполагающие создание трансакционно-специфических мер

---

¹⁰ Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. - М.: Просвещение, 1968. 560 с.

* Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ грант № 15-02-00158-ОГОН

¹Menard S. The Economics of Hybrid Organizations // Journal of Institutional and Theoretical Economics, 2004, P.345-376

²Podolny J.M., Karen L. P. Network forms of organization // Annual Review of Sociology. 1998. vol.24, p. 57-76

предосторожности, препятствующих оппортунистическому поведению участников и обеспечивающих адаптацию к изменяющимся обстоятельствам в условиях ненулевых контрактных рисков³. Основой функционирования гибридных организаций является совместное использование относительно специфических ресурсов автономных хозяйствующих субъектов (фирм), основанное на их комплиментарности, является источником мультипликативных эффектов и обеспечивает системное преимущество, но при этом требует издержек согласования действий. Кроме того, использование специфических ресурсов и инвестиций в обеспечение соответствия сторон друг другу в условиях наличия неопределенности, свойственной долгосрочным отношениям, может осложняться проблемами «вымогательства», «фрирайдерства» и прочими формами оппортунизма⁴. Все это актуализирует вопрос выбора формы управления взаимодействием в гибридных организациях.

О. Уильямсон выдел три основные формы управления межфирменных взаимоотношений: (а) с позиции силы; (б) на основе достоверных обязательств; (с) посредством щадящего (мягкого) воздействия⁵.

Силовой подход основан на доминировании одной из сторон, как правило, крупной фирмы, диктующей в безапелляционной манере условия сделки более слабым участникам отношений и не дающей определенных гарантий в случае прекращения отношений в условиях возникновения непредвиденных обстоятельств. Подобный подход является неэффективным с позиции инвестиций в специфические ресурсы и стратегий специализации, основанных на взаимодополняемости, порождает разнообразные упущенные выгоды, вызванные рисками и недоверием, и является «ловушкой для тех, кто страдает примитивным восприятием неиспользованной власти как потери».

Следующие две формы управления межфирменных взаимоотношений роднит отсутствие «недоброжелательности», открывающей двери для развития потенциала сотрудничества. Достоверные обязательства используются в целях смягчения эффектов потенциальных и реальных угроз, а подход, основанный на щадящем воздействии, обеспечивает гибкость взаимоотношениям к непредвиденным обстоятельствам. В обоих случаях власть заменяется доверием. Многие авторы рассматривают доверие между партнерами как важный механизм обеспечения устойчивости и безопасности отношений в условиях их взаимозависимости, которая является следствием использования транзакционно специфических ресурсов⁶.

Неформальные отношения и социальные сети выступают принципиальной основой доверительного сотрудничества⁷. Они затрагивают экономические и персональные связи, влияя на правила и нормы поведения, а также способствуют обмену знаниями не только в эксплицитной, но и имплицитной

---

³Williamson O. Comparative economic organization: the analysis of discreet structural alternatives. // Administrative Science Quarterly. 1991. Vol. 36, № 2. p. 269-296

⁴Попов Е.В., Симонова В.Л. Оппортунизм экономических агентов. Екатеринбург: ИЭУрОРАН, 2007.

⁵Уильямсон О.И. Аутсорсинг: транзакционные издержки и управление цепями поставок // Российский журнал менеджмента. 2010. №1. с. 71-92

⁶Hunt Sh., Morgan R. The comparative advantage theory of competition // Journal of Marketing. 1995. Vol. 59, № 2. p. 1-15; Bradach J., Eccles R. Price, authority and trust - from ideal types to plural forms // Annual Review of Sociology. 1989. Vol. 15. p. 97 – 118 и др.

⁷Felzensztein C. Social Networks and Marketing Cooperation in Entrepreneurial Clusters: An International Comparative Study // Journal of International Entrepreneurship, 2009, №7, P.281-291

форме. Другими словами, социальные связи создают фундамент гибридных организаций, основанных на межфирменном сотрудничестве.

Обращение к механизму управления, основанном на доверительном сотрудничестве посредством неформальных отношений и социальных сетей, позволяет говорить о культуре межфирменного сотрудничества как факторе снижения издержек, связанных с совместным использованием специфических ресурсов автономными участниками в условиях поведенческой и общей неопределенности.

Понятие культуры чрезвычайно многогранно и трактуется в зависимости от объекта исследования. В традиции экономических исследований под культурой понимаются общественные нормы и индивидуальные убеждения, опосредующие повторяющиеся социальные взаимодействия⁸. Здесь в качестве центрального элемента понятия культуры лежат ценности и убеждения, разделяемые определенным сообществом. При этом в традиции эмпирических исследований не проводится резкой границы между ценностями и убеждениями, хотя и указывается, что ценности является более общим понятием, в то время как убеждения – более конкретным. Определяя ключевой элемент культуры, Шварц и Блиски трактуют ценности как представления и убеждения относительно желаемого состояния дел или поведения, выходящие за рамки конкретных ситуаций и определяющие выбор и оценку поведения⁹. Таким образом, ценностям приписывают поведенческие установки, определяющие способы восприятия и взаимодействия с окружающим миром.

Следуя традиции Д.Норта ряд исследователей¹⁰ трактуют культуру как неформальный институт, включающий ограничения в форме неформальных санкций, запретов, привычек, традиций и норм поведения. Существование данных норм и правил позволяет снизить поведенческую неопределенность, тем самым выступая в качестве источника издержек социального взаимодействия.

Таким образом, тот или иной набор ценностей и убеждений порождает определенный набор выгод и издержек в процессе социально-экономических отношений, что отражает экономическое содержание культуры и позволяет говорить о «культурном капитале» как экономическом факторе.

Оценка культурного капитала через набор ценностей и убеждений, определяющий уровень межфирменного сотрудничества, представляет собой непростую исследовательскую задачу, решение которой возможно посредством обращения к существующим в мировой практике различным моделям количественной оценки национальных культур.

Первой и наиболее распространенной является методика, разработанная Гритом Хофстеде¹¹. Для описания национальных культурных различий Г.Хофстеде использовал группы индикаторов, отражающих количественные оценки культурных характеристик: индивидуализм/коллективизм, дистанция по отношению к власти, избегание неопределенности, маскулинность/фемининность, долгосрочная/краткосрочная ориентированность,

---

⁸Tabillini G. Institutions and Culture // Journal of the European economic Association, 2008, №6, P.255-294

⁹Schwarz S., Bilsky w. Toward a psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol.53. №3 p.551

¹⁰Алесина А., Джулиано П. Культура и институты. Часть I // Вопросы экономики, 2016, №10 С.82-111; Аузан А.А., Никишаина Е.Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. №4. с. 48-57 и др.

¹¹Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и среда, 2014, №2, С.9- 49

потворство желаним/сдержанность. Несмотря на критику подхода, связанную с произвольностью эмпирических индикаторов и их одновременным использованием сразу в нескольких финальных показателях, методика Г.Хофстедом считается базовой и послужила основой для дальнейших исследований, уточняющих содержание представленных показателей и предлагающих дополнительные универсалии.

Так исследование GLOBE¹² строилось по девяти показателям, большая часть из которых являются производными от показателей Г. Хофстеде, но отличаются операционализацией культурных индикаторов (избегание неопределенности, дистанцированности власти, групповой коллективизм и институциональный коллективизм, гендерный эгалитаризм и ассертивность, ориентации на будущее). Помимо уточнения, в рассматриваемом проекте также были добавлены два новых показателя – *гуманистическая ориентация*, отражающая степень, в которой организация или общество поощряет следование этическим нормам – справедливости, альтруистичности, дружелюбия, щедрости и пр., и *ориентация на исполнение*, характеризующая заинтересованность общества в инновациях, высоких стандартах, совершенствовании и повышении эффективности.

Рассмотренные основные подходы являются важным источником фактологического материала, который может стать основой дальнейшего теоретико-экономического анализа. Он позволяет выделить несколько основных культурных индикаторов, которые в соответствии с предметом нашего исследования необходимо соотнести с уровнем межфирменного сотрудничества.

Показатели «индивидуализма-коллективизма» является наиболее значимым измерением характеристик культуры¹³, но оценка влияния данного параметра на уровень сотрудничества определяется тем содержанием, которое вкладывают в данное понятие авторы. Если интерпретировать меру индивидуализма/коллективизма как степень интеграции людей в группы, тогда воздействие данного параметра на кооперативное поведение будет определяться через ориентацию на достижение индивидуальных целей или коллективных. Так HewettK. и BeardenW.¹⁴ отмечают, что в более коллективистских обществах взаимодействие будет основано на межличностных и информационных связях, способствующих процессам сотрудничества как на индивидуальном уровне, так и уровне фирм. FelzenszteinC. и GimonE.¹⁵ связывают воздействие уровня индивидуализма/коллективизма на кооперативное поведение через уровень доверия и взаимных обязательств. ChenC., PengW., SaporitoP.¹⁶ связывают развитие сотрудничества с уровнем оппортунизма, который будет выше в индивидуалистических обществах.

---

¹²Worldwide Differences in Business Values and Practices: Overview of GLOBE Research Findings. GROVEWELL LLC. 2005. P. 1-12// <https://www.grovetwell.com/wp-content/uploads/pub-GLOBE-dimensions.pdf>

¹³ Алесина А., Джулиано П. Культура и институты. Часть I // Вопросы экономики, 2016, №106 С.82-111

¹⁴ Hewett K., Bearden W. Dependence, trust, and relational behavior on the part of foreign subsidiary marketing operations: Implications for managing global marketing operations. Journal of Marketing, 2001, 65(4), 51-66.

¹⁵ Felzensztein C. Social Networks and Marketing Cooperation in Entrepreneurial Clusters: An International Comparative Study // Journal of International Entrepreneurship, 2009, №7, P.281-291

¹⁶ Chen C., Peng W., Saporito P. Individualism, Collectivism, and Opportunism: A cultural Perspective on Transaction Cost Economics // Journal of Management, 2002. Vol. 28, № 4

Вместе с тем существует другой взгляд на природу индивидуализма/коллективизма сквозь призму независимой и взаимозависимой личности – независимая личность склонна одинаково взаимодействовать со всеми, а для взаимозависимой личности взаимодействие внутри группы и вне ее будет различаться¹⁷. Данное обстоятельство будет определять уровень обобщенного доверия в обществе и, соответственно, уровень сотрудничества (в индивидуалистических обществах данные параметры будут выше). Используя интерпретацию Р.Инглхарта индивидуализма сквозь призму ценностей эмансипации (emancipative values), Kistler D., Thoni C., Welzel C.¹⁸ аргументировали наличие положительной связи между уровнем индивидуализма и мерой создания общей ресурсной базы как критерия кооперационного поведения. Данные положения, согласуются со взглядами В.М. Полтеровича, согласно которому сотрудничество предполагает гармонизацию усилий, при которой не требуется формирования коллективистского сознания, и которая вполне может опираться на долгосрочный эгоистический интерес¹⁹.

Таким образом, в аналитических и эмпирических исследованиях подтверждается значимость данной культурной характеристики для развития сотрудничества, однако оценка направления данного влияния зависит от операционализации используемых показателей.

Помимо критерия индивидуализма/коллективизма в экономической литературе широкое обсуждение получили вопросы влияния моральных ценностей и доверия, входящих в показатель «гуманистической ориентации». Доверие рассматривается в качестве элемента социального капитала, который способствует развитию кооперационных отношений. Оно оказывает влияние на величину трансакционных издержек за счет уменьшения вероятности оппортунизма и сокращения уровня неопределенности²⁰. При оценке данного параметра, как правило, используется показатель обобщенного доверия. При этом остается актуальным вопрос влияния группового доверия на уровень межфирменного сотрудничества. G. Tabellini²¹ в своем исследовании помимо доверия включает в анализ показатель морали. Он выделяет обобщенную и ограниченную мораль. Ограниченная мораль способствует развитию кооперационного поведения только в рамках определенной группы, обобщенная мораль характеризует ситуацию, когда нормы кооперационного поведения распространяются на все общество. Обобщенную мораль автор оценивает через показатель «уважения» (respect) и обосновывает его влияние через нормы следования законам и снижения остроты проблемы фрирайдерства.

Анализ других параметров культуры не получил столь широкого развития в экономической литературе как рассмотренные выше показатели «гуманистической ориентации» и «индивидуализма/коллективизма». Но можно предположить, что они тоже имеют значение для развития культуры

---

¹⁷ Алесина А., Джулиано П. Культура и институты. Часть I // Вопросы экономики, 2016, №106 С.82-111

¹⁸ Kistler D., Thoni C., Welzel C. World Values Survey Response and Behavior: Emancipative and Secular Values Predict Cooperation, Protection of Property and Pro-Social Behavior // World Values Research. 2015. Vol.8. №3. Pp. 100-122

¹⁹ Полтерович В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41-64

²⁰ Kyriacou A., Lopez F. Inequality and Culture in a Cross-section of countries // Journal of Institutional Economics, 2015, 11(01), p.141-13

²¹ Tabellini G. Institutions and Culture // Journal of the European economic Association, 2008, №6, P.255-294

межфирменного сотрудничества. Так *долгосрочная ориентация* снижает вес краткосрочных выгод, способствует укреплению моральных норм и снижает вероятность оппортунистического поведения²². Данные факторы будут способствовать развитию межфирменных отношений, основанных на комплиментарности участников и предполагающие необходимость осуществления специфических инвестиций с целью обеспечения соответствия сторон друг другу. Показатель *дистанции власти* будет влиять на восприятие статуса горизонтальных связей²³ между автономными участниками межфирменного взаимодействия. Низкие значения данного показателя предполагают, прежде всего, готовность к диалогу и поиску компромиссных решений, что является более эффективным с позиции инвестиций в специфические ресурсы и стратегий специализации и снимает проблемы агентского оппортунизма. Соответственно низкие показатели дистанции власти можно рассматривать как характеристик культуры межфирменного сотрудничества. Показатель *избегания неопределенности* ориентирует экономических агентов на формализованность отношений, разработку детальной системы правил и является фактором сопротивления изменениям. Соответственно высокие показатели избегания неопределенности не могут рассматриваться в качестве характеристики культуры межфирменного сотрудничества, поскольку способствуют росту транзакционных издержек контрактации и снижают гибкость принятия решений. Следующий этап анализа предполагает эмпирическое подтверждение наличие предполагаемых зависимостей между уровнем межфирменной кооперации и показателями культуры сотрудничества.

ПЕРВЫЕ ПРОЕКТЫ ПОСТРОЙКИ СУДОХОДНЫХ КАНАЛОВ НА УРАЛЕ

*Сухих В.В., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

В то время как судоходные каналы активно строились в ряде европейских стран и в Китае, на Руси они не появились вплоть до начала XVIII века. Можно предположить, что в них и не было особой нужды. Речные суда относительно небольших размеров перевозили, как правило, довольно компактные, но высокие по стоимости товары, поэтому выгрузка и перевозка грузов сушей между речными системами не сильно удорожала их стоимость. Активно использовалась система волоков между реками, по которым можно было перетаскивать суда с одной речной системы в другую.

Все изменилось с начала постройки Санкт-Петербурга. Город изначально строился как новая столица государства, при этом был заложен в малолюдных и скудных припасами землях, что требовало непрерывного подвоза в колоссальных объемах продовольствия, строительных материалов, вооружения

---

²² Полтерович В. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики, 2016, №11, С. 5-23

²³ Культурные факторы модернизации / А.А.Аузан, А.Н.Архангельский, П.С.Лунгин, В.А.Найшуль при участии А.О.Ворончихиной, Н.В.Зверевой, А.В.Золотова, Е.Н.Никишиной, А.А.Ставиной, М.; СПб., 2011

и т.д. В условиях Северной войны гужевой транспорт не мог быть основным для перевозки грузов в новый город, как из-за дороговизны и плохих дорог, так и по причине постоянной нужды воюющей армии в лошадях для кавалерии и обоза. Поэтому Петр I обратился к новой для России практике – повелел выстроить целую сеть судоходных каналов, облегчавших подвоз грузов к Санкт-Петербургу. В 1709 году была закончена Вышневолоцкая водная система: канал между р. Твердой, впадающей в Волгу, и рекой Цной, впадающей в озеро Ильмень, с которого суда плыли через Волхов, Ладожское озеро и Неву в новую столицу. Для безопасности плавания позднее был прорыт Ладожский канал по южному краю Ладоги, по которому суда проходили с Волхова на Неву минуя беспокойное озеро.

В планах Петра I было соединить каналами все крупные речные системы Европейской части России, по его приказу организовывались экспедиции в места будущих трасс искусственных водных путей¹. Именно при Петре I проекты постройки судоходных каналов появились и на Урале.

Уральская промышленность в начале 1720-х гг. переживала трудный период становления. Посланные императором на Урал В.Н. Татищев, а потом В. де Геннин вынуждены были, помимо прочих проблем, заниматься ускорением и удешевлением доставки выплавленного металла и изделий из него с Урала в Петербург. Удешевление было возможно исключительно за счет более активного использования речных путей. Сам Петр I в своем письме к В. Геннину от 20 ноября 1723 г. писал по поводу медного завода: «то изрядно учинено, только надлежит того смотреть, дабы был водяной ход, как для привоза материалов на заводы, так и для отвоза сделанных вещей на заводах, чтоб без водяного ходу не учинилось дороговизны»². Это прекрасно понимали управляющие заводами и без царских указаний. Гужевой транспорт не мог справиться с вывозкой металла, тем более что отправка груза за тысячи километров на запад означала вывод из заводских работ недопустимо большого числа людей и лошадей. Оставался только речной путь, но вот тут речные системы «сработали» против горной администрации. Привычная для вывоза грузов на запад река Чусовая была крайне сложна для навигации из-за многочисленных «бойцов» (подводных и прибрежных камней) и кроме того – маловодна летом, так что грузы можно было отправлять только весной, заранее смирившись с утратой значительной части судов и товаров. До чусовских пристаней металл и прочие грузы приходилось везти гужевым транспортом и хранить там долгие месяцы до весенних караванов.

С Чусовой суда с уральским металлом попадали в Каму и далее в Волгу и их приходилось поднимать вверх по течению, чтобы потом по системе каналов доставлять в Петербург. В.Н. Татищев, задумав построить в верховьях Исети огромный завод (будущий Екатеринбург), должен был заранее убедить начальство в Петербурге, что выплавляемый новым заводом металл можно будет доставить гораздо быстрее и дешевле. В 1721 году В.Н. Татищев пишет в Берг-коллегию и отдельно ее начальнику Я. В. Брюсу донесения с предложением о постройке нового завода. Наличие водных путей, и, следовательно, возможности недорогого вывоза металла, было важнейшим фактором при выборе места постройки Екатеринбурга. «А весной путь отсюда водою во всю Сибирь – Исетью, в Казань – Чусовой, к городу Архангельску – Камой вверх и

---

¹ Федосеев И.А, Развитие гидрологии суши в России. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических сведений по городу. Репринт издания 1889. Екатеринбург, 1998.

потом Килтмою в Вычегду и Двину – весьма купечеству путь способный» писал В.Н. Татищев³.

Преднамеренный обман В.Н. Татищева насчет судоходности Исети (на которой небольшие суда могли ходить только с Шадринска) вряд ли мог быть раскрыт в Петербурге, где плохо представляли себе зауральские реки, но вот насчет Чусовой и дальнейшего пути по Каме и Волге Берг-коллегия знала точно и тут вставал вопрос, можно ли вывозить обещанный В.Н. Татищевым в будущем металл, если уже производимый доставляется с невероятным трудом и крайне медленно.

Для решения этого вопроса В.Н. Татищев и предложил впервые построить судоходный канал. Он доносил Я.В. Брюсу, что слышал от пленных шведских офицеров, живших в Соликамске об озере (болото Гуменцо) на севере, откуда вытекают две реки, Южная Кельтма в Каму, Северная Кельтма в Вычегду (приток Северной Двины). По этому озеру весной по половодью проходят небольшие суда с хлебом, так что шведы считают, что очисткой пути и постройкой трех-четырех шлюзов можно открыть свободный проход для крупных судов на все лето. В.Н. Татищев предложил этим же путем возить в Архангельск железо с заводов.

Предполагаемый канал решал сразу две проблемы – ускорял вывоз металла до морских портов и ослаблял транспортную нагрузку на Волгу и Вышневолоцкую систему. Но так как Берг-коллегия отказала В.Н. Татищеву в разрешении на постройку завода вопрос о постройке канала не обсуждался. Сам В.Н. Татищев попал в опалу и был отозван, его сменил генерал В. де Геннин, умелый администратор и инженер. Необходимо отметить, что до назначения на Урал В. Геннин по приказу Петра I работал над проектом судоходного канала, соединившего бы Москву удобным речным путем с Волгой, так что можно было ожидать его поддержку идеи постройки каналов и на Урале.

Действительно, известно донесение В. Геннина Петру I от 11 ноября 1724 года, где был изложен проект создания водного пути от Камы до Архангельска⁴. В. Геннин следовал идее В.Н. Татищева о соединении каналом двух Кельтм, но предварительно послал в тот край геодезиста и убедился в возможности построения канала. Петр I умер прежде, чем получил это письмо, после же В. Геннин вопрос о канале на севере не поднимал, очевидно осознавая, что какие-то затратные работы не получат поддержки у правительства.

Видимо были и другие причины, по которым В. Геннин не стал настаивать на строительстве канала. Отсутствовала частная инициатива к постройке, владельцы частных заводов удовлетворись вывозом своих грузов по Чусовой и не стали бы вкладывать деньги в предприятие с неясным будущим. Слабая заселенность окрестностей планируемого канала затрудняла строительство, при дефиците рабочей силы со сложностями в снабжении продовольствием и стройматериалами казна была не в состоянии построить канал быстро и быстро же окупить затраты. Когда постройка канала была все же начата при Екатерине II, то стройка затянулась на 36 лет, при этом созданный Северо-Екатерининский канал не окупился и был быстро закрыт⁵.

---

³ Шакинко И.М. Василий Татищев. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1986.

⁴ Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995.

⁵ Чупин Н. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь: Типография Поповой, 1873.

Как одну из причин снятия вопроса о канале на Кельтмах в первой половине XVIII века часто указывают на нежелание правительства развивать Архангельск как конкурента порта в Санкт-Петербурге. С другой стороны, уральский металл все равно шел через Архангельск. К примеру, в 1732 году В. Геннин пишет о выгоде продажи казенного железа в Архангельск, где иностранцы дают за металл цену выше, чем в Петербурге⁶.

Неясно, планировался ли при В.Н. Татищеве и В. Геннине канал, соединяющий Исеть с Чусовой. В краеведческой литературе идею такого канала приписывают В.Н. Татищеву, но ничего подобного не удалось найти в его опубликованных трудах и письмах. При этом сама мысль о канале напрашивается для знающего уральские реки человека. Академик П.С. Паллас, побывавший на Чусовой в 1770 году, писал: «Если, когда вздумают посредством каналов соединить Сибирские воды с Российскими, то надобно будет взглянуть и на сие место», впрочем, добавляя «хотя после упоминаемые в рассуждении соединения места и большего внимания достойны»⁷.

Для Екатеринбурга XVIII века было бы выгодно отправлять грузы сразу на Чусовую речным путем. Активно использовался для транспортировки грузов городской пруд, по которому, после того как в 1726 году был построен Верх-Исетский завод цесаревны Анны, возили на судах металл и изделия с него между двумя заводами. Пруд Верх-Исетского завода по своим размерам был самым большим из заводских водоемов и активно использовался для судоходства. В 1815 году канал из этого пруда в приток Чусовой Решеты стал строить управляющий Верх-Исетским заводом Г.Ф. Зотов, но постройка была прекращена из-за опасения обмеления Чусовой. Были ли проекты постройки подобного канала до этого – выяснить не удалось.

Причины, по которым судоходные каналы так и не были построены на Урале в XVIII веке, вряд ли сводимы исключительно к финансовым и техническим трудностям. Скорее решающим фактором были трудности налаживания государственно-частного партнерства⁸, когда владельцы частных заводов и казна не могли договориться о сотрудничестве в улучшении водных путей, совместной постройке и эксплуатации каналов, как-то было в Европе.

---

⁶ Корепанов Н.С. Геннин на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.

⁷ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Часть вторая. Книга первая. Санкт-Петербург, Императорская Академия наук, 1786.

⁸ Важенин С.Г., Сухих В.В. Кризис доверия как причина неудач государственно-частного партнерства в России XIX - начала XX вв. // ЭКО. 2016. №9. С.126-140.

***Инструментарий и методы прогнозирования
регионального развития***

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНДИКАТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Берсенев, В.Л., д.и.н.,
ИЭ УРО РАН, Екатеринбург
Данилов И.П., д.э.н.,
Ладыкова Т.И., к.э.н.
ЧувГУ им.И.Н.Ульянова Чебоксары*

Современные социально-экономические системы включают в себя в теоретическом аспекте социально-экономические отношения, различные формы реализации социальной и экономической деятельности, механизмы, связи различных форм между структурными составляющими системы, экономическими субъектами и индивидами.

Одним из существенных системообразующих признаков современных социально-экономических систем выступает оптимальное сочетание различных видов собственности (частной, коллективной, государственной). При этом оптимальность может варьироваться по странам, регионам, отраслям, секторам, муниципалитетам и др.

Следующим признаком выступает оптимальное использование государственного регулирования и рыночного саморегулирования. При этом возникает важный методологический вопрос – в какой последовательности должны использоваться эти два основополагающих инструмента? Должно ли государство только реагировать на отрицательные последствия, «провалы», недостатки рыночных отношений (следовать за рынком), либо ему необходимо задавать определенные контуры (рамки, условия), позволяющие минимизировать негативные проявления рыночного механизма (создавать и формировать рынки и рыночные отношения и др.), в т.ч. используя инструменты научного предвидения (прогнозирования) и формирования, созидания (планирования). Точно также как без плана в голове, который материализуется, например, в чертеже, невозможно создать сложный механизм, но можно осуществлять только простейшие (примитивные) трудовые операции. Поэтому, на наш взгляд, можно сделать вывод о том (и российская недавняя история, к сожалению, служит тому подтверждением), что рыночные отношения в чистом виде, без государственного регулирования приводят к примитивизации экономики, т.е. к тому состоянию в прошлом, когда фиксировался расцвет «свободных» рыночных отношений.

Необходимость широкого использования прогнозирования и планирования (стратегического и индикативного) обуславливается следующими основными факторами: в настоящее время происходит качественный рост различных социально-экономических связей (между странами, регионами, отраслями, муниципалитетами и др.); социально-экономические системы на различных уровнях должны обладать определенной структурой для сохранения собственной устойчивости и обеспечения эффективности функционирования; фундаментальными недостатками рыночных отношений, которые особенно явно проявляются во время кризисов, источником которых они (рыночные отношения) и выступают; существуют сферы, отрасли и виды социально-экономической деятельности, где недостатки рыночных отношений проявляются наиболее остро, но они необходимы для эффективного функционирования всей

социально-экономической системы, но невыгодны для вложения капиталов и др. и поэтому государство объективно становится участником экономических отношений (экономическим субъектом).

Индикативное планирование, на наш взгляд, должно исходить из того, что изменения происходят в социально-экономических системах достаточно быстро и скорость этих изменений возрастает и, соответственно, должна возрасти скорость ответной реакции как со стороны социума, так и со стороны индивида. Также эти изменения накапливаются, объединяя в себе все предшествующие изменения, которые во многих случаях приобретают новое качество (синергетический эффект). Кроме того, изменения протекают в определенной последовательности, т.к. несмотря на все развитие цивилизации и индивида, базовые (фундаментальные) факторы (мотивы) социально-экономической деятельности человека остаются неизменными, что обуславливает фундаментальную стабильность (устойчивость) ответной реакции индивида на внешнее воздействие.

Планирование в теоретическом аспекте выступает одной из важнейших функций государства, которое в процессе собственного функционирования задает и достигает определенных целей. При отсутствии сколько-нибудь внятных, реальных и стимулирующих общество целей государство начинает стагнировать и затем распадается. Поэтому в любом государстве существует классическая последовательность: государство – цели – план. Следовательно, если на государственном уровне отсутствуют планы развития, то государство обречено на отмирание.

Для Российской Федерации с ее специфическими условиями внешнего окружения, что в конечном итоге вылилось в режим экономических и политических санкций, основной целью выступает национальная безопасность, которая обеспечивается только тогда, когда имеются боеспособные и эффективные вооруженные силы (ВС). Материальная основа российских вооруженных сил может быть создана только внутри страны и только с использованием отечественных технологий (адаптированных иностранных) (ОПК). В структуре экономики приоритетом должны обладать машиностроение, особенно обрабатывающие производства, в которых постоянно должны реализовываться процессы реиндустриализации. Объективная необходимость разработки отечественных технологий и реализации на их основе реиндустриализации обуславливает наличие и развитие научно-технологического сектора и системы образования. Все отмеченные выше сферы должны находиться в сфере государственного регулирования и, соответственно, планирования и на их основе возможно и необходимо индикативное планирование и других составляющих российской социально-экономической системы.

Возвращаясь к классическому противостоянию плана и рынка и, опираясь при этом на известное положение М.Вебера о том, что «... теория дает нам идеальную картину процессов, происходящих на рынке в товарно-денежном хозяйстве при свободной конкуренции и строго рациональном поведении ... По своему содержанию данная конструкция носит характер утопии...»¹. В мировом масштабе декларируется преобладание рыночных отношений и механизмов, в основе которых лежат деньги и цены. В то же время современные условия

---

¹ Вебер, М. Объективность социально-научного и социально-политического знания // Вебер, М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 808 с. (С.347-391).

существенно отличаются от тех, в которых происходило зарождение, становление и развитие рыночных отношений.

С отрицательными последствиями действия подобной утопии экономика России столкнулась в начале 90-х гг. XX века. Поэтому для сохранения положительных свойств рыночного механизма необходимо использовать план как противоположность рынка. При этом используя аналогию из мира естественных наук план и рынок можно представить противоположными полюсами одной большой батареи. Для совершения полезной работы необходим электрический двигатель, который присоединяется к батарее. В современной экономике таким экономическим двигателем и выступает индикативное планирование.

При этом как рынок, так и план играют важное значение. Без наличия какого-либо из этих двух составляющих произойдет если не остановка, то существенное замедление социально-экономического развития. И в недрах директивной экономики СССР существовали товарно-денежные (рыночные) отношения, точно также в экономике США, которую приводят в качестве примера свободных рыночных отношений, существуют стратегическое планирование, стратегия национальной безопасности и др.

Роль и значение индикативного планирования в современных условиях также можно конкретизировать, опираясь на фундаментальное положение Л. Роббинс, отмечавшего, что «с точки зрения экономиста, условия человеческого существования характеризуются следующими четырьмя фундаментальными положениями: человек стремится к различным целям; время и средства, имеющиеся в его распоряжении, ограничены; они могут быть направлены на достижение альтернативных целей; в каждый момент времени разные цели обладают различной важностью».

Исходя из логики процесса индикативного планирования, можно отметить, что в его рамках эффективно реализуются выделенные выше фундаментальные положения. Во-первых, на его основе возможна реализация оптимального согласования целей и задач отдельных индивидов и коллективов. Это особенно актуально в связи с тем, что «... большинство наших насущных сложностей возникают ... потому, что наши цели несоординированы».

Во-вторых, на основе индикативного планирования создаются предпосылки для скоординированного (эффективного) использования ограниченных ресурсов и времени. В-третьих, в процессе реализации основных этапов индикативного планирования происходит объективная оценка возможных вариантов развития (функционирования, существования) социума в пределах определенной территории. На основе подобной оценки возможен выбор наиболее оптимальной траектории развития в контекстах существования отдельного индивида, региона, государства и всей мировой цивилизации. На основе коллективного обсуждения приоритетов развития конкретной территориальной общности людей на основе согласования их интересов становится возможным задание последовательности реализации конкретных направлений развития. При этом в рамках индикативного плана (среднесрочного по времени реализации) возможно оптимальное соединение стратегии (стабильности, устойчивости), реализуемой в рамках стратегического планирования и тактики (гибкости, адаптивности) - оперативного (годового) планирования.

В данном аспекте индикативное планирование можно трактовать как институциональный механизм, т.к. в процессе его реализации осуществляется

последовательность действий экономических субъектов, обеспечивающих их эффективное взаимодействие посредством выполнения формальных и неформальных норм с целью достижения экономического результата.

Ранее нами отмечалось, что индикативное планирование создает условия для эффективного использования ограниченных ресурсов. В то же время «... формы, которые принимает человеческое поведение, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами, составляет единый предмет экономической науки»². Следовательно, можно сделать вывод о том, что планирование вообще и индикативное, в частности, является важным структурным составляющим общего предмета экономической науки (теории).

Осуществляя в процессе индикативного планирования выбор возможных (приемлемых, эффективных) вариантов социально-экономического развития объективно необходимо учитывать их вариативность. В этой связи отмечалось, что при планировании будущего происходит выбор не из определенных вариантов, а скорее из ряда предполагаемых вероятных вариантов³. В противном случае существует опасность в форме индикативного планирования получить реализацию директивного планирования.

И здесь мы, так же, как и во многих других случаях, сталкиваемся с действием закона единства и борьбы противоположностей. Во-первых, без конкретных индикаторов, достижение которых определенным образом регламентируется (стимулируется), индикативное планирование лишается своего внутреннего содержания (каркаса) и вырождается в неконтролируемые стихийные рыночные отношения. Во-вторых, жесткая регламентация (задание) достижения показателей индикативного плана, приводящее к отсутствию свободы у индивидов и экономических субъектов (вариативность, вероятность) может постепенно привести социально-экономическую систему к вырождению индикативного планирования в направлении состояния директивного планирования.

Объективная необходимость реализации индикативного планирования заключается в том, что «... располагая данными о конкретной ситуации ... можно вывести неизбежные следствия из этих фактов»⁴. В частности, как будет развиваться ситуация только в результате действия одних рыночных законов. И если социум не устраивает ни сегодняшняя ситуация, например, по доходам основной части населения, ни ее прогнозируемое состояние (сохранение на прежнем уровне или снижение реальных доходов), то необходимо использовать индикативное планирование. В противном случае нынешнее состояние социально-экономической системы будет подразумевать и обуславливать сохранение (ухудшение) наблюдаемых процессов.

В этой связи можно отметить, что индикативное планирование может выступать инструментом разрешения противоречия между планом (последовательностью действий) и прогнозом (научных предположений о состоянии социально-экономической системы в будущем). Прогнозы являются важными составляющими и основой как при стратегическом, так и при индикативном планировании. При этом на основе прогноза становится возможным определение состояния системы как в условиях отсутствия какого-

---

² Роббинс, Л. Природа и значение экономической науки // *Философия экономики* [Текст] под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012. – 520 с.

³ Там же

⁴ Там же

либо вмешательства со стороны государства, так и при различных степенях государственного регулирования.

В современных условиях усиления турбулентности функционирования глобальной экономики и, соответственно, национальных (суверенных) социально-экономических систем возрастает роль научно обоснованных прогнозов, которые позволяют снизить неопределенность и повысить устойчивость прогнозируемых систем. В современных условиях прогнозирование как инструмент формально используется достаточно широко на разных уровнях. В то же время существенным недостатком существующих прогнозов является, на наш взгляд, использование как правило только одного подхода, а именно, экстраполяции, т.е. прогнозируется будущее состояние социально-экономической системы на основе существующих тенденций и динамики движения (трансформации). При этом рассматриваемые варианты имеют достаточно существенный разброс и поэтому прогнозируемая система гарантированно будет находиться в прогнозном коридоре параметров.

В заключение можно привести следующие фундаментальные противоречия, которые, на наш взгляд, решаются индикативным планированием:

- 1) между ограниченными ресурсами и неограниченными потребностями;
- 2) между планом и рынком;
- 3) между планом и прогнозом;
- 4) между краткосрочными и долгосрочными целями социально-экономического развития;
- 5) между рыночными отношениями и кризисами, которых они периодически порождают.
- 6) между ограниченностью времени (как экономического ресурса) и безграничностью вариантов развития;
- 7) между автономностью (самостоятельностью) конкретной социально-экономической системы и подчиненностью относительно вышестоящего уровня;
- 8) между коллективными, общественными и индивидуальными интересами;
- 9) между открытостью социально-экономической системы и угрозами экономической безопасности;
- 10) между глобализацией и национальным суверенитетом;
- 11) между стратегией и тактикой развития социально-экономической системы;
- 12) между плановым характером функционирования отдельного экономического субъекта и преобладающими рыночными отношениями во внешней по отношению к ним среде;
- 13) между производством как фактором обеспечения жизнедеятельности определенной общности людей и экологией (необходимости сохранения окружающей среды);
- 14) между рыночными (основанными на ценах и деньгах) и нерыночными (этическими, нравственными, социальными и др.) отношениями;
- 15) между стабильностью как сохранением устойчивых и эффективных признаков (факторов, механизмов, институтов и др.) и их изменемостью (трансформируемостью, замены, добавления новых и др.);
- 16) между государственными финансовыми планами (бюджетами) и показателями реального и финансового секторов⁵.

---

⁵ Сайфиева, С.Н. Теоретические основы материально-финансовой сбалансированности экономики в изменяющихся экономических условиях // Журнал экономической теории. – 2017. - №2. – С.25-39. (С.38).

И в завершение данной статьи можно привести положение Л. Роббинс, которое он сформулировал применительно к экономической науке и которое, на наш взгляд, можно в полной мере отнести и к индикативному планированию, что оно «... позволяет ... оценить отдаленные следствия возможной политики, ... привести разные возможности в гармонию, ... последовательно вести себя в рамках ... ограничений, ... вооружает обывателя методикой рациональных действий, действительно предполагает, что в пределах необходимости желательно выбирать такие цели, которые были бы гармонично достижимы⁶».

ТЕНДЕНЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ*

*Волкова Т.И., д.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Финансовые институты стран мира, включая и Россию, безусловно, призваны выполнять в экономике основополагающую и системообразующую функции, и прежде всего обеспечения устойчивости общественного воспроизводства и экономического роста. Однако, как показывает опыт, систематически происходят различного рода «сбои» в этой сверхсложной системе. В качестве ведущего противоречия функционирования и развития современной финансово-экономической системы справедливо называют дисбаланс между производством реальных стоимостей и разнообразными, нередко противоречивыми, структурами и модификациями их финансового, включая денежное, обеспечение. Обостряется проблема приведения в соответствие с национальными и региональными потребностями регулирующих институтов достижения определенной стабильности функционирования финансово-экономической системы.

Сложность регулирования обусловлена не только эндогенно присущей рыночной экономике экономической нестабильности, но и институциональной трансформацией самой архитектуры финансово-экономической системы. Так, проведенное нами исследование сущностных характеристик этой системы показало, что среди ведущих детерминант модификации дизайна архитектуры системы особое место принадлежит преобразованиям базового объекта «капитал».

Эволюция хозяйственных систем на основе развития производительных сил и социально-экономических отношений порождает разнообразные метаморфозы капитала. Кроме разновидностей материально-вещественного, финансового, природного правомерно акцентируется внимание на человеческом, интеллектуальном, символическом, социальном, венчурном и других видах капитала.

Справедливо утверждение В. Радаева, что капитал – это «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и

---

⁶ Роббинс, Л. Природа и значение экономической науки // *Философия экономики* [Текст] под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012. – 520 с.

* Исследование выполнено в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН, № темы 0404-2015-0010 в ИСГЗ ФАНО.

возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм»¹.

Более того, и традиционные виды капитала, как например финансовый, приобрели новые формы и функции реализации, обеспечивая целостность и динамику ведущих видов рынков – финансово-денежного, производительного капитала, социального капитала и др., создавая, по существу, синергетический эффект, способствуя обеспечению динамики экономического роста².

В странах-мировых лидерах в связи с реализацией стратегии инновационного развития в ряду современных тенденций можно выделить существенное расширение финансовой базы инвестиционной поддержки инновационных проектов и компаний. Как свидетельствуют уже достаточно продолжительный опыт и соответствующие научные исследования, существенными преимуществами в сравнении с другими видами финансовых источников обладает венчурное инвестирование³. Этот источник инвестиций как критически значимый получает определенное развитие и в России, однако наблюдается очень серьезное отставание по всем статистическим параметрам от динамики его развития в ведущих странах мира, особенно США и лидирующих европейских странах⁴.

Для углубленного исследования тенденций развития института венчурного инвестирования как одного из ведущих современных составляющих макроэкономической архитектуры финансов автором использован комплексный подход на основе сочетания ряда методов – статистического, дифференциации, декомпозиции. Это позволило осуществить детализированный анализ и сделать вывод о приоритете в международной практике венчурного инвестирования (финансирования) социально-значимых инновационных проектов, в особенности в сфере здравоохранения (второе место на глобальном рынке венчурных инвестиций – Т.В.), не характерном для России и ее регионов⁵, хотя обострилась проблема импортозамещения.

Венчурное инвестирование (финансирование) в зарубежной практике прочно зарекомендовало себя как эффективный институт экономического роста. В России на национальном и региональном уровне государство в содружестве с частным бизнесом должно создать условия и стимулы для его развития, особенно в сфере социально-значимых инновационных проектов. Весомость этих проектов в здравоохранении, и прежде всего в производстве отечественных эффективных лекарственных средств, возрастает. На уровне ряда регионов, включая УрФО, имеется и существенный потенциал для реализации этой социально-значимой проблемы, например, через поддержку проектов Уральского биомедицинского кластера.

---

¹ Радаев В. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 5-17.

² Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Метаморфозы финансового капитала // *Вопросы экономики*. 2013. № 2. С. 5-17.

³ Волкова Т.И., Кузнецова М.Н. Генезис и эволюция венчурного финансирования: теоретические основы исследования // *Журнал экономической теории*. 2015. №3. С. 49-62.

⁴ Волкова Т.И. Модели венчурного финансирования: мировые и российские тенденции развития // *Экономический анализ: теория и практика*. 2013. № 23. С. 35-41.; Волкова Т.И., Усольцев И.А. Венчурный капитал как специфический инвестиционный ресурс: институциональный аспект // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2016. № 3. С. 39-49.

⁵ Волкова Т.И., Мищерина Т.В. Венчурное инвестирование инновационных проектов: современные тенденции развития и риски // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. № 1. С. 93-103. Волкова Т.И.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФОНДЫ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РЕГИОНОВ¹

Горбунов В.К., д.ф.-м.н.,
Львов А.Г., к.э.н.
УлГУ, Ульяновск

Производственные фонды являются одним из основных объектов экономической теории и количественного анализа. Количественный показатель производственных фондов, находящихся на балансе предприятий, выражается их стоимостью (*производственный капитал*) и отражается экономической статистикой. Однако агрегированный показатель фондов сложного объекта (региона, отрасли, сектора) часто плохо представляет его реальный производственный потенциал из-за сложностей стоимостной оценки различных компонент фондов, совпадающих по формальным характеристикам, но имеющих различные сроки и условия эксплуатации. Кроме того, в рыночной экономике, ориентирующейся на изменчивый спрос, часто не все балансовые фонды работают в полной мере. Это особенно актуально для России после прошедшей в 1990-е годы деиндустриализации.

Особенностью сектора *малого предпринимательства* (МП), в частности, является то, что здесь производственные фонды не имеют чётких показателей количества (стоимости). Здесь часто используются помещения, машины и оборудование личного пользования, поэтому показатель 'производственные фонды' не является показателем отчётности этого сектора. Показателем отчётности МП, связанным с фондами, являются *производственные инвестиции*. Инвестиции формируют производственные фонды и могут использоваться для косвенной оценки последних. Таким образом, возникает специфическая проблема оценки стоимости производственных фондов МП как сектора экономики. Однако нам не известны методики надёжных оценок фондов МП, отражаемые в научной и учебной литературе. Отсутствие таких оценок, в частности, не позволяет использовать для углублённого анализа этого сектора экономики метод производственных функций.

Производственные функции (ПФ) представляют зависимости выпуска сложных производственных объектов от затрат основных производственных факторов, используемых *рационально*². Обычно исследователи ограничиваются двухфакторными функциями $Y = F(K, L)$, где переменные Y , K , L означают, соответственно, значения выпуска и используемых факторов – 'производственного капитала' (далее – 'капитала') и труда. Использование этой модели рационального производства требует повышенного внимания к фактору 'капитал' и критического отношения к показателю 'балансовые фонды'. Несовершенства последнего давно вызывают жёсткую критику относительно теоретического смысла и практического использования понятий

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00372).

² Клейнер Г.Б. Производственные функции: теория, методы, применение. М.: Финансы и статистика. 1986.; Hackman S.T. Production Economics: Integrating the Microeconomic and Engineering Perspectives. - Berlin: Springer. 2008.

'производственный капитал' и 'производственная функция'³, особенно в агрегированном варианте⁴. Однако эта критика основана на принципе "методологического индивидуализма", согласно которому основными агентами экономики являются *независимые* и *рациональные* элементарные агенты – индивиды в потреблении и "фирмы" в производстве; и соответствующие агрегированные показатели – рыночный спрос и производственное предложение – являются простыми суммами спросов индивидов и предложений фирм. Известные парадоксы такого подхода (индивидуальная и коллективная рациональность совместимы тогда и только тогда, когда структуры всех функций спроса и предложения идентичны и однородны относительно масштаба) преодолеваются в рамках холистического (системного) подхода, согласно которому теория сложного экономического объекта строится без обращения к теории (реально не рациональных и не независимых) элементарных агентов. Решению проблемы агрегирования покупателей посвящён ряд работ первого автора, и в данном исследовании производства также используется холистический метод⁵.

Трудности оценки стоимости производственных фондов, тем более, реально участвующих в производстве продукции, стимулировали замену некоторыми исследователями фактора 'капитал', представляющего *запас* производственных фондов, на показатель 'инвестиции', имеющий смысл *потока*. Соответствующие производственные функции называются *инвестиционными*. Построены линейные инвестиционные ПФ для сектора МП России. Замена показателя капитала на инвестиции оправдывается тем, что инвестиции, в отличие от балансовых фондов, определяются текущей рыночной конъюнктурой. К недостаткам такой замены относится то, что освоение инвестиций (капитализация) может требовать значительного времени, и при отсутствии инвестиций производство может продолжаться за счёт накопленного капитала⁶.

В статье И.Б. Воскобойникова⁷ предложено понятие *эффективных основных фондов*, представляющих ту часть балансовых фондов, которая реально участвует в выпуске продукции. Метод оценки эффективных фондов основан на модели Р. Солоу нестационарной ПФ вида $Y = A(t)F(K, L)$, где коэффициент $A(t)$ связывается с неучитываемыми факторами производства, а стационарная функция $F(K, L)$ строится на основе косвенных предположений, а не только по временному ряду основных переменных $\{Y_t, K_t, L_t\}$, как в стандартной задаче построения производственных функций методом наименьших квадратов (МНК). Кроме того, данные на некоторой (начальной)

---

³ Mishra S. K. A Brief History of Production Functions. MPRA Paper 5254. University Library of Munich. Germany. 2007.

⁴ Felipe Jesus, McCombie John. The Aggregate Production Function and the Measurement of Technical Change. 'Not Even Wrong'. Edward Elgar Publishing Limited. 2013.

⁵ Горбунов В.К. Проблема цен в экономической теории и государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 62. Июнь 2017 г. С. 186-209. http://e-journal.spa.msu.ru/page_3.html

⁶ Бессонов В.А. Проблемы построения производственных функций в российской переходной экономике // Бессонов В.А., Цухло С.В. «Анализ динамики российской переходной экономики». – М.: ИЭПП. 2002. С. 5–89; Сюань Ян. Факторы и стратегии развития малого промышленного бизнеса (на примере России и Китая): автореферат дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. ЦЭМИ РАН. М. 2007.

⁷ Воскобойников И. Б. О корректировке динамики основных фондов в российской экономике // Экономический журнал ВШЭ. 2004. № 1. С. 3-20.

части периода построения ПФ считаются надёжными, а на оставшейся части значения производственного капитала $\{K_t\}$ экстраполируются на основе предпосылки о постоянстве срока службы оборудования на исследуемом интервале и использовании оценок ожидаемых сроков службы. Такие предположения очень требовательны к производственной информации, и оценки срока службы оборудования могут быть лишь весьма условными и субъективными.

Предложен метод построения 'капитальных' ПФ по информации о производственных инвестициях. На периоде наблюдения реконструируется динамика не балансовых фондов, а фондов, объясняющих в рамках теории ПФ реальный выпуск на промежутке идентификации. Такие *эффективные производственные фонды* (ЭПФ) определяются на объективной стандартной статистической основе. Это продемонстрировано на реальных данных экономики России.

Усложнение содержательной проблемы моделирования производства с помощью ПФ, аргумент которой – капитал – реконструируется, усложняет задачу идентификации. Здесь одновременно с оценкой параметров ПФ также оценивается начальное значение стоимости ЭПФ и, возможно, амортизация и лаг освоения фондов. Соответствующая задача МНК одновременного оценивания расширенного набора параметров в общем случае является некорректно поставленной задачей нелинейного программирования. Она потребовала развития специальных методов оптимизации и регуляризации на основе дополнительной содержательной информации. Был предложен специальный вариант метода продолжения по параметру. Производственные функции строились для последовательности усложняющихся классов с использованием оцененных параметров для построения начального приближения в более сложном классе⁸.

Модель и метод оценки ЭПФ и построения ПФ получили дальнейшее развитие. В уравнения динамики фондов введён дополнительно *коэффициент реализуемости инвестиций*, представляющий долю реального использования выделенных производственных инвестиций (после коррупционного присвоения части инвестиций)⁹. В качестве дополнительного средства преодоления вычислительной сложности задач МНК использован переход к *индексным* ПФ с последующим восстановлением параметров функций в исходных формах (это снижает "овражность" функционала). Новая технология была апробирована на данных экономик двух регионов – Приволжского и Уральского федеральных округов с использованием нескольких классов двухфакторных ПФ.

Возможность оценки ЭПФ по информации об инвестициях создаёт предпосылки введения этого показателя для сектора МП территориального образования – города, региона или страны. Распространение понятия ЭПФ и метода оценки этого показателя на МП позволяет использовать метод ПФ для анализа этого сектора в традиционном варианте, когда в качестве основного фактора используются не инвестиции, а накапливаемая стоимость ЭПФ.

В докладе излагается метод оценки ЭПФ и построения ПФ для МП регионов по стандартной схеме МНК по временным рядам показателей оборота,

---

⁸ Горбунов В. К., Львов А. Г. Построение производственных функций по данным об инвестициях // Экономика и матем. методы. 2012. Вып. 2. С. 91-100.

⁹ Горбунов В.К., Крылов В.П. Оценка эффективности основного капитала предприятий методом производственных функций // Экономика региона. 2015. №3. С. 334-347.

производственных инвестиций и трудовых затрат. Введено новое условие (регуляризации) смешанного типа на начальное и конечное значения оцениваемых ЭПФ. Будут представлены результаты для МП Приволжского и Уральского федеральных округов.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВЕРОЯТНОСТИ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

*Городнова Н.В., д.э.н.,
Пешкова А.А.
УрФУ, Екатеринбург*

Накопленный мировой опыт показывает, что одним из направлений государственной политики является создание и развитие новых форм экономического сотрудничества государства и частного сектора в целях привлечения инвестиций в создание и обслуживание инфраструктурных объектов, нормальное функционирование которых является основой социально-ориентированной экономики и национальной безопасности. Среди многообразия институционального взаимодействия государства и частного сектора в настоящей работе особое внимание уделено форме партнерства, объединяющей публичные и частные интересы в единой юридической конструкции на условиях равенства, автономии воли, справедливого распределения рисков. При этом особенностью данной формы является также то, что государство одновременно выступает в качестве окружения и участника социально-экономических процессов¹. Это требует от представителей органов государственной власти умения овладевать новыми правилами поведения и принятия новых моделей сотрудничества².

Своевременная и качественная реализации проектов государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) зависит от многих факторов, предварительная оценка которых для того или иного региона позволила бы спрогнозировать вероятность получения ожидаемого результата³. В связи с этим в настоящей работе предлагается методика оценки регионов по уровню вероятности успешной реализации проектов ГЧП, которая включает следующий алгоритм:

1) *Определение перечня показателей оценки* с учетом лучшего отечественного и мирового опыта. Рейтинг состоит из 98 показателей, которые объединены в 5 основных групп в соответствии с таблицей 1.

Среди показателей, оценивающих степень подготовленности государства (региона) к успешной реализации проектов ГЧП, имеются следующие:

---

¹ Городнова Н.В., Пешкова А.А., Березин А.Э. Интеграция государства и частного бизнеса: институциональный подход // Труды VII Всероссийского симпозиума по экономической теории, 2016. С. 93-94.

² Практическое руководство по вопросам эффективного управления в сфере ГЧП // Институт государственного и муниципального управления ГУ-ВШЭ [Электронный ресурс]: <http://www.ipamm-hse.ru>

³ Городнова Н.В. Взаимодействие государства и инвестиционно-строительного комплекса: проблемы и решения // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 2-3 (33). С. 18-22

стремление министерств и ведомств к интенсивному разрешению инфраструктурных проблем; готовность государства (региона) к передаче права частному сектору участвовать в предоставлении государственных услуг; способность представителей органов государственной власти к инновациям и принятию новых моделей поведения для каждого отдельного функционирующего рынка.

К показателям, оценивающим степень подготовленности частного бизнеса к успешной реализации проектов ГЧП, относятся показатели, характеризующие уровень доверия частного сектора к органам государственной власти, реализующих закупки, как партнеру по бизнесу; степень готовности частного сектора принять на себя значительную часть рисков по проектам ГЧП; готовность частного сектора к качественному и своевременному выполнению проектов ГЧП.

Показатели, оценивающие вероятность поддержки населением проектов ГЧП, позволяют оценить степень и возможность проявления активности граждан по вопросам реализации ГЧП; степень соответствия предоставляемых услуг потребностям потребителей и прочее.

Таблица 1

Группы показателей оценки вероятности успешной реализации проектов ГЧП в регионе

№ группы	Наименование группы	Количество показателей
1	Показатели, оценивающие степень подготовленности государства (региона) к успешной реализации проектов ГЧП	20
2	Показатели, оценивающие степень подготовленности частного бизнеса к успешной реализации проектов ГЧП	23
3	Показатели, оценивающие вероятность поддержки населением проектов ГЧП	8
4	Показатели, оценивающие степень благоприятствования окружающей среды успешной реализации проектов ГЧП	28
5	Показатели, оценивающие качество и результативность интеграционных процессов в стране (регионе)	19
Итого:		98

Показатели, оценивающие степень благоприятствования окружающей среды, включают оценку уровня институциональной «определенности», качество формальных и неформальных механизмов взаимодействия государства (региона) и частного сектора, уровень административных барьеров и прочее.

Показатели, оценивающие качество и результативность интеграционных процессов в регионе, позволяют оценить уровень сбалансированности сфер ответственности и принятия рисков государственным и частным секторами; уровень экономической и социальной эффективности проектов; качество и своевременности выполнения проектов.

2) *Получение степени проявления каждого из показателей путем применения метода экспертных оценок.* Количество опрошенных респондентов, способных дать оценку показателей по конкретным регионам, должно составлять не менее 20 человек. Оценка показателей предлагается осуществлять согласно матрице экспертных решений (таблица 2), где максимальное значение показателя составляет 7 баллов.

Таблица 2

Матрица экспертных решений

Выполнение показателя в регионе	Качество выполнения показателя в регионе		
	Низкое	Среднее	Высокое
Да	5	6	7
Скорее да, чем нет	2	3	4
Скорее нет, чем да	1		
Нет	0		

3) *Определение уровня интегрального показателя PSI (Probability of successful implementation of PPP projects in region)*, позволяющего оценить вероятность успешной реализации проектов ГЧП в регионе, в соответствии с формулой:

$$PSI_i = \sum_{j=1}^n I_j, \quad (1)$$

где PSI_i – интегральный показатель оценки вероятности успешной реализации проектов ГЧП в i -регионе, где $0 \leq PSI_i \leq 686$;

I_j – степень проявления j -показателя, входящего в интегральный показатель PSI, для i -региона, где $0 \leq I_j \leq 7$;

n – количество показателей, где $n = 98$.

4) *Оценка уровня интегрального показателя PSI* осуществляется путем соотношения уровня показателя с диапазонами значений, наибольший предел которых построен с учетом максимального количества показателей (98) и средней степени проявления показателей (I_j):

$$\begin{aligned} 1\text{-ый диапазон: } PSI_{i\min}^1 &= 0; & PSI_{i\max}^1 &= 98 \cdot 1 = 98; \\ 2\text{-ой диапазон: } PSI_{i\min}^2 &= 98 + 1 = 99; & PSI_{i\max}^2 &= 98 \cdot 3 = 294; \\ 3\text{-ий диапазон: } PSI_{i\min}^3 &= 294 + 1 = 295; & PSI_{i\max}^3 &= 98 \cdot 6 = 588; \\ 4\text{-ый диапазон: } PSI_{i\min}^4 &= 588 + 1 = 589; & PSI_{i\max}^4 &= 98 \cdot 7 = 686. \end{aligned}$$

В зависимости от соответствия интегрального показателя PSI тому или иному диапазону значений возможно определить вероятность успешной реализации проектов ГЧП в регионе (таблица 3).

Таблица 3

Диапазон значений интегрального показателя PSI_i

№ п/п	Диапазон значений PSI _i	Вероятность успешной реализации проектов ГЧП в регионе
1	0 - 98	Низкая
2	99 - 294	Средняя
3	295 - 588	Высокая
4	589 - 686	Крайне высокая

5) *Построение рейтинга регионов*. Проводится ранжирование регионов по уровню интегрального показателя PSI_i. В рамках настоящей работы проведена оценка данного показателя для 14 стран, ранжирование которых было произведено следующим образом: $R_1 = PSI_{\text{Великобритания}} = 603$; $R_2 = PSI_{\text{Австралия}} = 596$; $R_3 = PSI_{\text{США}} = 521$; $R_4 = PSI_{\text{Франция}} = 498$; $R_5 = PSI_{\text{Канада}} = 483$; $R_6 = PSI_{\text{Испания}} = 453$; $R_7 = PSI_{\text{Япония}} = 429$; $R_8 = PSI_{\text{Германия}} = 432$; $R_9 = PSI_{\text{Китай}} = 325$; $R_{10} = PSI$

Россия = 291; $R_{11} = PSI_{\text{Болгария}} = 229$; $R_{12} = PSI_{\text{Хорватия}} = 218$; $R_{13} = PSI_{\text{Албания}} = 197$; $R_{14} = PSI_{\text{Ирак}} = 78$.

Рис.1. Оценка вероятности успешной реализации проектов ГЧП на примере конкретных стран

б) *Трактовка уровня интегрального показателя PSI_i .*

По результатам оценки уровня интегрального показателя PSI_i можно сделать следующие выводы:

6.1) Если значение интегрального показателя PSI_i соответствует уровню диапазона 1, то в регионе отсутствуют необходимые условия для реализации проектов ГЧП. Причиной тому является неготовность властей и частного сектора к сотрудничеству и совместному участию в предоставлении государственных услуг на условиях партнёрства; отсутствуют необходимые институты и стремление к их созданию.

6.2) Если значение интегрального показателя PSI_i на уровне диапазона 2, то это говорит о том, что в регионе отмечается начало процесса сотрудничества властей и частного сектора на условиях партнёрства в целях совместного участия в предоставлении государственных услуг; формируются необходимые институты, в том числе осуществляется реформирование системы законодательства и подготавливаются методические рекомендации, создаются специализированные структуры, занимающиеся развитием ГЧП; апробируются различные механизмы финансирования проектов в рамках ГЧП; большинство проектов ГЧП находится на стадии согласования.

6.3) Если значение интегрального показателя PSI_i на уровне диапазона 3, то это свидетельствует о том, что процесс сотрудничества властей и частного сектора на условиях партнёрства в целях совместного участия в предоставлении государственных услуг является характерной чертой экономики региона; имеются необходимые институты, как формальные, так и неформальные; сформирован портфель проектов ГЧП; большинство проектов находится на стадии реализации; есть практика успешной реализации проектов (предоставляемые услуги соответствуют ожиданиям населения; государство и частный сектор получают ожидаемые эффекты); население проявляет активность по вопросам реализации ГЧП.

6.4) Если значение интегрального показателя PSI_i на уровне диапазона 4, то процесс сотрудничества властей и частного сектора на условиях партнёрства в целях совместного участия в предоставлении государственных услуг является основой социально-ориентированной экономики региона; имеются и эффективно действуют институты, как формальные, так и неформальные; сформирован качественный портфель проектов ГЧП; отмечается значительная

практика успешной реализации проектов ГЧП (предоставляемые услуги соответствуют ожиданиям населения; государство и частный сектор получают ожидаемые эффекты); население оказывает поддержку и проявляет активность по вопросам реализации ГЧП.

Таким образом, благодаря применению данной методики становится возможным спрогнозировать вероятность успешной реализации проектов государственно-частного партнерства в зависимости от комплекса сформированных условий в регионе.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СЧЕТОВ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ СНС- 2008 *

*Захарчук Е.А., к.э.н.
Заварзина Л.С.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Под Системой территориальных счетов (СТС) мы понимаем упрощенную версию Системы национальных счетов для территориального уровня (регионы и муниципальные образования), основанную на принципах построения Системы национальных счетов (СНС) и методологически согласованную с ними. Суть предлагаемого подхода – формирование системы счетов и балансовых принципов для открытых территориальных единиц, концептуально и методологически полностью совместимых со стандартом ООН СНС-2008.

В рамках согласования теоретических положений СНС и СТС, рассмотрим ряд аспектов, заложенных в СНС-2008 и положенных в основу построения СТС.

1. Возможность создания сателлитного счета СТС и изменения в классификациях

В СНС 2008 заложена возможность создания сателлитных счетов (глава 29 Руководства), т.е. дополнительных счетов, связанных с основной системой. Выделяются два типа сателлитных счетов: 1) реорганизация классификаций и введение дополнительных элементов (т.е. расширение счетов ключевых секторов, так называемый внутренний сателлитный счет); 2) основанных на концепциях, альтернативных по отношению к концепциям СНС (внешний сателлитный счет). На наш взгляд, при формировании Системы территориальных счетов как сателлитного счета СНС, необходимо учитывать признаки и свойства обоих типов сателлитных счетов: с одной стороны, территориальные счета расширяют региональные счета (тип 1), с другой – в силу невозможности построения точной копии счетов СНС на территориальном уровне, изменяются ряд концептуальных подходов СНС к учету экономических операций (тип 2).

В п. 1.71 Руководства прямо говорится о возможностях изменений в структуре счетов, СНС разработана для гибкого применения, и предусматривает возможность по изменению классификации институциональных единиц,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 16-06-00436 «Система территориальных счетов: концептуальные и методологические особенности построения в России»

операций и активов с помощью дальнейшего агрегирования или дезагрегирования, при сохранении основополагающих концепций и определений СНС. Следовательно, разработка СТС на основе изменений в классификациях, не противоречащих теоретическим постулатам СНС, заложено в самой системе и еще раз подтверждает нашу позицию по возможности формирования счетов на территориальном уровне.

2. Регистрация денежных потоков

В СНС, как гибкой системе учета экономических операций, заложены принципы свободного выбора регистрации денежных потоков. Выделяется два вида регистраций денежных потоков в экономике: по методу начислений и кассовый метод. В отличие от теоретических предпочтений СНС по регистрации потоков на кассовой основе, в Системе территориальных счетов авторы предлагают использовать все-таки кассовый метод отображения потоков на территориальном уровне по ряду объективных причин.

Первое, исходя из заложенного нами принципа отображения счетов в СТС как упрощенной версии счетов СНС, формирование отдельных балансов по дебиторской/кредиторской задолженности секторов не представляется возможным, по причине недостатка актуальных данных и сложности выделения таких потоков в рамках территориальных образований (отсутствие регистрации перемещения долговых обязательств между территориями).

Второе, как правило, на территориальном уровне, в силу специфики перемещения финансовых ресурсов между хозяйствующими субъектами, формирование счетов на основе метода начислений не имеет экономического смысла. Например, источниками доходов регионального бюджета могут быть как «собственные» источники (налоговые и неналоговые доходы), так и различного рода займы – межбюджетные, коммерческие и т.д. В этом случае мы исходим из того, что рано или поздно такие займы необходимо погашать (либо они будут прощены), и данная операция отразится в расходах следующего периода. То есть, при кассовом исчислении доходов и расходов в определенные периоды будут появляться «превышение» располагаемого дохода над расходами и наоборот.

3. Региональные органы управления как институциональная единица

Согласно теоретическим представлениям СНС-2008, отличительной чертой регионального органа управления как институциональной единицы, является право собственности на активы, а также возможность получать средства и принимать обязательства от своего имени. С другой стороны, если орган регионального управления целиком зависит от средств, получаемых от центральных органов управления, и если они также определяют цели, на которые эти средства должны быть израсходованы на региональном уровне, он должен рассматриваться как агентство центрального правительства, а не как отдельная институциональная единица. (п. 4.142. СНС-2008). Поэтому выделение регионального органа управления в качестве институциональной единицы в РФ не противоречит положениям СНС, несмотря на высокую зависимость (финансовую и политическую) от центрального правительства.

Если рассматривать локальный уровень управления – местное самоуправление (юридически в РФ не относящийся к государственному управлению), то на наш взгляд, данный уровень отвечает всем требованиям СНС для выделения их в отдельную институциональную единицу, так как с формальной точки зрения они относительно финансово независимы от центральных органов власти, а также имеют выборные органы власти. К тому же

в Российской статистической системе местные органы признаются отдельным подсектором сектора государственного управления (РСГФ 2014 г.). Таким образом, не нарушая логику построения СНС, в Системе территориальных счетов мы предлагаем выделить два уровня институциональной единицы сектора государственного управления – это региональный и местный (муниципальный), а все потоки, производимые центральным правительством рассматривать как прямые трансферты от внешнего мира.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ СЕКТОРЕ*

*Кац И.С., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Множество работ экономистов, политологов и социологов в настоящее время посвящено исследованию феномена социальных инноваций, их роли и места в современном обществе, механизмов их разработки и функционирования, практических аспектов их внедрения. Однако выделение социальных инноваций в отдельное исследовательское направление произошло лишь в конце XX века, хотя явление это не столь ново. Инновации в целом, исследование которых датируется с начала XX века, в первую очередь с работ Й. Шумпетера¹, сами по себе были присущи историческому развитию человечества с древнейших времен. Однако именно XX век воздвиг это явление в ранг наиболее востребованных процессов, нуждающихся в глубокой исследовательской проработке с целью внедрения инновационных механизмов как в практику любого предприятия, так и при целеполагании политических решений и экономических программ на любых уровнях. Аналогично социальные инновации исторически проявляли себя в виде институциональной организации общественных отношений, однако именно в конце XX - начале XXI века явились ответом на вызовы экономических реалий.

Более чем двухсотлетний период становления современного капитализма привел к современным тенденциям глобализации, сочетающей в себе тесные мировые экономические связи при отсутствии соответствующих механизмов солидарности в общественной сфере. Как отметил К. Поланьи еще более 70 лет назад, либерализация экономики привела к ситуации, когда экономическое развитие не только не зависит от общества, но и определяет общественные отношения². В данном контексте общество скорее является придатком к экономике, и социально-экономические институты формируются под влиянием экономических механизмов.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-06-00281 «Моделирование институциональной среды социально-инновационного развития России»

¹ Schumpeter, J.A., *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle*, translated from the German by Redvers Opie. Transaction Publishers, [Business & Economics](#), 1934

² Polanyi, K. *The Great Transformation*. New York: [Farrar & Rinehart](#), 1944

Подобные тенденции привели к существенному обострению социальных проблем. Впервые проявление социальных дисфункций капиталистических экономик имело место в период Великой депрессии. Со всей очевидностью на фоне сокращающихся доходов, прибылей и налоговых поступлений встали вопросы бедности, безработицы, роста заболеваемости, антисоциального поведения. Подобные проблемы, продемонстрировавшие институциональные лакуны капиталистических механизмов, породили новые социальные движения, поддерживаемые на правительственном уровне. Так, в США в рамках политики Нового курса Теодора Рузвельта были сформированы Администрация восстановления промышленности, поддержавшая развитие профсоюзного движения и решавшая проблемы эксплуатации наемного труда, Администрация развития общественных работ, решавшая проблемы безработицы, Федеральная корпорация по страхованию депозитов, восстановившая доверие население к банковской системе, Администрация социальной безопасности и другие.

Однако возрастающая динамика экономического развития и усложнение экономических взаимосвязей привели к тому, что нарастающие социальные проблемы вышли за рамки компетенции правительств. Как заявил Рональд Рейган в 1981 г., правительства более не могут быть основным механизмом решения социальных проблем: «В условиях настоящего кризиса правительство не является решением наших проблем, правительство само является проблемой». Политика Рейгана включала сокращение программ поддержки нуждающихся граждан, здравоохранения, дерегулирование ряда промышленных отраслей и банковской сферы. Аналогично политика Маргарет Тэтчер обозначила тенденцию к снижению роли правительств и формированию нового общественного менеджмента (*new public management*), заложившего основы реформы общественного сектора.

Эволюционные тенденции современных экономик таковы, что комплекс социальных потребностей более не может оставаться в рамках компетенции государственных структур. Тенденции погони за прибылью привели к кризису перепроизводства, размытию экономических границ и формированию новой глобальной экономики. Избыточное производство создает, с одной стороны, новые вызовы в отношении поиска рынков сбыта, а с другой стороны, ставит экономики перед проблемами избыточного потребления ресурсов, в том числе и невозобновляемых. Ресурсоемкое поведение агентов отражается на экологии, вызывая избыток выбросов загрязняющих веществ, дефицит чистых естественных природных ресурсов, истощение экологического потенциала планеты в целом. Кроме того, рентаориентированное поведение рыночных агентов формирует социальное неравенство, проблема которого становится особенно острой на фоне динамичного роста населения, в основном приходящегося на бедные страны. Это обостряет проблемы бедности, девиантного поведения, истощает человеческий капитал в отношении здоровья и потенциала к эффективному воспроизводству.

Традиционные (индустриальные) схемы организации общественной жизни демонстрируют неэффективность в сложившихся условиях. Лишь механизмы переустройства общественных поведенческих паттернов, переоценка ценностей в отношении общественных потребностей и норм поведения, активное включение всех участников общественного развития в решение глобальных проблем способны изменить сложившиеся тенденции.

В конце XX – начале XXI вв. обозначились векторы инноватизации общественного сектора. Общество, бизнес и государство как равноправные

участники рынка общественных благ объединяют усилия в обеспечении необходимого уровня развития общественного благосостояния. Ни правительства, ни бизнес более не дифференцируют рамки своей компетенции, а активно включаются в решение социальных проблем. Общество также принимает активную позицию в отношении принятия решений и разработки механизмов решения глобальных и местных проблем.

В данном контексте получили развитие такие явления, как социальная ответственность бизнеса, социальные организации и движения, инновационное государственное управление и другие. Эти и другие явления являются частью нового динамично развивающегося направления – социальных инноваций в общественном секторе экономики. Как отмечается в статье Е.В. Попова, Ж.К. Омонова и А.Ю. Веретенниковой, под социальными инновациями понимаются новые идеи, возможности и действия в социальном пространстве, увеличивающие возможность применения ресурсов для решения экономических, социальных, культурных и экологических проблем³. Социальные инновации выступают инструментом комплексного решения глобальных проблем начиная с малых групп и заканчивая масштабными изменениями.

Филлс, Дейглмейер и Миллер⁴ выделяют три механизма социальных инноваций.

1. Обмен идеями и ценностями

Глубокое взаимодействие общества, власти и бизнеса породило целый ряд новых явлений. Правительственные механизмы принятия решений обогатились бизнес-механизмами повышения эффективности, бизнес-процессы включили как неотъемлемую часть параметры социальной ответственности, некоммерческие организации приняли на себя множество социальных задач. Общественные тенденции породили социально-ответственное инвестирование – инвестирование, ставящее во главу угла наряду с коммерческими этические и социальные цели. Последние годы продемонстрировали лавинообразный поток социально-ответственных инвестиционных проектов – с 1995 по 2005 гг. их количество возросло на 258%, 639 млрд. долл. до 2,29 трлн. долл. Социально-ответственное инвестирование проявляется в трех основных формах: инвестиционный отбор (инвестирование только в те проекты, которые поддерживают социальные и экологические цели), инвестирование в социальные группы (направление капитала для развития социальных сообществ) и активизм собственников (активная позиция держателей акций по отношению к социальной и экологической политике фирмы).

2. Повышение ролей и активизация взаимодействия участников

Новые приоритеты повысили значимость коммерческого и некоммерческого секторов в принятии социальных решений и внедрении их в жизнь. Компании предлагают новые способы взаимодействия, позволяющие решать общественные задачи. Так, активизация взаимодействия участников породила новую систему контроля за выбросами в США – купоны на выбросы (emissions trading), позволившую существенно снизить объем загрязняющих газов и сточных вод.

3. Интеграция общественного и частного капитала

---

³ Попов Е.В., Омонов Ж.К., Веретенникова А.Ю. Многопараметрическая классификация социальных инноваций // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». 2015. № 6.

⁴ Phills J.A.Jr., Deiglmeier K., Miller D.T. Rediscovering Social Innovation // Stanford Social Innovation Review. Fall 2008. Vol. 6. No 4.

Многие сегменты общества не могут самостоятельно обеспечить себе достойный уровень здравоохранения, питания и проживания. Объединение капиталов позволяет решить проблему равновесного недопроизводства и недопотребления этих благ. Многие социальные инновации включают создание новых бизнес-моделей, позволяющих решать проблемы бедности и ограниченности доступа к социальным благам. Это происходит благодаря объединению общественных финансов и филантропов. Формируются специализированные фонды, позволяющие решать огромный комплекс социальных проблем, зачастую минуя государство. Среди таких фондов можно отметить Social Innovation Fund (США), McConnell Social Innovation Fund (Канада), Global Innovation Fund и многие другие. В целом схемы финансирования социально-инновационных проектов представляют собой широкий спектр идей, каким образом может происходить объединение частных и общественных капиталов для достижения общих целей.

Активно возрастающий интерес к социальным инновациям привел к формированию новой постиндустриальной инновационной парадигмы. Вызовы XXI века становятся объектами регулирования социальных инноваций, представляемых как на государственном уровне, так и в большей степени на уровне бизнес-решений и волонтерских групп, образующих новые общественные течения. Наиболее яркие из современных социально-инновационных объединений представлены в таблице.

Таблица 1.

Международные социально-инновационные объединения

Год основания	Название организации	Направление деятельности	Страна основания
1895	International Co-operative Alliance (ICA)	Наиболее представительная, широкая и продолжительно функционирующая международная сеть кооперативов, поддерживающих частные инновационные проекты. Включает около миллиарда участников (подписчиков) из 65 стран, на предприятиях которых трудятся более 250 млн людей, и оборот которых составляет 2,2 трлн долл.	Великобритания
1980	Ashoka Innovations for the Public	Объединение социальных предпринимателей, включающее 3000 активистов из 70 стран мира. Поддерживает развитие социального предпринимательства на местном уровне путем объединения ресурсов, идей и механизмов реализации.	Страны Восточной Европы
1993	Global Ecovillage Network (GEN)	Общемировая сеть экопоселений, включающая более 400 поселений, культивирующих экологичный быт. Обмен опытом и инновационная площадка для развития экологических проектов.	Дания
1997	RIPESS (Réseau intercontinenta	Межконтинентальная сеть продвижения социальной экономики. Поддерживает инициативы развития социальной	Бельгия

	I de promotion de l'économie soci-ale solidaire)	солидарности на различных уровнях, от международных до региональных и местных.	
2001	FabLabs	Общемировая сеть инновационных лабораторий. Предоставление условий доступа к современным достижениям информационно-коммуникационных и цифровых технологий для населения, где каждый может опробовать, обучиться, обменяться опытом и внедрить собственные цифровые разработки.	США
2006	Transition Towns	Социальное движение, состоящее из индивидов, объединившихся в местные сообщества (транзитивные инициативы) для создания транзитивного общества, т.е. общества, имеющего отличные от капиталистических общие социальные цели и культивирующего радостный совместный труд для их достижения. В настоящее время представлено более чем 1000 инициатив по всему миру.	Велико-британия
2010	Time Banks	Транснациональная сеть банков времени, сущность которой состоит во взаимном обмене услугами, минуя денежные расчеты.	США

Таким образом, эволюция социальных инноваций демонстрирует существенную активизацию частных инновационных инициатив, формирующих новые общественные движения, которые определяют траектории дальнейшего развития локальных групп и целых обществ. Разносторонний характер этих инициатив подчеркивает широкий круг социальных задач, стоящих перед современным обществом, а также многоаспектность применения социальных инноваций.

В целом проведенный анализ позволяет обозначить следующие закономерности эволюции социальных инноваций.

1. Нарастающий характер динамики социальных инноваций в общественном секторе.
2. Активное вовлечение всех участников общественных отношений со значительным возрастанием роли отдельных социальных групп, объединений и лидеров, представляющих интересы населения.
3. Взаимообмен опытом и институциональными механизмами реализации инноваций в социальной сфере со стороны государства, бизнеса и некоммерческих объединений граждан.
4. Диверсификация инвестиций в социальные инновации, включающая специализированные социально-инновационные фонды, а также новые институциональные схемы поддержки проектов.
5. Широкий спектр проблем, включающих как инновационные проекты для бизнеса с целью адаптации общественных благ к нуждам населения, так и частные инициативы экологического, социального и культурного характера.

6. Общемировой характер, демонстрирующий разрастание частных инициатив до глобальных движений, учитывающих особенности местных сообществ.

Современные тенденции таковы, что интерес к социальным инновациям, их роль и сфера применения будут лишь возрастать. И несомненно, в данном отношении наибольший интерес представляет активное включение России в развитие социально-инновационного движения в общественном секторе, адаптация существующих и разработка новых схем внедрения социальных инноваций с целью увеличения общественного благосостояния.

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ МАКРОРЕГИОНОВ РОССИИ¹

*Котлярова С.Н., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Современное состояние методологии пространственной экономики характеризуется как одновременное существование конкурирующих, взаимодополняющих теоретических концепций, имеющих разные исторические корни.

Среди основных направлений эволюции методологических подходов выделяют три подхода: размещенческий, управленческий и организационный².

В рамках размещенческого подхода решается задача определения и оценки факторов размещения отдельных предприятий, групп предприятий, агломераций, комплексов, кластеров и т.д. Сюда относятся модели сельскохозяйственного штандорта И.Г. Тюнена к industrial districts А. Маршалла, теории промышленного штандорта (пространственной агломерации) А. Вебера, теория полюсов роста (Ф. Перру) и кластеров (М. Портер) применительно к рыночной экономике и теории территориально-производственного комплексобразования (И.Г. Александров, Н.Н. Колосовский).

Управленческий подход опирается на кейнсианскую теорию и госплановскую методологию районирования. В рамках плановорегулируемой экономики решается задача оптимизации территориально-отраслевой структуры экономики и задача экономического роста экономики региона при максимально возможном обеспечении занятости и доходов населения в условиях рыночной экономики. И в том и другом случае государство участвует в процессах районообразования, в одном случае выступая в качестве регулятора, в другом – реализуя региональную политику, направленную на создание условий для эффективного функционирования рынка.

Организационный подход берет свое начало в работах К. Риттера и его российских последователей (П.П. Семенов, В.П. Семенов-Тян-Шанский, И.Г.

---

¹ Статья выполнена в соответствии с Планом НИР ИЭ УрО РАН № темы 0404-2015-0024 в ИСГЗ ФАНО»

² Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад / Научный совет РАН по вопросам регионального развития; СОПС при Министерстве экономического развития РФ и Президиуме РАН; ИЭП Кольского НЦ РАН; ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН. – Москва-Апатиты-Сыктывкар: Изд-во КНЦ РАН, 2010 г. - 213 с.; В.Н. ЛАЖЕНЦЕВ. Пространственное развитие (примеры севера и арктики) // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 1. Сыктывкар, 2010. С.97-104.

Александров, С.В. Бернштейн-Коган, А.Н. Челинцев, Н.Н. Колосовский). В рамках данного подхода экономика региона помещалась в более широкий организационный контекст «естественно-культурной области (района)³. В советский период экономическое районирование переживало настоящий бум, и было востребовано для нужд государственного руководства народным хозяйством. В это время был разработан этнографический подход (М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров), который использовал в качестве единиц районирования историко-этнографические или историко-культурные области (ИКО)⁴.

С методологической точки зрения «пространственное развитие» является более широким и последовательно расширяет круг решаемых вопросов – от согласования элементов отдельно взятой районной хозяйственной системы к их интеграции и регионализации хозяйственной деятельности, к воспроизводству природно-ресурсных потенциалов на геосистемной основе и согласованию предметных пространств в рамках единого пространства. Пространственная экономика (англ. Spatial economics) - интегрированное научное направление по сравнению с предшествующей региональной экономикой.

Изучение проблем пространственного развития актуально для всех стран, но особенно для России. Ее большие размеры и евразийское положение обуславливают необходимость соединения проблематики, как внутреннего устройства, так и межстрановых взаимосвязей.

Анализ и моделирование пространственных закономерностей развития регионов является основной целью региональных исследований. В работе С.И. Яковлевой пространственные модели сгруппированы и объединены в тематические группы на основе обобщения опыта их использования в стратегиях документах развития российских регионов: функциональные, каркасные и кластерные в зависимости от содержания моделирования (функциональные, каркасные и кластерные модели)⁵.

1) Функциональные модели

- социально-экономическое районирование,
- формирование специализированных зон, ареалов, центров, парков,
- формирование территорий с особым статусом (свободные экономические зоны, территории проживания малочисленных народов и др.),
- зоны приоритетного опережающего развития,
- технополисы (парки),
- инвестиционные площадки (браунфилд, гринфилд, индустриальный парк, грейфилд).

2) Каркасные модели

- точки, оси и коридоры развития,
- транспортные коридоры,
- региональный каркас, опорный транспортный каркас,

---

³ Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад / Научный совет РАН по вопросам регионального развития; СОПС при Министерстве экономического развития РФ и Президиуме РАН; ИЭП Кольского НЦ РАН; ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН. – Москва-Апатиты-Сыктывкар: Изд-во КНЦ РАН, 2010 г. - 213 с.

⁴ Л.Б. Вампилова, А.Г. Манаков. Районирование России: историко-географический подход // Псковский регионологический журнал. №13. 2012. С. 26-35. // <http://cyberleninka.ru/article/n/rayonirovanie-rossii-istoriko-geograficheskij-podhod>

⁵ С.И. Яковлева. Пространственные модели в стратегиях социально-экономического развития регионов России // Псковский регионологический журнал. №7. 2014. С.3-16

- формирование системы расселения,
- города-ядра,
- агломерации.

3) Кластерные модели (формирование территориальных комплексов с ядрами, ключевыми объектами и зонами развития конкурентоспособного предпринимательства, в т.ч. пилотные проекты кластеров с активным участием государства).

Наиболее популярные пространственные модели регионального развития на основе анализа основных стратегических документов регионов Урала приведены в таблице 1. Содержанием пространственных моделей регионального развития являются различные формы территориальной организации региона, его экономики, природопользования и населения.

Таблица 1.
Пространственные модели регионального развития в стратегиях субъектов РФ

	Свердловская область	Челябинская область	Республика Башкортостан	Пермский край	Оренбургская область	Курганская область	Тюменская область	ХМАО
Функциональные модели								
<i>Развитие особых экономических зон и зон опережающего развития</i>	+		+		+	+	+	+
<i>Точки, оси и коридоры развития</i>		+						+
Каркасные модели								
<i>Формирование специализированных зон, ареалов, центров, парков</i>	+							
<i>Агломерации</i>	+		+					+
<i>Формирование системы расселения</i>			+					
Кластерные модели	+	+	+	+				+
<i>Дата принятия стратегии</i>	21.12.15	26.03.14	27.04.15	01.12.11	20.08.10	02.12.08	25.05.09	22.03.13

В группе функциональных моделей популярным является разработка сетки социально-экономического районирования, в рамках которого региона разбивается на территории с перспективной специализацией и где предполагается формировать зоны приоритетного развития или территории с особым статусом.

Среди каркасных моделей наиболее популярны агломерации.

Почти во всех рассмотренных субъектах РФ предполагается развитие различных видов кластеров.

Классические функциональные модели и каркасные активно применяются в стратегиях регионального развития с момента начала их формирования, т.е. с конца 90-х годов. Кластерные модели появились в стратегиях следующего поколения, начиная с 2003 г. и удерживают свои позиции до сегодняшнего дня.

Следует обратить внимание, что в более современных стратегиях используется более комплексный подход к территориальному развитию с использованием широкого спектра пространственных моделей. Так в Свердловской области и Республике Башкортостан, в которых приняты стратегии до 2030 года в 2015 году, представлены все виды пространственных моделей (функциональные, каркасные и кластерные).

АНАЛИЗ ИНДИКАТОРА СТАГНАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ РОССИИ

*Кузнецов С.Б. к.ф.-м.н,
СИУ РАНХиГС, Новосибирск*

За последние десять лет экономика России пережила тяжелый кризис 2008 года и вошла в новый. Мировой кризис 2008 года оказал негативное влияние на российскую экономику и показал слабость финансовой системы страны. Внешние причины воздействия на экономическую систему России были существенно более сильными, чем внутренние¹. Интеграция российской экономики в мировую экономику, падение цен на нефть, ограничение доступа российских компаний к дешевым иностранным кредитам, слабость банковской системы - это далеко не полный перечень причин.

В 2011 году экономика полностью восстановилась после кризиса. Сопротивление негативным внешним экономическим факторам способствовали увеличение доходов от нефти и газа, а также бюджетная политика правительства. Тем не менее, уже в этот период экономические аналитики, указывая на замедление темпов развития экономики России, утверждали о надвигающемся новом кризисе. Развитие экономики, в которой определяющую роль играла реализация сырья, полностью исчерпала свои возможности.

Предлагается индикатор, который объединяет в своей структуре влияние изменения прироста валового продукта, изменения основных фондов и изменения трудовых ресурсов.

Рассмотрим региональную экономику, обладающую некоторым объемом основных фондов K и объемом трудовых ресурсов L , которые изменяются во времени. Пусть $\frac{d\bar{r}}{dt} = \bar{v}(\bar{r}, t) = (v_L, v_K)$ - прирост этих факторов производства $\bar{r} = (L, K)$ в каждый момент времени и представляет собой скорость

---

¹ Мау В. А. Кризис на начальной стадии: причины и проблемы // Экономическая политика. 2008. № 6 с. 52-68.

обновления факторов, в этой точке. Пусть в некоторый нулевой момент времени существует объем факторов производства $w(t_0) = K(t_0)L(t_0)$, с помощью которого создается валовой региональный продукт в объеме $Y(t_0)$, через промежуток времени $t - t_0$ получим новый объем $w(t) = K(t)L(t)$ с ВРП $Y(t)$. Прирост объемов факторов и ВРП обозначим $\Delta w, \Delta Y$. Рассмотрим производительность экономики $\frac{\Delta Y}{\Delta w}$ при стремлении $t \rightarrow t_0$ и получим предельную производительность $q = \frac{dY}{dw}$.

В работе был получен индикатор стагнации экономики:

$$Z = \frac{1}{q} \frac{dq}{dt} + DIV(\bar{v}), \quad (1)$$

где $DIV(\bar{v}(\bar{r}, t)) = \frac{v_L}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial v_L}{\partial t} + \frac{v_K}{|\bar{v}|^2} \frac{\partial v_K}{\partial t} + \frac{\partial v_L}{\partial L} + \frac{\partial v_K}{\partial K}$, $|\bar{v}|^2 = v_K^2 + v_L^2$.

Приближение к нулю указывает на вступление экономики в процесс стагнации. Положительные значения характеризуют рост экономики, отрицательные – рецессию².

Для построения приближенного значения индикатора воспользуемся дискретной пространственно-временной сеткой с временным шагом Δt , Δp - прирост факторов производства p за временной шаг, p – один из факторов производства $\bar{r} = (L, K)$. Вместо непрерывных функций $\bar{v}(\bar{r}, t)$ и $q(\bar{r}, t)$, будем рассматривать конечно-разностные аналоги. Для производных будем использовать децентрированные пространственные и временные разности:

$$v_K = \frac{K(t + \Delta t) - K(t)}{\Delta t}, \quad v_L = \frac{L(t + \Delta t) - L(t)}{\Delta t}, \quad \frac{\partial v_p}{\partial p} = \frac{v_p(p + \Delta p) - v_p(p)}{\Delta p},$$

$$\frac{\partial v_p}{\partial t} = \frac{v_p(t + \Delta t) - v_p(t)}{\Delta t}, \quad q = \frac{Y(w + \Delta w) - Y(w)}{\Delta w}, \quad \frac{dq}{dt} = \frac{q(t + \Delta t) - q(t)}{\Delta t},$$

где $\Delta w = \Delta(LK)$.

В произвольной временной точке i :

$$(v_L)_i = v_{L,i} = \frac{L_i - L_{i-1}}{\Delta t}, \quad (v_K)_i = v_{K,i} = \frac{K_i - K_{i-1}}{\Delta t}, \quad \left(\frac{\partial v_L}{\partial L} \right)_i = \frac{v_{L,i} - v_{L,i-1}}{L_i - L_{i-1}},$$

$$\left(\frac{\partial v_K}{\partial K} \right)_i = \frac{v_{K,i} - v_{K,i-1}}{K_i - K_{i-1}}, \quad \left(\frac{\partial v_K}{\partial t} \right)_i = \frac{K_{i+1} - 2K_i + K_{i-1}}{(\Delta t)^2}, \quad \left(\frac{\partial v_L}{\partial t} \right)_i = \frac{L_{i+1} - 2L_i + L_{i-1}}{(\Delta t)^2},$$

$$q_i = \frac{Y_i - Y_{i-1}}{K_i L_i - K_{i-1} L_{i-1}}, \quad \left(\frac{dq}{dt} \right)_i = \frac{q_i - q_{i-1}}{\Delta t}.$$

Подставляя эти формулы в выражение (1) получим конечно-разностный аналог индикатора стагнации.

Работоспособность индикатора проверим на примере трёх федеральных округов Российской Федерации, а именно на Центральном федеральном округе, Приволжском федеральном округе и Сибирском федеральном округе.

² Кузнецов С. Б. Индикатор поведения национальной экономики// Экономика и управление. 2016 №4(126) с. 48-52.

Для анализа работы индикатора использовались статистические данные Федеральной службы государственной статистики.

Рассмотрим динамику поведения прироста ВРП Центрального Федерального округа. С 2007 года началось падение показателя ВРП и продолжилось до 1 квартала 2009 года, достигнув отрицательного показателя прироста ВРП в 9%. В кризис отрицательную динамику показали многие макроэкономические показатели. До мирового экономического финансового кризиса инвестиции в основной капитал Центрального федерального округа имели хорошую тенденцию к увеличению и в 2008 году они составляли 2278 миллиардов рублей. Однако, учитывая сложную экономическую ситуацию в стране, в 2009 году произошло резкое снижение данного показателя и его значение составило 1928 миллиардов рублей (рис.1).

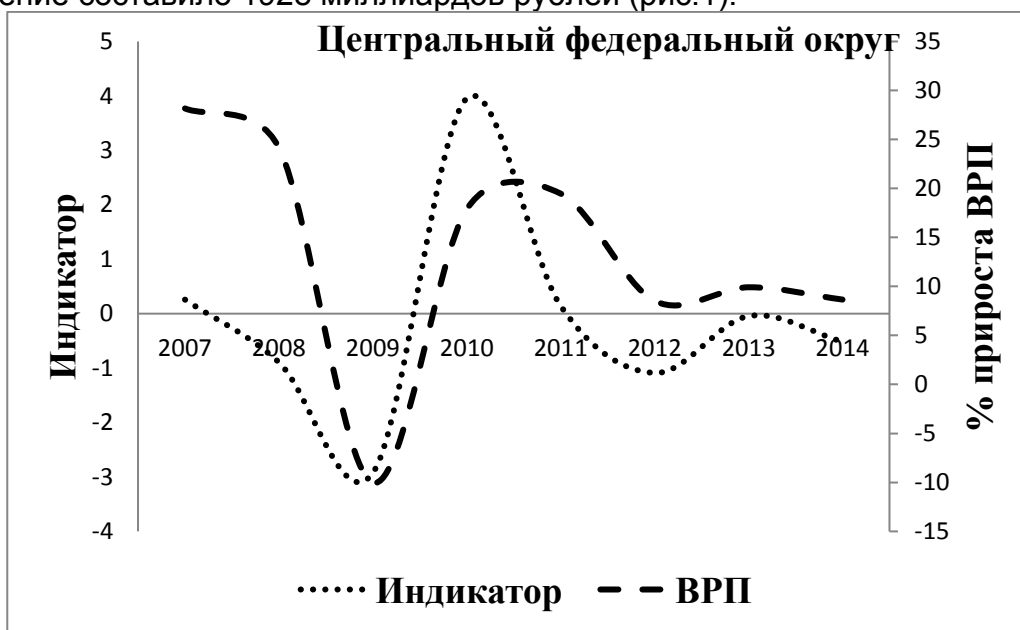

Рис. 1 Сравнение поведения индикатора и прироста ВРП в ЦФО.

Для смягчения тяжелой экономической ситуации 2008 года Правительством Российской Федерации был выдвинут ряд антикризисных мер, в ходе которых начинают реализовываться меры поддержки ряда отраслей экономики, таких как жилищное строительство, оборонная промышленность, малый и средний бизнес. В социальном плане главными приоритетами в условиях кризиса стало снижение напряженности на рынке труда, усиление социальной поддержки пенсионеров, безработных, студентов, семей с детьми. В ходе реализации антикризисных мер наступает стабилизация экономической ситуации и с 1 квартала 2009 года начинается экономический подъём, который продолжился до 3 квартала 2010 года, достигнув 21% прироста ВРП. На рис.1 отчётливо видно как линия индикатора стагнации начала расти в 4 квартале 2008 года тем самым предсказывая рост показателя ВРП. Затем в 3 квартале 2010 года началось падение ВРП, которое продолжилось до 1 квартала 2012 года, остановившись на уровне 3% прироста ВРП. Если рост экономики, после постановления правительства был очевиден и предсказуем, то падение прироста ВРП в начале 2010 года было неочевидно. Линия индикатора стагнации начала свое падение в 1 квартале 2010, тем самым предсказав очередной упадок экономики за полгода. В период с 2012 по 2014 год ощутимых всплесков или падений в экономике Центрального Федерального округа не происходило.

Поведение ВРП Приволжского Федерального округа показано на рис 2.

Рис. 2 Сравнение поведения индикатора и прироста ВРП в ПФО.

В период с 4 квартала 2007 года по 1 квартал 2009 года ВРП падал, достигнув отрицательного значения на уровне 8% прироста ВРП. Линия индикатора стагнации начала свое падение немного раньше тем самым предсказывая будущий экономический спад. В тяжёлых экономических условиях отрицательную динамику показывают многие макроэкономические показатели. Инвестиции в основной капитал в Приволжском федеральном округе показывали стабильный рост, вплоть до 2008 года включительно и составили 1485 миллиардов рублей. Затем в связи с мировым экономическим кризисом произошло падение инвестиций, которые были зафиксированы в 2009 году на уровне 1279 миллиардов рублей. Для облегчения тяжелой экономической ситуации были разработаны специальные меры, которые учитывают особенности данной территории. Приволжский федеральный округ в большей степени ориентирован на развитие обрабатывающих производств, которые формируют практически четверть валового регионального продукта. Здесь сосредоточена треть инновационных предприятий России и более 40 процентов российского экспорта технологий. С учётом кризисных явлений уже в краткосрочной перспективе необходимо смещение акцента на поддержку видов деятельности, имеющих большой потенциал развития данной территории. После кризиса 2008 года начался экономический подъём и в период с 2009 по 2011 год ВРП увеличивался и достиг отметки в 23% прироста ВРП. Так же как и для ЦФО линия индикатора стагнации начала свой рост раньше показателя ВРП, тем самым предсказывая будущий экономический подъём. С 1 квартала 2011 года по 1 квартал 2013 года произошел спад в экономике. На рис 2. отчетливо можно увидеть, насколько раньше линия индикатора стагнации начала своё падение, тем самым доказывая работоспособность данного индикатора. С 2013 года по 2014 год наблюдается небольшой рост ВРП, который заблаговременно предсказывает индикатор стагнации.

В Сибирском Федеральном округе с 1 квартала 2007 года началось падение показателя ВРП, которое продолжилось до 2009 года, достигнув отрицательного показателя ВРП на уровне 2% (рис.3).

Рис. 3 Сравнение поведения индикатора и прироста ВРП в СФО.

Линия индикатора стагнации начала падение в то же время, однако закончила падение в 4 квартале 2008 года. Данное падение было вызвано мировым финансово-экономическим кризисом 2008 года. В этот период отрицательную динамику показали многие макроэкономические показатели. Инвестиции в основной капитал в Сибирском федеральном округе в 2008 году составили 945 миллиардов рублей. Затем в связи с тяжелой экономической ситуацией в округе, которая была обусловлена кризисом, произошло падение инвестиций до отметки в 834 миллиарда рублей. Для смягчения последствий кризиса 2008 года, был разработан антикризисный план, согласно которому наиболее приоритетным направлением являются мероприятия по поддержке малого и среднего бизнеса и предпринимательской инициативы в целом. В антикризисном плане Сибирского федерального округа так же предусмотрены меры социального характера. В частности, это гарантии социальной защиты малообеспеченных слоев населения, и создание дополнительных рабочих мест. После реализации антикризисных мер, наступила пора экономического роста, и в период с 2009 года по 1 квартал 2010 года ВРП увеличивался и достиг отметки в 23% прироста ВРП. Линия индикатора стагнации начала рост в 4 квартале 2008 года, тем самым предсказав будущий экономический рост. В ходе экономического подъема инвестиции в основной капитал так же показывали положительную динамику.

Затем с 1 квартала 2010 года по 3 квартал 2012 года ВРП стремительно падал, достигнув 7% прироста ВРП. Линия индикатора стагнации начала падении немного раньше очередной раз, предсказав будущий экономический спад. С 3 квартала 2012 года начался подъем ВРП, однако индикатор стагнации данный подъем не предсказал.

В ЦФО и ПФО индикатор дает предсказание на несколько месяцев вперед, что не наблюдается в СФО. Индикатор начинает свой рост и падение чуть ранее, чем прирост ВРП. Это можно объяснить объемами инвестиций в федеральных округах. Так в ПФО и ЦФО объем инвестиций в 1,5 – 2,5 раза

больше, чем СФО, падение объема инвестиций в 2009 году в этих округах составил почти 20% против 13% в СФО.

Таким образом, за анализируемый промежуток времени, на примере рассмотренных федеральных округов, индикатор стагнации предсказал 10 из 13 возможных случаев экономических подъёмов и экономических спадов экономики округов. Исходя из полученных результатов, можно утверждать о работоспособности нового индикатора, показывающего стагнацию, рецессию и рост экономики.

Индикатор стагнации предлагается использовать как дополнительный, к уже используемым лидирующим (опережающим) индикаторам, как на региональном, так и на национальном уровне.

ТИПОЛОГИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Кузовкова С. В.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Хотя предпринимательство признано важной оставляющей экономической жизни, о какой бы стране с каким бы типом экономики не велось обсуждение, как сказал П. Давидссон, «одной из притягательных черт является богатство самого феномена, оно же является и причиной одного из крупнейших разочарований, а именно, отсутствия общего понимания того, что же такое есть предпринимательство.»¹ И разнообразные обзоры, посвященные определениям предпринимательства в разных экономических школах или сформулированных независимыми учеными в области экономики, социологии или права, являются тому подтверждением (см., например, главу 1 книги автора приведенной выше цитаты).

Это означает что, есть необходимость при рассмотрении феномена предпринимательства всякий раз указывать по каким критериям, а также какие именно субъекты экономической деятельности относятся исследователем к предпринимательству. Например, можно привести несколько групп критериев, по которым тот или иной субъект экономической деятельности будет рассматриваться как предприниматель.

Группа 1. Это скорее формализованные критерии (например, в виде положений законов о предпринимательской деятельности), включающие совокупность критериев, общих для любого субъекта экономической деятельности: «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»² (ГК РФ, ст. 2, п. 1).

---

¹ Давидссон П. Исследуя предпринимательство : учеб. пособие / пре. с англ. под науч. ред. А. Ю. Чепуренко, О. И. Образцовой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 399с. – (Переводные учебник ВШЭ). – ISBN 978-5-7598-1073-5 (в пер.) – С. 23.

² Гражданский кодекс РФ. Ст. 2, п. 1. Доступ из справ. прав. системы «КосультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL:

Группа 2. Неформализованные критерии. Как правило, речь идет о деятельности, которая ведет к каким-либо изменениям, которые «движут рыночным процессом» (см. рассуждения у П. Давидссона в упомянутом труде, с. 30). Предпринимателем выступает любой субъект, который либо ведет сам, либо каким-то образом включен в экономическую деятельность, либо это «коллектив», участвующий в экономической деятельности в качестве субъекта.

Группа 3. Критерии, привязанные к конечному результату этой деятельности. В эту группу попадают рассуждения о том, с какой целью затевается экономическая деятельность такого рода. И рассматриваются альтернативные варианты экономической деятельности, которые приоритетны в разных видах экономик (как например, рассуждения У. Баумоля, А. Schoar).

Рассматривая критерии группы 1, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что Гражданский кодекс РФ различает предпринимательскую деятельность граждан (в качестве индивидуальных предпринимателей) и коммерческую деятельность юридических лиц. А в упомянутом в приведенном определении законе³ термин «предприниматель» закрепляется за физическим лицом. Хотя пункт 1 статьи 2 ГК РФ, скорее всего, указывает на деятельность любого, зарегистрированного в законном порядке, лица, будь то индивид (физическое лицо) или группа индивидов (юридическое лицо), попадающую под определение «предпринимательская».

И это была бы чисто филологическая коллизия, если бы оставалась только предметом дискуссии в рамках российской юридической лингвистики. Но, поскольку в современной жизни с положениями Гражданского кодекса РФ может ознакомиться любой умеющий читать обыватель, а некоторые его положения априори распространяются на всех граждан нашей страны, на сегодняшний день специалисту, прежде чем обсуждать какой-либо аспект экономической деятельности, следовало бы определиться с субъектом. Не говоря уже о том, чтобы учитывать, как этот термин (и его производные) циркулирует в повседневности (проще говоря, что аудитория в массе понимает под терминами «предприниматель», «предпринимательская деятельность» и др. и совпадает ли это в семантике с тем, что имеется в виду специалистами). Чтобы это учитывать, следовало бы опираться на исследования, проводимые не только методами социологических и экономических наук, но и в рамках лингвистических дисциплин.

Критерии группы 2, как и группы 1, относятся к тем субъектам экономической деятельности, которые уже начали ее по критериям «самостоятельная», «направленная на систематическое получение прибыли». И даже если речь идет о влиянии деятельности этого субъекта на ситуацию на рынке, вопроса о том, по какой причине индивид решает заняться этой деятельностью и почему не выбрал (или почему предпочел не выбрать) предоставляемую обществом альтернативу, не обсуждается, потому как, скорее всего, считается решенным. Индивиду приписывается стремление к самореализации, удовлетворению своих потребностей, достижению более высокой планки по уровню благосостояния и т. д., а также деятельность в рамках рыночной экономики. Нужно ли говорить, что допущений при рассуждениях в этом ключе слишком много.

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=214557&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.637623498869996#0> (дата обращения 10.06.2017).

³ Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Авторы, которые обсуждают критерии, собранные в группе 3, как раз обращают внимание на то, говоря упрощенно, как индивид решает заняться той деятельностью, которая может быть определена как предпринимательская, какие цели преследует, какие разрешения и запреты учитывает или обходит, каково влияние его деятельности на общество и др.

На основании этих рассуждений можно указать на принципиальные различия внутри такой экономической деятельности, и составить несколько типологий, поставив в итоге вопрос о правомерности обозначения того или иного типа экономической деятельности как предпринимательской, или же выделения из общей массы экономических субъектов тех, кто максимально на эту «роль» подходит, а для других обсуждать введение каких-то иных терминов, высвечивающих нюансы.

Например, если обратиться к рассуждениям У. Баумоля, который в разных своих работах обсуждает генезис предпринимательства как вида экономической деятельности, можно представить два вида типов предпринимателей.

Тип А, выделенный на основании того, каков относительный размер вознаграждения предлагает общество за определенный вид деятельности, путем изменения правил игры в нужную для общества сторону. На наш взгляд, основной критерий – это конечная цель и скорость ее достижения. В этом случае предпринимательство:

- производительное. То, чем и должен заниматься предприниматель (и любой другой субъект экономической деятельности), то есть производством блага, расширением своего дела, увеличением прибыли, исполнением социальных обязательств и др. Итог – создание системы воспроизводства предпринимательской ренты (то есть условий, при котором созданное дело будет продолжать развиваться, а активного участия основателя может уже не требоваться);

- непроизводительное. Извлечение предпринимательской ренты путем использования имеющихся капиталов и ситуации на рынке, а также приложение усилий в области перераспределения пучков прав (право, финансы и др.);

- деструктивное. Сюда У. Баумоль относит те способы получения предпринимательской ренты, которые следует рассматривать в рамках теневой экономики – это те виды деятельности, которые не являются легитимными в том обществе, в котором действует экономический субъект, и которые в долгосрочной перспективе могут действовать разрушающие на общество.⁴

Тип Б. В качестве критерия выделения имеется ввиду влияние на ситуацию на рынке. Тогда выделяется предпринимательство:

- репликативное. То есть способ получения предпринимательской ренты – производить уже известные рынку товары, с гарантированным спросом.

- инновационное. Предприниматель или группа предпринимателей выступает в роли шумпетерианских новаторов, «возмутителей общественного спокойствия», вынося на рынок новые товары и услуги; тем самым предпринимательская рента основана на использовании конкурентного преимущества, пока новый продукт защищен институтом прав собственности.

И тип А и тип Б в рассуждениях У. Баумоля касаются индивидов, уже ставших активными самостоятельными субъектами экономической деятельности – предпринимателями, менеджерами в крупных компаниях. И речь

---

⁴ Баумоль У. Предпринимательство: производительное, непроизводительное, деструктивное / Российский журнал менеджмента. – Т. 11, №2, 2013. – С. 61-84.

идет (на что опять же хотелось бы обратить внимание) об экономиках рыночного типа, присущих развитым странам.

Иной подход использует в своих рассуждениях А. Schoar⁵. Рассматривая прежде всего экономики развивающихся стран – Индии и Китая – автор обращает внимание на то, по каким причинам люди начинают заниматься самостоятельной деятельностью, а не искать рабочее место.

А. Schoar в своей работе «The Divide between Subsistence and Transformational Entrepreneurship» различает как минимум два вида деятельности, ориентируясь на мотивы, побуждающие к выбору самостоятельной деятельностью:

- Subsistence – обеспечивающая, самообеспечительная. Это самостоятельная деятельность, в основе которой лежит необходимость обеспечить себе и своей семье (куда может входить не только близкий круг людей, как это принято, например, в европейских странах, но и дальние родственники); это экономическая деятельность в существующих институциональных рамках, меньше всего направлена на расширение, долгосрочное планирование по расширению деятельности, выполнения «высоких» требований социальной ответственности и др. Такая деятельность не позволяет получать сверхприбыль от чего-либо, и вообще достаточно консервативна. По Баумолевской типологии это, скорее, репликативный тип, и скорее продуктивный, потому как деятели воспроизводят легитимные общественные блага, не требующие много ресурсов и сложных компетенций.

- Transformational – трансформационная, преобразующая деятельность. Проще описать ее в терминах Баумоля – производительный, инновационный тип, развивающийся, расширяющийся, производящий сложный, ресурсозатратные блага с растущей прибылью и требующий от деятеля системного подхода и сложных компетенций.

Соотношение обеспечивающего (Subsistence) и преобразующего (Transformational) типов субъектов экономической деятельности как в развивающихся (developed) так и в развитых (developing) экономиках не в пользу последнего. И переход из обеспечивающего типа в преобразующий не самый распространенный в любых типах экономик. И связано это, на чем делает акцент А. Schoar, не только с особенностями менталитета в развивающихся странах. Причины могут быть, например, в структуре институциональной среды, в культурных, социо-экономических отношениях между различными социальными группами и др.

Таким образом, учитывая замечания А. Schoar, есть необходимость обсуждать такие аспекты как:

а) структура общественных отношений – какой тип экономической деятельности будет в полной мере легитимирован общественным мнением (не только в правовом поле, но и на уровне жизненных стратегий индивидов в повседневности);

б) характеристики институциональной среды в рамках общества определенного масштаба; уровень и инструменты, с помощью которых на эти характеристики возможно влиять;

в) экономическая культура, в рамках которой формируются те или иные жизненные стратегии, паттерны экономического поведения и стереотипы восприятия самостоятельной экономической деятельности: общественные и

---

⁵ Schoar A. The Divide between Subsistence and Transformational Entrepreneurship / National Bureau of Economic Research. – 2010. – p. 57-81. – 978-0-226-40071-6.

личностные разрешения, уровни доверия, степень приятия результатов деятельности, степень навязанности социальных обязательств и др.

Изучение перечисленных аспектов возможно при осуществлении междисциплинарного подхода, с привлечением данных и методов наук гуманитарного профиля.

Подбор критериев отнесения субъекта экономической деятельности к предпринимательской можно продолжать, пока не будет выработан какой-либо приемлемый для большинства специалистов набор признаков.

ОЦЕНКА ВЕРОЯТНОСТИ ДОЖИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОМ ВОЗРАСТЕ ИНДЕКСНЫМ МЕТОДОМ¹

*Кузьмин А.И., к.э.н., д.с.н.
ИЭУрО РАН, Екатеринбург*

Нередко для оценки жизнеспособности населения экономисты используют связь макроэкономических показателей с величиной средней предстоящей продолжительности жизни. Последнюю обычно рассчитывают, как итоговый показатель таблиц смертности², либо методом поиска среднего медианного возраста смертности в малых и больших популяциях. Для анализа *вероятностей* дожитий населения в экономически активном возрасте можно использовать метод возрастных компонент. Обратим на него особое внимание. Отметим, что накопленный вклад в среднюю продолжительность жизни обычно рассчитывается «как сумма вкладов изменений смертности в данной возрастной группе в изменение смертности во все годы, предшествующие данному»³. Обычно этот подход позволяет исследователям проследить, как качество демографических изменений происходило по указанному периоду в достаточно длительном периоде экспозиции показателей смертности и продолжительности жизни. Однако если тенденции в динамике менялись с изменением «своего знака» с отрицательных значений на положительные величина половозрастных компонент могла уменьшаться и становиться незначительной. Нередко изменения, в этом случае, становились скрытыми. Например, в современной России у мужчин улучшение активного экономического «долголетия» произошло лишь с 2010 г., что важно отметить для анализа оценки изменения жизнеспособности трудовых ресурсов страны в целом и отдельных регионов.

Периодизация экономически активного возраста была установлена Международной организацией труда (МОТ) с 15 по 72 года для лиц обоего пола в одинаковой мере. Однако интервал экономической активности населения вообще очень велик и разнообразен на практике, что требует дифференцировать

---

¹ Статья написана при поддержке Гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста»

² Дарский Л.Е., Тольц М.С. Демографические таблицы.- / Под ред.Денисенко М.Б - М.:МАКС Пресс, 2013.- 104 с.

³ Вишевский А., Захаров С. Смертность и продолжительность жизни. http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r12/akrobat/glava4.pdf (Дата эксцесса 22.08.2017)

статистику дожитий по отдельным возрастным группам обоего пола. Это в свою очередь, требует построения либо полных, либо кратких таблиц смертности по регионам России и округам.

По данным таблицы 1 наиболее высоки вклады изменений в продолжительность жизни у мужчин и женщин в современной России в возрастном интервале 15-44 лет или в так называемое «ядро» рабочей силы. Но период 45-64 лет почти не уступал по величине вкладов в возрастном интервале 15-44 лет. Это позволило предположить, что для дальнейшего анализа нас устраивает соотношение доживших до 72 лет с число доживших (по таблицам смертности) до 15 лет. Заметим, что интервал установленный МОТ не совпадает с пятилетним шагом сокращенных таблиц смертности кратных пятилетнему шагу.

Таблица 1.

Вклад отдельных возрастных групп мужчин и женщин в изменение продолжительности жизни в России, 2006-2012 г.

Возраст, лет	мужчины	женщины	Село, мужчины
Общий вклад, лет	4,13	2,52	4,44
0–14 лет	0,22	0,15	0,33
15–44 года	1,64	0,44	1,7
45–64 года	1,58	0,84	1,71
65 лет и более	0,67	1,08	0,69

Среди зарубежных публикаций по оценке дожитий в трудоспособных возрастах в России и СНГ важное значение имеет публикация статья японского демографа - Юки Минагавы, рассмотревшей ситуацию с рисками смертности в рабочих возрастах как в России, Украине и Белоруссии⁴. В нашем случае, в качестве расчетного показателя был выбран расчетный показатель вероятности дожития от 15 и до 72 лет включительно (конкретное число лиц по показателю – I_x по таблицам смертности, составленным Росстатом для каждого региона по городской и сельской местности. Использовались данные по таблицам смертности Росстата. Предложенный метод достаточно прост для повторения расчетов при наличии исходной базы (дифференцированных по отдельным годам таблиц смертности Росстата за 2014-2015 гг). Отметим, что при наличии достаточно сложных методик по измерению вкладов различных половозрастных групп в изменение продолжительности жизни предложенный нами метод доступен всем, но в будущем требует применения когортного анализа. Выбранный демографический показатель очень близок к решению проблемы оценки уровня развитости самосохранительного поведения населения в том или ином регионе России, нежели общеизвестный метод компонент. Выполненные расчеты показали, что хорошие шансы на дожития лиц обоего пола до периода официального завершения экономически активного возраста демонстрирует очень незначительное число территорий России и в основном с большим числом мусульманского населения (табл.2). Для лучшей убедительности нами был рассчитан индекс благополучного дожития лиц мужского и женского пола в интервале экономически активного возраста (таблицы смертности 2015 г.). Эталонном благополучного положения дел по уровню выживаемости населения обоего пола был выбран Краснодарский край.

⁴ Yuka Minagawa Inequalities in Healthy Life Expectancy in Eastern Europe // Population and development review V 39, number 4, december 2013 p.650-651.)

Таблица 2

Индекс благополучного дожития лиц мужского и женского пола в интервале экономически активного возраста в регионе

Республики, края, области, округа	Величина вероятности дожития до завершения возраста экономической активности для лиц обоего пола, в расчете на 1000 лиц в возрасте 15 лет (по таблицам смертности Росстата, 2015 г.)	Индекс благополучного дожития лиц мужского и женского пола в интервале экономически активного возраста
<i>Краснодарский край</i>	791	1,000
Республика Дагестан	703	0,888
<i>г. Москва</i>	678	0,856
Кабардино-Балкарская	675	0,854
Карачаево-Черкесская	661	0,836
Республика Северная Осетия-Алания	645	0,815
<i>г. Санкт-Петербург</i>	641	0,811
Чеченская Республика	636	0,805
Ставропольский край	636	0,804
Республика Татарстан	616	0,783
Республика Калмыкия	616	0,778
Белгородская область	615	0,777

Если убрать из представленного списка разнообразных территорий города-столицы с высокой продолжительностью жизни в период трудоспособности не характерной для всей России, то у мужчин в пятерку лучших входят республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания. Далее следуют Ставрополье и Татарстан. Рейтинги у женщин по дожитию несколько иные и выше по вероятности выжить (не менее 800 на тысячу пятнадцатилетних девушек) и преодолеть возрастные границы экономически активного возраста, установленного в свое время МОТ. У лиц женского пола после лидирующей Ингушетии располагаются: Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Карачаево-Черкессия. За этой пятеркой следует помимо Москвы республика Татарстан и Белгородская область. Если оставить этнический фактор в стороне, то на последних местах в десятке лучших появляются Ставрополье и Белгородская область. В списке аутсайдеров постоянно находятся республики Тыва, Коми, Карелии. К ним примыкает, как правило, Псковская область, что отмечается не только представителями системы здравоохранения, но и рядом лиц из Совета Федерации. Более полное рассмотрение ситуации в группе аутсайдеров требует отдельной публикации. В данном случае, следует отметить, что сибирские исследователи методом компонентного анализа смертности на основе оценки многомерной типологии «элиминационных» резервов продолжительности жизни (модель ЭРТВ). выделяют в феномене низких дожитий населения в Сибирском и Дальневосточном регионах высокий уровень потерь от факторов «психоэмоционального и духовного (психологического) неблагополучия»⁵. Исследователи из Иркутска данное предположение значительным ростом числа суицидов за 1987 - 2002 гг. с 30 до 62 в расчете на 100 тыс. населения. В

⁵ Развитие человеческого потенциала Сибири: проблемы социального воспроизводства регионального сообщества / Я.А.Лещенко и др. Изд-во Оттиск, 2013.- 514 с.

дальнейшем величина дожитий и продолжительность жизни смогли увеличиться в незначительных пределах. В целом, учитывая влияние на величину дожитий в трудоспособном возрасте факторов эколого-географической климатической, этнической и культурной дифференциации конкретных условий жизни населения нами был предложен авторский вариант группировки территорий страны по уровню культуры самосохранительного поведения в субъектах РФ, что заслуживает дополнительного рассмотрения и анализа в виду большого объема полученной информации.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ларина Т.Н., д.э.н.
ОГАУ, Оренбург

Признанным в современном мире методическим подходом к измерению эффективности экономики и социального прогресса является сочетание оценки показателей достигнутого уровня развития страны (региона) с оценкой устойчивости во времени показателей благосостояния населения, равномерности распределения доходов, потребления и богатств между социальными группами и между регионами¹. В последнее время опубликовано достаточно много работ, посвященных количественной оценке неравномерности регионального развития, как в России, так и за рубежом. Интересным с точки зрения практического применения в российской практике является методика измерения территориальной конвергенции, разработанная для оценки эффективности интеграционных процессов в Европейском Союзе. Критериями конвергенции (т.е. сближения уровней развития) в ЕС выступают нормализованный индекс Тейла, показатели вариации (среднее квадратическое отклонение, коэффициент вариации, размах вариации), а также параметр β в так называемой «регрессии роста показателя на его исходный уровень» (*growth-initial level regressions*) («регрессия конвергенции»). Оценка конвергенции выполняется для показателя «ВВП в расчете на душу населения» для статистических регионов ЕС, выделенных по номенклатуре *NUTS* (фр. *nomenclature des unités territoriales statistiques*)².

Учитывая методологические отличия информационно-статистических систем Российской Федерации и стран ЕС, невозможно полностью скопировать европейский подход к оценке территориального неравенства, но вполне можно адаптировать данный подход для целей оценки эффективности социально-экономической политики на федеральном и на региональном уровнях в нашей стране. Так, ряд российских экономистов анализируют различия (или степень сближения) регионов нашей страны по показателям, характеризующим

---

¹ Доклад Франции об измерении эффективности экономики и социального прогресса [электронный ресурс] / Статистическая комиссия ООН. – Режим доступа: <http://unstats.un.org/unsd/statcom/doc11/2011-35-France-R.pdf> - (дата обращения: 15.06.2017 г.).

² Воронов В.В. Конвергенция регионов Европейского Союза: особенности и оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2014. - № 6 (36). - С. 85-99.

экономику, человеческий капитал, уровень жизни³. Меньшее число исследований посвящено оценке территориальной конвергенции на муниципальном уровне⁴.

Остановимся подробнее на результатах исследования территориальной конвергенции на внутрорегиональном (муниципальном) уровне. Информационная база муниципальной статистики позволяет применять в данном случае регрессию конвергенции, показатели вариации (в частности, коэффициент вариации). Применение индекса Тейла на муниципальном уровне требует более тщательного обоснования выбора обобщающего показателя для межмуниципальных сопоставлений. Если для целей оценки степени сближения регионов можно использовать показатель валового регионального продукта в расчете на душу населения, то на региональном уровне аналогичного показателя в российской государственной статистике нет. Модель регрессии конвергенции имеет вид [2]:

$$g_i = \alpha + \beta \ln(y_{it-T}) + \varepsilon, \quad (1)$$

где y_{it-T} - показатель в момент времени, предшествовавший текущему моменту времени t на T периодов (как правило, начальный период интеграции или другой значимый для развития интеграционной группировки момент времени),

g_i – средние темпы роста в i -й стране (регионе, административном районе) за T периодов, исчисленные как $\ln(y_{it})/\ln(y_{it-T})$,

ε – случайное отклонение,

α и β - подлежащие оценке коэффициенты.

Индикатором наличия конвергенции является знак коэффициента β . Если $\beta < 0$, это означает, что менее развитые административно-территориальные единицы со сравнительно небольшим значением показателя y имеют более высокие темпы роста этого показателя в сравнении с более развитыми регионами. Если $\beta > 0$, то наблюдается не конвергенция, а дивергенция (т.е. увеличение различий). Логарифмирование значений вариационного ряда является приемом предмодельного преобразования данных, приводящим к снижению вариации значений признаков.

Коэффициент вариации традиционно рассчитывается по формуле:

$$v = \frac{1}{x} \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n}} \times 100\%, \quad (2)$$

³ Бровкава А.В. Совершенствование подходов к статистическому анализу социально-экономического неравенства и конвергенции регионов России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2014. - № 2 (51). - С. 113-117.; Либман А.М. Эндогенная (де)централизация и российский федерализм // Прикладная эконометрика. – 2008. – №1(9). – С. 23-57.

⁴ Глинский В.В., Серга Л.К., Булкина А.М. Дифференциация муниципальных образований как фактор экономического развития территорий // Вопросы статистики. – 2016. - №8. – С. 46-51.; Ларина Т.Н., Заводчиков Н.Д. Оценка эффективности социально-экономической политики по развитию сельских территорий в Оренбургской области // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. - 2012. - Т. 33. № 1-1. - С. 139-142.

где x_i - значения сравниваемого показателя для i -й территории;
 $\bar{x}$ - среднее значение сравниваемого показателя в рассматриваемом периоде;
 n – число административно-территориальных образований.

Рост коэффициента вариации в динамике отражает наличие «сигма-дивергенции». Показатели β - и σ -конвергенции выражают разные проблемы региональной экономической интеграции. Не всегда β -конвергенция предполагает σ -конвергенцию: в ситуации, когда группа более богатых и более бедных регионов постоянно меняется (вследствие ухудшения экономического положения в богатых и улучшения в бедных), но общий уровень разрыва между богатыми и бедными постоянен, σ -конвергенция отсутствует. Применительно к муниципальному уровню надо признать, что отсутствие β - конвергенции и наличие σ - дивергенции свидетельствует о недостаточной эффективности региональной экономики, о сохранении неравенства в развитии муниципальных образований.

Невозможно получить оценки конвергенции (дивергенции) в случае, если отсутствуют значения показателя по какой-либо территории в одном из сравниваемых годов, либо они меняют знак (например, сальдо миграции, естественный прирост (убыль)). В данной ситуации формулы (1) и (2) применить невозможно. Еще одним недостатком методики, связанным с субъективными причинами, является выбор базового года (y_{it-T}), а также выбор социально-экономических показателей для характеристики результатов развития территории.

В рамках данной статьи методика оценки конвергенции апробирована на материалах Оренбургской области. Расчеты выполнены для стоимостных показателей социально-экономического развития муниципальных образований региона. На 1 января 2016 г. Оренбургская область объединяет 13 городских округов и 29 муниципальных районов (всего 42 муниципальных образования). Численность населения региона составляет 1994,7 тыс. чел, в том числе 40% населения проживает в сельской местности.

Базовым в оценке конвергенции является 2000 г., так как в этом году на правительственном уровне было объявлено об изменении приоритетов государственной социально-экономической политики. Впоследствии был принят ряд федеральных и региональных целевых проектов и программ, направленных на устойчивое развитие страны и регионов. Оценить эффективность некоторых мероприятий на уровне Оренбургской области позволяют данные таблицы 1.

В таблице 1 приведены результаты моделирования регрессии (1), а также значения коэффициентов вариации (2) для 2000 и 2015 гг. Взяты только стоимостные показатели, представленные в региональном статистическом сборнике. Выбор показателей обусловлен тем, что изменение их уровня в динамике в значительной степени зависит от управленческих решений органов региональной власти. Оборот розничной торговли и объем платных услуг на душу населения отражают масштабы потребления населением товаров и услуг, что характеризует уровень жизни на муниципальном уровне.

Таблица 1.

Показатели конвергенции (дивергенции) муниципальных образований
Оренбургской области за период 2000-2015 гг.

Показатель	Параметр β модели (1)	Коэффициент корреляции для модели (1)	Коэффициент вариации, %	
			2000 г.	2015 г.
Оборот розничной торговли на душу населения, руб.	-0,029	0,231	64,9	84,5
Объем платных услуг на душу населения, руб.	-0,113	0,864	89,5	98,1
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб. (без учета малых предприятий)	-0,130	0,909	41,9	24,2
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	-0,075	0,452	319,0	135,5

Рассчитано автором на основе: Города и районы Оренбургской области: стат. сборник / Оренбургстат. – Оренбург, 2016. – 257 с.

В период 2000-2015 гг. среди муниципальных образований региона наблюдается β -конвергенция, т.е. менее развитые муниципальные образования имели более высокие темпы роста показателей, чем более развитые. Но для показателя «оборот розничной торговли на душу населения» это утверждение может быть достоверно с вероятностью менее 95% (коэффициент регрессии в модели статистически не значим). Рост коэффициентов вариации по первому и второму показателям указывает на дивергенцию (усиление различий) муниципальных образований по уровню жизни населения.

Исследования, выполненные нами ранее⁵, позволяют назвать конкретные положительные результаты, достигнутые в Оренбургской области, выразившиеся в устойчивой β -конвергенции по показателям смертности и рождаемости, заболеваемости населения, благоустройства жилья и др. Усиление различий наблюдается по потреблению услуг культуры и искусства (что весьма болезненно для сельских территорий региона), объемам жилищного строительства и др. По этим направлениям требуется осуществлять последовательную работу по сокращению различий муниципальных образований.

Таким образом, для решения исследовательских задач, направленных на получение оценки устойчивости развития системы, состоящей из структурных элементов, требующих более детального изучения взаимодействия элементов системы, целесообразно применять методические подходы по оценке β - и σ -конвергенции. В первую очередь, это относится к территориальным системам, таким как регион (как система, состоящая из муниципальных образований), или федеративное государство, в частности, Россия, (состоящее из субъектов Федерации).

⁵ Ларина Т.Н. Измерение территориальной социально-экономической конвергенции муниципальных образований региона как индикатора качества жизни // Интеллект. Инновации. Инвестиции. - 2016. - № 12. - С. 70-75.

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КЛАСТЕРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

*Ли В.А.,
Каткова А.О.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

В последнее десятилетие эффективность применения кластерной подхода в деятельности бизнеса не вызывает сомнений. Формирование и развитие кластерной концепции в пространственном развитии является главным конкурентным преимуществом взаимосвязанных отраслей промышленного комплекса, обеспечивающее синергетический эффект. Основным источником финансирования кластеров считается государство и участники кластеров, но для более успешного развития необходимо использование или формирование новых финансовых инструментов. Особая актуальность при этом придается разработке и практической реализации мер по совершенствованию методологических основ финансового обеспечения кластерной концепции экономики регионов.

Под финансовым механизмом кластерного обеспечения в данном исследовании понимается совокупность организационных форм методов и инструментов, предназначенных для оптимизации и достижения сбалансированности финансовой структуры развития кластеров. Раскрывая экономическое содержание дефиниции «обеспечение» согласимся с трактовкой Вагизовой В.И., под которой понимается «совокупность экономических отношений, складывающихся по поводу изыскания и эффективного использования материальных и нематериальных средств, организационно-управленческих принципов, методов и форм, воздействующих на жизнеспособность какого-либо экономического явления или процесса».

Следовательно, под механизмом финансового обеспечения функционирования кластеров следует понимать систему экономических отношений, определяющую порядок привлечения, формирования, кредитования и эффективного использования финансовых средств, с соответствие с организационно-управленческими принципами, методами и формами их воздействия на деятельность кластеров. Элементы финансового механизма обеспечения кластеров между собой взаимосвязаны с иерархической соподчиненностью и включают: источники поступления финансовых средств; формы аккумуляции средств, поступающих из различных источников; вложения мобилизованного капитала.

В соответствии с одним из принципов создания и функционирования кластеров – принципу государственно-частного партнерства функционирование кластеров предполагает получение всесторонней поддержки со стороны государства в рамках разработанных как в стране так и в регионах стратегических направлений и программ социально-экономического развития. Одной из основных форм финансового стимулирования государством развития кластеров выступает бюджетное финансирование.

Бюджетное финансирование кластеров представляет собой форму предоставления государством бюджетных средств на безвозвратной и возвратной основе предприятиям кластера для полного или частичного покрытия расходов, связанных с осуществлением текущей деятельности либо

осуществлением конкретных мероприятий, имеющих общедоказательное, региональное или локальное значение. Бюджетное финансирование осуществляется в соответствии с установленными принципами путем использования специальных форм и методов предоставления бюджетных средств (дотации, субсидии, субвенции); в ходе бюджетного финансирования действует государственный финансовый контроль за целевым, экономным и эффективным расходованием денежных средств.

Финансирование кластеров на федеральном уровне производится в соответствии с планом-заказом и планом развития, согласованным Министерством экономического развития и торговли России и Министерством финансов России. Средства кластерам выделяются из бюджета России на выполнение государственных инвестиционных программ, НИОКР, содержание объектов социальной инфраструктуры и др.

В настоящее время, по данным сайта Министерства экономического развития Российской Федерации, на федеральном уровне сформирован ряд механизмов, обеспечивающих финансирование мероприятий по развитию кластеров. В соответствии с Правилами предоставления средств федерального бюджета, предусмотренными на государственную поддержку малого предпринимательства, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2005 г. № 249, на конкурсной основе осуществляется предоставление субсидий субъектам Российской Федерации на финансирование мероприятий, предусмотренных в соответствующей региональной программе. Данный механизм обеспечивает возможность финансовой поддержки реализации проектов в области содействия повышению качества менеджмента, развития механизмов субконтракции и содействия повышения качества продукции у предприятий-поставщиков, реализации коллективных маркетинговых проектов, создает возможности для максимально гибкого использования финансовой поддержки субъектов Российской Федерации в целях реализации широкого спектра кластерных проектов. Благоприятные возможности для развития кластерных проектов оказывает использование потенциала особых экономических зон технико-внедренческого, промышленно-производственного, туристско-рекреационного и портового типа, создаваемых в соответствии с Федеральным законом «Об особых экономических зонах» от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ, а также технопарков, создание которых осуществляется в рамках реализации государственной Программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 328-р. Дополнительные предпосылки к развитию кластеров на базе наукоградов обеспечиваются в рамках предоставления финансовой поддержки на строительство инновационной, социальной и инженерной инфраструктуры, осуществляемой из средств федерального бюджета в соответствии с Федеральным законом «О статусе наукограда Российской Федерации» от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ.

Точкой отсчета субсидирования региональных кластеров в России является 2012 год. Распределение средств субсидий в обобщенном виде, представленных в 2013-2014 гг. из Федерального бюджета регионам на реализацию мероприятий в рамках программ развития пилотных инновационных территориальных кластеров, представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение средств субсидий, представленных в 2013-2014 гг. их бюджета Российской Федерации региональным бюджетам на реализацию развития пилотных инновационных территориальных кластеров.

Направления поддержки территориальных кластеров	Объем субсидий, млн. руб.	
	2013	2014
Разработка и содействие реализации проектов развития кластера выполняемых совместно 2 и более организациями-участниками	155,16	175,79
Оказания содействия организациям-участникам кластера в выводе на рынок новых продуктов, услуг, развития кооперации организаций-участников в научно-технической сфере, в том числе с иностранными организациями	39,96	157,24
Профессиональная переподготовка, повышение квалификации и проведение стажировок работников организаций-участников кластера (в том числе и за рубежом)	135,04	233,22
Проведение выставочно-ярмарочных мероприятий а также участие представителей организаций-участников кластера в выставочно-ярмарочных мероприятиях (форумы, конференции, семинары, круглые столы) в РФ и за рубежом.	16,51	104,18
Развитие инновационной и образовательной инфраструктуры	923,67	1814,77
Развитие инженерной и социальной	29,66	14,8
ИТОГО	1300	2500

Анализ данных в таблице свидетельствует, что в 2013 году из 1,3 млрд. руб. федеральных субсидий, полученных 13-ю кластерами, на развитие инфраструктуры было направлено примерно 74% выделенных средств, и лишь около 26% - на обеспечение деятельности специализированных организаций, осуществляющих методическое, инфраструктурное, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение кластеров.. Основной объем субсидий также предусматривался на инфраструктурные проекты: среди финансируемых мероприятий можно выделить строительство дорог, очистных сооружений, сетей, водопроводов др. Полученные результаты, позволяют сделать следующие выводы. Финансовый аспект современной государственной кластерной политики состоит из двух частей. Первая – это создание базы для тех мероприятий, которые в предстоящем плановом периоде необходимо профинансировать в обязательном порядке вне зависимости от позиции бюджетной классификации. Вторая часть – это средства, направляемые на содержание управляющих организаций, работа которых содействует развитию территориальных кластеров, и по содержанию оценивается экспертами как посевной венчур.

В этом случае эффективной формой финансирования проектов развития кластеров является деятельность ряда институтов развития – целевых внебюджетных фондов, включая Инвестиционный фонд Российской Федерации, государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

Необходимо отметить, что по данным Министерства экономического развития Российской Федерации стадии практической реализации к настоящему времени достигла лишь относительно небольшая часть проектов развития кластеров. По ряду приоритетных направлений кластерной политики работы еще не начаты. В частности, ограничен набор инструментов финансовой поддержки кластерных проектов из бюджетных источников. В 2016 году в процессе реализации антикризисной программы Правительством РФ были введены ограничения финансовых ресурсов на фоне дефицита бюджетных средств и превалировании краткосрочных финансовых обязательств.

Учитывая ограниченный объем бюджетного финансирования и средств внебюджетных фондов, необходимо развитие комплекса мер по стимулированию развития иных источников финансирования кластеров, таких как частные капиталовложения, собственные средства предприятий, кредитные продукты коммерческих банков.

В случае если, предприятия, испытывают потребность в инвестициях, то могут осуществлять дополнительное размещение акций с использованием первичного размещения акций предприятия по открытой подписке - Initial Public Offering (далее - IPO). По мнению авторов, финансирование за счет эмиссии обыкновенных акций имеет следующие преимущества:

- данный источник не предполагает обязательных выплат, решение о дивидендах принимается Советом директоров и утверждается общим собранием акционеров.

- акции не имеют фиксированной даты погашения, так как это постоянный капитал, который не подлежит «возврату» или погашению.

Проведение IPO существенно повышает статус предприятия как заемщика (повышается кредитный рейтинг, по оценкам экспертов, стоимость привлечения кредитов и обслуживания долга снижается на 2-3% годовых), акции могут также служить в качестве залога по обеспечению долга. Обращение акций предприятия на биржах предоставляет собственникам более гибкие возможности для выхода из бизнеса. Повышается капитализация предприятия, формируется рыночная оценка его стоимости, обеспечиваются более благоприятные условия для привлечения стратегических инвесторов. Эмиссия акций создает положительный имидж предприятия в деловом сообществе, в том числе и международном.

Еще одним важнейшим источником самофинансирования предприятий кластеров являются амортизационные отчисления. Преимущество амортизационных отчислений как источника развития заключается в том, что он существует при любом финансовом положении предприятия и всегда остается в его распоряжении.

Финансирование кластеров с привлечением заемных средств включает: выпуск облигационных займов, лизинг, банковское кредитование.

Облигационный займ является одним из наиболее эффективных инструментов привлечения внешних источников финансирования. Облигация является ценной бумагой, удостоверяющей отношения займа между ее владельцем (кредитором, или инвестором) и лицом, выпустившим ее (заемщиком, или эмитентом). Главное ее достоинство состоит в том, что она является наиболее действенным и эффективным инструментом, позволяющим, не перераспределяя собственность, аккумулировать средства инвесторов и обеспечить предприятиям кластера доступ на рынок капиталов.

Эмиссия облигаций – удобный способ мобилизации капитальных фондов, содержащий ряд привлекательных черт для предприятий кластера. Основными преимуществами облигационного займа как инструмента привлечения инвестиций с точки зрения предприятия-эмитента являются:

- возможность мобилизации значительных объемов денежных средств и финансирования крупномасштабных инвестиционных проектов и программ без угрозы вмешательства инвесторов (владельцев облигаций) в управление его текущей финансово-хозяйственной деятельностью;

- возможность маневрирования при определении характеристик выпуска;

- возможность аккумуляции денежных средств частных инвесторов (населения), привлечения финансовых ресурсов юридических лиц на достаточно длительный срок

Перед предприятиями кластеров часто возникает проблема поиска и привлечения долгосрочных инвестиций для расширения производства, приобретения современного оборудования и внедрения новых технологий. В условиях отсутствия достаточных собственных финансовых ресурсов одним из наиболее доступных и эффективных способов финансирования развития производства становится лизинг. Основные преимущества лизинга как способа финансирования состоят в следующем: обеспечением лизинговой сделки служит получаемое в лизинг имущество, которое в случае невыполнения арендатором обязательств арендодатель может себе вернуть; арендные платежи начинаются после поставки оборудования лизингополучателю; имеется возможность постоянного обновления оборудования; весь риск морального старения оборудования лежит на арендодателе; арендная плата полностью относится на издержки производства, снижая налогооблагаемую прибыль. Зарубежный опыт показывает, что лизинг способствует быстрой смене основных фондов и технологий в целях стимулирования производства новой техники. И способствует активизации производства, основанное на передо

Одним из ключевых факторов финансового механизма, гарантирующего непрерывность движения финансовых средств на всех жизненных стадиях развития кластеров, является региональный банковский сектор. Приоритетное значение в развитии кластеров, отводимое именно региональному банковскому сектору, по сравнению с кредитными организациями федерального уровня обусловлено следующими причинами. Региональные банки, как правило: а) характеризуются более высоким уровнем социальной ответственности, чем федеральные банки, б) в большей степени ориентированы на долгосрочное сотрудничество с населением и региональным бизнесом и, как следствие, заинтересованы в сбалансированном развитии регионов, в) характерна меньшая валютизация пассивов, что позволяет им держать существенно меньшую долю валютных активов и предоставлять наиболее востребованные кредитные ресурсы в рублевом эквиваленте. За счет специализации региональные банки способны быть более эффективными.

Рассмотренные финансовые инструменты кластерного развития регионов имеет свои преимущества и недостатки и может использоваться совместно с другими источниками в форме смешанного финансирования.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что финансовые инструменты кластерной политики в настоящее время, не в полной мере ориентированы на учет приоритетных направлений развития кластеров в рамках конкретных территорий.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В РОССИИ¹

*Масленников М.И., д.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

За последние годы существенно изменилась социально-экономическая и финансовая ситуация в стране и регионах. Так, замедление экономического роста в стране обозначилось еще в 2009 г., когда ВВП страны упал до минус 7,8%, с последующим затуханием с 4,5% в 2010 г. и по 1 п.п. в год до 0,6% в 2014 г. и до минус 3,9% в 2015 г., промышленное производство в 2015 г. сократилось на 3,3%, а дефицит федерального бюджета достиг 2,4% ВВП, или 1,955 трлн руб., инфляция подскочила с 5,1% в 2012 г. до 12,9% в 2015 г., ВВП вырос в 2016 г. до 86043,6 млрд руб., против 80412,5 млрд руб. в 2015 г., объем внешнеторгового оборота страны за 2012-2016 гг. сократился с 839,5 млрд долл. до 471,2 млрд долл., снизились объемы привлекаемых иностранных инвестиций, все это в совокупности привело к весьма серьезным перекосам во всем воспроизводственном механизме страны.

Выступая на XX Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2016 г. Президент страны В.В.Путин был вынужден признать, что «перезапустить рост пока не удастся»². Сложившаяся ситуация подстегивает поиск новой стратегии и подходов, способных стимулировать экономическое развитие страны. Один из важнейших инструментов экономического роста – наращивание инвестиций в основной капитал. Хотя в абсолютных объемах они и растут, но их доля в ВВП страны за последние 16 лет продолжает оставаться довольно низкой, порядка 20% и задача состоит в том, чтобы повысить эту долю до хотя бы 24% ВВП, при этом максимально задействуя все факторы производства (труд, земля, капитал, менеджмент) и дополнительные источники роста. Так, правительство Среднего Урала поставило задачу в своей «Стратегии социально-экономического развития на период 2016-2030 гг.» повысить долю региона в общем объеме инвестиций в основной капитал РФ к 2030 г. до 3%, против 2,7% в 2014 г., что позволит области войти в пятерку субъектов РФ по объему инвестиций в основной капитал.

Предполагается, что в предстоящие годы продолжится инвестиционный спад, который был отмечен уже в 2013 г., когда инвестиции в основной капитал сократились на -0,3 %, на -3,5% в 2014 г. и на -8,4% в 2015 г.

Положение осложняется тем, что возрастает доля износа основных фондов России – с 45,3% в 2008 г. до 49,4% в 2014 г. Наиболее высокие показатели износа основных фондов в отраслях материального производства (добыча полезных ископаемых – 55,8%, обрабатывающие производства – 46,9%, строительство – 51,2%), при этом коэффициент обновления производственных мощностей в отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности остается крайне низким – 6,9% в 2014 г. что существенно снижает возможности промышленного парка наращивать объемы производства высокотехнологичной и конкурентоспособной продукции.

¹ Работа написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-02-00587а.

² [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>/Дата обращения: 17.06.2016); по данным Федеральной таможенной службы РФ. [Сайт]: <http://www.customs.ru>

Таблица 1.

Инвестиции в основной капитал РФ и регионов УрФО (в фактически действовавших ценах; млрд руб.)³

Год	2000	2011	2012	2013	2014	2015
ВВП	7306	55967	62176	66190	71406	80412
Инвестиции в основной капитал	1165,2	11035,7	12586,1	13450,2	13902,6	14555,9
Темп прироста, %	-	10,8	6,8	0,8	-1,5	-8,4
в % к ВВП	19,8	19,2	19,5	19,5	20,6	20,7
УрФО	250,7	1838,3	2037,6	2167,6	2368,5	2514,1
Курганская область	2,5	29,9	36,2	33,2	32,8	27,5
Свердловская область	25,9	333,5	351,6	352,9	371,6	350,4
Тюменская область, в том числе:	200,1	1298,4	1457,0	1566,7	1736,2	1923,4
Ханты-Мансийский АО-Югра	107,2	634,0	671,1	718,9	733,9	905,9
Ямало-Ненецкий АО	82,5	477,1	581,0	603,2	754,2	776,7
Челябинская область	22,3	176,6	192,8	215,0	227,9	212,8

Обновление основных фондов замедляется ввиду отсутствия собственного производства целого ряда технологического оборудования, при высокой зависимости отечественных производителей от импорта материалов и комплектующих. Так, самообеспеченность отечественной экономики составила в 2015 г. по кузнечно-прессовому оборудованию 6%, по станкам металлорежущим – 6%, по металлургическому оборудованию – 25%, горному оборудованию – 30%, оборудованию для нефте-, газодобычи – 30%, по подъемно-транспортному оборудованию – 35%⁴.

Анализ инвестиций в основной капитал по источникам финансирования показывает, что доля собственных средств сократилась с 47,5% в 2000 г. до 41,0% в 2010 г., а затем вновь возросла до 48,1% в 2014 г., причем резко упала доля привлеченных средств (кредиты банков, заемные средства других организаций, бюджетные средства, средства внебюджетных фондов и т.п.) – с 59,0% в 2010 г. до 51,9% в 2014 г.⁵ При этом усиливается тенденция снижения роли и участия государства в инвестировании в основной капитал – с 31,3% в 1995 г. до 13,9% в 2014 г. и росте частного капитала – с 13,4% в 1995 г. до 57,9%.

Сжатие источников финансирования, в том числе и внешних, заставляет предприятия активнее использовать собственные средства (прибыль, амортизационные отчисления, нераспределенная прибыль, непрофильные активы).

Отраслевое распределение инвестиций в основной капитал показывает, что основная его часть, или 2171,6 млрд руб. в 2014 г. была направлена в добычу полезных ископаемых (более 60%), 599,3 млрд руб. – в оптовую и розничную торговлю, 498,5 млрд руб. – в сельское хозяйство, 249,4 млрд руб. – в производство пищевых продуктов, 195,2 млрд руб. – в металлургическое производство и лишь 99,8 млрд руб. – в производство машин и оборудования⁶.

³ Свердловская область в 2011-2015 годах: Стат.сб. Екатеринбург. 2016. –С.18; Общество и экономика. 2016. № 4. С. 121-122; Экономика и управление. 2015. № 10 (120). –С.20.

⁴ Тополева Т.Н., Ишманова М.С. Экономическая сущность импортозамещения// Проблемы региональной экономики. 2016. № 1-2. –С.86.

⁵ Гончаров В., Семина М. Инвестиционная политика на современном этапе// Инвестиции в России. 2016. № 2 (253). –С.11.

⁶ Доклад Столыпинского клуба «Экономика роста»: основные положения//Международная экономика. 2016. № 6. – С.17-27.

Суть концептуальных подходов в выборе приоритетов по реформированию промышленности, в том числе и Уральского региона, в том, что они в большей мере не учитывают состояние производственной базы предприятий, осуществляющих производство и закупки оборудования, которые при всем их желании «закупить российское» не в состоянии, поскольку производство нужных машин, оборудования, транспортных средств, а порой сырья и материалов для их производства на территории страны или регионов недостаточно. Многие из ранее функционировавших производств были просто ликвидированы или распроданы в 1990-е годы. Это привело к тому, что доля предприятий в отраслях, столкнувшихся с отсутствием отечественных аналогов оборудования и сырья составила (на начало 2015 г.) в: черной металлургии России 76%, цветной металлургии – 75%, машиностроении – 59%, леспроеме и легпроме – по 72%, химпроме – 72%, пищепроме – 68% стройматериалов – 22%.⁷ Это вынуждает предприятия задействовать имеющиеся отечественные резервные и иные производственные мощности и диверсифицировать импортные закупки.

Консервация и поддержка «вчерашних технологий», формирование догоняющего типа воспроизводства, особенно в условиях ужесточения и установления разного рода финансовых и иных санкций со стороны правительств западных стран, лишь усугубляют ситуацию в промышленности, стагнируя ее развитие.

Как видится, для выправления складывающейся ситуации необходимо кардинально трансформировать бюджетно-налоговую и кредитно-денежную политику, активизировать использование амортизационного инструментария стимулирования экономического роста, переводить предприятия с морально и физически изношенным оборудованием на особый режим инвестирования, в том числе и через принудительную реновацию, реконструкцию, модернизацию, оптимизацию, а порой и банкротство, подтягивания до уровня требований современного научно-технологического прогресса. Это касается как старопромышленных регионов России, так и формируемых территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), использования созданного научно-технологического потенциала ЗАТО и моногородов.

Привлечение иностранного капитала – одна из приоритетных сфер деятельности. Особую роль в нем играют прямые иностранные инвестиции, позволяющие получить прямой доступ к зарубежным ресурсам по низким процентным ставкам (1-3% годовых, против 10-14% из российских источников), приобщиться к новым технологиям через покупку патентов, лицензий, ноу-хау, промышленных образцов, привлечения инжиниринга, результатов научных исследований, управленческих навыков, инновационным товарам и услугам. Такого рода опыт уже наработан и апробирован Японией в 1960-е годы, Южной Кореей, Тайванем, Гонконгом, Сингапуром, а ныне активно претворяется в КНР, что неизбежно ведет к повышению конкурентоспособности промышленности, ее экономическому росту и на этой основе и улучшению жизненного уровня населения страны. Пока же ситуация и в этой сфере складывается не в пользу российских производителей. Так, объем прямых иностранных инвестиций в экономику России вырос с 4,4 млрд долл. в 2000 г. до 26,1 млрд долл. в 2013 г., а затем, особенно со второго квартала 2014 г., стал резко падать, достигнув 21 млрд долл. и всего 2,81 млрд долл. в 2015 г.⁸

⁷ Цухло С. Как победить засилье импорта//Эксперт. 2015. № 12 (938). (16-22 марта). –С. 40-42.

⁸ Зименков Р. Прямые иностранные инвестиции и их влияние на экономику США и России// Инвестиции в России. 2016. № 10 (261).–С.20-24.

Привлечение иностранных инвестиций в национальную, региональную и отраслевую экономику является важнейшей частью инвестиционной стратегии во всех странах мира, мощным инструментом и источником преобразований в экономике и социальной сфере. Привлекаемый иностранный капитал стимулирует экономическое развитие, передачу технологий, опыта, снижает стоимость предлагаемых денежных средств на внутреннем рынке, стабилизирует национальную валюту, рассасывает безработицу, адаптирует отечественную экономику к передовым зарубежным технологиям, маркетингу, менеджменту.

Объемы привлекаемых иностранных (внешних) инвестиций являются своего рода индикаторами продвинутой региона (отрасли) в рыночных преобразованиях, емкости рынка, его ресурсного и производственного потенциалов, стоимости рабочей силы, степени защищенности инвестора. Однако эти объемы находятся в определенной степени под воздействием прямых и косвенных ограничителей. К прямым ограничителям относят законодательные и иные запреты на инвестиционную деятельность в отрасли или регионе. К косвенным — разного рода квоты, стандарты, тарифы и т. п.

Таблица 2.

Объемы накопленных, предоставляемых и привлекаемых прямых иностранных инвестиций в экономику РФ, млрд долл.⁹

Прямые иностранные инвестиции/Год	2011	2012	2013	2014	2015
Объем накопленных ПИИ	455,9	496,4	565,7	353,4	-
Объем предоставленных ПИИ Россией	66,8	48,8	86,5	57,0	22,1
Объем поступивших ПИИ в Россию	55,0	50,5	69,2	22,0	6,4
в том числе в:					
Республику Башкортостан	0,270	-0,546	0,192	0,248	0,015
Удмуртскую Республику	0,073	0,299	0,503	0,194	0,185
Оренбургскую область	0,3	0,092	0,083	-0,232	-0,365
Пермский край	-1,1	-0,4	-0,8	-1,2	-0,4
Средний Урал	-2,2	4,6	-0,359	-0,4	-0,9
Южный Урал	-0,09	0,251	0,728	0,987	0,721
Тюменскую область	5,3	1,2	10,5	6,9	8,8

Как видно из приведенных данных наиболее привлекательными для инвестиционной деятельности среди регионов Урала является Тюменская область, с ее богатейшими запасами нефтегазовых ресурсов.

Инвестиционные ресурсы зарубежных инвесторов формируются из прямых и портфельных инвестиций, торговых и банковских кредитов, внешнеэкономических операций (товаров и услуг), трансфертов, концессий, совместной деятельности, разного рода возмездной и безвозмездной гуманитарной помощи (товарной, консалтинговой, информационной и т. п.), ценных бумаг и золотовалютных ресурсов.

Под прямыми понимаются инвестиции, сделанные юридическими или физическими лицами, полностью владеющими организацией или контролирующими не менее 10% акций или уставного (складочного) капитала организации. Портфельные инвестиции – покупка акций, паев, облигаций, векселей и других долговых ценных бумаг. Они составляют менее 10% в уставном (складочном) капитале организации. Инвестиции, не подпадающие под определение прямых и портфельных, указываются как прочие – торговые кредиты, кредиты

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Стат. сб./ Росстат России. М., 2016.—С. 1265; Российский статистический ежегодник. 2016. Стат. сб./ Росстат. М., 2016. - С.593.

правительств иностранных государств под гарантии Правительства Российской Федерации, прочие кредиты (кредиты международных финансовых организаций и т. д.), банковские вклады.

Снижение основных макроэкономических показателей отмечается и во внешнеэкономической деятельности России и ее регионов, хотя эта сфера становится одной из действенных форм привлечения финансовых ресурсов по стимулированию развития регионов. Так, внешнеторговый оборот в России, достигнув своего максимума в 2008 г. 763,5 млрд долл. затем снизился до 469 млрд долл. в 2009 г., вернувшись на докризисный уровень лишь в 2011 г., (832,0 млрд долл.) и медленно рос в последующие годы, достигнув 842,2 млрд долл. в 2013 г., а затем вновь снижался до 804,7 млрд в 2014 г., 530,4 млрд в 2015 г. и 473,24 млрд долл в 2016 г. (См. табл. 3).

Таблица 3

Внешняя торговля РФ и регионов Урала, млрд долл. ¹⁰

Показатели	Год	РФ	Республики		Области					
			Башкортостан	Удмуртская	Курганская	Оренбургская	Пермский край	Свердловская	Челябинская	Тюменская
Экспорт	2010	396,6	9,3	0,2	0,2	2,9	4,3	9,0	5,1	4,5
Импорт		229,0	0,6	0,25	0,1	1,1	0,6	3,4	2,9	2,1
Экспорт	2011	526,4	10,7	1,1	0,3	2,3	6,9	8,8	5,4	6,0
Импорт		305,6	0,9	0,4	0,1	0,9	0,8	3,8	2,4	3,9
Экспорт	2012	525,3	13,1	2,1	0,3	3,7	8,6	10,7	5,8	61,8
Импорт		314,1	1,3	0,4	0,1	1,1	0,9	4,0	3,8	2,4
Экспорт	2013	527,2	1,4	1,2	0,4	3,5	7,4	8,7	5,3	49,3
Импорт		314,9	1,1	0,7	0,1	0,8	1,1	4,1	4,0	2,0
Экспорт	2014	496,7	1,2	1,2	0,2	2,2	7,6	7,6	4,1	22,5
Импорт		308,0	1,0	0,6	0,1	0,6	1,0	3,0	1,6	2,0
Экспорт	2015	340,3	7,5	0,6	0,2	2,4	6,3	7,3	4,3	15,3
Импорт		194,1	0,6	0,4	0,07	0,6	0,6	3,0	1,9	1,9
Экспорт	2016	281,8	-	0,5	-	-	-	7,1	3,8	-
Импорт		191,4	-	0,2	-	-	-	2,5	1,8	-

В связи с исчерпанием источников и резервов экономического роста в стране и регионах Урала на той же воспроизводственной и технологической основе, как нам видится, основным направлением деятельности предприятий, бизнеса и общества должно быть усиление ориентации на импортозамещение, повышение эффективности использования существующих производственных мощностей, интеллектуального капитала и финансовых ресурсов, что позволит решить ряд острых проблем по модернизации производства.

¹⁰ По данным Федеральной таможенной службы РФ. [Электронный ресурс]. URL.:<http://www.customs.ru> (Дата обращения:11.06.2017).

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ УРАЛА С УЧЁТОМ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Мелентьев Б.В., д.э.н.
ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

Современные инструментальные средства позволяют дополнять обычные межотраслевые прогнозы по показателям выпуска и поставок продукции расчётными показателями цен, доходов населения, отраслей, бюджетов и т.д. В докладе приводится предмет прогноза в разрезе 53 видов деятельности, и двух пятилетних периодов по 2025 г., выполненный с помощью межрегиональной модели «Платежи-доходы».

Используемый новый инструментарий – межрегиональный финансовый баланс (МФБ) является развитием метода «затраты–выпуск» и классической межрегиональной межотраслевой модели (А.Г.Гранберг) до постановок, обеспечивающих расчеты прогнозов, как в натурально-продуктовом (материально-вещественном) составе, так и в финансовом, в расчетных текущих ценах в годовой разбивке на рассматриваемом временном периоде (рис. 1, блок 1–2). Возможность такого отдельного рассмотрения двух сфер экономических процессов определяет нашу версию моделей как относительно компактное средство межрегионального анализа, сохраняющего комплексный подход к прогнозированию и изучению проблем взаимосвязанного развития регионов. Инструмент обеспечивает (кроме региональных выпусков продукции, капитальных вложений, конечного потребления) получение значений межрегиональных потоков продукции (модель 1). Расчет укрупненных индексов цен позволяет получать финансовые показатели в соответствии с включенными условиями (модель 2).

Следует отметить также, что ранние исследования не предполагали инструментального согласования расчетов по прогнозам регионального развития производительных сил в материально-вещественном составе с расчетами по прогнозам цен. Возможно, на тематику оказывала влияние действующая в то время форма управления и регулирования экономикой – преимущественно по плановым заданиям. Данная система управления могла себе позволить более низкие требования к финансам и ценам на региональном уровне и следить за сбалансированностью финансов лишь в целом

1. Многорегиональная модель «затраты–выпуск» (опорная). *Специфические показатели:* региональные выпуски продукции, межотраслевые межрегиональные поставки продукции в натуральном или денежном выражении в измененных по годам ценах

2. Многорегиональная модель «платежи–доходы» (МФБ).
Специфические показатели: межотраслевые межрегиональные финансовые потоки, инвестиции, доходы населения, бюджеты, кредиты, расчетные текущие цены

Рис. 1. Состав показателей, получаемых на основе решения задач по моделям

по стране и крупным отраслям. В условиях расширения экономических методов управления и усиления мер использования инструментов государственного регулирования через экономическую среду (налоги, цены, дотации, процентные ставки, рентабельность) возрастало внимание к моделированию финансового

сектора. На современном этапе при смешанной организации экономики (государство и рынок) институты финансов и цен имеют несоизмеримо большее значение, чем при плановой экономике прошлых лет. В частности, требуется их строгая детализация для регионального уровня, так как сбалансированности в целом только на народнохозяйственном уровне уже не достаточно для действенности расширенного механизма экономического регулирования на реальном пространстве территорий. Поэтому в настоящее время исследования и разработка соответствующих инструментов прогнозирования становятся более востребованными.

Используемый нами вариант опорной задачи (рис. 1, модель 1) отражает последствия мирового экономического кризиса и известных событий на Юго-востоке Украины и Юго-западе России, повлекшие за собой санкции против нашей страны. Очевидная задача экономистов – в ожидаемых прогнозах дать количественную оценку их последствий. Вариант соответствует средним, близким к отчетным, трендам развития экономики районов страны, включая вероятную относительно менее благоприятную комбинацию внешних и внутренних условий.

В качестве исходных посылок для текущего прогноза естественно считать принятыми шаги с противоположной стороны в направлении ограничения нашего экспортного рынка. Их реализация снизит поступление валюты и соответственно сократит возможности необходимых для России импортных поставок. Расчеты показывают (табл. 1 и 2) ожидаемые последствия от сокращения экспорта топливно-энергетических ресурсов с 2014 по 2020 г. на 30% относительно предполагавшегося ранее по базовому (опубликованному в 2013 г. федеральному прогнозу развития). Они характеризуют потери и уменьшение абсолютных значений темпов роста валового выпуска, конечного потребления и инвестиций. Наиболее серьезные потенциальные потери в сравнении с ожидавшимися ранее перспективами возможны за пределами пятилетки (2016–2020 гг.). В следующей пятилетке экономика страны восстанавливает неплохой положительный темп (0,6% прироста). По показателю конечного непроизводственного потребления снижение фиксируется лишь в последние годы прошедшей пятилетки 2011–2015 гг., в последующем его динамика превышает темп валового выпуска не менее чем на 2 п.п. Данный вариант является вынужденно сдержанным, включая и по объему инвестиций. (Желательный их рост необходим за счёт внутренних вложений, так как за иностранными финансовыми инвестициями идут зарубежные поставки с будущей новой иностранной технологической зависимостью.) Тем не менее, по инвестиционным издержкам степень отличия от базового прогноза относительно менее значительна, чем по более низким значениям валового выпуска. Это косвенно говорит о необходимости в будущем более повышенных затрат капитального характера на внутреннюю перестройку производства, чем по сдержанному прогнозу. После 2030 г. экономика развивается в стационарном положительном режиме, причем в более прогрессивном структурном составе, но относительных потерь было бы меньше при выполнении посылок базового прогноза, т.е. без санкций.

Поэтому нами был сформирован ещё один вариант (максимальный) с повышенными инвестициями на 1-2 п.п. и нарастающим указанным превышением с 2025 г. (6,0-8,7% по России среднегодовых темпов по пятилеткам по 2035 г., по Тюменской области 2,9-8,3%, по остальной части Уральского ФО 3,8-7,5%). В результате такой политики появляется возможность обеспечить рост

валового выпуска по России с 2020-2035 гг. не меньше 1,7-4,3%, (1,1-8,1% в Тюменской области, 0,3-4,1% в остальной части Уральского ФО). Указанный прогноз характеризуется положительной динамикой поставок продукции по всем выделенным районам, что подтверждается и расчётными выходными показателями (Табл.1).

Таблица 1

Относительные показатели поставок продукции (%)					
Годы	2015	2020	2025	2030	2035
Объёмы поставок (отправление) к объёмам производства					
Урал без Тюменской обл.	23	21	23	27	27
Тюменская область	47	45	46	44	37
Объёмы поставок (прибытие) к объёмам потребления					
Урал без Тюменской обл.	34	36	39	46	47
Тюменская область	10	14	14	15	13

Для данного варианта материально-вещественного прогноза построены финансовые показатели, включая отраслевые и региональные ценовые показатели, обладающие свойствами текущих укрупненных цен. (Среднегодовой общеотраслевой индекс изменения для них составил по расчётам 5,8% (2016-2020гг.), 1,6% (2021-2025гг), Переоценка в них доходов, налогов, банковских кредитов и денежной эмиссии (Табл.2) обеспечивает финансовую сбалансированность деятельности по территории страны между всеми субъектами, включенными в задачу.

Первые экспериментальные расчёты¹ по подготовке региональных финансовых задач, как продолжение тематики межрегиональных исследований, показали возможность оценки уровня межотраслевых платежей и их влияние на аналитическую базу прогнозов развития. Получаемые в результате решения финансовых задач, ценовые индексы показывают значительное влияние региональных условий и отраслевой «налогооблагаемой базы» на финансовые результаты хозяйственной деятельности в районах, включая и рентабельность.

Безусловно, принятие любого регулирующего решения в финансовой сфере (процентных ставок по регионам, налогов и др.) вызывает изменения в уровне текущих цен, условиях рентабельности и т.д. Они формируют финансовые состояния, предсказать которые заранее с помощью традиционных экономических инструментов очень трудно из-за тесной взаимной связанности процессов производства, потребления и их финансирования. По результатам расчётов при сохранении отчетных отраслевых тенденций потребности в кредитах, уровня возвратности кредитов, иностранных заимствований ожидаются следующие показатели финансовых пропорций в текущих ценах года прогноза (табл. 2). Показательно, например, что при почти 6%-й среднегодовой

¹ Мелентьев Б.В. (2013) Оценка вариантов политики экономического регулирования с помощью межрегионального инструментария «платежи–доходы» // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 102–113.; Суслов В.И., Костин В.С., Забияко Г.И., Котельников Е.А., Мелентьев Б.В. (2011). Модельно-программный комплекс прогнозирования укрупнённых финансовых потоков по отраслям и регионам страны. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011617654. М.: Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам... – зарегистрировано 30.09.2011.

инфляции по ценам экономика обеспечивает не превышающий ее рост фонда заработной платы (за исключением Тюменской области). Однако, это требует превышающей динамики налоговых поступлений, обеспечивающих, ежегодный прирост доходов региональных и федеральных бюджетов. При этом политика кредитной эмиссии и ставок рефинансирования ЦБ для региональных коммерческих банков характеризуется относительно уменьшающейся динамикой общего роста денежной массы от 11% ежегодного прироста в прошедшей пятилетке до почти 6% и меньше в периоде 2020–2025 гг.

Получаемые расчётные показатели во многом определяются исходными посылками по условиям, которые необходимо оценить с помощью межотраслевого инструментария. В частности, некоторое уменьшение значений темпов изменения кредитов определяется снижением ключевой ставки ЦБ. Следует отметить, что общий рост денежной массы обеспечивается экономическим приростом продукции по постановке задачи. Это не всегда можно сказать о реальной ситуации, где требуются встречные серьёзные

Таблица 2.

Динамика среднегодовых темпов изменения прогнозных финансовых показателей (доходы и денежные потоки), %

Годы	2016– 2020гг.	2021– 2025гг.	2016– 2020гг.	2021– 2025гг.
	Россия		Сибирь	
Доходы населения	105,1	102,4	106,5	102,0
Региональные	109,3	106,1	108,4	107,5
Региональные	105,5	100	98,9	79,8
Федеральный бюджет	106,4	103,1	114,3	109,9
Денежная масса (ЦБ)	105,6	100,0	105,6	99,2
	Тюменская обл.		Ост.часть Урал.ФО	
Доходы населения	108,3,0	106,3	106,3	104,4
Региональный	105,3	102,0	109,0	102,0
Региональные	95,9	83,2	107,8	101,6
Федеральный бюджет	116,0	106,9	109,2	108,9

усилия в экономической политике по стимулированию производства. Этим и объясняется определённая осторожность ЦБ по сохранению высокой кредитной ставки.

Резюмируя в целом опыт работы и расчетов, можно сделать следующее заключение: в зависимости от поставленных аналитических проблем подбираются и соответствующие инструменты расчета. Используемые нами инструменты улучшают качество прогнозов, полученных традиционными методами за счёт комплексности и обеспечения общей сбалансированности. Фактически по созданным в ИЭОПП СО РАН межотраслевым и региональным инструментам и накопленному фактическому материалу для задач в 30–50-отраслевой классификации, 10–20-региональной сетке и пятилетних периодов с 2015 по 2035 гг. в настоящее время возможно сбалансирование большинства реальных задач сводного краткосрочного и стратегического прогнозирования, включающие как экономику федеральных округов, так и субфедерального уровня.

Указанные инструменты полезны для экспертов; они облегчают трудоемкость работ относительно быстрым получением «ожиданий» будущего экономического состояния при смене интервалов изменения различных входных

условий. По нашему мнению, развитие изложенного подхода моделирования является полезным и в учебном процессе, делая более прозрачными обычно трудные для понимания взаимосвязи между натурально-продуктовой и финансовой частями экономики. Конечно, метод очень трудоемок при информационном наполнении, но это является отражением реальной хозяйственной жизни.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

*Минеева Н.Н., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Современное состояние человеческого капитала агропроизводства отражает неоднозначность происходящих в этой сфере процессов, обусловленных влиянием экономических и социальных преобразований в России. При этом ситуация на рынке труда характеризуется большей напряженностью именно в сельской местности, где возможности трудоустройства и выбор вакансий сильно ограничены, а темпы роста и продолжительность безработицы выше, чем в городе, и превышают социально допустимый уровень.

В связи с этим актуальность приобретает разработка методологии прогнозирования рынка труда и персонала различных отраслей конкретной территории, а также влияния этих факторов на уровень жизни населения территории и состояние продовольственной безопасности региона и страны в целом. В частности, возникает необходимость в формировании системы социально-экономического мониторинга в аграрной сфере сельскохозяйственной территории, отражающей качество жизни населения трудоспособного возраста, изменение уровня профессиональной подготовки, соотношение социальной и экономической составляющих труда, а также динамику качества и стоимости труда и рабочей силы.

Социально-экономический мониторинг есть научно-обоснованная система периодического наблюдения, оценки, анализа и прогноза экономической и социальной обстановки отдельных регионов с целью обеспечения пользователей полной, достоверной и своевременной информацией для принятия соответствующих управленческих решений.

Социально-экономический мониторинг сельскохозяйственных территорий имеет особенности, обусловленные ослаблением прямой зависимости размещения трудовых ресурсов от природно-климатических факторов. Традиционная организация экономической деятельности (сельское хозяйство – в сельской местности, промышленность – в городах) сглаживается и теряет четкие границы под влиянием трансформации общества, урбанизации, диверсификации производства, появления новых отраслей, технологий, видов и форм занятости, разделения места работы и места проживания, и многих других факторов.

В отличие от городского населения, размещение которого находится в большей зависимости от уровня экономического развития и технической

оснащенности государства, на размещение сельских населенных пунктов большое влияние оказывают природно-географические факторы. Сокращение численности сельского населения привело к уменьшению количества сельских населенных пунктов, а также их густоты, что особенно характерно для севера Уральского региона.

Следовательно, информационная составляющая мониторинга человеческого капитала АПС должна включать совокупность комплексных показателей качества жизни сельского населения, в частности:

- показатели здоровья;
- соотношение доходов и потребления;
- условия жизни;
- социальная защита;
- демографические характеристики;
- доступность социальной инфраструктуры;
- экологические факторы;
- личная безопасность

И т.д.

Соответственно, программа социально-экономического мониторинга должна включать следующие показатели.

1. Отдача от средств, затраченных на формирование человеческого капитала в разрезе специальностей, определяемая отношением затрат к уровню производительности труда при среднеотраслевом ресурсном обеспечении.

$$I_1 = \frac{C_{ij}}{W_{ij}} \quad (1)$$

Где:

I_1 – индекс соотношения расходов на формирование человеческого капитала (руб./чел.) и производительности труда (руб. ВП/чел.)

C_{ij} – расходы на формирование человеческого капитала в i -ой агропредпринимательской деятельности в j -ом районе;

W_{ij} – производительность труда в i -ой агропредпринимательской деятельности в j -ом районе;

2. Характер и динамика уровня оплаты труда в отраслевом разрезе и уровне смертности сельского населения.

$$I_2 = \frac{\Delta Q_{pij}}{\Delta Q_{hij}} \quad (2)$$

Где:

ΔQ_{pij} – доля прироста по i -му виду агропредпринимательской деятельности в j -ом сельском районе;

ΔQ_{hij} – среднегодовой прирост номинального значения.

3. Соответствие уровня и своевременности подготовки кадров основных профессий инновационным преобразованиям в аграрном секторе.

$$I_3 = \frac{\Delta T_{ij}}{\Delta N_{ij}} > 1 \quad (3)$$

Где:

ΔT_{ij} – прирост числа квалифицированных кадров основных профессий в сельском хозяйстве региона;

ΔN_{ij} – доля увеличения числа инноваций по i -му виду агропредпринимательской деятельности в j -ом сельском районе.

4. Характер динамики уровня безработицы в сельских районах.

$$I_4 = \frac{\Delta U_{ij}}{\Delta U_i} \quad (4)$$

Где:

ΔU_{ij} – прирост / снижение уровня безработицы по i -му виду профессии в j -ом сельском районе;

ΔU_i – прирост / снижение уровня безработицы по i -му виду профессии в среднем по региону.

5. Состояние социальной инфраструктуры сельских территорий (в разрезе районов, населенных пунктов).

$$I_5 = \frac{\Delta V_j}{\Delta V_n} \quad (5)$$

Где:

ΔV_j – уровень обеспечения населения объектами социальной инфраструктуры в j -ом сельском районе;

ΔV_n – нормативное или среднее значение по региону.

6. Уровень мотивации при раскрытии профессиональных качеств работника как составляющей части человеческого капитала, определяемой как отношение средней производительности труда работников аграрной сферы к аналогичному показателю в инновационно ориентированных районах.

$$I_6 = \frac{\Delta W_{ij}}{\Delta W_{is}} \quad (6)$$

Где:

ΔW_{ij} – среднее значение производительности труда по i -ой специальности (профессии) в j -ом сельском районе (экономическом субъекте);

ΔW_{is} – среднее значение производительности труда по i -ой специальности (профессии) в инновационно ориентированном экономическом субъекте региона (отрасли).

Мониторинг включает также отслеживание значения среднего индекса, сопоставление его со значениями предшествующих периодов.

$$I_c = \frac{\sum I_i}{n} \quad (7)$$

Где:

$\sum I_i$ – сумма значений индекса за отслеживаемые периоды;

n – сумма индексов.

Аналогичным образом устанавливается изменение каждого отдельно взятого показателя, что позволяет своевременно отслеживать ситуацию, и применять организационно-экономические, технико-технологические и иные меры, обеспечивающие условия наиболее полного использования человеческого капитала.

Проведенный мониторинг человеческого капитала сельскохозяйственных территорий (таблица) по приведенным индикаторам лишь потенциально выражает зависимость эффективности человеческого капитала от качества жизни работников сельского хозяйства УрФО, результатов их труда, стоимость которого в настоящее время несоизмеримо мала в сравнении с трудовыми затратами. Низкая оплата труда и специфическая безработица на селе, продолжающаяся деградация сельскохозяйственных земель являются отрицательным мотивирующим фактором инновационных преобразований, что снижает интерес квалифицированных специалистов к аграрному производству. Сельскохозяйственный труд по-прежнему является малопривлекательным, предпосылки устойчивого развития сельских территорий и повышения уровня продовольственной безопасности за счет собственных внутренних резервов отсутствуют.

Показатель I_1 сформирован в разрезе районов Свердловской области по соотношению показателей расходов экономического субъекта на персонал (за исключением заработной платы) и производительности труда в стоимостном

выражении. В настоящее время более 1,3 тыс. рабочих мест в отрасли нуждаются в модернизации по причине низкой производительности труда, и это – почти треть рабочих мест, нуждающихся в модернизации по области в целом. Поэтому при расчетах среднеобластной показатель I1 принят за 1, а индекс в разрезе районов Свердловской области – относительно среднеобластного значения.

Таблица 1.

Рейтинг районов Свердловской области по индикаторам человеческого капитала (2014-2016 годы)

Районы	I1	I2	I3	I4	I5	I6	I7
Алапаевский	0,4	0,7	0,1	0,6	0,5	0,7	0,5
Артемовский	0,5	0,6	0,1	0,4	0,3	0,4	0,4
Артинский	0,4	0,5	0,1	0,7	0,5	0,5	0,5
Ачитский	0,4	0,5	0,1	0,3	0,4	0,5	0,4
Байкаловский	0,4	0,5	0,1	0,4	0,4	0,7	0,4
Белоярский	0,6	0,5	0,1	0,9	0,5	0,6	0,5
Богдановичский	0,6	0,5	0,1	0,8	0,5	0,2	0,4
Верхнесалдинский	0,3	0,6	0,1	0,7	0,5	0,3	0,4
Верхотурский	0,3	0,4	0,1	0,7	0,5	0,3	0,4
Гаринский	0,3	0,4	0,1	0,6	0,4	0,2	0,3
Ирбитский	0,5	0,8	0,1	0,9	0,4	0,3	0,5
Каменский	0,3	0,6	0,1	0,3	0,4	0,2	0,3
Камышловский	0,4	0,8	0,1	0,6	0,4	0,2	0,4
Красноуфимский	0,4	0,8	0,1	0,6	0,5	0,8	0,5
Невьянский	0,4	0,6	0,1	0,7	0,4	0,3	0,4
Нижнесергинский	0,4	0,7	0,1	0,8	0,5	0,7	0,5
Новолялинский	0,3	0,6	0,1	0,4	0,4	0,6	0,4
Пригородный	0,5	0,8	0,1	0,9	0,6	0,9	0,6
Пышминский	0,5	0,6	0,1	0,8	0,5	0,5	0,5
Режевский	0,3	0,5	0,1	0,7	0,4	0,4	0,4
Серовский	0,3	0,8	0,1	0,8	0,5	0,3	0,5
Слободо-Туринский	0,3	0,5	0,1	0,5	0,6	0,4	0,4
Сухоложский	0,3	0,6	0,1	0,7	0,5	0,4	0,4
Сысертский	0,5	0,7	0,1	0,9	0,6	0,8	0,6
Таборинский	0,3	0,4	0,1	0,6	0,4	0,2	0,3
Тавдинский	0,3	0,4	0,1	0,4	0,4	0,2	0,3
Талицкий	0,5	0,5	0,1	0,5	0,5	0,2	0,4
Тугулымский	0,3	0,3	0,1	0,3	0,3	0,4	0,3
Туринский	0,3	0,5	0,1	0,8	0,5	0,7	0,5
Шалинский	0,3	0,4	0,1	0,5	0,4	0,2	0,3

Аналогично сформирован и показатель I2, характеризующий динамику уровня оплаты труда в сельском хозяйстве.

Показатель I3, определяющий соответствие уровня и своевременности подготовки кадров основных профессий инновационным преобразованиям в аграрном секторе, установлен условно на крайне низком уровне для всех районов Свердловской области из-за отсутствия прироста квалифицированных кадров по причине увеличения числа инноваций в районах (прирост кадров наблюдался, в основном, по другим причинам). Доля организаций сельского хозяйства, осуществлявших какие-либо инновации в исследуемый период, в общей численности экономических субъектов области ничтожно мала.

Показатель I4, характеризующий динамику уровня безработицы в сельских районах, сформирован исходя из абсолютных показателей

безработицы в сельском хозяйстве района в сравнении со среднеобластным значением (6,6%).

При этом, за исследуемый период в удовлетворении потребности в работниках для заполнения вакантных рабочих мест наблюдается тенденция, при которой практически не требовались неквалифицированные работники и работники с низкой квалификацией (менее 0,4% от общей занятости). Вместе с тем, был высокий спрос на квалифицированных и высоко квалифицированных специалистов сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства – 2,2 тыс.чел. (4,4% от общей численности занятых) и 7,8 тыс.чел. (2,9% от общей численности занятых) соответственно.

Состояние социальной инфраструктуры сельских территорий (индекс I5) также оценивается как крайне низкий даже в сравнении со среднеобластным показателем, принятым за 1. Социальная инфраструктура практически всех сельских территорий слаборазвита. Так, в частности, уровень газификации сельского жилищного фонда составляет свыше 30% (по РФ – 51,1%), а уровень обеспеченности питьевой водой – 45%.

Уровень мотивации (I6) при раскрытии профессиональных качеств персонала определен как отношение средней производительности труда работников аграрной сферы к аналогичному показателю в округе. Расчет основан на допущении, что уровень мотивации персонала аграрной сферы в большей степени имеет привязку к конкретной территории, чем к отрасли. Соответственно, определяющие показатели производительности труда соотносились с аналогичными показателями конкретной территории (Северный, Западный, Восточный, Южный, Горнозаводской округа и агломерации вне округов).

Анализ социально-экономического и демографического положения УрФО позволяет делать вывод о том, что состояние социальной инфраструктуры села находится в критическом состоянии. Уменьшается численность сельского населения. Поэтому очень важна разработка и осуществление адекватной региональной демографической и социальной политики, так как достойное образование, качественная медицина, наличие рынка жилья, доступ к культурным ценностям и другие элементы инфраструктуры обеспечивают более привлекательные условия жизни населения и способствуют повышению качественных характеристик трудовых ресурсов села.

Одной из главных проблем сельского рынка труда являются низкие качественные характеристики представленной рабочей силы, что требует, с одной стороны, увеличения затрат на подготовку, переподготовку и повышение квалификации работников, с другой стороны, координации действий со стороны местных органов власти, служб занятости и организации агробизнеса по обеспечению новых рабочих мест кадровыми ресурсами.

**ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА
(на примере Северо-Байкальского района Республики Бурятия)**

*Молотков Ю.И., д.т.н.
СИУ РАНХиГС, Новосибирск
Пухарев И.В.*

МО «Северо-Байкальский район», пос. Нижнеангарск

Актуальность проводимого исследования заключается в особенности территории Северо-Байкальского района, так как она входит в состав Байкальской природной территории, где в пределах водосборной площади озера Байкал установлена экологическая зона с особыми возможностями природопользования, это ограничивает использование сырьевых ресурсов и хозяйственной деятельности. Район малозаселённый, по состоянию на 1.01.2016 г. численность составила 12700 чел., с очень большой территорией муниципальных земель 53990 кв. км., (25% акватории Байкала) район дотационный, при этом имеет богатейшие запасы природных ресурсов.

Предметом для исследования - состояние и уровень социально-экономического развития Северо-Байкальского района, за счет реализации действующих целевых программ и инвестиционных проектов на территории района.

Основной целью исследования – в соответствии с ФЗ РФ за № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. "О стратегическом планировании в Российской Федерации"- разработка Стратегии социально-экономического развития Северо-Байкальского района на период до 2030 года, а также определение точек роста социально-экономического развития района, новых целевых программ, инвестиционных проектов, коррекция действующих целевых программ и формирование системы мониторинга, которая обеспечивает исполнение программных мероприятий.

Основным результатом проведенного исследования является разработанная и принятая 16.03.2017 г. «Стратегия социально-экономического развития Северо-Байкальского района на период до 2030» года и нормативно-правовые документы к ней, на 32 сессии депутатов муниципального образования «Северо-Байкальский район».

Ключевые слова: Северо-Байкальский район; стратегия; социально-экономическое развитие; природно-ресурсный потенциал; озеро Байкал; проблемы; приоритетные направления; точки роста; целевые программы; мониторинг, индикативные показатели.

Введение

При формировании Стратегии социально-экономического развития учтены особые условия района, так как территория Северо-Байкальского района входит в состав Байкальской природной территории, где в пределах водосборной площади озера Байкал установлена экологическая зона с особыми условиями природопользования, что ограничивает использование минерально-сырьевых ресурсов. Стратегия формировалась с учетом промышленного и туристско-рекреационного зонирования территории Республики Бурятия, где Северо-Байкальский район отнесен к благоприятной туристско-рекреационной зоне экономического развития.

При разработке Стратегии учтён Стандарт¹ деятельности органов исполнительной власти для субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе, утвержденный решением наблюдательного совета Автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» от 03 мая 2012 года. Кроме выше перечисленного использовались и другие нормативно-правовые документы РФ, субъекта РФ Республики Бурятия, обеспечивающие социально-экономическое и территориальное развитие Северо-Байкальского района.

В сформированной Стратегии приведен стратегический анализ и прогноз социально-экономического развития Северо-Байкальского района, выделены конкурентные преимущества для развития района и сделаны основные выводы о темпах роста и развития за предшествующий период. С помощью SWOT и PEST – анализа выделены проблемы и факторы, препятствующие социально-экономическому развитию Северо-Байкальского района.

Учитывая особенности байкальской зоны, были сформированы приоритетные направления экономического роста, которые определяют социально-экономическое развитие Северо-Байкальского района до 2030 года. Анализ ресурсного обеспечения позволил определить Миссию, стратегические цели, сценарии развития района, а также задачи экономического и социального роста и развития Северо-Байкальского района.

Отличительная особенность стратегического развития района состоит в том, что в инструменты реализации Стратегии включен трудовой потенциал человека, на базе его личного развития и непосредственного участия, в реализации программ социально-экономического развития Северо-Байкальского района. Эту задачу решает специально разрабатываемая целевая программа стратегического развития человеческого капитала. Ниже в таблице 1. приведена принятая структура Стратегии².

Таблица 1.

Структура стратегии социально-экономического развития мо «северо-байкальский район»

ВВЕДЕНИЕ		
1.	СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО СЕВЕРО-БАЙКАЛЬСКОГО РАЙОНА	
	1.1.	Стартовые условия, экономико-географическое положение, конкурентное преимущество, место и роль Северо-Байкальского района в развитии субъекта РФ Республики Бурятия.
	1.2.	Анализ демографической ситуации в Северо-Байкальском районе.
	1.3.	Анализ основных результатов экономического и социального развития Северо-Байкальского района.
	1.4.	Анализ ресурсного потенциала для обеспечения развития Северо-Байкальского района.
	1.5.	PEST и SWOT – анализ факторов и проблем, препятствующих развитию района.
2.	СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-БАЙКАЛЬСКОГО РАЙОНА	
	2.1.	Обоснование сценариев стратегического развития Северо-Байкальского района до 2030 г.
	2.2.	Стратегические приоритетные направления развития Северо-Байкальского района.
	2.3.	Кадровое обеспечение стратегического развития Северо-Байкальского района.

¹ АСИ – Стандарт деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата. www.asi.ru

² Отчет НИР «Стратегии социально-экономического развития Северо-Байкальского района на период до 2030 года» Госрегистрация: РК - АААА-А17-117030310182-3; ИК - АААА-А17-217052640012-2.

	2.4.	Финансовое обеспечение стратегического развития Северо-Байкальского района.
	2.5	Стратегическое развитие малого и среднего предпринимательства Северо-Байкальского района.
3.	СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-БАЙКАЛЬСКОГО РАЙОНА	
	3.1.	Ценностные ориентиры и видение будущего Северо-Байкальского района.
	3.2.	Стратегия, миссия, цели, задачи, этапы стратегического развития Северо-Байкальского района.
	3.3.	Прогноз перспективного территориального развития Северо-Байкальского района.
	3.4.	Ресурсное обеспечение стратегического развития Северо-Байкальского района
	3.5.	Институциональные условия реализации стратегического развития Северо-Байкальского района.
	3.6.	Механизмы реализации и мониторинг стратегического развития Северо-Байкальского района.
	3.7.	Целевые индикаторы и ожидаемые результаты стратегического развития Северо-Байкальского района.
4	ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-БАЙКАЛЬСКОГО РАЙОНА	
Приложение:		
1.	Перечень нормативно-правовых актов, регулирующих развитие МО «Северо-Байкальский район».	
2	Перечень муниципальных программ МО «Северо-Байкальский район» до 2030 г.	
3	Перечень программ обеспечивающих стратегическое развитие МО «Северо-Байкальский район».	
4	Перечень перспективных инфраструктурных проектов развития МО «Северо-Байкальский район».	
5	Перечень инвестиционных проектов стратегического развития МО «Северо-Байкальский район».	
6	Структура проекта территориального планирования и развития МО «Северо-Байкальский район».	
7	Результаты SWOT - анализа в МО "Северо-Байкальский район".	

Сформированная Стратегия включает в себя 4 основных стратегических направления экономического роста:

- Минерально-сырьевой комплекс.
- Туристическо-рекреационный комплекс.
- Лесопромышленный комплекс.
- Агропромышленный комплекс.

А также 17 стратегических целей и инструменты для достижения целевых установок в виде целевых программ, обеспечивающих достижения индикативных стратегических показателей по направлениям развития и в целом по муниципальному образованию. К таким проектам и программам отнесены:

- Муниципальные программы МО «Северо-Байкальский район» - 22 программы.
- Программы, обеспечивающие стратегическое развитие МО «Северо-Байкальский район» - 14 программ.
- Инфраструктурные проекты развития МО «Северо-Байкальский район» - 70 проектов.
- Инвестиционные проекты стратегического развития МО «Северо-Байкальский район» -21 проект.
- Мониторинг исполнения программных мероприятий и анализ изменений индикаторов состояния и уровня развития обеспечит достижение целевых индикаторов по сценариям социально-экономического развития Северо-Байкальского района.

Стратегия является базовым документом общественного согласия по стратегическим направлениям и приоритетам социально-экономического развития Северо-Байкальского района.

Проект Стратегии прошел обсуждение общественности на 3-й Международной Байкальской конференции: «Экология Туризм Образование», рассмотрен на 32 сессии Совета депутатов Северо-Байкальского района, а также прошел экспертизу на уровне субъекта РФ Республики Бурятия.

При реализации Стратегии социально-экономического развития МО «Северо-Байкальский район» до 2030 года, заложен основной принцип «социальное партнерство и консолидация общественных сил, направленных на реализацию программно-целевых документов, обеспечивающих развитие района».

Процесс управления реализацией Стратегии предусматривает план мероприятий по реализации стратегии развития Северо-Байкальского района (Дорожную карту).

Конечный результат реализации Стратегии определяется результатом промежуточного мониторинга и конечного по срокам и этапам, оценкой индикативных показателей по точкам роста и развития и в целом по МО «Северо-Байкальский район».

Основные механизмы и инструменты реализации Стратегии социально-экономического развития МО «Северо-Байкальский район» приведены ниже в таблице 2.

Таблица 2.

Механизмы и инструменты реализации Стратегии социально-экономического развития МО «Северо-Байкальский район» до 2030 года

№ п/п	Механизмы управления развитием	Инструменты управления развитием
1.	2.	3.
1.	Нормативно правовой механизм управления развитием МО.	<p><u>Федеральные правовые акты:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> - Законы РФ. - подзаконные нормативно-правовые акты на уровне РФ. <p><u>Региональные правовые акты:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> - Законы субъекта РФ. - подзаконные нормативно-правовые акты на уровне субъекта РФ. <p><u>Муниципальные нормативно-правовые акты:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> - решения представительного органа; - постановления администрации МО; - иные нормативно-правовые акты на муниципальном уровне.
2.	Организационно-управленческий механизм управления развитием МО.	<ul style="list-style-type: none"> - Реорганизация структуры и системы управления под стратегию развития МО. - Проектирование средств управления для реализации программно-целевого управления развитием МО: - Формирование алгоритмов корректировки развития МО. - Структурно-функциональная реорганизация деятельности администрации под реализацию стратегии развития МО. - Закрепление стратегических функций за подразделениями администрации. - Организация работ по реализации направлений развития в текущей деятельности подразделений администрации МО. - Организация деятельности подразделений, или других структур, отвечающих за ход реализации стратегического развития МО. - Организация нормативно-правового обеспечения стратегического развития МО. - Бюджетное обеспечение реализации муниципальных целевых программ по направлениям и сферам развития МО. - Формирование информационно-коммуникационной системы под реализацию стратегии развития МО. - Формирование организационной системы взаимодействия с местным сообществом при реализации стратегии развития МО.
3.	Механизм социального партнерства управления развитием МО.	<ul style="list-style-type: none"> - Организация регулятивного взаимодействия администрации, Совета депутатов с активными группами местного сообщества в целях привлечения местного сообщества к реализации стратегии (создание координационного стратегического совета по реализации Стратегии). - Общественный мониторинг реализации стратегий развития МО.

		<ul style="list-style-type: none"> - Проведение общественных слушаний по проблемам реализации стратегии развития МО. - Организация деятельности инициативных структур местного сообщества (Фонда социальных инициатив и других общественных объединений) - Проведение конкурса инициативных проектов местного сообщества по развитию МО. - Проведения общественных экспертиз реализуемых проектов и программ на территории МО.
4.	Информационно-коммуникативный механизм управления развитием МО.	<ul style="list-style-type: none"> - Формирование нового документооборота МО и его автоматизация под реализацию Стратегии. - Организация деятельности информационно-аналитической службы по обеспечению подразделений администрации необходимыми материалами по стратегическим вопросам развития МО. - Формирование общественно-коммуникационного пространства по управлению развитием сельских территорий МО. - Установление контактов и информационного взаимодействия с внешними партнерами по стратегическим направлениям и сферам развития МО.
5.	Финансово-экономический механизм управления развитием МО.	<ul style="list-style-type: none"> - Экономические расчеты по направлениям развития МО. - Формирование бюджета с учетом стратегических целей и задач. - Инвестиционно-кооперационная финансовое обеспечение. - Муниципальный маркетинг по направлениям развития. - Привлечение инвесторов под целевые программы и проекты. - Организация муниципальных конкурсов программ и проектов. - Организация бюджетного финансирования проектов развития МО. - Организация внебюджетного финансирования проектов развития. - Совместная организация многоканального софинансирования проектов развития МО. - Стимулирование развития малого и среднего бизнеса в МО.
6.	Инновационно-инвестиционный механизм управления развитием МО.	<ul style="list-style-type: none"> - Формирование инновационных направлений развития МО. - Организация конкурсов инновационных проектов и программ развития МО. - Обеспечение бюджетного софинансирования отобранных на конкурсе инновационных проектов и программ развития МО. - Обеспечение мониторинга инновационно-инвестиционных проектов и программ развития МО.
7.	Бизнес - механизм управления реализацией инновационно-инвестиционных проектов социально-экономического развития МО	<ul style="list-style-type: none"> - Формирование НОАХУ инвестиционного проекта. - Оформление инвестиционного предложения. - Разработка бизнес-проекта или инвестиционного проекта. - Поиск инвестора и инвестиционных средств. - Получение поддержки за счет включения в МЦП или в региональные программы инновационно-инвестиционных проектов. - Организация практической реализации бизнес - проектов.

Кроме того, основными механизмами реализации Стратегии является мониторинг и контроль реализации Стратегии социально-экономического развития МО «Северо-Байкальский район» на период до 2030 года.

Методика оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, городских округов и муниципальных районов предусматривает оценку результатов деятельности органов местного самоуправления по следующим сферам:

- экономическое развитие;
- дошкольное образование;
- общее и дополнительное образование;
- культура;
- физическая культура и спорт;
- жилищное строительство и обеспечение граждан жильем;
- жилищно-коммунальное хозяйство;

- организация муниципального управления;
- энергосбережение и повышение энергетической эффективности.

Эта оценка состояния и уровня развития муниципального образования проводится ежегодно на основании доклада Главы администрации муниципального образования (городского округа и муниципального района). Степень развития исследуемого муниципального образования «Северо-Байкальский район» формируется в типовой форме доклада Главы района, установленной отчетности по Постановлению Правительства за № 1317 от 17.12.12 г.

При полной реализации подпрограмм комплексной Муниципальной программы: «Стратегическое социально-экономическое развитие Северо-Байкальского района до 2030 года» прогнозируется достижение следующих основных индикативных показателей:

- объема промышленного производства 1 110,0 млн. рублей;
- объема промышленного производства до 76,6 тыс. рублей на душу населения;
- количества туристских прибытий до 90,0 тыс. чел. в год;
- уровня общей безработицы до 6 %;
- среднемесячной заработной платы 30,0 тыс. руб.;
- числа малых предприятий 185 ед.;
- объем инвестиций в экономику МО «Северо-Байкальский район» составит- 605,0 млн. руб.
- существенное улучшение инвестиционной привлекательности по проектам в приоритетных направлениях экономического развития района для потенциальных инвесторов.

Формирование и обоснование Стратегии социально-экономического развития муниципального района по предложенной структуре может обеспечить поступательное развитие такого типа муниципальных образований в Российской Федерации.

ИНЕРЦИОННЫЙ СЦЕНАРИЙ ДИНАМИКИ ВАЛОВОГО ВЫПУСКА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ ДО 2020 ГОДА¹

*Наумов И.В., к.э.н.
Екатеринбург, УрГЭУ*

В современных условиях неопределенности развития социально-экономических процессов в территориальных системах различного уровня значительно повышается роль прогнозирования приоритетных направлений экономического развития, видов экономической деятельности, финансирование которых будет способствовать формированию мультипликативного эффекта, даст толчок для развития всей экономики в целом. Проблема поиска таких направлений становится центральной для органов власти территориальных систем различного уровня из-за обостряющейся проблемы дефицита

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ №15-02-00587 «Совершенствование государственной инвестиционной политики на основе моделирования региональных мультипликативных эффектов»

финансовых ресурсов. Наиболее оптимальным подходом к прогнозированию приоритетных направлений экономической деятельности и их влияния на уровень экономического развития территориальной системы является метод построения производственной функции (модель Кобба-Дугласа), который позволяет определить зависимость объема валового выпуска от уровня инвестиций в основной капитал и стоимости трудовых затрат по тому или иному виду экономической деятельности на территории. Полученные в результате моделирования коэффициенты регрессии позволяют оценить эффективность инвестиций в тот или иной вид экономической деятельности и возникающий мультипликативный эффект от его развития на территории (постоянный, убывающий или возрастающий), который не исследуется при других методических подходах.

В макроэкономических исследованиях производственная функция была впервые применена в США учеными Чарльзом Коббом и Полом Дугласом в 20-х годах XX века для изучения связей между общим объемом общественного продукта (национального дохода) и двумя важнейшими факторами производства – рабочей силой (затраты на труд) и основными производственными фондами (капитальные вложения). Изначально данная модель использовалась для прогнозирования валового выпуска национальной экономики, но позже была адаптирована и для исследования экономического развития регионов. Данную модель на региональном уровне формировали Клейнер Г.Б., Баранов С.В., Скуфьина Т.П., Бакушева Г.В., Масюто И.А., Аралбаева Г.Г., Гребнев М.И., Гафарова Е.А., Бессонов В.А., Цухло С.В. и др. Формируемые ими модели в качестве главной анализируемой переменной использовали не валовый выпуск как основатели данного методического подхода, а валовый региональный продукт (ВРП) из-за ограниченности статистических данных по конечному потреблению в регионах. Модели производственной функции региона также отличались и по набору показателей для исследования капиталовложений (K), трудозатрат (L). Так, к примеру, при построении производственной функции Оренбургской области Масюто И.А. и Аралбаева Г.Г. в качестве капитальных вложений рассматривали объем производственного капитала, а в качестве трудозатрат – производительность труда². Гребнев М.И. при моделировании производственной функции для экономики Пермского края вместо капитальных вложений использовал объем инвестиций, а в качестве трудозатрат – среднемесячный уровень фонда оплаты труда в ценах 1998 года³. Гафарова Е.А. при моделировании валового регионального продукта республики Башкортостан обосновала необходимость использования традиционный подхода Кобба-Дугласа, в соответствии с которым в качестве фактора K выбирают стоимость основных фондов и фактора L – среднегодовую численность занятых в экономике⁴. Такой подход считаем оптимальным для прогнозирования экономического развития территориальных систем с использованием производственной функции. Вместе с тем считаем, что для получения более точных результатов моделирования и дальнейшего прогнозирования экономического развития региональных территориальных систем с помощью

---

² Масюто И.А. и Аралбаева Г.Г. Оценка социально экономического потенциала Оренбургской области // Вестник ОГУ. 2012. №13 (149). С. 244-249

³ Гребнев М.И. Построение агрегированной производственной функции для экономики России / М.И. Гребнев // European Social Science Journal. – 2013. – No 12 (Т. 1). С. 438–445.

⁴ Гафарова Е.А. Моделирование регионального развития на основе производственных функций // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. №3 (16). С. 10

функции Кобба-Дугласа вместо ВРП целесообразно использовать показатель валового выпуска. Это позволит отразить в модели и стоимость промежуточного потребления, который также способствует развитию экономики региона.

Поскольку основной целью нашего исследования является прогнозирование валового выпуска региональной территориальной системы с использованием сценарного подхода, поэтому для ее реализации предлагаем использовать уже апробированный методический подход⁵⁶, основными этапами которого являются:

1. Прогнозирование приоритетных направлений экономического развития территориальной системы, обеспечивающих наибольший эффект повышения валового выпуска, с помощью множественного регрессионного анализа по методу наименьших квадратов.
2. Построение производной функции Кобба-Дугласа и анализ факторов, способствующих развитию приоритетных направлений экономического развития региона.
3. Прогнозирование динамики основного капитала и среднегодовой численности занятых в экономике.
4. Формирование инерционного прогнозного сценария динамики валового выпуска по приоритетным направлениям экономической деятельности в региональной территориальной системе.
5. Формирование прогноза развития динамики валового выпуска региональной территориальной системы на основе модели, разработанной на первом этапе.

Предложенный методический подход был использован нами для сценарного прогнозирования валового выпуска Челябинской области до 2020 года. В результате множественного регрессионного анализа, а также поэтапного удаления мультиколлинеарности мы сформировали достоверную модель с незначительными остатками (табл. 1). В результате моделирования мы пришли к выводу, что валовой выпуск в регионе зависит от развития обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, а также развития торговли:

$$V = 0,89 * x_1 + 5,25 * x_2 + 3,07 * x_3$$

где, V – валовой выпуск в Челябинской области, млн. руб.

x₁ – валовой выпуск в отрасли «Обрабатывающие производства», млн. руб.

x₂ – валовой выпуск в отрасли «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», млн. руб.

x₃ – валовой выпуск в отрасли «Торговля», млн. руб.

Согласно данным табл. 1 между валовым выпуском региона и выпуском в отраслях обрабатывающих производств, производства электроэнергии, газа, воды, а также торговли наблюдается тесная, почти функциональная связь (R=0,99). Другие анализируемые виды экономической деятельности в ходе исследования были исключены из модели из-за наличия сильной мультиколлинеарности между переменными. Сильную зависимость между анализируемыми переменными показала проверка нулевой гипотезы незначимости коэффициентов регрессии, а также оценка стандартных ошибок.

---

⁵ Наумов И.В. Сценарный подход к стратегическому управлению финансовыми потоками региональной территориальной системы // Журнал Экономика Налоги Право. 2015. №3. С.109-117

⁶ Наумов И.В. Основные диспропорции движения финансовых потоков в региональных территориальных системах // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. №5 (67). С. 29-39

Таблица 1

Результаты анализа достоверности полученной модели

Множественный R		0,99	
R-квадрат		0,99	
Нормированный R-квадрат		0,87	
Значимость F		1,1 E-12	
Durbin–Watson statistic		1,6	
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	P-Значение
x1	0,889581281	0,142744804	0,000250562
x2	5,249968659	1,044935833	0,001021514
x3	3,072320854	0,836364452	0,006278402

На втором этапе представленного методического подхода к сценарному прогнозированию валового выпуска региона был проведен анализ факторов, способствующих развитию выявленных приоритетных направлений экономического развития. Для его реализации был использован метод построения производственной функции Кобба-Дугласа. В результате его исследования были получены следующие модели (табл. 2). Во всех построенных моделях наблюдается возрастающая отдача от вложений в основной капитал и трудовые ресурсы, что позволяет сделать о наличии мультипликативного эффекта в повышении валового выпуска в региональной территориальной системе при развитии данных видов экономической деятельности. При этом наибольший эффект возникает в отрасли «Торговля» и наименьший – отрасли «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». Для повышения валового выпуска в отрасли «Торговля» необходимо привлекать, прежде всего, трудовые ресурсы, так как дополнительные инвестиции не сильно повлияют на рост валового выпуска в данной отрасли. В обрабатывающих отраслях привлечение дополнительного капитала существенно повысит размер валового выпуска.

В ходе исследования были также сформированы производственные функции Кобба-Дугласа и по другим видам экономической деятельности (табл. 2). Данные модели позволили выявить сферы, развитие которых является наиболее эффективным для экономического развития региона, может дать мультипликативный эффект.

Таблица 2.

Производственные функции валового выпуска по видам экономической деятельности в Челябинской области

Вид экономической деятельности	Сформированная модель	R ²	F-значимость	P-значения
Обрабатывающие производства	$x_1 = K^{0,658} \cdot L^{0,873}$	0,99	2,3 E-18	$P_k = 1,2 \text{ E-}06$ $P_L = 5,4 \text{ E-}05$
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	$x_2 = K^{0,847} \cdot L^{0,324}$	0,99	1,3 E-16	$P_k = 4,4 \text{ E-}08$ $P_L = 0,04$
Оптовая и розничная торговля	$x_3 = K^{0,289} \cdot L^{1,609}$	0,99	3,2 E-18	$P_k = 0,04$ $P_L = 0,04$
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	$x_4 = K^{0,717} \cdot L^{0,691}$	0,99	1,3 E-16	$P_k = 7,5 \text{ E-}06$ $P_L = 0,004$
Добыча полезных ископаемых	$x_5 = K^{0,906} \cdot L^{0,19}$	0,99	7,9 E-15	$P_k = 9,4 \text{ E-}08$ $P_L = 0,04$
Гостиницы и рестораны	$x_6 = K^{0,885} \cdot L^{0,421}$	0,99	3,5 E-15	$P_k = 2,0 \text{ E-}05$ $P_L = 0,02$
Транспорт и связь	$x_7 = K^{0,693} \cdot L^{0,553}$	0,99	1,3 E-19	$P_k = 2,8 \text{ E-}06$ $P_L = 0,01$

По всем видам экономической деятельности в регионе наблюдается возрастающая отдача от масштаба. Ее наибольший размер отмечается в сферах оптовой и розничной торговли (1,89), обрабатывающих производств (1,53), сельского хозяйства (1,41), гостиничного бизнеса (1,31), транспорта и связи (1,24), производства и распределения электроэнергии, газа и воды (1,17). Наименьший эффект отдачи от масштаба прослеживается в сфере добычи полезных ископаемых.

На следующем этапе были построены инерционные сценарии изменения динамики основного капитала и среднегодовой численности занятых по трем основным направлениям экономической деятельности в Челябинской области, предполагающие сохранение в будущем выявленных тенденций. Для формирования инерционного сценария был использован метод построения парных регрессионных моделей: линейный для прогноза динамики основного капитала и нелинейный – для прогноза среднегодовой численности занятых в экономике по отрасли «Обрабатывающие производства» и «Производство электроэнергии, газа, воды». Согласно представленному инерционному прогнозному сценарию было сделано предположение о возможном увеличении объема инвестиций в основной капитал в отрасли «Обрабатывающие производства» к 2020 году по сравнению с 2015 годом на 26,6% (156 368 млн. руб.), и снижении среднегодовой численности занятых – на 15,3% (3,9 тыс. чел.). При сохранении в будущем текущих тенденций динамики исследуемых показателей в отрасли «Производство электроэнергии, газа, воды» возможно повышение уровня инвестиций в основной капитал к 2020 году на 20,2% (59 541 млн. руб.) и снижение среднегодовой численности занятых на 1,6% (0,7 тыс. чел.). Среднегодовая численность занятых в данных отраслях экономики снижалась в Челябинской области на протяжении всего рассматриваемого периода, поэтому предположение о ее дальнейшем снижении закономерно. В сфере торговли, наоборот, на протяжении периода 2005-2015 гг. наблюдалась устойчивая тенденция роста численности занятых, поэтому можно предположить, что к 2020 году численность занятых в регионе увеличится на 4,2% (12,1 тыс. чел.). Поскольку отрасль обрабатывающих производств формирует значительный объем валового выпуска региона, то снижение численности занятых в ней представляет серьезную угрозу для развития региона в будущем. Пока же определяющим фактором развития всех отраслей экономики региона являются инвестиции в основной капитал.

В случае сохранения текущих тенденций в динамике инвестиций в основной капитал и численности занятых в регионе валовой выпуск по всем трем отраслям в Челябинской области продолжит умеренный рост к 2020 году по сравнению с 2015 годом на 9,3% (240,3 млрд руб.) (рис. 1).

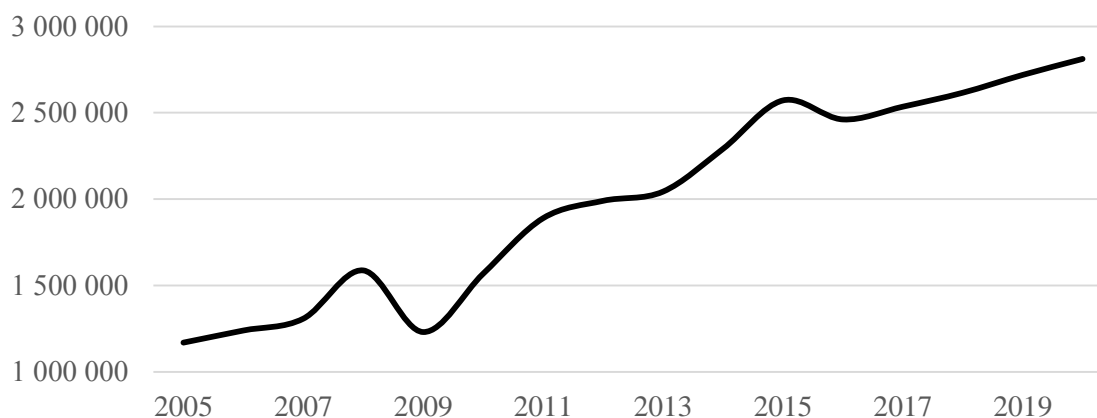

Рис. 1. Инерционный сценарий динамики валового выпуска Челябинской области до 2020 года, млн. руб.

Таким образом, построенная прогнозная модель валового выпуска региона, согласно представленному методическому подходу, позволяет выявить приоритетные направления экономического развития региона, в данном случае это отрасли обрабатывающих производств, производства электроэнергии, газа и воды, а также торговли. Представленный методический подход к прогнозированию валового выпуска в регионе, учитывает специфику региона, позволяет выявлять основные сферы деятельности, которые формируют значительную часть валового выпуска в регионе, и прогнозировать динамику валового выпуска в целом по региону и по основным видам экономической деятельности. Выполненные расчеты и сформированный прогноз показали, что представленный методический подход является оптимальным средством для прогнозирования валового выпуска в региональных системах.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ¹

*Омонов Ж.К.
УрФУ, Екатеринбург*

Социально-инновационное производство общественных благ представляет собой новые, более эффективные модели удовлетворения населения общественными благами. С точки зрения неолиберализма, необходимо стимулировать частный сектор к производству общественных благ через развитие соответствующей институциональной среды. С точки зрения школы публичной политики, главным критерием эффективности производства общественных является предельные общественные выгоды от использования новых методов. Основываясь на данных подходах, автор полагает, что при использовании критериев оценки социальных инноваций следует опираться на частные и общественные выгоды, получаемые соответственно производителем и потребителем.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (ОГОН), проект № 16-32-00003 «Институциональное проектирование развития общественных благ»

Общественные выгоды представляют собой выигрыш со стороны общества или определенной социальной категории, выражающийся в положительном изменении их благосостояния².

Частные выгоды представляют собой возможные выигрыши субъектов – источников социальных инноваций. Н.М. Розанова³ отмечает, что главным стимулом создания инновация является стремление к выгоде, которая создает конкурентную среду. В частности, для социальных предпринимателей выгода может выражаться в прибыли; для социально ориентированного бизнеса – в налоговых выгодах, в улучшении репутации, в долгосрочном увеличении стоимости компании и т.п.; для органов власти - в возможном карьерном росте; для политиков – в увеличении числа избирателей; для научно-исследовательских учреждений – в увеличении рейтингов, расширении деятельности. Как отмечают, О. А. Козлова, С. А. Супицын, Л.И. Власюк и А. А. Петровская⁴, для эффективного достижения социально-экономических целей необходим баланс компромиссов частного и государственного сектора, то есть через согласование интересов.

Для изучения развития социальных инноваций, производящих общественные блага, были исследованы двадцать социальных инноваций Свердловской области по двум критериям: уровень рентабельности и величина общественного эффекта. Коэффициент рентабельности взят, так как он является удобным измерителем показывающий не только прибыльность, но также убыточность и степень самокупаемости. Для измерения величины социального эффекта были взяты количество людей на которых распространяется социальная ценность. В связи с существенными различиями особенностей функционирования социальных инноваций разных масштабов, социальные инновации были разделены на три группы. Первая группа с бюджетом до 100 тысяч рублей, вторая до 300 тысяч и третья до 1 миллиона рублей.

Анализ первой группы показал обратную зависимость между рентабельностью и увеличением числа потребителей (см. рисунок 1). Данная зависимость представлена формулой:

$$y = -0,295 \ln(x) + 1,178 \quad (R^2 = 0,9055)$$

где y – показатель рентабельности; x – количество пользователей.

---

² Sachs, J.D. The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time, New York: The Penguin Press. 2005

³ Розанова Н.М. Структура рынка и стимулы к инновациям // Проблемы прогнозирования. 2002. №3. С.138-149

⁴ Козлова О.А., Супицын С.А., Власюк Л.И., Петровская А.А. Теоретические основания развития механизма государственно-частного партнерства // Журнал экономической теории. 2013. №3. С. 254-258.

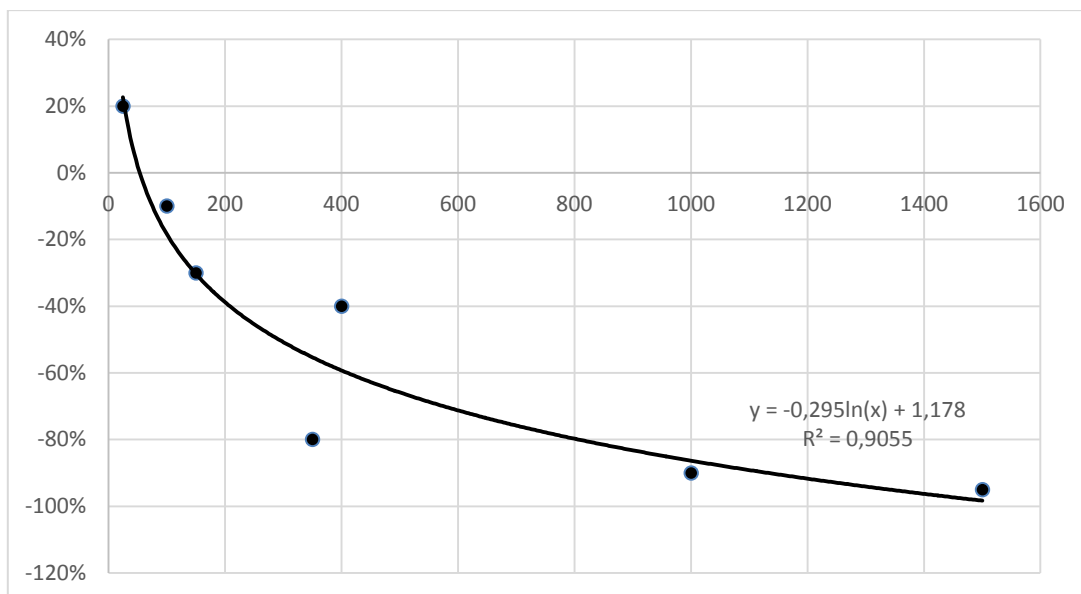

Рис. 1. Зависимость рентабельности и охвата потребителей для первой группы социальных инноваций.

Анализ второй группы также обратную зависимость между рентабельностью и увеличением числа потребителей (см. рисунок 2). Однако в отличие от первой группы зависимость получилась линейной:

$$y = -0,0006x + 0,1733 \quad (R^2 = 0,842);$$

где y – показатель рентабельности; x – количество пользователей.

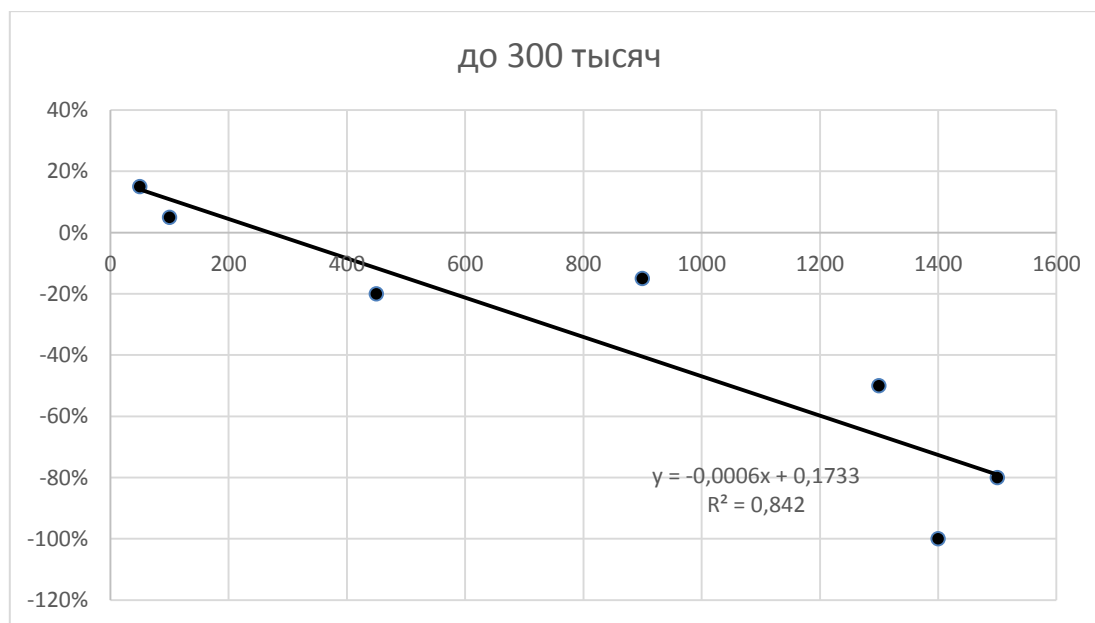

Рис. 2. Зависимость самокупаемости и охвата потребителей для второй группы социальных инноваций.

Рентабельность социальных инноваций третьей группы также обратно зависима от количество потребителей социальных инноваций (см. рисунок 3) и представлена формулой:

$$y = -0,0002x + 0,1232 (R^2 = 0,6735);$$

где y – показатель рентабельности; x – количество пользователей.

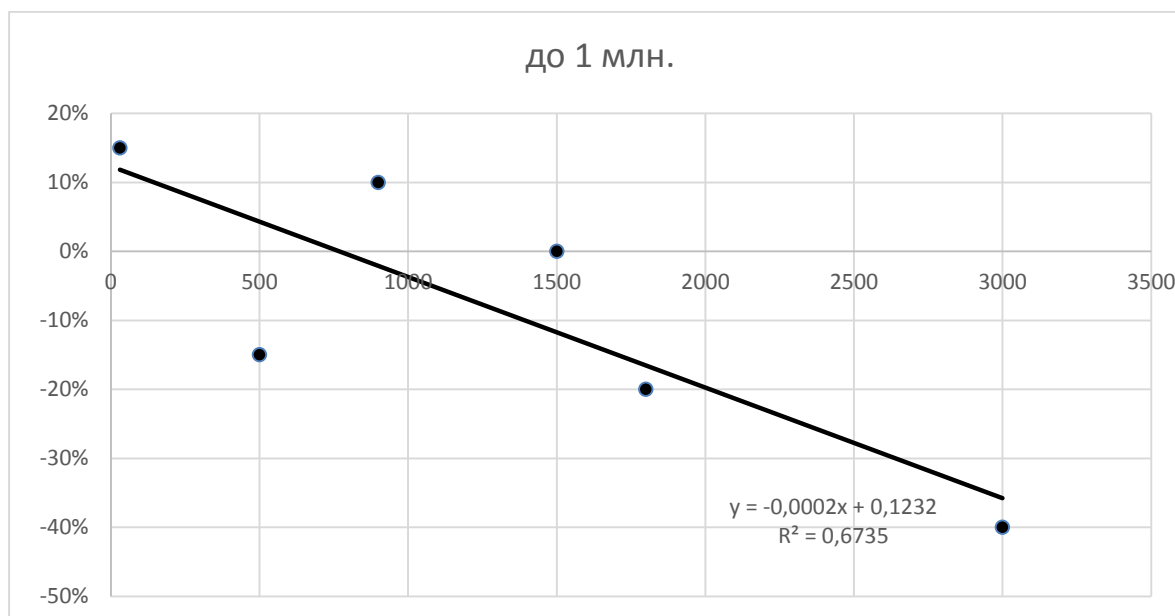

Рис. 3. Зависимость самоокупаемости и охвата потребителей для третьей группы социальных инноваций.

Опираясь на проведенный анализ можно сделать следующие выводы:

- Отсутствие или неэффективность институтов поддержки социальных инноваций, результатом чего являются падающий уровень выручки при увеличении социального эффекта⁵.
- Спрос на социальные инновации. Несмотря на сильную убыточность социальные инновации сохраняют социальную отдачу, что означает сильный спрос на социальные инновации.
- Проблема масштабирования социальных инноваций. Так как самоокупаемость социальных инноваций является важнейшим базис для устойчивого развития, мы можем говорить о проблеме масштабирования социально-инновационной деятельности.

Возможны различные объяснения тенденций негативного воздействия увеличения числа потребителей социальных инноваций на их прибыльность. С одной стороны, падение прибыльности может быть связано с тем, что социальные инновации в большинстве случаев ориентированы на бедные и маргинализированные слои населения, отчего из-за увеличения масштаба происходит обратный эффект⁶. С другой стороны, это может объясняться тем,

⁵ Boettke, P.J. & Rathbone, A. (2002). Civil society, social entrepreneurship, and economic calculation: towards a political economy of the philanthropic enterprise. In Working Paper 8. Fairfax County: The Philanthropic Enterprise.

⁶ Heiscalca, R. Social innovations: structural and power perspectives. Social Innovations, Institutional Change and Economic Performance. 2007. P. 52–79; Phills J, D.K., M.D. Rediscovering social innovation // Stanford Social Innovation Review, 6. 2008. P. 33–43.

что социальные инновации находятся в зачаточном состоянии как с практической, так и с теоретической точек зрения. И в том, и в другом случаях, возникает вопрос о необходимости проектирования системы институтов, которые позволили бы изменить выявленные тенденции.

ПРОЕКТНО-ЦЕЛЕВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ФАКТЫ И ЦИФРЫ

*Паздникова Н.П., к.э.н.
ПНИПУ, ПГНИУ, Пермь*

В настоящее время преодолеть проблемы, связанные с затянувшимся кризисом и занять лидирующие позиции среди российских регионов, возможно только при переходе на путь комплексного проектирования экономики региона, сфокусированного на достижении конечных результатов и получении видимого социального эффекта. Причем, комплексное проектирование экономики региона необходимо рассматривать как со стороны органов власти, так и со стороны общества.

Российское законодательство предполагает, что каждый регион к 2017 году должен сформировать семь стратегических документов, которые должны отражать не только приоритеты устойчивого развития на средне и долгосрочную перспективу, но и показывать конкретный план мероприятий.

На сегодняшний день, все регионы сформировали необходимый пакет документов¹.

Кроме того, значимость проектно-целевого принципа обусловлена российским законодательством и указами Президента. До 1 января 2013 года проектно-целевой принцип был представлен различными видами программ – ведомственными, федеральными, долгосрочными, краевыми и т.д. Позже в бюджетном законодательстве были определены три вида программ «нового типа»: государственные программы РФ, государственные программы субъектов РФ и муниципальные программы. Полный переход на программный бюджет должен быть осуществлен к 1 января 2016 года.

В 2017 году на территории Российской Федерации реализуется 44 государственные программы РФ, которые представлены 5 функциональными блоками: «Новое качество жизни», «Инновационное развитие и модернизация экономики», «Сбалансированное региональное развитие», «Эффективное государство» и «Обеспечение национальной безопасности». Самые крупные программы – «Социальная поддержка граждан», «Развитие пенсионной системы» и «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков». Доля государственных программ РФ в расходах федерального бюджета на 2017 год составляет 81,8 % против 70,1% в 2016 году, соответственно.

Что касается реализации проектно-целевого механизма на территории субъектов РФ, то картина складывается следующая. На сегодняшний день

---

¹ Митрофанова, И. В. Анализ и пути модернизации стратегического территориального менеджмента в южных регионах России // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2012. – № 2. – С. 16–22.

реализация принципов проектно-целевого развития осуществляется во всех субъектах РФ. Раньше других внедрены были программы «нового типа» в Тюменской области - 2008г., Астраханской – 2010г. и Свердловской областях – 2010г. Позже всех – Магаданская область и Республика Крым – 2014г., Севастополь – 2015г.

Из рисунка 1 видно, что в 2017 году реализуется 2018 государственных программ субъектов РФ, что на 39 программ больше, чем в 2016 году. Лидерами являются Курганская (46 пр.) и Самарская области (41пр.). Аутсайдеры: Республика Алтай (12), Амурская область (13) и г. Москва (14). Причем, средняя доля государственных программ в общих расходах бюджета увеличилась в 2017 году до 93,0 % против 92,7% в 2016 году (87,8% - 2015 г., 77,0% - 2014 г). Лидеры: Чувашская республика (100), Омская область (99,9%) и Нижегородская область (99,6%). Аутсайдеры – Тюменская (68%), Волгоградская (73,7%) и Новгородская области (77,1%).

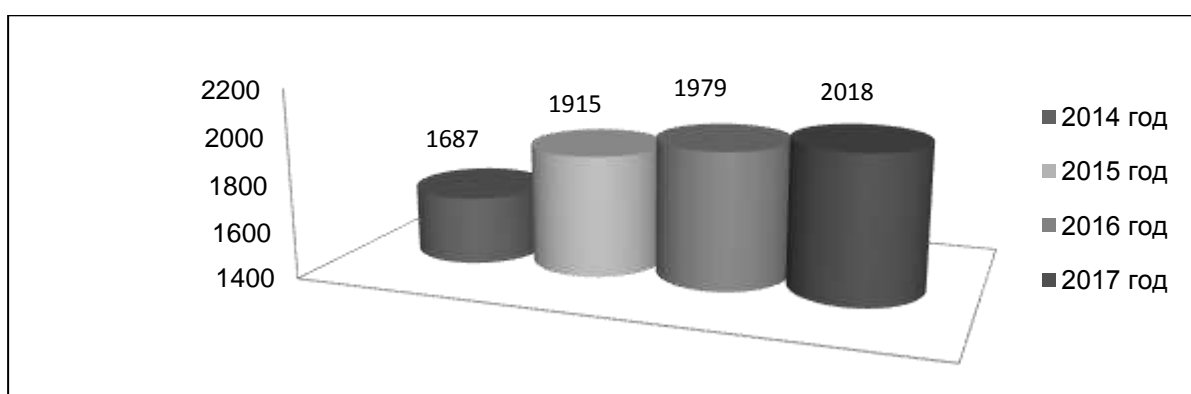

Рис.1 Динамика общего количества реализуемых государственных программ российскими регионами

Интересная картина складывается и в макрорегионах.

Наибольшее количество реализуемых программ в 2017 году наблюдается в ЦФО – 401 программа, наименьшее – в СКФО - 156. Однако, как показано на рисунке 2, показатели среднего значения доли государственных программ в расходах бюджета и среднее количество реализуемых программ, приходящихся на один регион, имеют неоднозначную зависимость. Лидером по вышеупомянутым показателям является ДФО, со средним показателем доли программ в расходах бюджета - 96,2% и средним количеством реализуемых программ на один регион – 25 штук (рис.2).

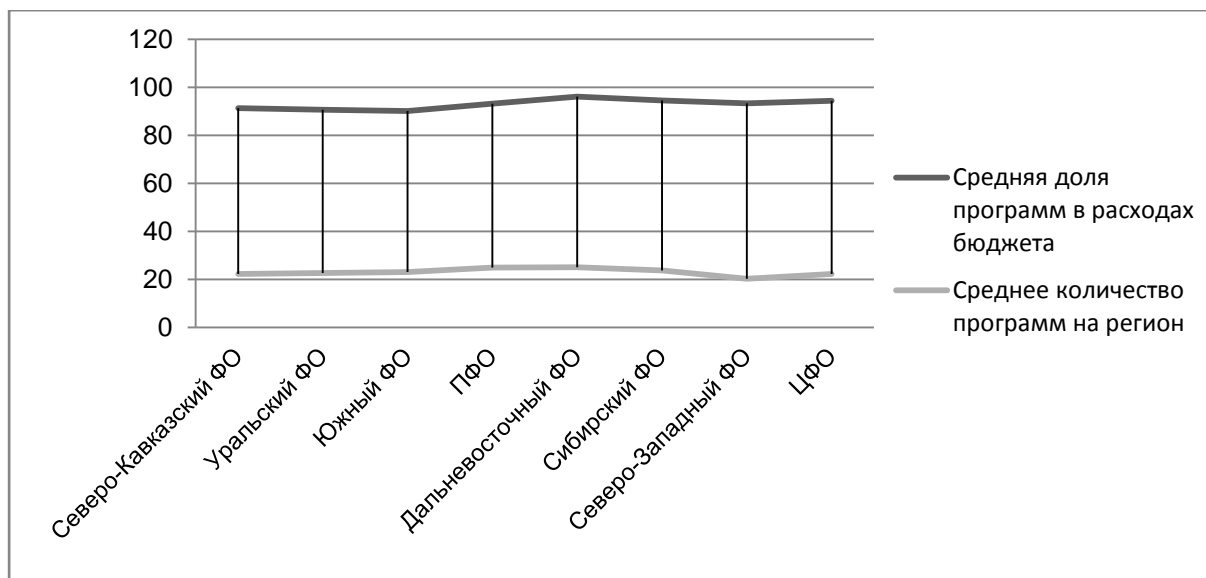

Рис. 2 Зависимость средних показателей доли государственных программ в расходах бюджета и количество реализуемых программ в макрорегионах

Сложившиеся ситуация в макрорегионах, во многом, определяется особенностями регионального законодательства, ресурсным обеспечением и устойчивостью к внешним воздействиям. Причем, можно наблюдать прямую зависимость доли государственных программ субъектов РФ в общей сумме расходов бюджета на текущий год от уровня самообеспеченности бюджета.

К лидерам можно отнести и ПФО, где процесс внедрения государственных программ в бюджетный процесс активно проходил в период 2011 - 2013 гг., и к 2016 году программный бюджет был сформирован во всех регионах ПФО. Если в 2016 году в 14 регионах реализовывались 335 государственных программ субъекта РФ, то в 2017 году уже 348 программ.

В 2017 году лидерами в ПФО по количеству реализуемых государственных программ являются Самарская область (41 пр.) и Татарстан (30 пр.). Аутсайдеры - Саратовская область (17 пр.) и Чувашская республика (16 пр.). Наиболее существенное сокращение количества реализуемых программ наблюдается в Кировской (-15%) и Самарской областях (-6%). Вероятнее всего, это можно объяснить снижением показателей эффективности реализуемых программ.

Однако, в среднем, доля программности бюджетов субъектов РФ ПФО в 2017 году незначительно увеличилась до 93,3% с 91,0% в 2016 году. Лидер - Чувашская республика (100%). Аутсайдеры – Самарская область (81%) и республика Марий Эл (80,6%). Наиболее существенное снижение доли программ в расходах бюджета наблюдается в республике Татарстан – с 99,9% до 88,9%, а самое значительное увеличение - в Саратовской области с 53,2% в 2016 году до 85,0% в 2017 году.

В Пермском крае программный формат бюджета стал реализовываться с 2014 года. В 2017 году формирование программного бюджета основывалось на реализации 22 государственных программах с долей финансирования – 98,1% от общего объема расходов бюджета края. Кроме того, эффективность исполнения программ незначительно выросла с 83,0% до 89,4% в 2016 г.

Отметим, что базовыми показателями проектно-целевого механизма являются эффективность и результативность программ, оценка которых вызывает многочисленные споры. Наиболее эффективные программы

Пермского края, по данным проверок контрольных органов – «Развитие образование и науки» и «Доступная среда», а менее эффективна программа «ЖКХ». Что касается результативности государственных программ, то можно наблюдать значительное снижение, и в 2016 году процент недостигнутых целевых показателей составил 21,3% против 16,4% в 2014 году².

Заметим, что методика оценки эффективности государственных программ разрабатывается российскими регионами самостоятельно для каждой программы, поэтому невозможно объективно сравнить регионы по эффективности и результативности реализации государственных программ. Кроме того, эффективность программ рассчитывается на основе достижения целевых показателей (результативности), которые существенно отличаются у разных программ и регионов³.

В 2016 году, в докладе Министерства финансов РФ названы лучшие региональные и муниципальные практики в стратегическом управлении публичными финансами. В данном документе, эффективность реализации проектно-целевых принципов в российских регионах, предлагается оценивать с помощью показателя – «качество управления региональными финансами», включающего, в том числе, и оценку качества проектно-целевого планирования. На основе статистических данных о реализации программ в регионах, можно отметить, что надлежащее качество управления региональными финансами наблюдается в 54,1% (или 46 регионах), в 25,9% случаях (или 22 регионах) – высокое, в 17,6% - низкое (или 15 регионах), в 2 субъектах РФ оценка не проводилась.

Что касается проектного участия со стороны общества, то картина следующая.

В субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях созданы и функционируют различные институты, деятельность которых базируется на разнообразных формах общественного участия в государственном и муниципальном управлении общественными ресурсами. Базовыми направлениями деятельности региональных институтов общественного участия являются создание эффективного партнерства власти и населения, координация гражданских инициатив в вопросах регионального и местного значения посредством реализации партнерских проектов⁴.

В настоящее время ключевыми формами проектного участия общественности в управлении общественными ресурсами на региональном и местном уровнях, являются три: самообложение граждан, территориальные общественные организации и инициативное бюджетирование (табл. 1).

---

² Паздникова Н. П. Оценка интегральной эффективности социально-экономической системы региона // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 11–4 (52-4). – С. 268–270.

³ Денисова И.П., Рукина С.Н. Оценка эффективности и результативности целевых программ при переходе к «программному бюджету»// Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8-2. – С. 399–404.

⁴ Вагин В. В. Инициативное бюджетирование в Российской Федерации: основные особенности и результаты // Финансовый журнал. – 2015. – № 5 (27). – С. 120–122.

Таблица 1

Распределение проектных форм участия общественности по федеральным округам, (кол-во/%)

Федеральные округа	Регионы с использованием ТОС	Регионы с использованием средств самообложения граждан	Регионы с использованием инициативного бюджетирования
Дальневосточный (9)	1/11,1%	3/33,3%	5/55,5%
Крымский	-	-	-
Приволжский (14)	9/64,3%	7/50%	9/64,3
Северо-Кавказский (7)	1/14,3%	1/14,3%	5/71,4%
Сибирский (12)	7/58,3%	10/83,3%	5/41,7%
Уральский (6)	3/50%	2/33,3%	3/50%
Центральный (19)	8/42,1%	8/42,1%	9/47,4%
Южный (6)	4/66,7%	2/33,3%	2/33,3%
Северо-Западный (11)	2/18,1%	0/0%	5/45,5%

Из таблицы 1 видно, что наибольшая доля проектных форм участия общественности имеется в Приволжском и Сибирском федеральных округах. В указанных округах ярко представлены все формы участия общественности в управлении общественными ресурсами, однако, в других округах наблюдается определенная субординация.

Таким образом, по многим параметрам внедрение проектно-целевых механизмов в субъектах РФ опережает процесс внедрения их на уровне РФ. Однако регионы и их локальные территории постоянно сталкиваются с различными проблемами:

- слабый уровень согласования интересов общественности и органов власти в рамках проектно-целевого управления (формальный общественный контроль за ходом реализации программ, проектов);
- отсутствие методического обеспечения оценки социальной эффективности;
- сильная детализация задач и целей программ и подпрограмм, проектов участия общественности, что ведет к перегруженности индикаторами оценки и низким результатам изначально;
- включение в программы и проекты целевых показателей, не отражающих степень решения задач и критерии измеримости и точности
- сильная зависимость эффективности проектно-целевого управления от ресурсного обеспечения (эффективность программы, проектов, степень достижения целевых значений показателей которых выше, а уровень кассового исполнения расходов федерального бюджета – ниже, оцениваются хуже, чем программы и проекты с более низким уровнем результативности, но высоким уровнем освоения средств)

Мероприятия, необходимые для формирования эффективного проектно-целевого механизма управления региональным развитием, нам видятся: в формировании и законодательном закреплении системы общественного мониторинга программ и проектов, а также центров сопровождения для инициативного бюджетирования, инициативного согласования; в разработке методики оценки удовлетворенности потребителей программно-проектными

услугами; в включение качественных показателей в перечень целевых показателей непосредственных и конечных результатов реализации программ, проектов и усиления контроля за ними; в разработке единой методики оценки инвестиционных проектов, включаемых в паспорт государственных программ; в инвентаризации программ, проектов и ликвидация неэффективных, нефинансируемых (либо неисполняемых) программно-проектных документов

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

*Паникарова С.В., д.э.н.,
Кульпин С.В., к.э.н.
УрФУ, Екатеринбург*

Почти в каждом российском регионе расположены уникальные объекты исторического, архитектурного, культурного и природного наследия. Во многих регионах у власти и общественности сформировано понимание того, что туризм, при эффективном использовании объектов культурного наследия, может стать локомотивом социально-экономического роста, способствующим экономическому, социальному и духовному развитию российских регионов и страны в целом. В то же время, отечественный туризм в целом, и этнокультурный туризм в частности не получили должного развития, соответствующего богатейшему потенциалу российских регионов. Успешная региональная политика в области туризма на сегодняшний день скорее редкость, чем обычная практика.

Культурно-познавательный туризм занимает около 20% российского туристического рынка и развивается в основном в регионах Северо-Западного и Центрального Федеральных округов. По данным Федерального агентства по туризму к регионам лидерам по развитию культурно-познавательного туризма относятся: Москва, Санкт-Петербург, Белгородская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Рязанская, Смоленская и Ярославская области.

Сибирские регионы, особенно республики Алтай, Бурятия, Тыва и Хакасия, несмотря на насыщенность территории объектами культурного наследия, значительно уступают регионам лидерам по количеству туристов. Несмотря на то, что в этих регионах практически повсюду есть возможность развивать этнотуризм на основе знакомства с историко-культурным наследием, национальным искусством, традициями и фольклором коренного населения, характерной этнической кухней и другими проявлениями культуры этноса, составляющими своеобразие местных туристских ресурсов.

Возможно, что одна из причин недостаточного развития туризма в сибирских республиках это типичное для региональных органов управления отраслью и туристических организаций желание охватить все возможные виды туризма и привлечь все целевые аудитории. Отсутствие приоритетов в развитии туризма влечет за собой: а) распыление инвестиций на проекты, которые не принесут отдачи в долгосрочном периоде; б) туманность имиджа региона для

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД – 5743.2016.6

потенциальных туристов; в) предложение неконкурентоспособных туристических продуктов.

Целью данной работы является объединение муниципальных образований Сибирских республик в кластеры, для каждого из которых характерен определенный потенциал развития конкретного вида этнотуризма. Как следствие, для развития этнотуризма в муниципальных образованиях, попавших в один кластер, могут применяться схожие инструменты региональной и муниципальной политики и аналогичные маркетинговые стратегии туристических организаций.

Классификация территорий по потенциалу развития этнотуризма позволит: а) сфокусировать усилия и ресурсы на наиболее перспективных для развития туризма территориях; б) конкретизировать вид туризма и целевую аудиторию, а, следовательно, обосновано разработать маркетинговую стратегию по разработке и продвижению туристического продукта; в) повысить эффективность управленческих решений в выборе и поддержке приоритетных инвестиционных проектов и применяемых инструментов региональной политики в области развития туризма.

Целый ряд современных экономических теорий держат в фокусе своего внимания существенный сдвиг отношений, содержанием которого является переход от экономики производства продуктов к экономике символов, экономике переживаний и впечатлений². Современная «цивилизация досуга», которая, по мнению, Ж. Дюмазедье уже наступила в 1960-70 гг.³, предполагает опережающее развитие сферы культуры, где сосредотачивается огромный рыночный потенциал. При увеличении темпа общественных перемен роль культуры возрастает: она перемещается с периферии в центр социальных интересов и общественного внимания. Тем самым формируется устойчивый интерес к культурному наследию и спрос на культурные услуги, что обеспечивает приток финансовых ресурсов для развития территорий.

Инновационный опыт в самых разных регионах мира доказывает эффективность применения социально-культурных ресурсов для целей системного развития территорий. В ряду существующих примеров такого рода практик - технологии культурного туризма, разного рода фестивальные и «культурно-индустриальные» проекты.

В глобализирующемся мире идентичность, или своеобразие, оценивается очень высоко, что объясняет усиление внимания к этническим культурам в последние годы. По мнению А.В. Костиной и Т.М. Гудимы возрождение этнических культур является сопротивлением наступающим всеобщим стандартам, продуктивной попыткой сохранить свою самобытность⁴. Коммерческий интерес к этническим культурам инициирует реконструкцию этнических традиций, фольклора, быта, промыслов, праздников и т.д., стимулирует создание разнообразных этнопарков, национальных деревень, специальных программ этнокультурного туризма.

Сибирские регионы, особенно республики Алтай, Бурятия, Тыва и Хакасия, несмотря на насыщенность территории объектами культурного

---

² Пайн П. Джосеф Б, Гилмор Джеймс Х. Экономика впечатлений: работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / пер. с англ. – М.: Изд. Дом «Вильямс», 2005. 304 с.

³ Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга//Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования.1993.№1.

⁴ Костина А. В., Гудима Т.М. Культурная политика современной России: Соотношение этнического и национального. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. 240 с.

наследия, значительно уступают регионам лидерам по количеству туристов. Среди причин отставания развития культурно-познавательного туризма в регионах Сибири можно назвать следующие:

1. Отсутствие качественной гостиничной инфраструктуры. Несмотря на рост количества гостиниц в последние годы обеспеченность сибирских регионов гостиничной инфраструктурой меньше, чем в среднем по России⁵. Кроме того, туроператоры отмечают низкое качество обслуживания туристов, даже в сертифицированных гостиницах, не говоря уже о прочих.

2. Недостаточное предложение качественного турпродукта. В большинстве регионов РФ практически отсутствует предложение качественного туристического продукта, соответствующего современным требованиям, включая инфраструктуру развлечений. Особенность Сибирских регионов - дисперсность размещения объектов культурного наследия по территории. В регионах Сибири объекты культуры, в том числе и этнообъекты, разобщены, а иногда и не поставлены на учет и не могут быть введены в сферу туристско-экскурсионного использования. Территориальная удаленность от административных центров, а, иногда и труднодоступность, затрудняет разработку туристического продукта.

3. Проблема транспортной доступности. Для многих Сибири регионов существует проблема транспортной доступности туристических центров. Слишком большая доля транспортной составляющей в общей стоимости тура, делает неконкурентоспособным предложение на внутреннем рынке по сравнению с зарубежными поездками. Недостаточное использование системы скидок на транспорт и размещение ориентируют отечественных туроператоров на иностранные рынки.

4. Несформированный имидж. В Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 г. отмечается сохранение негативных стереотипов восприятия образа России, создаваемого отдельными зарубежными средствами массовой информации. Вместе с тем, недостаточная государственная некоммерческая реклама туристских возможностей страны, как на зарубежных направляющих рынках, так и внутри страны, затрудняет деятельность по целенаправленному формированию позитивного имиджа России как страны, благоприятной для туризма. Низкий уровень бюджетных расходов на позиционирование отрасли ограничивает продвижение туристических возможностей России в целом и ее регионов на мировом рынке.

5. Дефицит квалифицированного персонала. Существует высокий дефицит квалифицированного персонала, способного предложить качественное обслуживание туриста. Особенно заметна острая нехватка менеджеров и маркетологов специализирующихся в событийном туризме. Организация событийного туризма, в особенности этно-, требует совершенно нового вида профессионалов, потому что события требуют четко построенной концепции, хорошо подобранной программы, режиссуры.

6. Проблема развития малого предпринимательства. Специфика туристической индустрии такова, что большая часть деятельности осуществляется субъектами малого предпринимательства. Малый бизнес некоторых сибирских регионов находится на самой начальной стадии развития, что негативно отражается, в том числе, и на сфере туризма.

---

⁵ По данным Федерального агентства по туризму РФ

7. Отсутствие стратегии и концепции развития культурных событий в туризме. Как следствие – отсутствие менеджмента и культуры событий. Событие может стать туристическим, если его информационная поддержка начинается за полгода или, лучше всего, за год до открытия, при этом бюджет на рекламу и маркетинг должен быть равен бюджету на организацию мероприятия.

Типология муниципальных образований проведена методом кластерного анализа.

В качестве объектов исследования выбраны муниципальные районы Республик Бурятия, Тыва, Хакасия и Алтай (56 муниципальных образований), что объясняется спецификой исследования (объекты культурного наследия сибирских республик преимущественно распределены по территории районов, а не сосредоточены в городах).

В процессе проведения типологии территорий мы исходили из того, что основной туристский ресурс полиэтнических регионов Сибири – это материальное и нематериальное культурное наследие. Статистические данные существуют только по объектам материального наследия, поэтому потенциал нематериального наследия предлагается оценивать по доли титульного этноса в общей численности населения (т.е. доле потенциальных носителей нематериального наследия). Основа материального культурного наследия Сибири – археологические объекты, поэтому они выделены в отдельную группу.

Помимо прочего в процессе исследования мы столкнулись с тем, что множество природных объектов исследуемых регионов имеют историческое, культурное и религиозное значение для местных жителей и, именно благодаря сохранившимся легендам, мифам и ритуалам, могут быть привлекательны для туристов. Поэтому исторические, культурные и природные памятники объединены в одну группу.

Кроме того, важный фактор в развитии того или иного вида туризма – это уровень социально-экономического развития территории. Так сложилось, что Южная и Юго-восточная Сибирь – это территория в основном дисперсного или пионерного экономического освоения. Уровень экономического развития территории определяет возможности развития туризма и вид туризма. Например, слабо освоенные территории с низкой плотностью населения и отсутствием промышленного производства могут быть интересны для развития аборигенного и экологического туризма. В то же время на таких территориях ограничен туризм, целевые группы которого требовательны к качеству инфраструктуры. Поэтому в процессе исследования учитывались среднедушевые показатели сельскохозяйственного и промышленного производства.

Для кластеризации определены следующие переменные: плотность населения (Var1); доля титульного этноса в общей численности населения (Var2); плотность объектов археологического наследия на 1 тыс. кв. км. (Var3); плотность историко-культурных и природных памятников на 1 тыс. кв. км. (Var4); объем сельскохозяйственной продукции на душу населения (Var5); объем продукции промышленности на душу населения (Var6).

Поскольку все кластерные алгоритмы нуждаются в оценках расстояний между кластерами или объектами, при вычислении расстояния необходимо задать масштаб измерений. Т.к. различные измерения используют абсолютно различные типы шкал, первичные данные были стандартизованы, так что каждая переменная имеет среднее 0 и стандартное отклонение 1.

На первом этапе было выяснено, формируют ли муниципальные образования естественные кластеры, которые могут быть осмыслены. Исходя из визуального представления результатов, было сделано предположение, что 56 муниципальных районов республик Хакасия, Бурятия, Алтай и Тыва образуют семь естественных кластеров, объединяющих 51 муниципальное образование⁶. Данное предположение было проверено путем разбивки исходных данных методом К средних на 7 кластеров. С помощью дисперсного анализа определена высокая значимость различия между полученными кластерами.

Разработка типологии позволила выделить территории - точки роста, являющиеся наиболее перспективными для развития конкретных видов туризма и их продвижения узкой целевой аудиторией.

Содержательная характеристика выделенных кластеров дана в таблице 1.

Таблица 1

Состав и характеристика кластеров по потенциалу и виду этнотуризма в республиках Сибири

Кластер	Количество МО	Средние значения стандартизированных переменных					
		Var1 (плотность населения)	Var2 (доля титульного этноса в общей численности населения)	Var3 (плотность объектов археологического наследия)	Var4 (плотность историко-культурных и природных памятников)	Var5 (объем сельскохозяйственной продукции на душу населения)	Var6 (объем продукции промышленности на душу населения)
1	3	1,1727	-0,8656	-0,2819	3,0501	-0,1340	0,8480
2	2	0,9087	-1,1091	-0,6028	-0,2371	1,2417	4,1280
3	12	-0,4084	1,2146	-0,1698	-0,4069	-0,9094	-0,3495
4	15	-0,3255	0,3453	-0,3923	-0,2824	0,7983	-0,3835
5	11	-0,2861	-1,0112	-0,5273	-0,2577	-0,5444	0,1351
6	2	3,2087	-0,5143	2,4439	-0,1078	-0,2768	-0,4401
7	6	0,1961	-0,4648	1,8143	0,5820	0,6031	-0,2433

Кластер 1 объединяет районы с наибольшей плотностью историко-культурных и природных памятников. Районы кластера равномерно заселены и хозяйственно освоены. Характеризуются относительно высокой плотностью населения, низкой долей коренного населения, средним (и выше среднего) уровнем развития промышленности и сельского хозяйства. Высокая степень концентрации объектов культурно-исторических памятников позволяет здесь развивать культурно-познавательный туризм, концентрация природных объектов – экологический туризм. Относительно развитая инфраструктура позволяет рассматривать возможности для событийного туризма. Потенциал развития этнотуризма высокий. Туризм может стать отраслью специализации. Кластер объединяет Кабанский, Мухоршибирский и Селенгинский районы Республики Бурятия.

Кластер 2 включает два района с наибольшим уровнем экономического развития. Это равномерно заселенные и хозяйственно освоенные территории с относительно высокой плотностью населения, низкой долей коренного населения, с развитым сельским хозяйством и промышленностью. Плотность объектов материального культурного наследия ниже среднего. Потенциал

⁶ Оставшиеся 5 муниципальных образований: Чемальский и Майминский районы Республики Алтай, Муйский и Окинский районы Республики Бурятия и Алтайский район Республики Хакасия пока исключены из анализа.

развития этнотуризма в этих районах низкий. В кластер вошли Тарбагатайский район Республики Бурятия и Бейский район Республики Хакасия.

Кластер 3 состоит из двенадцати районов, особенность которых высокая доля коренного населения. Районы относятся к малозаселенным и малоосвоенным территориям. Плотность населения очень низкая, уровень развития сельского хозяйства и промышленности крайне низкий. Низкая промышленная освоенность территории и высокая доля коренного населения создает возможности для сохранения живой культуры автохтонов и традиционного уклада жизнедеятельности, отсюда этническая специализация сельского хозяйства (в основном отгонно-пастбищное скотоводство), развито традиционное природопользование. Практически отсутствует необходимая для развития туризма инфраструктура. Единственный, возможный для развития вид туризма - аборигенный. В целом потенциал для развития этнотуризма низкий. Кластер включает: Улаганский район Республики Бурятия и Бай-Тайгинский, Дзун-Хемчикский, Кызылский, Монгун-Тайгинский, Овюрский, Тере-Хольский, Тес-Хемский, Тоджинский, Чаа-Хольский, Чеди-Хольский, Улуг-Хемский кожууны Республики Тыва.

Кластер 4 – сюда попали пятнадцать районов с относительно высокой долей титульного этноса в составе населения и достаточно развитым сельским хозяйством. Это районы равномерного экстенсивного сельскохозяйственного освоения с низкой плотностью населения и практически отсутствием промышленности. Специфика хозяйственной специализации: отгонно-пастбищное животноводство. Насыщенность объектами материального культурного наследия низкая. Инфраструктура туризма не развита. Возможно развитие аборигенного и аграрного туризма. В кластер вошли: Еравнинский, Закаменский, Кижингинский, Курумканский, Тункинский, Хоринский, Бичурский районы Республики Бурятия; Усть-Канский район Республики Алтай, Каа-Хемский, Пий-Хемский, Барун-Хемчикский, Сут-Хольский, Тандинский, Эрзинский кожууны Республики Тыва, Богградский район Республики Хакасия.

Кластер 5 объединяет районы дисперсного освоения, с низкой плотностью населения, низкой или ниже среднего долей коренного населения, низкой или ниже среднего плотностью объектов культурного наследия. Уровень развития сельского хозяйства низкий или средний, уровень развития промышленности средний или выше среднего. Сравнительно низкий уровень и материального и нематериального компонентов этнокультурного потенциала ограничивает возможности развития этнотуризма. Существуют некоторые перспективы для развития экологического и экстремального туризма. Кластер включает Баргузинский, Баунтовский эвенкийский, Заиграевский, Прибайкальский, Северо-Байкальский районы Республики Бурятия; Турочакский, Чойский, Усть-Коксинский районы Республики Горный Алтай; Таштыпский, Усть-Абаканский, Орджоникидзеvский районы Республики Хакасия.

Кластер 6 состоит из двух районов, характеризующихся наибольшей заселенностью и наибольшей плотностью археологических памятников. Это равномерно заселенные и хозяйственно освоенные территории с высокой плотностью населения, низкой долей коренного населения, очень высокой плотностью археологических памятников и средней плотностью историко-культурных и природных памятников, сельское хозяйство и промышленность не развиты. Высокая степень концентрации материальных объектов и относительно развитая инфраструктура позволяют говорить о возможности развития

событийного, экскурсионного, культурно-познавательного туризма. В кластер входят Иволгинский район и Кяхтинский районы Республики Бурятия.

Кластер 7 включает районы с высокой или выше среднего плотностью объектов археологического наследия и высокой или средней плотностью памятников архитектуры и истории. Для районов характерен тип дисперсного освоения территории с относительно развитым сельским хозяйством при низком уровне развития промышленности. Высокий уровень этнокультурного потенциала. При невысокой доле титульного этноса этническая культура сохраняется, популяризируется и отчасти вестернизируется. Районы имеют возможность для развития преимущественно культурно-познавательного и событийного туризма. Кластер объединяет: Джидинский район Республики Бурятия; Онгудайский, Кош-Агачский и Шебалинский районы Республики Алтай, Аскизский и Ширинский районы Республики Хакасия.

Таким образом, в процессе кластерного анализа, определено что высокий потенциал культурно-познавательного туризма и событийного туризма у районов входящих в 1-й, 6-й и 7-й кластеры; экологического туризма – у районов входящих в 1-й, 5-й, 7-й кластеры; аграрного – районы 4-го и 7-го кластеров; аборигенного – районы 3-го, 4-го, 7-го кластеров.

Выделены территории с высоким потенциалом туризма, основанного на материальном наследии с элементами этнографии (кластеры 1, 6, 7). Для развития туризма на этих территориях целесообразно:

- создание системы мониторинга использования и сохранности исторических объектов, представляющих научную и культурную ценность;
- вовлечение большего количества памятников археологии в туристический оборот, музеефикация наиболее посещаемых туристами исторических мест, создание при музеях под открытым небом гостиничных комплексов;
- использование современного искусства, этнофутуризма, интерпретация наследия и истории места (ревизия истории, выявление утраченных, забытых фрагментов и введение их в культурный оборот).

Определены территории с высоким потенциалом нематериального культурного наследия (кластеры 3,4). Развитию туризма на этих территориях будут способствовать следующие мероприятия:

- проведение разъяснительной работы с местным населением, нацеленной на становление его позитивного отношения к прибывающим туристам и возможности развития предпринимательской деятельности в профильных и смежных отраслях;
- подготовка менеджеров культуры, кадров национальной культуры, гуманитарных менеджеров, квалифицированных экскурсоводов и менеджеров по культурному туризму;
- восстановление художественных промыслов, создание системы мероприятий по развитию и рекламированию народного искусства и мастерства (проведение выставок изделий народных промыслов и ремесел, организация фестивалей, конкурсов, презентаций);
- содействие развитию живых форм бытования традиционной этнической культуры, расширения социальных функций языка коренных народов (использования его в системе обучения, в сфере управления, культуры и массовой коммуникации).

Обосновано, что, несмотря на богатое культурное наследие сибирских полиэтнических регионов, его использование в развитии туризма затруднено по

ряду причин, некоторые из которых носят субъективный характер и могут быть сглажены корректировкой региональных стратегии развития туризма.

Для более полного использования потенциала республик в этнотуризме предложено применение кластерного анализа в выявлении перспективных территорий.

Муниципальные районы республик Сибири объединены в кластеры, для каждого из которых определены возможные направления развития туризма.

Выделены территории - точки роста для культурно-познавательного, событийного, экологического, аграрного и аборигенного видов туризма.

Предложены рекомендации по реализации потенциала этнотуризма на территории сибирских республик.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

*Паникарова С.В., д.э.н.,
Якимова А.В.
УрФУ, Екатеринбург*

Коренные народы, несмотря на сильное воздействие процессов модернизации и глобализации, сохраняются как относительно самостоятельные этносоциальные образования, базирующиеся на традиционных видах хозяйства и связанной с ними системе природопользования и жизнеобеспечения, особенностями культуры и мировоззрения. Даже те из них, которые на протяжении длительного времени включены в состав развитых государств, «не растворились» в доминирующем обществе, сохраняя многие элементы традиционного образа жизни.

Дискуссия о праве коренных народов планировать и управлять собственным социально-экономическим развитием идет много лет. В то время как «развитые» страны/регионы настойчиво предлагают «неразвитым» странам и территориям направления развития, коренные народы по всему миру отстаивают право на выбор собственного пути. Возникает два фундаментальных вопроса: во-первых, могут ли коренные народы участвовать в глобальной экономике, сохраняя и придерживаясь, при этом, собственных представлений о социально-экономическом развитии, и, во-вторых, какими должны быть механизмы этого участия?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо, уточнить категорию «коренные народы», выявить факторы, определяющие модель включения коренных народов в глобальную экономику, раскрыть варианты трансформации экономики коренных народов в современных экономических условиях, определить принципы экономического развития территорий проживания коренных народов в современных условиях.

Коренные народы - термин, вошедший в международно-правовой лексикон с принятием в 1957 г. Конвенции МОТ № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах». Дальнейшее упрочение позиций этого

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ МД – 5743.2016.6

понятия в международном праве произошло после пересмотра Конвенции 1957 г., когда в новой Конвенции, принятой в 1989 г., речь уже шла о «коренных народах». В соответствии с этими конвенциями под коренными народами понимаются народы, обитавшие на своих землях до прихода туда переселенцев из других районов.

В настоящее время ООН считает, что наиболее прогрессивным подходом к определению коренных народов является критерии самоидентификации на основе принадлежности к самобытной коренной этнической или культурной группе и признание такой идентификации другими. На практике, следовать такому подходу сложно, особенно тогда, когда представители коренных народов получают дополнительные права и льготы. Поэтому в отдельных странах принадлежность к коренному народу определяется более конкретно. Например, в Норвегии главным признаком этничности саамов считается использование саамского языка в быту, а в Швеции важнейшее значения имеет традиционная хозяйственная деятельность (оленоводство). Согласно законодательству США, «индейцем» может считаться человек, доказавший, что один из его дедушек или бабушек были индейцами, проживавшими на современной территории Соединенных Штатов, а в Перу индейцами принято считать лишь тех, кто сохранил племенную организацию и живет на труднодоступных территориях Панамского перешейка.

По мнению авторов, для определения принадлежности к коренным народам при решении практических задач (в т.ч. исследовательских) больше подходят критерии, обозначенные Европейским банком реконструкции и развития. В пояснительной записке которого под коренными народами подразумевается группа, представляющая собой меньшинство в социальном и культурном плане, и отличная от групп, доминирующих в национальной структуре соответствующих стран, которой в той или иной степени присущи следующие особенности:

- самоидентификация на основе принадлежности к самобытной коренной этнической или культурной группе и признание такой идентификации другими;

- коллективная привязанность к географически определенной среде обитания, традиционным землям или территориям предков, а также к природным ресурсам в этой среде обитания и на таких территориях;

- происхождение от народов, которые традиционно не имели товарно-денежных отношений, вели натуральное хозяйство (зачастую кочевое или пастбищное) и чей статус определялся их собственными обычаями или традициями или особым сводом законов или правил;

- наличие культурных, экономических, социальных или политических институтов, основанных на обычном праве и отличающихся от аналогичных институтов доминирующего сообщества или культуры;

- наличие своего языка или диалекта, нередко отличающегося от официального языка или диалекта, характерного для данной страны или региона.

Поскольку нет общепринятого определения коренных народов, численность их в мире по различным оценкам значительно отличается от 250 млн. до 350 млн. чел. Они образуют более 5000 различных групп, проживающих в более чем 70 странах. И хотя они составляют лишь 5 процентов от общей численности населения мира, их доля среди беднейших

слоев населения достигает 15 процентов². В таблице 1. приведено три варианта оценки численности представителей коренных народов в мире.

Как можно увидеть в табл. 1, численность коренных народов по различным оценкам отличается довольно существенно. Пример тому, оценки численности коренных народов в странах бывшего СССР: от 400 тыс. до 28 млн. Такая разница в оценках связана с тем, что различные группы исследователей по разному рассматривают «титulyные нации» РФ и других стран, включая или не включая их в состав коренных народов. По мнению авторов, «титulyные нации» «этнических» (полиэтнических) регионов РФ могут считаться коренными народами, если для них характерны все признаки, выделенные Европейским банком реконструкции и развития (см. выше).

Таблица 1.

Численность коренных народов по регионам мира (млн. чел.)

№ п/п	Регион мира	Вариант 1 (К. Стефонс и др.) ³	Вариант 2 (IWGA 2010) ⁴	Вариант 3 (собственные оценки стран регионов мира) ⁵
1	Китай	91,00	105,23	106,40
2	Южная Азия	60,00	94,90	94,90
3	Страны бывшего СССР	28,00	0,40	0,40
4	Юго-Восточная Азия	26,50	29,84	29,84
5	Южная Америка	16,00	19,53	16,00
6	Африка	14,20	21,98	21,98
7	Центральная Америка/Мексика	12,70	19,07	12,70
8	Аравия	5,00	15,41	15,41
9	США/Канада	2,70	3,29	3,29
10	Япония/Тихоокеанские острова	0,80	0,00	0,80
11	Австралия/Новая Зеландия	0,60	0,46	0,60
12	Гренландия/Скандинавия	0,12	0,10	0,12
13	Всего	257,62	310,21	302,45

Экономика коренных народов не может находиться вне развития современной глобальной экономической системы. Можно выделить четыре группы акторов, с которыми коренные народы, так или иначе, взаимодействуют в процессе трансформации:

- глобальные и наднациональные организации, такие как ООН, ВТО, Всемирный банк и т.п.;
- государственные, региональные и местные власти;
- внешние экономические агенты, такие как корпорации, выступающие поставщиками, покупателями или работодателями для коренных народов;
- бесчисленное множество объединений гражданского сектора, включая негосударственные общественные объединения и группы специальных интересов, такие как Всемирный совет коренных народов, Рабочая группа по

²По данным IWGA – Международной рабочей группы по делам коренных народов. Режим доступа: <http://www.iwgia.org/index.php>

³ Stephens C., Nettleton C., Porter J., Willis R., Clark S. Indigenous peoples' health—why are they behind everyone, everywhere? // The Lancet. 2005. № 366(9479). pp. 10-13.

⁴ International Work Group for Indigenous Affairs. 2010. The Indigenous World 2010. Edison, NJ: Transaction Publishers. Режим доступа: http://www.iwgia.org/publications/search-pubs?publication_id=505

⁵ 258. Indigenous Peoples, Poverty and Development. Draft Manuscript. April, 2010(URL:http://siteresources.worldbank.org/EXTINDPEOPLE/./full_report.pdf)

коренным народам ООН, Всемирная ассоциация коренных народов, Совет Всемирного общества старейшин и др.

На рис. 1. показана схема комплексного воздействия перечисленных акторов на интеграцию коренных народов в современную экономику.

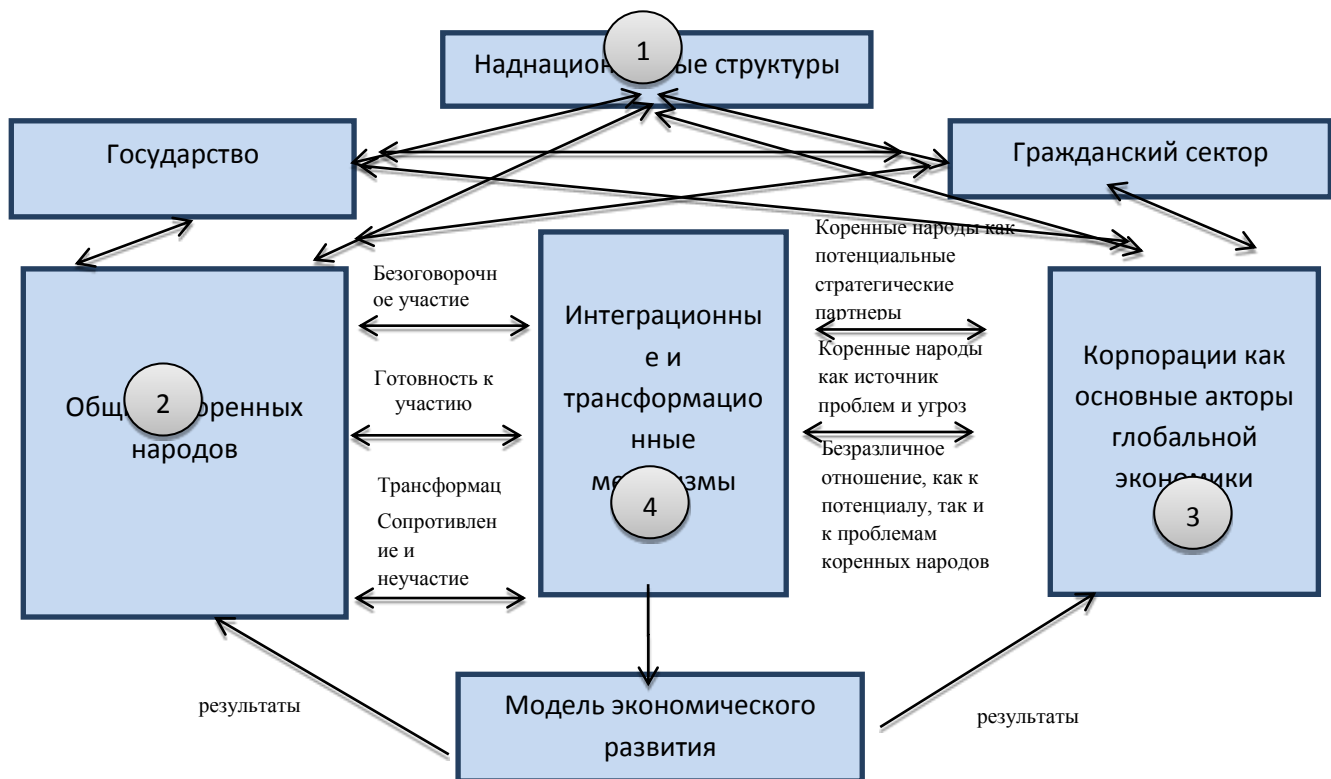

Рис. 1. Интеграция экономики коренных народов в глобальную экономику (Сост. автором по Peredo A.M., Anderson R. W., Galbraith C.S., Honig B., Dana L.P. Towards a theory of indigenous entrepreneurship // Entrepreneurship and small Business, Vol. 1, Nos. 1/2, pp. 1-20)

Сектор 1. Влияние государства, гражданского сектора и наднациональных организаций определяет, наряду с моделью экономического развития, стратегии корпораций и общин коренных народов в глобальной экономике.

Сектор 2. Подход коренных народов к экономическому развитию основывается на внешних и внутренних факторах и формирует стратегии включения коренных народов в глобальную экономику, ожидаемые и реальные результаты участия.

Сектор 3. Вектор отклика корпораций на вопрос включения коренных народов в глобальную экономику зависит от мотивирующих факторов (включая результаты государственной и международной политики), корпоративных стратегий и ожидаемых и реальных результатов интеграции коренных народов.

Сектор 4. Ожидаемая и реальная модель экономического развития формируется через взаимодействия 1-3 и находится в постоянной динамике.

Учеными предлагаются различные типы модернизации: 1) предложенные А. Туреном «контромодернизация» (альтернативный вариант модернизации по незападному образцу) и «антимодернизация» (открытое противодействие модернизации); 2) предложенная Штомпкой П. «ложная

модернизация» под которой автор подразумевает несогласованное, дисгармоничное, внутренне противоречивое сочетание трех элементов: современных черт в отдельных областях общественной жизни; традиционных, домодернистских характеристик во многих других областях и всего того, что облачали в изысканные одежды, призванные имитировать современную западную действительность;⁶ 3) Н.Наумова рассматривает «рецидивирующую модернизацию», т.е. модернизацию, социальная цена за которую неприемлемо высока, и выражается в массовых проблемах социально-экономического, политического и т.п. характера⁷; 4) Эйзенштадт Ш. предлагает понятие частичной модернизации, которая сводится к тому, что «формирование новых институтов и современных организационных принципов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации»⁸.

Признание исследователями существования различных вариантов модернизации свидетельствует о распространении мнения о невозможности механического воспроизведения опыта развитых государств слаборазвитыми странами/регионами. Напротив, некоторые ученые, например, В. Хорос утверждают, что «модернизация, развитие могут успешно осуществляться лишь на почве собственных национальных традиций»⁹. Здесь немаловажную роль играет внутренний потенциал модернизируемого общества. Примером может послужить успешный опыт модернизации «новых индустриальных стран», которые заставили заговорить о «модернизации без вестернизации» (в противовес вестернизации без модернизации в Египте и Филиппинах).

Тем не менее, многие экономисты все еще выдвигают аргументы за модернизационные программы, в основе которых лежит вера в то, что ограничения экономического роста в некоторых странах/регионах отчасти обусловлены особенностями социально-культурных и институциональных характеристик коренных народов. Например, двигаясь по направлению к экономической глобализации, такие международные организации как ВТО или межрегиональные - как НАФТА, зачастую, ультимативно призывают к модернизации в классическом ее понимании и ассимиляции.

Дискуссия о том, несет ли движение к модернизации коренным народам возможности для устойчивого развития или угрожает их существованию, еще не закрыта. На наш взгляд модернизация не исключает культурную вариативность и сохранение традиционных элементов хозяйственной культуры. Успех модернизации зависит, таким образом, не от интенсивности реформ или заимствований, которые порой пересаживаются на традиционную почву, еще не готовую их воспринять, а от формирования институциональной структуры, в которой возможно конструктивное взаимодействие традиционных и современных (заимствуемых) ценностей и норм.

Текущий этап модернизации для коренных народов означает увеличение открытости на внешний мир, социально-экономические

---

⁶ Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. — М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

⁷ Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? -М.:Едиториал УРСС, 1999. 176 с.

⁸ Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации.// Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. — М.: Аспект Пресс, 1998. С. 473

⁹ Хорос В. Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты)// Мировая экономика и международные отношения.1991. №8.С. 70-79.

изменения, возвышение роли социальных, культурных, экологических ценностей (качества жизни) местных сообществ, которые на прошлом этапе всегда были в тени производственных. Успешность модернизационного перехода в такой интерпретации определяется не столько внедрением технологических, экономических, социальных, политических, культурных и других институтов, свойственных постиндустриальному обществу, сколько органичностью, естественностью соединения в этих институтах модернизации и традиций.

Самобытные культуры и исконный образ жизни коренных народов исторически связаны с характерными природными ландшафтами, от которых не могут быть отделены без риска этносоциального кризиса и культурной ассимиляции. В значительной мере эта этноэкологическая связь основана на экстенсивных практиках природопользования, которые всегда являлись основой жизнеобеспечения коренного населения и сохраняют эту роль в настоящее время. Традиционные формы хозяйства аборигенов не предполагают массового антропогенного прессинга на осваиваемые ландшафты, поскольку ограничены в своем развитии лимитирующими экологическими факторами и в основном сориентированы на обеспечение самого населения необходимыми средствами к существованию в натуральном виде.

Политика развития, которая сосредоточивается на увеличении производства товаров, не обеспечивая устойчивости ресурсов, на которых это производство основано, рано или поздно столкнется с падением производительности. Местное население само должно участвовать в охране и рациональном использовании природных ресурсов, для этого ему нужен доступ к земле, природным ресурсам и достаточное количество средств, чтобы начать продуктивно работать. Благополучие коренного населения, составляющего значительную часть населения Земли, зависит от возобновляемых ресурсов и экосистем.

Из всех возможных вариантов трансформации экономики коренных народов принципам устойчивого развития в большей степени соответствуют постиндустриальная трансформация (экспорт традиционных знаний, культурного наследия, туристских впечатлений, духовных практик и т.д.) или развитие неотрадиционной экономики (производство экологически чистых продуктов сельского хозяйства и природопользование) (рис.2).

Таким образом, экономика коренных народов не может находиться в стороне от глобализации. Варианты интеграции коренных народов в мировую экономику могут существенно отличаться в зависимости от политики международных организаций, отдельных государств, активности гражданского сектора, стратегий корпораций. Взаимодействие перечисленных акторов формирует модель экономического развития, которая, в свою очередь, определяет механизмы интеграции коренных народов в глобальную экономику. В зависимости от условий интеграции и состояния экономики коренных народов может возникнуть несколько вариантов трансформации этноэкономики. Некоторые из этих вариантов могут обеспечить интеграцию этноэкономики в мировую экономику, не нарушая институционального устройства этнического сообщества

Масштаб (направление) трансформации

Доиндустриальное
Индустриальное
Постиндустриальное

	6. Модернизационное догоняющее развитие (импорт инноваций, знаний, технологий, институтов и т.п.)	7. Постиндустриальная экономика (экспорт традиционных знаний, культурного наследия, туристских впечатлений, духовных практик и т.д.)
	4. Индустриализация экономики коренных народов (импортируют в основном средства производства, машины и оборудование)	5. Сырьевое развитие экономики коренных народов (экспорт природно-сырьевых ресурсов)
1. Изоляция (племена и общины, живущие натуральным хозяйством)	2. Иждивенчество (общины коренных народов, живущие за счет государственных программ и проектов международных организаций)	3. Неотрадиционная экономика (производство экологически чистых продуктов сельского хозяйства и природопользование)
<i>Слабая степень включенности или отсутствие</i>	<i>Потребители продукции глобальной экономики (импорт значительно превышает экспорт)</i>	<i>Поставщики глобальной экономики (экспорт заметно превышает импорт)</i>

Формат включенность коренных народов в глобальную экономику

Рис. 2. Варианты трансформации экономики коренных народов (Сост. авторами).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАСЧЕТА ФОРМИРОВАНИЯ, РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ НА ТЕРРИТОРИЯХ*

*Пасынков А.Ф., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Как известно, в центральной СНС выделяются пять институциональных секторов экономики: сектора финансовых и нефинансовых корпораций; сектор государственного управления; домашних хозяйств и Сектор некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства (НКООДХ). В целях упрощения расчетов по секторам, формируемых на территориальном уровне, мы предлагаем для исследований формировать лишь три сектора: «Корпорации», «Государственное управление», «Домашние хозяйства», и соответственно, внести изменения в методологическую базу их построения.

Сектор «Корпорации» в СТС является основным для формирования доходов экономики территории, в него также включаются финансовые заведения, которые в центральных счетах выделяются в отдельный сектор. Исходя из концепции СНС, выделение финансовых заведений в отдельный сектор продиктовано самой природой его деятельности – то есть предоставление посреднических услуг по финансовым операциям, и основной деятельностью данного сектора является перераспределение финансовых ресурсов между субъектами экономики. Однако отображение добавленной стоимости финансового сектора в СНС происходит примерно также как и в нефинансовом, с учетом специфики его деятельности. То есть валовая добавленная стоимость финансового сектора состоит из затрат на заработную плату работников, налоговые платежи и смешанные доходы, с той лишь разницей, что промежуточным потреблением выступает право за пользование финансовыми ресурсами (проценты, выплаты и т.д.).

Используя секторальный принцип формирования и использования доходов региона, наиболее сложной задачей является выделение добавленной стоимости из видов экономической деятельности в сектора. Стоит отметить, что любая система перевода добавленной стоимости из отраслей в сектора является достаточно спорной и условной (так же как и на национальном уровне). Поэтому автор предложил метод учета формирования добавленной стоимости в рамках институциональных секторов территорий на уровне регионов РФ.

Основывается он на следующих предположениях и постулатах:

а. Включение добавленной стоимости территорий по разделам А-К видов экономической деятельности полностью в сектор «Корпорации», с выделением раздела J в качестве финансового раздела.

б. Включение в добавленную стоимость сектора «Государственное управление» подразделов L, M, N.

с. В разделе O (Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг), половина добавленной стоимости региона относится к сектору нефинансовых корпораций.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 16-06-00436 «Система территориальных счетов: концептуальные и методологические особенности построения в России»

d. В добавленной стоимости сектора «Домашние хозяйства» мы предлагаем учитывать доходы по малому бизнесу, включив в него доходы и налоговые платежи малых форм предпринимательства (некорпоративные предприятия), что фактически будет являться еще одним первичным источником формирования валового продукта территории, ранее не учитываемого в официальной статистике.

На территориальном уровне (муниципальные образования) автором вводится допущение по сектору «Корпорации», заключающееся в том, что валовые смешанные доходы предприятий необходимо рассчитывать не производственным методом, а методом конечного использования доходов. К основным положениям относятся:

1) Основным элементом добавленной стоимости корпоративного сектора является заработная плата наемных работников, которая включает в себя социальные платежи в региональных таблицах формирования ВДС. На муниципальном уровне публикуется информация только о валовой начисленной заработной плате по отраслям экономики, которую можно взять за основу при исчислении добавленной стоимости данного компонента сектора корпорации. Платежи в социальные фонды (Пенсионный фонд, медицинского и социального страхования) по муниципальным образованиям необходимо определять по первичным источникам данных (территориальные представительства фондов), которые взаимоувязываются с доходами госсектора.

2) Налоговые платежи (на производство), учитываемые в добавленной стоимости корпораций, не в полной мере отражают общий финансовый поток, уплачиваемый сектором в пользу государственного управления. Поэтому в состав добавленной стоимости сектора предлагается включать все налоговые платежи (по аналогии с региональным уровнем), по той же схеме, с выделением типа платежей.

3) Валовые смешанные доходы сектора корпораций, хотя и достаточно условно, можно разделить на три части: первое, это налоги с доходов предприятий (налог на прибыль и др.); второе – это амортизационные отчисления, формирующиеся как доходы в СНС; в-третьих, прибыль, передаваемые собственникам (аналог чистой прибыли), которой бенефициары используют по собственному усмотрению.

В данном контексте, возможно использование некоторого допущения, принятого во многих странах мира, о том, что создаваемая добавленная стоимость принадлежит в некоторой части не там где она создана, а «собственнику» организации или ресурса, при помощи которого она создана. В этой связи даже в национальных счетах используется понятие национального дохода – то есть созданный в рамках государства добавленная стоимость за вычетом «вывезенных» за границу ресурсов. В этом случае возникает вопрос: является ли сгенерированный доход «заслугой» территории, ведь для ее формирования необходимо было осуществить капитальные вложения за счет других территорий (где зарегистрирована нефтяная компания), использовать внешнюю рабочую силу, привлечь инвестиции.

Таким образом, для территориального (муниципального) уровня мы предлагаем использовать метод конечного потребления при расчете смешанных доходов корпоративного сектора: во-первых, налоговые платежи, выплачиваемые из этого элемента дохода, мы можем изъять из потока налоговых платежей территории. Во-вторых, определить поток инвестиционных ресурсов на территории (условно говоря, возмещение амортизации). В – третьих,

исходя из постулатов СНС, что все доходы в конечном итоге трансформируются в доходы домашних хозяйств, определить доходы населения от корпоративного сектора в виде выплат из прибыли.

Сектор «Государственное управление»

Наиболее запутанным, с точки отображения финансовых потоков территорий является государственный сектор. С другой стороны, в связи с переходом на международные стандарты отчетности, по данному сектору имеется достаточно массивный объем данных, как по региональному, так и муниципальному уровню управления.

Основным отличием отображения потоков на муниципальном и региональном уровнях в СТС от центральных счетов является учет операций государственного сектора в части использования средств. Расходы государственного бюджета можно разделить на несколько частей: это прямые (денежные и товарные) выплаты населению, субсидии различным организациям (бюджетным и коммерческим), расходы на оказание услуг обществу, инвестиции и прочие расходы. Поэтому на территориальном уровне в государственном секторе возникает противоречие: с одной стороны, коллективные услуги должны отображаться как «дополнение» к конечному потреблению граждан, не связанных с денежными выплатами, а с другой – эти расходы сами формируют добавленную стоимость территорий, причем, совершенно неравномерно. Поэтому, в целях устранения данного противоречия, мы решили несколько видоизменить систему учета и отображения коллективных услуг в рамках Системы территориальных счетов, рассматривая их как прямые расходы бюджета, в привязке к конкретной территории. Таким образом, определив территориальную привязку финансирования коллективных услуг, мы можем говорить об основных бенефициариях распределения бюджетных потоков в разрезе муниципальных образований.

В целом, выделим ряд принципиальных моментов, связанных с целевым пониманием финансовых потоков сектора государственного управления в рамках СТС, основанных на методологии построения СНС.

1. В отличие от общепринятого деления налоговых платежей по уровням бюджетной системы (федеральные, региональные, местные), мы предлагаем опираться на общий поток платежей, формируемый регионом (муниципальным образованием), так как распределение доходов по уровням бюджетной системы в настоящее время носит условный характер – более значимую роль играют схемы «передачи» полномочий и их финансирование на различных бюджетных уровнях.

2. Исходя из методологии построения СНС, доходы государственного сектора отражаются в разрезе налогов, отчислений на социальное страхование, другие текущие доходы (неналоговые) и капитальные трансферты.

а) Налоговые платежи являются основным источником доходов сектора государственного управления, поэтому используем классификацию СНС для их выделения: это налоги на продукты (не включены в состав добавленной стоимости территорий, однако фактически изымаются из нее – это НДС, акцизы, НДСПИ), другие налоги на производство (учитываются при исчислении ВРП), а также налоги на доходы (домашних хозяйств и предприятий).

б) Согласно методологическим положениям СНС, возможно выделение программ социального обеспечения в качестве отдельной институциональной единицей (подсектором), если они организованы отдельно от сектора государственного обеспечения. На наш взгляд, в Российской Федерации

сложилась именно такая система, поэтому доходы (как и расходы) от отчислений на социальное страхование мы выделяем в отдельный блок фондов социального обеспечения (обязательное медицинское страхование, социальное страхование и пенсионный фонд), структурно входящий в государственный сектор управления.

3. В дополнение к фондам социального страхования, в финансовом балансе территорий авторами выделяется еще один подсектор – это прямые федеральные расходы на территории, не отображаемые в консолидированных расходах субъекта РФ (т.е. регионального и муниципальных бюджетов). Таким образом, появляется возможность уточнить как расходную часть государственного управления на конкретной территории, так и более точно учесть вклад сектора корпораций в формирование добавленной стоимости видов экономической деятельности, в первую очередь – образования и здравоохранения.

4. Основная расходная статья сектора государственного управления – затраты на производство товаров и услуг (т.е. расходы на коллективные услуги) состоит из оплаты труда, промежуточного потребления и потребления основного капитала (п. 22.70). Для определения фактических затрат бюджета на территории, на наш взгляд, стоит использовать показатель добавленной стоимости государственного сектора экономики, не включая промежуточное потребление, так как его экономический смысл заключается в отображении затрат государства, связанных с формированием добавленной стоимости (заработная плата, налоги и инвестиции).

Таким образом, по институциональному сектору «Государственное управление» формируется ряд взаимосвязанных счетов, отображающие как структуру поступления налогов с территорий по классификации СНС, так и расходы, понесенные всеми структурными подразделениями сектора в разрезе формирования добавленной стоимости.

Сектор «Домашние хозяйства»

Данный сектор, в значительной своей части, является зависимым от других секторов экономики территории. Так, заработная плата наемных работников, государственного управления напрямую отображается в доходах сектора домашних хозяйств, как и прямые социальные выплаты населению. В отличие от используемых подходов в СНС, когда ряд доходов населения отображается только на макроэкономическом уровне, в СТС нам необходимо определить все доходы домашних хозяйств в привязке к конкретной территории.

Для решения данной задачи, в Системе территориальных счетов по данному сектору автором были предложены следующие изменения в методологию учета хозяйственных операций.

1. Оплата труда наемных работников формируется из расчетных данных секторов корпорации и государственное управление, а доходы наемных работников, получаемых от некорпорированных предприятий (малый бизнес), в силу невозможности их выделения, относим к категории смешанного дохода самозанятых лиц. К тому же, от сектора корпорации рассчитываются изъятия дохода (дивиденды).

2. Таким образом, в доходах домашних хозяйств мы выделяем условный подсектор малого бизнеса – это доходы некорпорированных предприятий домашних хозяйств и их наемных работников. В данном случае применяем так называемый прием перемаршрутизации доходов, используемый

в СНГ, когда добавленная стоимость некorporированных предприятий с наемными работниками отражается как получаемый собственниками.

3. Основным потоком доходов в трансфертах домашних хозяйств являются перераспределительные операции от сектора государственного управления, в виде «денежных» выплат и передачи капитальных трансфертов напрямую, либо с использованием специализированных фондов (прямых федеральных расходов). Причем в данном секторе немаловажную роль играют социальные пособия всех видов и пенсии, получаемые по разным каналам домашними хозяйствами.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

*Попов Е.В., чл.-к. РАН
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Современное развитие экономической теории характеризуется значительным многообразием различных подходов к анализу хозяйственной деятельности. При этом сама хозяйственная деятельность экономических агентов претерпела значительные изменения за последнее десятилетие.

К элементам формирования «хаоса» в экономической теории можно отнести следующие положения.

Во-первых, кризис господствующей в университетах неоклассической парадигмы экономической науки, обеспечивающей красивые математические построения, но не соответствующие реалиям хозяйственной жизни. Кризис неоклассической парадигмы наиболее ярко проявился в невозможности предсказания мирового экономического кризиса 2008 года.

Во-вторых, резкое увеличение разнообразия хозяйственной деятельности. Возрастание значимости общественного сектора экономики привело к необходимости государственного регулирования социальной сферы в противовес примитивному рыночному механизму хозяйствования.

В-третьих, появление новых объектов исследования в экономической науке, связанных с развитием передовых когнитивных и информационных технологий. Экономика знаний, цифровое общество, зеленая экономика, сетевые структуры требуют более совершенных экономических инструментов анализа.

Таким образом, возникла проблема выделения наиболее приоритетных для современных исследователей направлений экономической теории. Отсюда, цель настоящего исследования – определение перспективных направлений развития экономической теории.

Известно, что согласно Аристотелю «экономика – это наука о разумном хозяйствовании». При этом разумное хозяйствование подразумевает возможность прогнозирования экономической деятельности. А прогнозирование, в свою очередь, может быть осуществлено лишь на основе упрощенного представления о хозяйственной деятельности. Иными словами, на основе модельных представлений об экономической активности.

Наиболее выпукло это положение было раскрыто в пленарных докладах 18-го мирового экономического конгресса, проведенного мировой экономической ассоциацией в июне 2017 года в Мехико.

Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц в своем докладе о динамике неравенства отметил, что теории должны объяснять «стилизированные» факты. И на сегодняшний день наработано большое количество моделей, к которым можно отнести модели бенмаркинга, модели базовой динамики, диффузионные модели и другие. Важно понимать эндогенные изменения в моделях. На развитие экономических моделей значительное влияние оказывают структурные трансформации в сфере сервиса, а также изменения в общественном секторе. По мнению Джозефа Стиглица современный рынок существует в правовой институциональной структуре, следовательно, мы можем моделировать эту структуру. И повестка дня для исследователей: необходимо понять и объяснить направления развития экономики наиболее простым способом.

Нобелевский лауреат Джордж Акерлоф посвятил свой доклад взаимодействию экономики и психологии. Он отметил, что великое дело верить в свободный рынок, но свободный рынок дает нам лишь то, что мы хотим от него получить. И при этом свободный рынок обеспечивает ошибочный выбор для людей – получение только прибыли. Остальные жизненно важные пространства остаются вне рамок рынка. К таким пространствам следует отнести помимо персональной финансовой безопасности, также макроэкономическую стабильность, обеспечение собственного здоровья и мудрое правительство. Поэтому с учетом фундаментальности экономических законов следует учитывать и фундаментальность психологических проблем. Следовательно, психологические теории должны быть частью экономических моделей.

Проблеме влияния общинного управления на глобальное развитие посвятил свой доклад лауреат Нобелевской премии Роджер Майерсон. Он отметил, что общинное управление играет заметную роль в развитии экономики, например, сильно влияние общин кибуцу на экономику Израиля. По мнению докладчика, следует глубоко заниматься экономикой сельских общин и городских поселений.

Модельному подходу в экономике подвел итог профессор Университета Принстона, экс-президент Мировой экономической ассоциации Дани Родрик. Он задал два вопроса: о чем думает Нобелевский комитет при определении лауреатов и что является содержанием экономической теории. И ответил таким образом: экономика – это наука, думающая в терминах моделей. Модели являются «ключом» для научной природы экономической теории. Что делает экономические модели научными? Это, прежде всего, проверка рабочих гипотез, а также прикладное применение моделей для целей прогнозирования. Формирование корректных моделей также способствует сортировке различий в хозяйственных системах и аккумулированию знаний собственно экономической теории. Использование моделей заключается в проверке основных теоретических положений, механизмов и применений в реальной экономике.

Таким образом, основной посыл 18-го Мирового экономического конгресса заключается в том, что «экономика – это наука, думающая в терминах моделей, и модели являются основанием для научной природы экономической теории».

Можно ли оценить изменение объектов исследования по анализу публикационной активности? Основная тенденция в развитии института публикационной активности заключается в положительной динамике роста числа научных публикаций. Однако изменение объектов исследования можно проследить по динамике изменения тематики, представленной в такой библиографической характеристике опубликованных статей, как ключевые слова.

В качестве объекта изучения был выбран массив относящихся к экономической науке статей, зарегистрированных в БД Scopus. По ключевым словам можно определить относительный индекс роста количества (PI) статей по данной теме К (ключевым словам), исходя из простого соотношения:

$$PIK = P(2016)K/P(2006)K,$$

где P(2016)K, P(2006)K – количество статей, зарегистрированных в БД Scopus по К-той теме (ключевым словам) в 2016 и 2006 гг. соответственно. Исходя из доступности данных в БД Scopus, базовым выбран 2006 г.

Простой анализ данных демонстрирует значительную корреляцию тематики исследований и финансового кризиса 2008–2009 гг. Видно, что до финансового кризиса отсутствовали публикации с ключевыми словами “финансовый кризис”. Понятия “монетарная политика” и “издержки” также не входили в состав ключевых слов статей, опубликованных в 2008–2010 гг. После 2010 г. резко сократилось количество работ по экономической теории, из чего можно предположить, что экономико-теоретические исследования не обеспечили адекватное финансовому кризису моделирование хозяйственной деятельности.

Что касается сопоставления тем исследований лауреатов Нобелевских премий по экономике 2000–2016 гг. и ключевых слов статей, зарегистрированных в БД Scopus, корреляция была выявлена преимущественно для шести ключевых слов, среди которых не оказалось таких понятий, как “инновации”, “финансовый кризис”, “образование”. Полученные результаты убедительно демонстрируют отставание индекса роста количества статей по ключевым словам тематики исследований лауреатов Нобелевских премий по экономике 2000–2016 гг. от индекса роста количества статей по тематике “инновации”. Такое же отставание наблюдается и по тематике “человек”, отдельные приближения фиксируются для исследований по тематике “экономический рост” и тематике “финансовый кризис”. Полученные результаты говорят о наличии парадокса отставания развития методологии экономической науки от изменения культуры научного сообщества.

Несмотря на то, что использованная в данном исследовании модель имеет очень условный характер, поскольку изменение индекса роста количества статей является лишь одним из показателей трансформации культуры научного сообщества, она позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, отставание методологии экономической науки представленной в трудах лауреатов Нобелевских премий по экономике, от развития культуры научного сообщества связано прежде всего с временным запаздыванием признания Нобелевским комитетом заслуг того или иного учёного. Действительно, премия присуждается в том случае, когда вся научная общественность уже ознакомилась с трудами лауреата и сформировалась критическая масса положительных отзывов. Одним из ярких примеров временного запаздывания можно считать вручение Нобелевской премии Р. Коузу в 1991 г. за работу “Природа фирмы”, опубликованную в 1937 г.

Во-вторых, полученные результаты демонстрируют возрастающий интерес Шведской королевской академии наук к присуждению Нобелевских премий по экономике за работы, выполненные по более современной тематике. Исходя из собранных данных, в ближайшие годы следует ожидать награждение лауреатов, исследования которых соответствуют ключевым словам “инновации”, “человек”, “экономический рост”.

Следует отметить, что семь приоритетов научных исследований, выделенные в Стратегии научно-технологического развития России полностью коррелируют с объектами исследования, выделенными в результате представленного здесь анализа.

Развитие экономической теории привело к появлению серьёзного противоречия между разработанным и применяемым инструментарием. С одной стороны, в мировой и отечественной экономической науке накоплен значительный арсенал методов и средств моделирования хозяйственной деятельности, с другой – современный передовой инструментарий предстаёт чрезвычайно разнородным и не систематизированным. В ближайшие годы следует ожидать активной систематизации экономико-теоретического инструментария, как по методам, так и по объектам исследования.

В настоящее время в теоретических экономических исследованиях наиболее плодотворно используются неоклассические, институциональные, неоинституциональные и эволюционные подходы. При этом теоретические исследования показывают, что перечисленные направления отвечают одному и тому же представлению хозяйственной деятельности, а последние три направления экономического анализа легко могут быть интерпретированы как институционально-эволюционная экономическая теория, поскольку развитие институциональных систем адекватно описывается в рамках эволюционного подхода.

Пророческие слова Т. Веблена о том, что экономика основана на деятельности институтов как “устойчивых привычек мышления, присущих большой общности людей”, стали отправной точкой формирования современных взглядов на экономическую теорию. Неоклассическая теория, являвшаяся главным направлением экономической науки конца XX в., отходит на второй план из-за значительного количества ограничений, накладываемых на оценку анализируемых событий. Такие принципы, лежащие в основании неоклассического направления, как необходимая рациональность поведения экономических агентов, внимание к экзогенным по отношению к хозяйственному субъекту факторам и

предельным параметрам в равновесном состоянии, вынуждают сегодня рассматривать этот вид экономического анализа не более чем как обязательное упражнение для студентов. Реальные же экономические ситуации наиболее адекватно могут быть описаны в рамках институционально-эволюционного подхода, позволяющего работать

со сложными неравновесными ситуациями, например динамикой формирования и развития институциональных ловушек. Отсюда и то преимущество, что институционально-эволюционные методы обладают по сравнению с неоклассическим инструментарием большей прогностической силой. Показателем перехода инструментального аппарата экономической науки от неоклассической (ортодоксальной) теории к институционально-эволюционному представлению хозяйственной деятельности явилось создание в начале нынешнего столетия международной Ассоциации гетеродоксальной экономики.

Таким образом, в результате определения перспективных направлений развития экономической теории получены следующие результаты.

Во-первых, на основании результатов 18-го мирового экономического конгресса показано, что экономика – это наука, думающая в терминах моделей, и модели являются основанием для научной природы экономической теории.

Во-вторых, показано значительное временное отставание изменения тем исследований лауреатов нобелевских премий по экономике от развития культуры научного сообщества, что объясняется временным запаздыванием присуждения премии по отношению к моменту получения отмеченного Нобелевским комитетом научного результата.

В-третьих, исходя из сравнения индексов роста статей, по ключевым словам, БД Scopus, определено, что в ближайшие годы наиболее приоритетными направлениями исследований будет являться модели, основы которых соответствуют ключевым словам “инновации”, “человек”, “экономический рост”.

В-четвертых, также исходя из сравнения индексов роста статей, по ключевым словам, БД Scopus, спрогнозировано смещение значительной части методологии экономической науки в направлении методов эволюционной экономики, бихевиоризма и институциональной парадигмы.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИЙ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ¹

*Пышинцева О.А.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Для эффективного экономического развития и социальной стабильности территории необходимо наличие качественных трудовых ресурсов, а также создание условий для воспроизводства трудового потенциала населения. Однако наращивание трудового потенциала в России, как на региональном уровне, так и на уровне муниципалитетов происходит не равномерно. Основной причиной в диспропорциях регионального воспроизводства трудового потенциала лежит теория пространственного развития, объясняющий объективный характер диспропорций пространственного развития.

В научной литературе существуют различные подходы и методы к оценке трудового потенциала. Особое внимание заслуживают работы коллектива авторов Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Римашевская Н.М. и др.), которые разработали систему компонентов трудового потенциала в виде «древа» свойств, вершиной которого является социальная дееспособность². Качественной оценкой трудового потенциала предприятия занимались ученые Хлопова Т.В. и Дьякович М.П., выделив в составе три компонента: мотивационный (удовлетворенность трудом, отношение к профессионально-квалификационному росту), психо-физиологический (риск утраты здоровья, стрессоустойчивость) и профессионально-квалификационный

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ №16-02-00164 "Научно-методический инструментальный измерения оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России".

² Римашевская Н.М., Бочкарева В.К., Волкова Г.Н., Мигранова Л.А. Качество трудового потенциала в регионах России // Народонаселение. — 2012. — № 3. — С. 118

(соответствие образования профессии, соответствие содержание работы квалификации работников)³.

В Академии наук Республики Башкортостан можно выделить методику Якшибаевой Г.В. в основе, которой лежит системный анализ состава и структуры трудового потенциала страны и региона. Методика Якшибаевой Г.В. основывается на количественных и качественных характеристиках трудового потенциала, что характеризует соответствия трудоспособного населения потребностям рыночной экономики, а также позволяет установить характер и степень трудовой активности⁴. Авторский коллектив Вологодского научно-координационного центра ЦЭМИ РАН ежегодно проводят мониторинг трудовых ресурсов, анализируя следующие качественные характеристики трудового потенциала: здоровье, творческий потенциал, нравственность и умение работать в коллективе, образование, профессионализм, ресурсы рабочего времени⁵.

В основном все исследования трудового потенциала приспособлены для укрупненных макроэкономических оценок регионов с различным уровнем экономического и социального развития и практически отсутствуют исследования по оценке пространственного неравенства трудового потенциала на муниципальном уровне.

Для оценки конкурентных преимуществ трудового потенциала населения на муниципальном уровне был разработан методический инструментарий, включающий систему показателей и методику их анализа.

Трудовой потенциал состоит из трех компонентов, при этом их степень воздействия на трудовой потенциал различна. Отбор показателей для данных компонентов основывалась из принципа более глубокого изучения объекта исследования, в условиях имеющиеся официальной статистической информации на муниципальном уровне.

Демографический блок - комплекс взаимосвязанных сведений о населении и выражается демографической ситуацией субъекта. Демографические процессы оказывают существенное влияние на формирование трудового потенциала через прирост населения, и изменения его половозрастного состава, а также уровня травматизма, смертности трудоспособного населения и степени оттока населения с территории. В данный блок вошли четыре демографических показателя: темп роста численности населения за период 2010-2015гг, доля трудоспособного населения, общий коэффициент естественного и миграционного прироста.

Профессионально-квалификационная составляющая – характеризуется способностью населения к выполнению поставленных задач в рамках определённого вида деятельности. Данный компонент объективно оценивается при помощи следующих параметров: уровень занятости населения, уровень регистрируемой безработицы, уровень экономически активного населения, доля населения с высшим образованием, количество Вузов и СПО.

Мотивационный компонент трудового потенциала – это способность населения осознавать потребность в достижении определенных результатов в

---

³ Хлопова Т.В., Дьякович М.П. К оценке трудового потенциала предприятия// Социологические исследования. 2003. - № 3.- С. 67-74.

⁴ Якшибаева Г.В. Трудовой потенциал республики: количественно-качественная характеристика // Экономика и управления. 2007. - №3. – С. 57-65.

⁵ Гулин, К.А. Трудовой потенциал региона [Текст] / К.А. Гулин, А.А. Шабунова, Е.А. Чекмарева; под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН,2009. – 84 с.

трудовой деятельности через систему мотиваций. Данный компонент имеет субъективную характеристику, которая проявляется через трудовую мобильность населения, удовлетворенность населения в труде, ценностная ориентация к трудовой деятельности (уровень бедности, среднемесячная заработная плата, уровень жизни населения на территории). В данный блок вошли следующие показатели: среднемесячная начисленная заработная плата, соотношение производительности труда и заработной платы, бюджетная обеспеченность, инвестиции в основной капитал.

Для расчета трудового потенциала населения использовался индексный и кластерный методы оценки. Универсальность данных методов заключается в том, что индексный метод основан на относительных показателях, выражающих отношение уровня данного явления к уровню аналогичного явления, принятому в качестве базы сравнения. А кластерный метод сочетает в себе количественные и качественные характеристики объекта исследования путем ранжирования их с определением высокого, среднего и низкого уровня значения.

Перед началом анализа показатели приводятся к сопоставимому виду с помощью нормирования методом относительных разностей.

Затем находятся частные индексы трудового потенциала населения, которые рассчитываются как среднее арифметическое значение показателей, входящие в них.

В конечном итоге рассчитывается интегральный индекс трудового потенциала населения как среднее арифметическое значение 3 частных индексов (табл.1.)

Таблица 1

Интегральный индекс трудового потенциала населения муниципальных образований Екатеринбургской агломерации за 2015г.

	Частные индексы			Интегральный индекс трудового потенциала населения
	Демографическая составляющая	Профессионально-квалификационная составляющая	Мотивационная составляющая	
МО "город Екатеринбург"	0,763	0,835	0,471	0,690
Березовский ГО	0,616	0,434	0,237	0,429
ГО Верхняя Пышма	0,852	0,366	0,638	0,618
ГО Среднеуральск	0,765	0,316	0,427	0,503
Арамилский ГО	0,607	0,595	0,455	0,553
Сысертский ГО	0,411	0,297	0,127	0,278
ГО Первоуральск	0,279	0,343	0,120	0,247
ГО Ревда	0,410	0,327	0,222	0,320
ГО Заречный	0,497	0,491	0,592	0,527
ГО Дегтярск	0,283	0,372	0,157	0,271
Полевской ГО	0,252	0,390	0,243	0,295
ЗАО Новоуральск	0,332	0,441	0,287	0,353
Асбестовский ГО	0,090	0,377	0,214	0,227
Кировградский ГО	0,033	0,307	0,373	0,238
Режевской ГО	0,249	0,256	0,414	0,306
Невьянский ГО	0,171	0,319	0,168	0,219
ГО Богданович	0,267	0,406	0,190	0,287

После расчетов интегрального индекса трудового потенциала населения числовые значения подверглись кластеризации. Для определения количества кластеров использовался формально-математический способ по формуле Стенджесса:

$$n = 1 + 3.3322 \cdot \lg N,$$

где n – число групп, N – число единиц совокупности (в нашем случае он равен – 17).

Для определения интервала групп необходимо определить ширину равного интервала, по формуле:

$$h = \frac{x_{max} - x_{min}}{n}$$

где h — ширина равного интервала; x_{min} , x_{max} — максимальное и минимальное значение преобразуемого показателя среди муниципалитетов, n – число групп.

В результате было выделено 5 основных групп: низкий уровень трудового потенциала, уровень трудового потенциала ниже среднего, средний уровень трудового потенциала населения, уровень трудового потенциала выше среднего, высокий уровень трудового потенциала населения. Результаты кластеризации за 2015г. представлены в табл. 2

Таблица 2

Кластеризация муниципальных образований Екатеринбургской агломерации по значениям интегрального индекса трудового потенциала населения за 2015г.

Градации значения	Уровень интегрального индекса трудового потенциала	Количественная оценка субъектов, отнесенная к определенной группе	
		2015	
до 0,313	очень низкий	9	ГО Дегтярск, Полевской ГО, Асбестовский ГО, Кировградский ГО, Режевской ГО, Невьянский ГО, ГО Богданович, Сысертский ГО, ГО Первоуральск
от 0,314 до 0,407	ниже среднего	2	ГО Ревда, ЗАТО Новоуральск
от 0,407 до 0,502	средний	2	Березовский ГО, ГО Среднеуральск
от 0,502 до 0,595	выше среднего	2	Арамильский ГО, ГО Заречный
более 0,595	очень высокий	2	МО "город Екатеринбург", ГО Верхняя Пышма

Наиболее низкий трудовой потенциал отмечается в 9 муниципальных образований в основном находящихся в третьем поясе екатеринбургской агломерации. Факторы, оказывающие негативное влияние для данной группы являются географическая отдаленность от центра агломерации и очень низкий демографический и экономический потенциал. На протяжении многих лет на данных территориях наблюдается устойчивая тенденция убыли населения: миграционная и естественная убыль населения. Причем с территории уезжают молодежь из-за неразвитости социальной, образовательной и экономической инфраструктуры. Они ориентируются на благоприятные условия быта и отдых и возможности получение образования и высокой квалификации. Эти мотивы заставляют их переселяться в те города, которые отвечают их потребностям.

Низкий уровень трудового потенциала населения находится под существенным влиянием агломерационных процессов в Свердловской области, чем дальше от Екатеринбурга, тем ниже уровень трудового потенциала

населения. Уровень трудового потенциала населения начинает снижаться в радиусе 50 км от ядра агломерации, поскольку Екатеринбург наиболее динамично развитый в социальном и экономическом плане, тем самым привлекая молодых и перспективных специалистов из городов области, снижая качественные параметры трудового потенциала муниципальных образований находящихся в ареале влияния его.

К кластерам относящихся к среднему, выше среднего и высокого уровня трудового потенциала относятся муниципальные образования, находящиеся в непосредственной близости с ядром агломерации и являющиеся его спутниками. К ним относятся городские округа Березовский, Среднеуральский, Арамилский, Заречный и Верхняя Пышма. Высоким уровнем демографического потенциала характеризуются данные территории, поскольку на протяжении 20 лет население увеличилось на 15-20%, положительным миграционным приростом за 4 года составил от 105 чел. (Арамилский ГО) до 6605 чел. (ГО Верхняя Пышма). На данных территориях происходит концентрация занятости населения, причем доля населения имеющих высшее образование возрастает до 25% от общего населения (ГО Верхняя Пышма), снижается уровень безработицы и возрастает экономическая активность населения.

Таким образом, пространственное неравенство воспроизводства трудового потенциала Свердловской области характеризуется территориальной несбалансированностью распределения трудовых ресурсов по территории области, неравномерностью социально-демографического развития отдельных территорий и нарастающих агломерационных процессов в регионе, усилением дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований.

Федеральным законом Российской Федерации от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в качестве «ядра» стратегии социально-экономического развития субъекта РФ определена региональная социально-экономическая политика.

Предусмотренная названным законом актуализация реализуемых ныне в субъектах РФ стратегий их развития, сопряжена с постановкой новых задач такой политики. Их состав, наряду с избирательной составляющей, отражающей специфику региона (достигнутый уровень развития, имеющиеся у него относительные конкурентные преимущества, потенциал развития), включает и инвариантную. Раскрывая содержание последней, сфокусируем внимание на задачах региональной политики, значимых для любого субъекта РФ.

Предварим позиционирование их состава двумя акцентами. Первый связан с тем, что региональная социально-экономическая политика разрабатывается и реализуется федеральным центром и регионом.

В этой связи, отметим, что предлагаемые ниже задачи имеют отношение к политике, инициатором разработки которой выступают органы государственной власти субъекта РФ.

Второй акцент обусловлен тем, что региональная социально-экономическая политика является сложным феноменом, отличающимся высоким уровнем разнообразия образующих ее видов политики (кластерная, промышленная, научно-технологическая, пространственного развития, инвестиционная и др.).

В этой связи, считаем необходимым сфокусировать внимание на задачах, значимых для каждого из названных видов региональной политики.

По нашему мнению, в составе новых задач региональной кластерной политики оправданно выделить следующие:

1. Расширение состава и повышение уровня разнообразия формируемых и функционирующих в регионах кластеров.

Важно при этом отметить, что ожидаемый при этом эффект не может быть сведен к количеству созданных кластеров. Более значимыми его составляющими являются характер и сферы деятельности формируемых и развиваемых кластеров.

Речь идет о том, чтобы, во-первых, новые кластеры были изначально ориентированы на внедрение прорывных технологий, т.е. имели статус инновационных, во-вторых, процессы кластеризации обеспечивали формирование и реализацию новых конкурентных преимуществ субъектов РФ.

2. Укрепление позиций региональных кластеров в национальном экономическом пространстве, их выход на новые сегменты (продуктовые, географические) мирового рынка товаров и услуг.

3. Ориентация кластерных проектов на использование потенциала межмуниципального взаимодействия.

Деятельность кластеров этого вида востребована для мобилизации неиспользуемых, или слабо используемых ныне ресурсов муниципальных районов и на этой основе – развитие внутрорегиональной кооперации. Такой процесс необходим для укрепления целостности экономики субъекта РФ.

4. Обеспечение приращения экономического потенциала кластеров посредством развития научной и производственной кооперации хозяйствующих субъектов разных регионов.

Иными словами, востребовано появление кластеров, участниками которых становятся коммерческие и бюджетные (вузы, НИИ) организации регионов России, в первую очередь, соседних.

5. Формирование «открытых» кластеров, потенциальными участниками которых могут оказаться зарубежные компании, выступающие не только в роли инвесторов, но и потребителей продукции кластеров, предоставляющие для ее сбыта на зарубежных рынках свои каналы и коммуникации.

Учитывая заметное смещение российских производителей товаров и услуг на новые географические сегменты (преимущественно, азиатские) мирового рынка, предпочтительными участниками таких кластеров могут выступить компании из таких стран, как Вьетнам, Китай, Индия.

Обновление содержания региональной промышленной политики сопряжено, по нашему мнению, с постановкой и решением таких задач, как:

1. Обеспечение опережающего роста наукоемких, высокотехнологичных производств.

2. Создание новых производств, основанных на использовании потенциала пятого и последующих технологических укладов.

3. Создание бизнес-сетей, в которых устанавливаются и устойчиво воспроизводятся на долгосрочной основе различные виды связей (производственные, сбытовые, финансовые) между крупным, средним и малым бизнесом.

4. Развитие бизнес-сетей, в которых устанавливаются и устойчиво воспроизводятся на долгосрочной основе различные виды связей (финансовые, аутсорсинговые и др.) между промышленным и иными видами бизнеса.

5. Вхождение промышленных предприятий региона в крупные интегрированные структуры макрорегионального и национального уровней,

отличающиеся высоким уровнем концентрации капитала, необходимого для инновационного развития.

6. Обеспечение многофункциональной роли производственного персонала в социально-экономической жизни промышленных организаций (развитие систем его участия в собственности, управлении и распределении доходов).

7. Обеспечение устойчивого развития процессов экологизации экономической деятельности промышленных предприятий.

Для региональной научно-технологической политики, на наш взгляд, востребованы постановка и решение таких задач, как:

1. Развитие инфраструктуры инновационной системы, элементами которой выступают предпринимательские и некоммерческие организации, оказывающие широкий спектр услуг по научно-технической подготовке производства, реинжинирингу, трансферу технологий, сертификации продукции и производства.

2. Трансформация действующих в регионе технопарков с целью формирования производственной структуры, способной обеспечить полный цикл инновационного процесса от разработки и экспертизы новшества до выпуска образца товарного продукта и его реализации.

В этой связи необходима более глубокая интеграция научных и образовательных организаций в жизнедеятельность технопарков, превращение этих организаций в якорные структуры. Расширение поля деятельности технопарков связано также с их превращением в центры технологического трансфера и обучения предпринимателей.

3. Повышение уровня разнообразия форм взаимодействия участников инновационной системы региона.

Учитывая достижения зарубежной практики, востребовано дополнение технопарков кооперационными соглашениями, участниками которой могут стать исследовательские структуры опорных вузов региона, отраслевые научно-исследовательские институты, ведущие предприятия реального сектора экономики, цель которых — передача технологий из государственного научного сектора в частно-предпринимательский производственный сектор.

Полагаем, что применительно к современной политике пространственного развития субъекта РФ значимы задачи, состав которых включает следующие:

1. Обновление социально-экономического профиля муниципальных образований.

2. Поддержка предпринимательской инициативы в муниципальных образованиях, развитие малого предпринимательства на селе.

3. Обеспечение высокой пространственной мобильности трудовых ресурсов, выравнивание условий обеспечения занятости на всей территории региона.

4. Развитие транспортной инфраструктуры, обеспечение транспортной доступности всех населенных пунктов.

5. Развитие телекоммуникационной инфраструктуры, устранение цифрового неравенства и обеспечение доступности качественных услуг связи на всей территории области.

Для инвестиционной политики, на наш взгляд, востребована постановка таких задач, как:

1. Формирование условий, благоприятствующих инвестиционной деятельности в экономике, в т.ч. индустриальном секторе (дебюрократизация процедур предоставления разрешительных документов инвесторам; внедрение дистанционных форм взаимодействия инвесторов и органов власти; создание и эксплуатация региональной геоинформационной системы, основанной на решении задач, оперирующих пространственной информацией и др.).

2. Внедрение системы территориального маркетинга, обеспечивающей эффективное позиционирование на национальном и мировом рынках перспективных инвестиционных проектов, региональных производителей и выпускаемой ими конкурентоспособной продукции.

3. Диверсификация сфер реализации инвестиционных проектов, осуществляемых в рамках государственно-частного партнерства. Заметим, что, например, для стран «Большой семерки» с большим отрывом лидирует социальная сфера, абсорбирующая более половины всех проектов.

В этой связи, востребовано усиление социальной ориентации такого партнерства, расширение практики разработки и реализации инвестиционных проектов строительства и эксплуатации больниц, специализированных медицинских центров, детских садов, школ, вузов, спортивных и рекреационных объектов, музеев и др.

4. Расширение источников финансирования, в составе которых: государственные долговые ценные бумаги, средства пенсионных фондов, инвестиционные ресурсы девелоперских компаний, сбережения населения.

ОПЫТ РЕГРЕССИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ЗИМНИХ УСЛОВИЙ НА ВЫВОЗКУ И ФОРМИРОВАНИЕ СЦЕНАРИЕВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ СЕЗОННОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ¹

*Рослякова Н.А.,
ИПУ РАН, Москва,
Прокопьев Е.А., к.э.н.,
Рязанцев П.А., к.г.-м.н.
ИГ КарНЦ РАН, Петрозаводск*

Проблема изменения климата носит глобальный характер. Она прямо или косвенно затрагивает все аспекты существования человеческого общества. Последствия изменения климата отражаются и на экономике. Поскольку они охватывают широкий спектр социально-экономических процессов², оценка влияния климатических изменений является комплексной и требует междисциплинарных исследований. Для транспортной инфраструктуры последствия климатических изменений проявляются на её возможности

---

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ (гуманитарные и общественные науки) по проекту № 17-32-01031 а2 «Исследование экономической значимости сезонной транспортной инфраструктуры в условиях глобального изменения климата (на примере Республики Карелия)»

² Порфирьев Б.Н. Природа и экономика: риски взаимодействия. (Эколого-экономические очерки). М: Анкил, 2011. 352 с.

сохранения и развития, на эффективности и безопасности работы сферы транспортирования. Наиболее актуальными проблемами потепления климата для арктической зоны России будут изменения режимов многолетних мерзлотных грунтов, которые могут приводить к авариям, в частности на трубопроводах и железных дорогах, с техногенными, экологическими и экономическими последствиями. По имеющимся оценкам³ за последние 40 лет климатические изменения привели к уменьшению несущей способности многолетней мерзлоты в среднем на 17%, а в отдельных регионах – до 45%.

Помимо постоянной транспортной инфраструктуры климатические изменения в ещё большей степени влияют на условия функционирования сезонной. В России сезонной транспортной инфраструктурой пользуется небольшая часть населения, однако, значительная часть российской территории обслуживается с её помощью. Для многих отраслей, работающих на территориях со слабым развитием круглогодичной инфраструктуры, использование сезонной позволяет расширять пространственные ареалы деятельности. По разным оценкам к середине XXI в. в России территория, на которой экономически целесообразно эксплуатировать зимники, уменьшится примерно на 1 млн км². В связи с этим актуальна оценка допустимого и возможного уровней использования временной транспортной инфраструктуры для региональной экономики и отдельных отраслевых комплексов.

В Республике Карелия основными строителями и пользователями сезонных зимних дорог являются лесозаготовительные предприятия. Проблема доступности лесных ресурсов является одной из центральных, сдерживающих развитие лесного сектора во многих российских регионах. По оценкам специалистов Россельхоза стоимость строительства 1 км лесной дороги круглогодичного пользования находится в диапазоне от 1 до 20 млн рублей⁴ [3], т.к. эти затраты несут арендаторы лесного фонда, далеко не все из них могут обеспечить финансирование строительства лесных дорог в нужном объёме. Для Карелии ситуация усугубляется избытком заболоченных участков⁵, которые увеличивают стоимость строительства. Строительство зимников относительно дешёвый вариант решения проблемы вывозки древесины с отдалённых лесных участков зимой, при этом лесозаготовители становятся зависимыми от погодных условий. Закономерно, что при существующих тенденциях сокращения площади доступных лесов и ограниченных финансовых возможностях арендаторов лесного фонда роль временных зимних дорог для обеспечения древесиной деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных производств будет возрастать. А вместе с ней будет возрастать влияние климатического фактора на функционирование всего лесного комплекса, что и произошло в Карелии из-за теплых декаблей в 2006, 2007 и 2011 гг.

---

³ Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] / Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (РОСГИДРОМЕТ). Электрон. дан. URL: <http://cc.voeikovmgo.ru/images/dokumenty/2015/od2.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 15.03.2017).

⁴ Рослесхоз предложил ввести понятия «лесная дорога» и «лесной проезд» в Лесной кодекс [Электронный ресурс] / ЛеспромИнформ. Электрон. дан. URL: <http://lesprominform.ru/news/branch/4417-rosleskhoz-predlozhit-vvesti-ponjatija-lesnaja.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 10.03.2017).

⁵ Мониторинг и сохранение биоразнообразия таенных экосистем Европейского Севера России / Под общей редакцией П.И. Данилова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. 310 с.

Целью проведенного эмпирического исследования явилась оценка зависимости показателя вывозки древесины (Rem) от погодных условий пригодных для эксплуатации зимников, в частности от количества дней пригодных для использования снежно-ледяных (ISR) и ледяных (IR) лесовозных дорог. Для каждого из двух типов покрытий были получены 4 переменные, характеризующих количество дней эксплуатации зимника при раннем начале строительства (при сумме среднесуточных температур -100°C), что соответствовало оптимистическим сценариям (индекс «о») и позднему (-130°C), что соответствовало пессимистическим сценариям (индекс «р»). Данные были собраны ежемесячно за период с 1999 по 2009 гг. (120 наблюдений).

Поиск спецификации был начат с построения графика распределения реальных значений ежемесячной вывозки (Rem) в зависимости от числа морозных дней. Графический анализ позволил обнаружить зависимости близкую к линейной для переменной вывозки древесины (Rem) и количества холодных дней (Рисунок 1). Очевидно, что при нулевом количестве зимних дней вывозка изменяется в пределах от 150 до 420 тыс. м³, при увеличении числа морозных дней наблюдается рост вывозки.

Обнаруженная линейная зависимость позволила включить фактор выражающий влияние зимних условий в регрессионные модели. Положительное влияние зимы на переменную вывозки выражается в том, что облегчаются условия для наведения сезонной инфраструктуры в те районы, где её нет, невозможно или крайне трудоёмко создать её в условиях межсезонья или лета. Таким образом, наличие зимы фактически повышает обеспеченность карельских лесозаготовителей транспортной инфраструктурой. Заложить влияние зимнего периода и облегчения условий именно вывозки древесины возможно через фактические данные о количестве морозных дней или через фиктивную переменную (фактор наличия или отсутствия зимы).

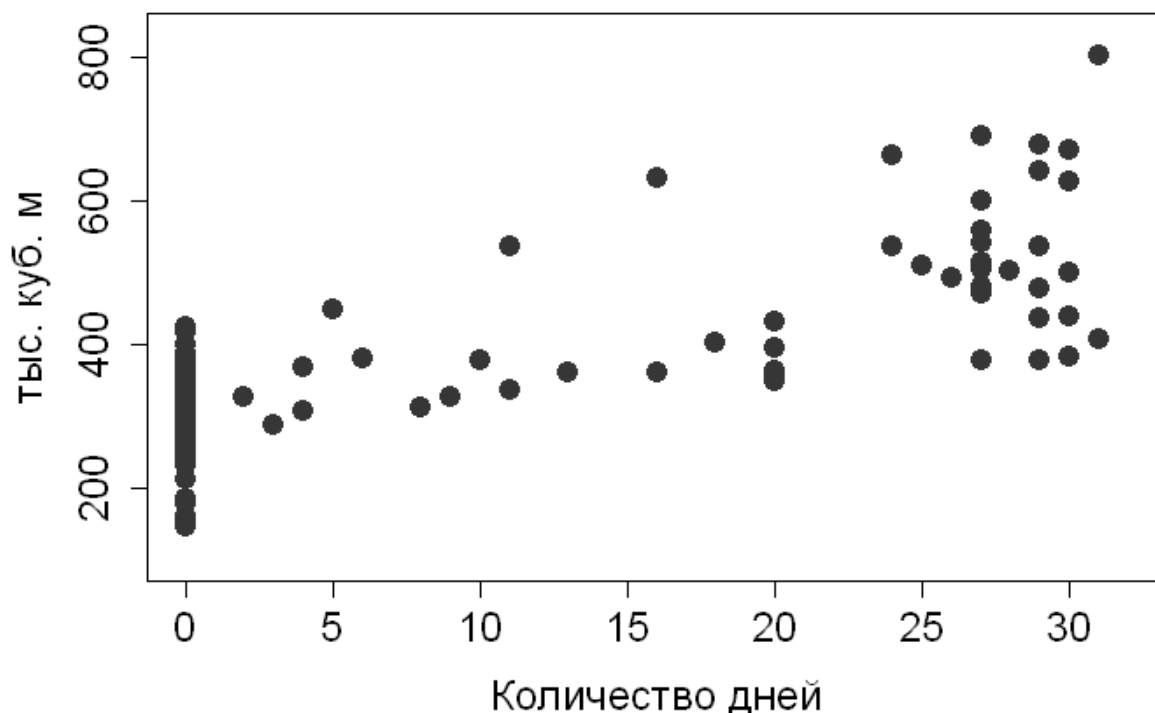

Рис. 1. Графический анализ зависимости объёмов вывозки от количества холодных дней

На начальном этапе были протестированы гипотезы о том, какой период считать зимним, а какой нет. Поскольку Республика Карелия относится к северным регионам не вполне целесообразно принимать зимний период равным календарной зиме.

Были протестированы 5 гипотез:

H1: к зимнему сезону относятся – ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель;

H2: к зимнему сезону относятся – ноябрь, декабрь, январь, февраль, март;

H3: к зимнему сезону относятся – декабрь, январь, февраль, март, апрель;

H4: к зимнему сезону относятся – декабрь, январь, февраль, март;

H5: к зимнему сезону относятся – декабрь, январь, февраль.

Через связь коэффициента корреляции результирующей переменной по вывозке леса (Rem) и фиктивной переменной зимнего периода (Fik) оценивалась наиболее достоверная гипотеза. Из таблицы 1 можно видеть, что наиболее сильная связь для переменных (коэффициент 0.71) свидетельствует, что наиболее достоверной гипотезой можно считать H4, то есть зимними месяцами, когда в полной мере проявляются преимущества использования сезонной транспортной инфраструктуры являются – декабрь, январь, февраль и март. В дальнейших построениях мы будем придерживаться этой гипотезы.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа

Гипотеза	Коэффициент парной корреляции между переменной (Rem) и фиктивной переменной сезона (Fik)
H1	0.515475562
H2	0.617934252
H3	0.582134149
H4	0.708317176
H5	0.345841237

Первичные модели, отражающие взаимосвязь вывозки (Rem) и климатических условий можно видеть ниже (все дни учитывались как рабочие, т.е. за вычетом праздников и очень холодных не рабочих дней). Также фиктивная переменная (Fik) и переменные количества холодных дней (IRo , IRp , $ISRo$, $ISRp$) не включались в одну модель для предотвращения явления мультиколлинеарности.

$$Rem = 315.3413 + 177.0763 * Fik \quad (R^2=0.708317, \text{ переменные значимы}); \quad (1.1)$$

$$Rem = 312.3173 + 7.5593 * IRo \quad (R^2=0.750508, \text{ переменные значимы}); \quad (1.2)$$

$$Rem = 316.1941 + 7.6711 * IRp \quad (R^2=0.753341, \text{ переменные значимы}); \quad (1.3)$$

$$Rem = 325.3714 + 8.09839 * ISRo \quad (R^2=0.658397, \text{ переменные значимы}); \quad (1.4)$$

$$Rem = 326.8395 + 8,1826 * ISRp \quad (R^2=0.662364, \text{ переменные значимы}). \quad (1.5)$$

Модель 1.1 чётко подтверждает данные рисунка 1. В отсутствие фактора зимы заготовка происходит на уровне 315 тыс. м³, а фактор зимы добавляет к месячной вывозке ещё 177 тыс. м³.

Модели 1.2-1.5, отражают несколько климатических сценариев. И позволяют сделать обобщения о условиях наведения сезонной транспортной инфраструктуры. Переменная IRo отражает наиболее оптимистический климатический сценарий, когда сезонная транспортная инфраструктура

проработает наибольшее количество дней. Переменная ISR_p , напротив, представляет наименьшее время работы сезонной транспортной инфраструктуры и, следовательно, наиболее неблагоприятный климатический сценарий.

С ростом неблагоприятности климатического сценария (от модели 1.2 к модели 1.5) увеличивается вклад факторов, не зависящих от погодных условий, что выражается в росте свободного члена. Также увеличивается «ценность» каждого дня, то есть, чем менее благоприятны погодные условия в зимний период, тем важнее более интенсивно осуществлять вывозку в каждый холодных день. При этом снежно-ледовые дороги являются менее пригодными для интенсификации транспортной лесовозной деятельности по сравнению с ледяными. Это доказывает, что успешность вывозной кампании в лесозаготовительном сезоне зависит от погодных условий и от характеристик самой транспортной инфраструктуры (созданной временной ледовой или ледово-снежной дороги).

Важно сказать, что тесты Уайта и Бреуша-Годфри при проверке на гетероскедастичность и автокорреляцию остатков, соответственно, дали положительные результаты. Это поставило вопрос о преобразовании исходных данных. Также дальнейшая работа предполагала включение в рассмотрение других переменных, связанных с ежегодным допустимым изъятием древесины, круглогодичной транспортной инфраструктурой, трудом и капиталом, привлекаемым в лесозаготовки на территории Карелии. Данные о вывозке (120 ежемесячных наблюдений) были преобразованы в средние значения по зимнему и не зимнему сезону и сгруппированы в 20 наблюдений.

Перестроенная по преобразованным данным модель 2.1 подтвердила достоверность оценок:

$$Rem = 315.3413 + 177,0513 * Fik \quad (R^2=0.913202, \text{ переменные значимы}) \quad (2.1).$$

Аналогичным образом увеличивается объясняющая способность моделей 2.2-2.5, перестроенных на сезонных данных (по 20 наблюдениям):

$$Rem = 309.5663 + 7.89 * IRo \quad (R^2=0.861796, \text{ переменные значимы}) \quad (2.2)$$

$$Rem = 313.6714 + 8.08 * IRp \quad (R^2=0.851395, \text{ переменные значимы}) \quad (2.3)$$

$$Rem = 316.5492 + 9.77 * ISRo \quad (R^2=0.796005, \text{ переменные значимы}) \quad (2.4)$$

$$Rem = 318.5313 + 9.86 * ISRp \quad (R^2=0.791290, \text{ переменные значимы}) \quad (2.5)$$

Для всех моделей, построенным по преобразованным данным тесты на гетероскедастичность и автокорреляцию остатков дали отрицательные результаты, то есть можно говорить о состоятельности и эффективности полученных оценок.

Включение в модель 2.1 дополнительной переменной трудовых ресурсов позволило снизить стандартную ошибку без потери объясняющей способности модели и значимости переменных (см модель 3.1).

$$Rem = 256.8572 + 177.0513 * Fik + 0.0042 * Lab \quad (R^2=0.936774, \text{ переменные значимы}). \quad (3.1)$$

Устойчивость коэффициента при фиктивной переменной свидетельствует о несмещённости оценок. Модель действительно позволяет выделить влияние трудового фактора, который в моделях 1.1 и 2.1 был агрегировано с другими факторами представлен в свободном члене.

Таким образом, на данных за 1999-2009 гг. было доказана положительная связь показателя вывозки и наличия зимних условий эксплуатации. Полученные оценки позволили сделать вывод о том, что с уменьшением числа холодных дней в лесозаготовительном сезоне возрастают требования к транспортной

инфраструктуре, поскольку в каждый отдельный день необходимо вывезти больше. С другой стороны, сезонная инфраструктура в ситуации теплой зимы (декабрь 2006 г.) оказывается наиболее уязвима и часто становится не в состоянии отвечать на требования лесозаготовительной отрасли. При дальнейшем ужесточении климатических сценариев для северных регионов (потепление) для обеспечения стабильной работы отрасли целесообразно продумать и оценить возможности и перспективы создания регулярной транспортной инфраструктуры.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ В СЕКТОРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ*

*Севастьянова Е.А.
УрФУ, Екатеринбург*

Современное общество представляет собой масштабную многогранную структуру, включающую в себя социальные, экономические, политические, производственные, культурные, религиозные составляющие. При этом одной из важных тенденций в современном обществе становится формирование основ гражданского общества и становление гражданских инициатив.¹ Современное общество представляет собой плацдарм для реализации жизнедеятельности людей в разных ее аспектах.²

Традиционным является понимание гражданского общества как совокупности граждан, наделенных политическими правами и свободами, реализующих частные интересы в рамках ограниченных государством возможностей.³ Кроме того, необходимо учитывать, что в гражданском обществе в его традиционном понимании должны быть развиты структуры, формирующие и представляющие общие интересы людей.⁴

К числу интересов людей можно отнести экономические, политические, религиозные интересы, а также социальные интересы, представляющие собой заинтересованность граждан в совместной и индивидуальной деятельности по поводу решения назревших в обществе задач. Важным аспектом с этой точки зрения является формирование особенностей, характерных для процесса актуализации потребностей населения в различных сферах жизни.

Ряд ученых классифицирует социальные потребности общества по следующим критериям: потребности для других, потребности для себя и потребности вместе с другими.⁵ Потребности для других включают в себя потребность в общении, потребность в защите, потребность в

---

* Подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-32-01163-ОГОН «Дизайн институтов социальных инноваций как инструмент активизации гражданских инициатив»

¹ Блауг М. 100 великих экономистов до Кейна. — СПб.: Экономическая школа. 2008. 352 с.

² Мележик И.Н. Понятие, происхождение и природа государства в политическом учении Т. Гоббса. // Актуальные проблемы истории политических и правовых учений. М., 1990. С.104-122.

³ Гегель. Философия права. — М.: Мысль. 1990. 528 с.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е издание). Том 3 — М.: Государственно издание политической литературы, 1955. 630 с.

⁵ Бережной Н.М. Человек и его потребности. Под редакцией В.Д. Диденко. — М.: ФОРУМ. 2000.

самопожертвовании ради другого. Потребности для себя – потребность в самоутверждении, самореализации, самоидентификации, потребность власти. Потребности для себя могут быть выражены только через потребности для других, и только за счет них. Потребности вместе с другими – это потребности безопасности, свободы, мира.

Специфика обеспечения социальных потребностей населения определяет вектор социального развития общества в конкретном временном периоде. Во многом социальные потребности населения локализируются в понятии общественных благ, которые в своей совокупности представляют сектор общественных благ. Его основной задачей является обеспечения населения набором общественных благ, воспроизводство которых с использованием традиционных рыночных механизмов затруднено. Данный феномен демонстрирует значимость сектора общественных благ как для обеспечения достойного уровня благосостояния населения, так и для развития экономических процессов страны в целом.

Первые общественные блага были призваны обеспечить население базовыми потребностями – пищей, безопасностью и так далее. В дальнейшем сектор общественных благ формировался в зависимости от приоритетных в конкретном временном периоде потребностей общества.⁶ В процессе усложнения структуры общественных потребностей функции сектора общественных благ также расширялись, а его значимость в формировании социального развития общества росла.

В свою очередь, задача поддержания и актуализации состояния общественных благ выполняется институтам общественных благ. Институт представляет собой устойчивую, устоявшуюся норму, регламентирующую правила взаимодействия экономических агентов в социально-экономическом пространстве. О.С. Сухарев под институтами понимает элементарные правила (формальные и неформальные), задающие основы для развития и функционирования фирм (институциональных комплексов).⁷

Институциональная структура сектора общественных благ не статична и подвержена изменениям, обусловленным возникновением новых потребностей общества и, как следствие, новых институтов. Данные изменения происходят под действием как внешних по отношению к конкретному институту причин (появление новых и видоизменение прежних потребностей в общественных благах), так и под влиянием внутренних факторов (проявление дисфункции существующего института).

Процесс обеспечения населения необходимым набором общественных благ в должном их качестве представляет собой проектирование институциональной среды общественных благ – конструирование актуального в конкретном временном периоде набора институтов сектора общественных благ. Деятельность по проектированию институциональной среды общественных благ носит систематический характер, рассматривается как целенаправленный процесс и ориентирована, прежде всего, на удовлетворение потребностей общества в условиях ограниченных ресурсов. Задача институционального проектирования состоит в создании институциональных условий и построении

---

⁶ Кац И.С. Саморазвитие институтов общественного сектора // Вестник УрАГС. 2009. № 3. С. 62-69.

⁷ Сухарев О.С. Институциональный анализ: производство общественных благ и функционирование институтов // TERRAECONOMICS. – 2013. Т.11. №11. С.64-79.

такой институциональной среды, которые обеспечивали бы эффективное функционирование экономических процессов.⁸

Таким образом, обеспечение процесса социального развития в современном обществе представляет собой удовлетворение социальных потребностей населения – задачу, решаемую путем применения институционального проектирования.

Выявление особенностей институционального проектирования сектора общественных благ предполагает формирование последовательности действий, характерных для всех этапов взаимодействия в секторе локальных общественных благ. В основе институционального проектирования сектора общественных благ лежит специфика взаимоотношений экономических агентов по поводу производства и распределения локальных общественных благ, а также возникающие в процессе данных взаимоотношений институты.

К основным типам (этапам) взаимоотношений экономических агентов по поводу производства локальных общественных благ можно отнести следующие:

1. взаимодействие между государственными структурами (заказчиком общественных благ) и гражданами (потребителями локальных общественных благ);
2. взаимодействие между государством и производителями локальных общественных благ;
3. взаимодействие между производителями локальных общественных благ и потребителями товаров и услуг социального назначения.

Определив три основных типа (этапа) взаимодействия, характерного для производства локальных общественных благ, необходимо выделить функции, присущие экономическим агентам на каждом этапе, методы их реализации, а также способствующие этому институты.

Так, взаимодействие на первом этапе между государством и производителями общественных благ происходит путем реализации государством присущих ему функций управления – задач по планированию, организации, стимулированию и контролю деятельности компаний и корпораций по производству необходимого объема локальных общественных благ. Данные функции осуществляются с помощью методов стратегического планирования, формированию планов развития, диагностики состояния сектора общественных благ и организации их производства, оформления законодательных актов и норм частного права, организации тендеров и грантов на производство локальных общественных благ, поддержке гражданских инициатив в секторе общественных благ.

Реализация вышеназванных функций происходит при помощи институтов регулирования производства общественных благ, в числе которых можно выделить такие институты, как институт планирования развития и стратегического планирования производства общественных благ, институт развития среды общественных благ, институт диагностики состояния институциональной среды локальных общественных благ, институт законодательного регулирования производства общественных благ, институт государственной поддержки производства общественных благ, а также многие другие.

Взаимодействие на втором этапе, проходящее между компаниями-производителями локальных общественных благ и населением, потребляющим

---

⁸ Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. С. 185-186

произведенные общественные блага, происходит исходя из основных выполняемых на этом этапе задач: обеспечения улучшения качественных и количественных характеристик локальных общественных благ в краткосрочной и долгосрочной перспективах, оценки текущих потребностей населения в обеспечении общественными благами, соблюдения законодательных норм в объеме выполняемых задач, а также задачи непосредственного производства локальных общественных благ с привлечением средств государственной поддержки.

Задачи второго этапа могут быть решены при помощи институтов производства и потребления локальных общественных благ, к которым можно отнести институт обеспечения качества локальных общественных благ, институт обеспечения должного количества общественных благ исходя из потребностей населения, институт оценки текущих потребностей населения в общественных благах, институт исполнения законодательных инициатив относительно потребления общественных благ за счет государственных средств, институт обеспечения производства общественных благ.

Последний тип взаимодействия между производителями локальных общественных благ и потребителями товаров и услуг социального назначения является неспецифическим и присущ большинству виду обменов на рынке товаров и услуг. В связи с этим в отношении производства локальных общественных благ целесообразно рассматривать только два специфических вида взаимоотношений экономических агентов.

Представленные особенности взаимодействия экономических агентов в секторе общественных благ позволяют охарактеризовать и оценить всю последовательность действий по производству институтов общественных благ. Каждый из названных институтов позволяет своевременно оценить текущие потребности населения в товарах и услугах социального назначения и оперативно корректировать государственную политику в секторе общественных благ. Практическая значимость представленной работы состоит в возможности описания всех институциональных структур в социальном секторе с использованием особенностей взаимодействия экономических агентов, теоретическая значимость проиллюстрирована расширением границ применения теории общественных благ и теории институционального проектирования и их использовании при проектировании социального развития общественного сектора.

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ АДРЕСНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹

*Сидорова Е.Н., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

В современных условиях основной задачей развития России является переход к модели динамичного и устойчивого экономического роста, что предполагает повышение роли среднесрочных и долгосрочных целей развития, разработки соответствующих методов их достижения. В качестве инструмента

---

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке Гранта РГНФ № 15-02-00587

решения данной задачи может быть использован программно-целевой метод планирования и управления развитием экономики.

Сущность программно-целевого планирования заключается в определении основных целей социального, экономического и научно-технического развития, разработке взаимоувязанных мероприятий по их достижению в намеченные сроки при сбалансированном обеспечении ресурсами и эффективном развитии производства.

К преимуществам использования программно-целевого метода управления экономическим и социальным развитием территорий можно отнести возможность концентрации и целевой ориентации ресурсов на важнейших направлениях деятельности. Не менее важным достоинством метода является осуществление интеграционных процессов, позволяющих решать сложные, комплексные проблемы экономического развития на основе межотраслевого, межведомственного, межрегионального взаимодействия.

Инструментом реализации программно-целевого подхода выступают Федеральные целевые программы и Федеральная адресная инвестиционная программа.

Федеральные целевые программы представляют собой увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение целевых задач в области государственного, экономического и социального развития Российской Федерации.

Суть и назначение Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП) сформулированы в «Правилах формирования и реализации федеральной адресной инвестиционной программы», утвержденных Постановлением Правительства РФ от 13.09.2010 N 716 (ред. от 28.12.2012). В общем виде, суть ФАИП можно определить как перечень объектов капитального строительства, для строительства (реконструкции, технического перевооружения) которых предоставляются средства федерального бюджета в порядке, установленном бюджетным законодательством Российской Федерации. Объекты финансирования утверждаются Правительством Российской Федерации и закрепляются в ежегодном законе о федеральном бюджете.

Согласно «Правилам...» государственные расходы по ФАИП структурно разделяются на два основных направления: финансирование реализации Государственных программ (ФЦП) и объектов непрограммной части. Анализ показал, что процентное соотношение в среднем составляет 60 к 40 процентам, т.е., несмотря на то, что переход на «Программный бюджет» является ключевым положением государственной бюджетной политики, значительная часть бюджетных средств расходуется не на программной основе и эта практика закладывается на предстоящий период.

Анализируя территориальную структуру распределения бюджетных средств в рамках ФАИП, утвержденной на 2017 год и последующий плановый период, следует отметить, что за последние годы сменились приоритеты. Если раньше большая часть финансовых ресурсов направлялась в Центральный федеральный округ, а в пределах округа - на проекты в Москве и Московской области, то в соответствии ФАИП на 2017 год самая значительная доля бюджетных ассигнований предназначена для инвестирования объектов, расположенных в Южном федеральном округе, таблица 1.

Таблица 1

Распределение бюджетных ассигнований из Федеральной адресной инвестиционной программы по федеральным округам Российской Федерации

Федеральные округа	Бюджетные ассигнования из ФАИП на 2017г.		
	Тыс. руб	% от общей суммы ФАИП	% от ФАИП, в пределах ассигнований, распределенных по территориям
Всего по Российской Федерации:	738 541 274,6	100,0	100,0
Центральный федеральный округ	91 142 160,1	12,3	17,5
Северо-Западный федеральный округ	86 078 547,1	11,6	16,5
Сибирский федеральный округ	23 165 436,4	3,1	4,4
Дальневосточный федеральный округ	26 903 285,3	3,6	5,2
Южный федеральный округ	205 725 172,9	27,8	39,5
Уральский федеральный округ	22 093 042,0	3,0	4,2
Приволжский федеральный округ	54 248 521,4	7,3	10,4
Северо-Кавказский федеральный округ	12 168 767,0	1,6	2,3
Российская Федерация (распределено по территориям)	521524932,1	70,6	
Российская Федерация (адресно не распределено по территориям)	217 016 342,4	29,4	

Из таблицы видно, что на три федеральных округа: Центральный, Северо-Западный и Южный приходится три четверти (73,4 %) ассигнований из ФАИП на 2017 год. Самая значительная доля ассигнований - 39,5%, предназначена для инвестирования объектов Южного федерального округа, что обусловлено необходимостью осуществления таких крупных проектов, как строительство транспортного перехода через Керченский пролив, строительство и реконструкция Международного детского центра «Артек», Всероссийского детского центра «Орленок» и многих других. Из 205725,2 млн. руб. бюджетных ассигнований, выделенных Южному федеральному округу, 179005,2 млн. руб, т.е. почти 90 процентов (87,0 %) приходится на три субъекта Федерации: Краснодарский край, Республику Крым, г. Севастополь.

На втором месте по объему ассигнований из ФАИП на 2017г. находится Центральный федеральный округ. На Москву и Московскую область в общей сложности выделено 73377,9 млн. руб, что составляет 79,4 % от общего объема бюджетных ассигнований округа.

Представляет интерес распределение бюджетных ассигнований в соответствии с ФАИП по Уральскому федеральному округу. Таблица 2.

Таблица 2

Динамика бюджетных ассигнований на Федеральные адресные инвестиционные программы в регионах УрФО (млн. руб)

Регионы УрФО	Бюджетные ассигнования по годам			
	2010	2012	2015	2017
Уральский федеральный округ	4670,98	13217,01	27822,68	22 093, 04
Курганская область	480,06	871,72	1,79	8, 70
Свердловская область	1415,24	5428,19	10420,87	5 995, 56
Тюменская область	791,59	1373,56	1364,54	1 675, 60
Челябинская область	1979,99	2347,09	1594,00	795, 28
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра		1465,30	223,47	500, 00
Ямало-Ненецкий автономный округ	4,10	1731,15	14218,01	13 117, 90

В целом по Уральскому федеральному округу в ФАИП Российской Федерации на 2017 год предусмотрено снижение бюджетных ассигнований по сравнению с 2015 годом на 5729,64 млн. руб, на 20,0 процентов. В значительной мере снижение по округу обусловлено сокращением бюджетных ассигнований по большинству субъектов Федерации, входящих в Уральский федеральный округ. Так, по Свердловской области бюджетные ассигнования в ФАИП на 2017г. предусмотрены на 4425,31 млн. руб (42,5%) меньше чем в 2015г. Почти вдвое за этот период должны сократиться бюджетные ассигнования по Челябинской области. Более чем на 1100 млн. руб снижается финансирование за счет ФАИП по Ямало-Ненецкому автономному округу. Тенденция к сокращению бюджетных ассигнований на инвестирование проектов по округу и входящим в его состав регионам обусловлена довольно сложной экономической ситуацией в стране, нехваткой бюджетных ресурсов.

ФАИП классифицируются не только по региональному, но и по отраслевому признаку. Объекты инвестирования группируются по трем направлениям: социальному, производственному и специальному комплексам.

Таблица 3.

Таблица 3

Доля бюджетных ассигнований на реализацию ФАИП в разрезе отраслей

ФАИП	Бюджетные ассигнования на 2017 год	
	тыс.руб	%
Всего:	738 541 274,6	100,0
Социальный комплекс	204 590 738,4	27,7
Производственные комплексы	390 647 348,6	52,9
Специальный комплекс	143 303 187,6	19,4

В социальный комплекс включаются: наука, образование, культура, здравоохранение, коммунальное, жилищное строительство и другие отрасли. В соответствии с ФАИП на 2017г. наибольшую долю ассигнований из федерального бюджета предполагается направить на здравоохранение - 75 676, 35 млн. руб. что составляет почти 37 процентов от общей суммы инвестиций, предусмотренных ФАИП на социальный комплекс. Примерно

равные бюджетные ассигнования планируется направить в 2017 году на образование и культуру - 22 295, 93 и 23 376, 73 млн. руб соответственно и довольно скромную сумму на развитие науки - 2 700 млн. руб, что составляет 1,3 процента от расходов ФАИП на социальную сферу.

Из таблицы видно, что более половины (52,9 %) бюджетных ассигнований по ФАИП планируется направить на развитие производственных комплексов. Это довольно емкий блок, включающий электроэнергетику, геологию и разведку недр, медицинскую промышленность, все виды транспорта, связь и другие отрасли народного хозяйства. На развитие транспорта (морского, речного, воздушного, железнодорожного) в сумме планируется израсходовать 116854,8 млн. руб, что составляет практически треть (29,9%) от расходов на развитие производственных комплексов. Наиболее весомой статьёй расходов являются ассигнования на дорожное хозяйство - 226 878, 2 млн. руб. – 58,1 % от бюджетных ассигнований в рамках ФАИП на производственные комплексы.

Несмотря на достигнутые результаты, ФАИП, как инструмент реализации государственной социально-экономической политики, имеют серьезные недостатки:

- не всегда выделяемые бюджетные ассигнования соответствуют объему средств, необходимому для завершения строительства в нормативные сроки объектов. В результате установленные сроки ввода объектов в эксплуатацию не соблюдаются, что приводит к значительному росту объемов незавершенного строительства.

- не устранен такой недостаток как "распыление" капитальных вложений. Сохраняет свою остроту и проблема перераспределения государственных капитальных вложений.

- процедура формирования перечня строек и объектов Федеральной адресной инвестиционной программы до сих пор остается непрозрачной. В связи с этим, субъекты РФ сталкиваются со значительными проблемами при включении строек и объектов для их финансирования в рамках ФАИП.

В связи с отмеченными и другими недостатками Счетная палата РФ в ходе плановой проверки исполнения федерального бюджета за 2016 год выявила ряд серьезных проблем в формировании ФАИП. Не исполнены в 2016 г. средства федерального бюджета на ФАИП на общую сумму 70,9 млрд руб. или 9,3% годового объема лимитов бюджетных обязательств, предусмотренного в 2016 г. По итогам 2016 г., введены в эксплуатацию лишь 244 из 443 объектов, подлежавших вводу или 55,1%, не введены в эксплуатацию 199 объектов. Кроме того, завершены 111 проектно-изыскательских работ из 314, предусмотренных к завершению в 2016 г. (35,4 %).

В целях повышения результативности и эффективности ФАИП, как инструмента решения крупных социально-экономических проблем, необходимо принять меры по совершенствованию их формирования и исполнения.

Не допускать включение в перечень строек и объектов, не обеспеченных необходимой документацией, сосредоточив ресурсы на первоочередных пусковых стройках и объектах.

Минимизировать непрограммную часть Федеральной адресной инвестиционной программы, которая должна включать в себя только средства на выполнение особо важных объектов.

Обеспечить гласность, прозрачность отбора и реализации инвестиционных проектов, а также надзор за их исполнением.

Существенно повысить роль субъектов РФ в формировании перечня строек и объектов, финансируемых за счет средств ФАИП.

Усилить внутреннюю координацию финансирования инвестиционных проектов ФАИП на федеральном и региональном уровнях.

Повышение обоснованности разработки и реализации Федеральной адресной инвестиционной программы позволит более эффективно решать наиболее важные задачи социально-экономического развития Российской Федерации и ее регионов.

АНАЛИЗ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДА ДЕКАПЛИНГ И ЭФФЕКТОВ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЯМИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ¹

*Трушкова Е.А., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

В работе автором выдвинута и обоснована гипотеза о том, что в условиях повсеместного перехода к «зеленой» экономике и наличия эффекта декаплинга, необходима оценка зависимых от состояния окружающей среды переменных - показателей смертности и заболеваемости населения. Подчеркнуто, что такой подход позволяет оценить дополнительные факторы риска заболеваемости и смертности населения от загрязнения окружающей среды, поскольку, помимо экономического воздействия, существуют иные неблагоприятные факторы окружающей среды.

Как показывает практика, наиболее эффективным способом такой оценки является метод вычисления эффекта декаплинга. Английское слово «decoupling» является феноменом рассогласования трендов роста экономики и загрязнения окружающей среды². Отсюда вытекает, что понятие декаплинга применимо к таким ситуациям, когда два процесса или ряда показателей, которые должны бы иметь корреляционную зависимость, двигаются на самом деле в разных направлениях³.

На первом этапе исследования была проведена оценка эффекта декаплинга с использованием метод расчета коэффициента парной корреляции (r) между показателями экономического роста (ВРП) и экологической нагрузки. Экологическая нагрузка на состояние окружающей среды оценивается статистическими данными, предоставленными Федеральной службой по природопользованию и охране окружающей среды РФ и региональными ведомствами и министерствами, а именно, во внимание берутся показатели объемов сбросов загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста»

² Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0511/biblio01.php> (дата обращения: 18.07.2017)

Яшалова Н.Н. Анализ проявления эффекта декаплинга в эколого-экономической деятельности региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. №39. с. 54-61.

³ Акулов А.О. Эффект декаплинга в индустриальном регионе (на примере Кемеровской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. №4. с.177-185.

стационарных источников, образования отходов производства и потребления. Расчет коэффициента корреляции проводился в программе Microsoft Excel с использованием статистической функции Коррел⁴.

В качестве объекта исследования, как было отмечено ранее, была выбрана Свердловская область. Расчеты коэффициента парной корреляции между показателями экономического роста и экологической нагрузки и их силы связи были интерпретированы согласно шкале Чеддока, позволяющей представить качественные характеристики силы связи между показателями и наличия эффекта декаплинга (если r_{xy} от 0,1 до 0,3 – слабая, от 0,3 до 0,5 – умеренная, от 0,5 до 0,7 – заметная, от 0,7 до 0,9 – высокая, от 0,9 до 1 – связь весьма высокая). Если значение r отрицательно, то связи между показателями x и y принимает обратный смысл.

Данные расчетов эффекта декаплинга и интерпретации их значений по региону Уральского федерального округа за период с 2010-2015 гг. представлены в таблице 1.

Таблица 1

Данные расчетов эффекта декаплинга по Свердловской области и их значений период с 2010-2015 гг.

r_{xy}	Эффект декаплинга по выбранным показателям	Значения
$r1_{xy}$	<i>1. Эффект декаплинга по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух</i>	-0,859- высокий
$r2_{xy}$	<i>2. Эффект декаплинга по сбросам загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты</i>	-0,935-весьма высокая
$r3_{xy}$	<i>3. Эффект декаплинга по отходам производства и потребления</i>	0,552-отсутствует

В ходе исследования было установлено, что по Свердловской области весьма высокий эффект декаплинга присутствует по сбросам загрязняющих сточных вод в водные объекты и высокий по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Наличие высокого эффекта декаплинга позволяет сделать вывод о том, что в данном регионе проводится оперативная экологическая политика, применяются эффективные инструменты снижения негативного воздействия на окружающую среду и, кроме того, проводится комплекс мероприятий по очистке и дезинфекции сточных вод до их выброса в водные объекты, а также выполняются стандарты к проведению технологических процедур в ходе производственной деятельности. Отсутствие эффекта декаплинга по показателям экономического роста и отходам по данному региону может быть обосновано тем, что в соответствии с докладом об охране окружающей среды в Российской Федерации, в перечень регионов, на долю

⁴Яшалова Н.Н. Анализ проявления эффекта декаплинга в эколого-экономической деятельности региона, Региональная экономика: теория и практика. 2014. №39. с. 54-61.

Бараз, В.Р. Использование MS Excel для анализа статистических данных / В. Р. Бараз, В. Ф. Пегашкин; М-во образования и науки РФ; ФГАОУ ВПО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н.Ельцина», Нижнетагил. техн. ин-т (филиал). – 2-е изд., перераб. и доп. – Нижний Тагил: НТИ (филиал) УрФУ, 2014. 181 с.

которых приходится 87% от всего объема образовавшихся отходов по стране, включена и Свердловская область.

На втором этапе исследования предпринята попытка анализа того, улучшаются (меняются) ли при наличии эффекта декаплинга, показатели смертности и заболеваемости, ассоциированные с факторами риска от загрязнения окружающей среды на территории Свердловской области. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) – неблагоприятные факторы окружающей среды являются причиной дополнительных 13 млн. смертей населения в мире ежегодно, 19% всех онкологических заболеваний, 1/3 всех заболеваний детей в возрасте до 5 лет, усугубление сердечно-сосудистых и легочных заболеваний – лишь начало длинного списка последствий загрязнения окружающей среды⁵.

Таблица 2.

Заболеваемость на 1000 человек населения по основным классам болезней (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни)⁶, данные по Свердловской области

Болезни	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
новообразования	9,2	10,6	10,3	10,8	11,3	10,8	10,1
болезни крови и отдельные нарушения, вовлекшие иммунный механизм	4,1	4,5	4,0	4,4	4,3	4,2	4,6
болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	6,9	8,7	8,8	9,3	9,8	11,7	11,0
болезни системы кровообращения	20,4	22,9	22,0	21,9	28,1	26,7	27,1
болезни органов дыхания	286,5	296,8	307,9	299,9	322,0	313,9	317,1
болезни органов пищеварения	21,7	25,0	23,8	23,9	24,6	31,8	25,7
болезни кожи и подкожной клетчатки	47,7	44,8	44,0	45,0	44,2	42,9	38,4
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	29,9	29,1	29,2	30,1	31,4	30,5	30,4
болезни мочеполовой системы	37,5	39,6	44,5	41,4	43,1	42,2	37,5

Анализ экологических докладов по регионам России, позволил сделать вывод о том, что наибольшие уровни негативного воздействия на здоровье человека обусловлены загрязнением атмосферного воздуха. Несомненно, что в тех регионах, где имеется ярко выраженная тенденция ухудшения качества воздуха, выявлены наибольшие уровни нарушений здоровья населения, ассоциированных с факторами риска от загрязнения атмосферного воздуха. По итогам 2015 г.⁷ к данным регионам⁸ отнесена и Свердловская область, где

⁵ Неблагоприятные факторы окружающей среды и здоровье населения. URL: <http://www.mnr.gov.ru/gosdoklad-eco-2015/health.html#health01> (дата обращения: 18.07.2017)

⁶ Данные Федеральной службы государственной статистики

⁷ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году»// Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1996> (дата обращения: 18.07.2017)

⁸ в Республике Бурятия, Свердловской, Челябинской, Кемеровской областях, Забайкальском крае.

содержание загрязняющих химических веществ превышает ПДКс.с. в 1,5 раза и более среднероссийский показатель (по данным Росприроднадзора). Помимо этого, Свердловская область по уровню санитарно-эпидемиологического благополучия населения характеризуется как территория с комплексом выраженных санитарно-гигиенических, медико-демографических проблем и отнесена к группе регионов, «дискомфортных» для проживания в виду высокой плотности населения, густоты застроек и роста автомобильного транспорта.

В ходе исследования было выявлено, что негативное воздействие на состояние здоровья населения, вызванных повышенным содержанием загрязняющих (химических) веществ в атмосферном воздухе, обусловлено ростом неблагоприятных эффектов: появления новообразований, болезней крови и отдельных нарушений, вовлекших иммунный механизм, болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, болезни системы кровообращения, органов дыхания, органов пищеварения, болезни кожи и подкожной клетчатки, костно-мышечной системы и соединительной ткани и болезни мочеполовой системы (таб. 2). Устойчивый рост числа нарушений здоровья за анализируемый период проявляется по видам болезней – новообразований, заболеваний органов дыхания, болезней крови и системы кровообращения. К примеру, от 0,17 до 24,68 случаев смерти от новообразований на 100 тыс. населения ассоциированы с воздействием канцерогенных веществ атмосферного воздуха⁹. Как отмечено в экологическом докладе, такой неблагоприятный эффект связан с загрязнением атмосферного воздуха летучими органическими веществами - бензапиреном и формальдегидом. Автомобильные выхлопы являются одним из самых концентрированных потоков этих химических веществ, особенно в регионах с высокой плотностью населения и большого количества автомобильного транспорта¹⁰. Таким образом, выявленный эффект декаплинга по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух и показателям экономического роста не всегда может говорить о положительных эффектах – снижении уровня нарушений здоровья населения, вызванных состоянием атмосферного воздуха.

Таким образом, в условиях перехода к экологоориентированной модели экономического развития существует потребность в комплексной оценке эколого-экономического развития и эффектов, ассоциированных с факторами риска от загрязнения окружающей среды и внедрения системы индикаторов «экологического» здоровья, в том числе системы биомониторинга приоритетных токсичных веществ¹¹. К примеру, в 2015 году Свердловская область, несмотря на неблагоприятную экологическую ситуацию, вошла в десятку рейтинга регионов по качеству жизни. Так, при составлении рейтинга были отобраны 11

---

⁹ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году»// Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1996> (дата обращения: 18.07.2017)

¹⁰ Musteata, M.F., Niri, V.H., Mathers, J.B., Lem, S.. Monitoring BTEX and aldehydes in car exhaust from a gasoline engine during the use of different chemical cleaners by solid phase micro extraction-gas chromatography//Water, Air, and Soil Pollut, 2009, 1—4, 205—213.

Усманова Л.М. Источники поступления формальдегида и его воздействие на живой организм // Научное сообщество студентов XXI столетия: сб. ст. по мат. XXXI междунар. студ. науч.-практ. конф. URL: [http://sibac.info/archive/nature/5\(30\).pdf](http://sibac.info/archive/nature/5(30).pdf) (дата обращения: 18.07.2017)

¹¹ В России затраты на проекты в природоохранной сфере составляют 0,8 % от ВВП, что требует дополнительных экономических стимулов в этой сфере// Министерство природных ресурсов и экологии российской федерации. URL: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=342549>(дата обращения: 18.07.2017)

групп показателей, в которые вошли и показатели экологического состояния и климатических условий в регионе проживания¹². Однако включение индикатора «зеленого» здоровья позволило бы наиболее цельно представить ситуацию в регионе.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ «ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ» ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА¹

*Трушкова Е.А., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Законодательному закреплению отраслевой стратегии развития предпринимательства предшествовало становление нового этапа стратегического планирования в Российской Федерации. Федеральный закон «О стратегическом планировании», принятый в августе 2014 года, обозначил совокупность стратегических документов Российской Федерации и ее регионов, среди которых важнейшими признаны стратегии развития (Стратегии 2030). Их разработка основывается на взаимодействии всех участников стратегического планирования: власти, бизнеса, науки, образования, представителей общественности, проявляющих интерес к их разработке и реализации^{2,3}. «Стратегии-2030» могут выступать «стартовой площадкой» для восстановления государственного индикативного планирования и инновационного управления развитием всех экономических, социальных, экологических, инфраструктурных и иных систем⁴.

В соответствии с принятым основным законом в 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» стратегическое планирование осуществляется на федеральном уровне, на уровне субъектов Федерации и муниципальных образований. Многие отмечают, что именно в этот период начался переход от практики нескоординированной разработки планов развития страны и её регионов к единой в организационно-правовом, информационном и методическом отношении системе разработки документов стратегического планирования⁵. Тем самым отмечена значимость взаимосвязи деятельности

---

¹² Согласно данным исследования Рейтингового агентства «РИА Рейтинг» в 2015 году

¹ Статья подготовлена в рамках плановой НИР Института экономики УрО РАН № 0404-2015-0021 в ИСГЗ «Факторы и механизмы развития и реализации экономического потенциала населения регионов с позиции социо-культурного подхода»

² Татаркин А.И. Программно-проектный менеджмент как условие инновационного развития социально-экономических систем // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. - 2014. - № 2 (23). – с. 25-43.

³ Гневко В.А. Модернизация систем развития муниципального образования. – М.: Экономика, 2012. – 414 с. – с.110, с.115.

⁴ Татаркин А.И. Программно-проектный менеджмент как условие инновационного развития социально-экономических систем // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. - 2014. - № 2 (23). – с. 25-43.

⁵ Рекомендации по итогам интернет-обсуждения на тему «Развитие системы стратегического планирования на федеральном, региональном и местном уровнях: состояние, проблемы и задачи» (Утверждены решением Комитета по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера (протокол № 24 от 22.01.2013 г.))// Сайт

федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в решении задач социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления ее национальной безопасности. Кроме того, становится обязательной разработка государственных программ на региональном уровне и муниципальных программ, что закрепило повсеместный переход на программное бюджетирование⁶. В законе обозначен перечень стратегических документов, разрабатываемых как на уровне федерации, так и на уровне субъекта Российской Федерации, а также муниципального образования, важнейшим из которых признана стратегия социально-экономического развития.

Интеграция государственной политики в отношении малого и среднего предпринимательства в систему стратегического планирования идет продолжительное время. Преимущественно это связано с внедрением системы результативно-ориентированного управления, консолидацией усилий органов власти и имеющихся ресурсов, в целях достижения приоритетных направлений социально-экономического развития Российской Федерации. Не смотря на это, «проекция» методов стратегического планирования на начала государственной политики в сфере малого и среднего бизнеса или, что равнозначно, интеграция этой политики в вертикаль организационно-правовых форм и институтов стратегического планирования потребует от нашей науки в ближайшее время значительных теоретико-методологических и методических продвижений⁷. Это обусловлено, во-первых, необходимостью адаптации новых механизмов и методов государственного управления на уровне субъектов федерации; во-вторых, активной фазой административной реформы; в-третьих, формированием институциональной базы стратегического планирования, поскольку даже на государственном уровне Стратегия-2030 находится на стадии разработки.

Между тем, в научной литературе, многие авторы отмечают, что важность стратегического планирования в отношении предпринимательства, прежде всего, ориентированного на:

– формирование долгосрочных приоритетных целей активного развития системы малого и среднего предпринимательства, выборе методов их достижения в рамках национального правового поля и институциональных ограничений национальной экономической системы⁸;

– формирование устойчивых внутренних связей на основе вовлечения участников малого и среднего предпринимательства в инновационные процессы, диверсифицирующие занятость и повышающие уровень

Совета Федерации Федерального собрания РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://region.council.gov.ru/activity/other_activities/29981

⁶ Кулаков Д.Н., Мусин Д.С. Подходы к оценке эффективности бюджетных расходов на реализацию государственных программ// Финансы. – 2015. – №10. – с.14–20. Тютюнник И.Г. Совершенствование государственных программ как основного инструмента повышения эффективности бюджетных расходов// Экономические стратегии. – 2016.– №5. – с.154–159.

⁷ Бухвальд Е.М., Виленский А.В., Малыгина И.В. Стратегическое планирование и новые подходы к политике развития и поддержки малого и среднего предпринимательства// Интеллект, инновации, инвестиции. – 2015. - №1. – с. 31-39.

⁸ Блинов А.О., Бухтиярова Т.И. Государственная стратегия управления развитием малого и среднего предпринимательства// Социум и власть. – 2016. - №4. - 108-113. – с.110.

воспроизводственной сбалансированности, а также создающие в регионе почву для модернизационного прорыва мезоэкономики⁹;

– возможность оказания значительного воздействия на формирование развития региона: позволяет идентифицировать приоритеты, обеспечивающие выполнение основных задач регионального управления; обеспечивает возможность внесения оперативных изменений в стратегию развития с учетом малого и среднего предпринимательства¹⁰.

Таким образом, основные направления развития малого и среднего предпринимательства должны находить отражение в стратегиях и государственных программах социально-экономического развития регионов России, поскольку важнейшей функцией регионального уровня власти в системе государственно-территориальных отношений является «представительство» интересов регионов, их трансляция на федеральный уровень власти¹¹.

В данной статье *стратегическое планирование рассматривается как механизм реализации и позиционирования государственной политики в сфере предпринимательства на различных иерархических уровнях государственного управления*, поскольку позволяет, с одной стороны, *осуществить функции и полномочия органов власти в части принятия долгосрочных управленческих решений по созданию благоприятных институциональных условий для реализации предпринимательской модели экономического поведения населения, реализации государственных мер поддержки на всех уровнях управления, с другой стороны – интегрировать деятельность органов власти, представителей бизнес-сообществ, стейкхолдеров, по достижению совокупного результата, соответствующего ожиданиям, в конечном итоге, как бизнеса, так и населения*. На рис. 1. представлена концептуальная модель механизма реализации государственной политики в сфере предпринимательства. Необходимо учесть, что при разработке механизма реализации государственной политики в сфере предпринимательства, мы опирались на особенности стратегического управления.

Во-первых, стратегическое планирование реализуется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления, и, соответственно, опирается на совокупность полномочий соответствующих органов исполнительной власти.

Концептуальной основой современной государственной политики в сфере предпринимательства являются стратегические цели развития Российской Федерации, сформулированные в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», а также в «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года».

Развитие малого и среднего предпринимательства является одним из факторов, которые необходимо учесть при разработке и реализации Стратегий-2030, поскольку предпринимательство определяет перспективы достижения

---

⁹ Колесниченко Е.А., Смольянинова Е.Г. Стратегия развития предпринимательства на региональном уровне: тенденции реализации// Социально-экономические явления и процессы. - № 5-6 (27-28). – 2011. - С. 122-126. – с. 123

¹⁰ Медков А.Д. Формирование механизма стратегического управления малым и средним предпринимательством на региональном уровне// Российское предпринимательство. – № 13 (259). – 2014. - С. 145-154.

¹¹Матвеев А.В., Сумская Т.В. Регион как объект и как субъект политического пространства власти// Вестник НГУ: Социально-экономические науки. - 2000. - Том 1. - Выпуск 1. – с. 127-141. – с. 134.

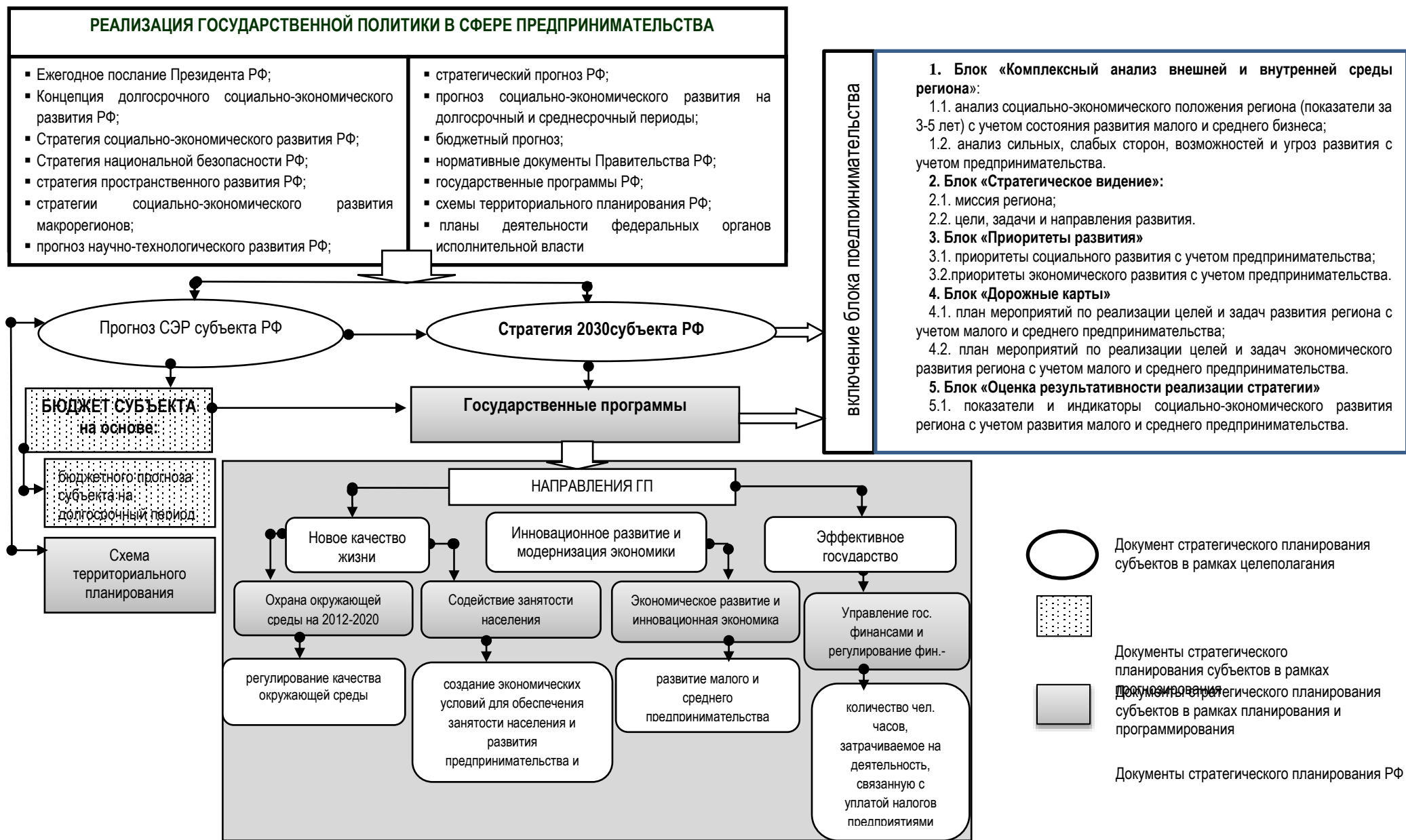
регионом приоритетов развития, таких как:

- формирование из регионов – «локомотивов роста» нового опорного каркаса страны;
- формирование региональных модулей Национальной инновационной системы Российской Федерации;
- создание условий для модернизации промышленности, поддержка и развитие конкурентоспособных экономических (территориальных производственных) кластеров;
- создание системы управления человеческими ресурсами; развитие региональной занятости населения.

Развитие предпринимательства определяется состоянием предпринимательского потенциала региона и уровнем предпринимательской активности, которые, в свою очередь, оцениваются количественными показателями, характеризующими: количество предприятий, в том числе малые предприятия; объемы производства и реализации продукции; стоимость основных средств предприятий; количество работников, занятых на предприятиях.

Во-вторых, субъекты Российской Федерации в рамках предмета совместного ведения вносят существенный вклад в достижение федеральных целей и задач. В связи с этим, документы стратегического планирования с точки зрения содержания в них плана мероприятий, сроков и результатов реализации должны быть соподчинены от низшего к высшему порядку системы управления. На рис. 1. представлены блоки согласования стратегических документов в рамках планирования, целеполагания, прогнозирования и программирования для достижения эффективности и результативности управления в отношении предпринимательства.

В-третьих, согласно основным направлениям бюджетной политики необходимо обязательное отражение в государственных программах целевых значений стратегий развития. В связи с этим необходимо согласование положений, касающихся малого и среднего предпринимательства в стратегиях развития и государственных программах. В работе выделены два блока реализуемых направлений государственных программ: «Новое качество жизни», «Инновационное развитие и модернизация экономики», «Эффективное государство». Данные блоки содержат ряд государственных программ в отношении малого и среднего предпринимательства: «Содействие занятости населения» (общие требования к ГП субъектов РФ по созданию экономических условий для обеспечения занятости населения и развития предпринимательства и самозанятости), «Охрана окружающей среды на 2012-2020» (регулированию качества окружающей среды), «Экономическое развитие и инновационная экономика» (развитие малого и среднего предпринимательства); «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 гг.» (увеличение производства в с/х организациях, включая ИП); «Воспроизводство и использование природных ресурсов» (развитие предпринимательской деятельности в сфере охотничьего хозяйства); «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» (индикатор – предельное количество чел. часов, затрачиваемое на деятельность, связанную с уплатой налогов предприятиями малого и среднего бизнеса).

1. Блок «Комплексный анализ внешней и внутренней среды региона»:
 1.1. анализ социально-экономического положения региона (показатели за 3-5 лет) с учетом состояния развития малого и среднего бизнеса;
 1.2. анализ сильных, слабых сторон, возможностей и угроз развития с учетом предпринимательства.

2. Блок «Стратегическое видение»:
 2.1. миссия региона;
 2.2. цели, задачи и направления развития.

3. Блок «Приоритеты развития»
 3.1. приоритеты социального развития с учетом предпринимательства;
 3.2. приоритеты экономического развития с учетом предпринимательства.

4. Блок «Дорожные карты»
 4.1. план мероприятий по реализации целей и задач развития региона с учетом малого и среднего предпринимательства;
 4.2. план мероприятий по реализации целей и задач экономического развития региона с учетом малого и среднего предпринимательства.

5. Блок «Оценка результативности реализации стратегии»
 5.1. показатели и индикаторы социально-экономического развития региона с учетом развития малого и среднего предпринимательства.

○ Документ стратегического планирования субъектов в рамках целеполагания

▨ Документы стратегического планирования субъектов в рамках целеполагания

▨ Документы стратегического планирования субъектов в рамках планирования и программирования

▨ Документы стратегического планирования РФ

Рис. 1. РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ РЕАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

*Турьгин О.М., к.э.н.
ИЭ УрО РАН, Екатеринбург*

Основным приоритетом развития российской экономики с целью перехода от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития является увеличение объема инвестиций в основной капитал. В условиях ограниченности доступа к зарубежным финансовым ресурсам, важнейшей задачей становится поиск внутренних долгосрочных источников развития. Источниками инвестиций для предприятия являются собственные средства, состоящие из чистой прибыли и амортизации, а также привлеченные средства. Большую часть прибыли предприятия составляет прибыль от основной деятельности – прибыль от продаж. Имеющиеся у предприятия ресурсы могут использоваться как для реальных инвестиций, так и для финансовых вложений. Эффективность реальных инвестиций может быть охарактеризована с помощью показателя рентабельности инвестированного капитала (ROIC):

$ROIC = PS / IC$, где

PS - прибыль от продаж (profit from sales),

IC - инвестированный капитал (ресурсы используемые предприятием для производства и реализации товаров и услуг) определяется как суммарная балансовая стоимость основных средств и запасов предприятия.

Чем больше величина ROIC, тем больше у предприятия стимулов к осуществлению инвестиций в основную деятельность.

Другим направлением возможного инвестирования являются финансовые вложения. Накопленная величина финансовых вложений (F) определяется по формуле

$F = FO - FI + FR$, где

FO - осуществлено финансовых вложений за период,

FI - погашено финансовых вложений за период,

FR - изменение величины финансовых вложений в результате переоценки.

Накопленные финансовые вложения включают в себя следующие компоненты:

- вложений, в паи и акции других организаций;
- вложения в виде банковских вкладов;
- вложения в предоставленные займы другим организациям;
- прочие финансовые вложения.

Долгосрочные вложения в паи и акции других организаций, являются необходимым инструментом создания групп технологически связанных в процессе производства предприятий. Хотя долгосрочные финансовые вложения в паи и акции других организаций могут осуществляться не только с целью создания объединения предприятий, но также и со спекулятивными целями, объем таких вложений, в сравнении с краткосрочными вложениями, не велик и им можно пренебречь. Следовательно, величина финансовых вложений с целью получения спекулятивного дохода (FS) определяются по формуле:

$FS = \text{Накоплено финансовых вложений} - \text{Накоплено долгосрочных финансовых вложений в паи и акции других организаций.}$

Соотношение финансовых и реальных инвестиций может быть выражено с помощью относительных показателей:

$FO / I = \text{Осуществлено финансовых вложений} / \text{Инвестиции в основной капитал};$

$F / I = \text{Накоплено финансовых вложений} / \text{Инвестиции в основной капитал};$

$FS / I = (\text{Накоплено финансовых вложений} - \text{Накоплено долгосрочных финансовых вложений в паи и акции других организаций}) / \text{Инвестиции в основной капитал}.$

Рассматривая общую динамику использования инвестиционных ресурсов в российской экономике за период 1998-2016 гг. (см. рис.1), можно сделать следующие выводы. Во-первых, наблюдается опережающий темп роста финансовых инвестиций относительно инвестиций в основной капитал. Во-вторых, хотя величина осуществленных финансовых вложений лишь в незначительной степени превосходит величину погашенных финансовых вложений, общая величина финансовых инвестиций довольно значительна. Таким образом, если рассматривать общий объем имеющихся у предприятий финансовых ресурсов как сумму финансовых вложений и инвестиций в основной капитал ($F + I$), то эти доступные для инвестирования ресурсы расходуются со значительным преобладанием финансовой части, что является неэффективным для экономики в целом.

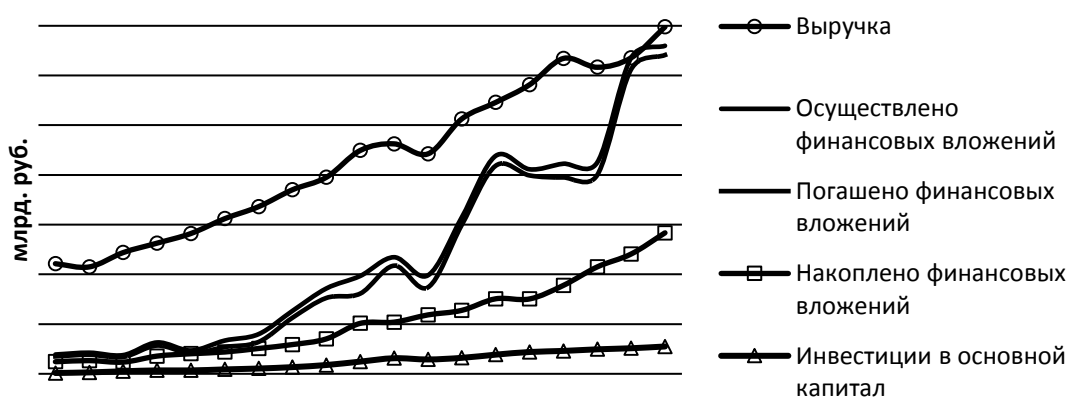

Рис.1 Финансовые вложения, инвестиции в основной капитал, все отрасли экономики, крупные и средние предприятия, в постоянных ценах 2015 г.

Высокий уровень разделения труда необходим для повышения эффективности производства продукции. Производство конечной продукция осуществляется проходя последовательно длинную цепь предприятий. Доход от реализации готовой продукции получается только в конце цепи, в момент реализации конечной продукции потребителю внутри страны, или экспорта. Далее этот доход перераспределяется среди предыдущих в цепи производства предприятий. Если доход между находящимися в последовательной цепи производства предприятиями распределяется существенно неравномерно, то звено (отрасль) с наименьшей доходностью может выпасть. В результате разрыва цепи, нельзя будет произвести конечную продукцию, и, следовательно, остановится множество последующих в цепи производства предприятий.

В России, как и в других странах мира, наблюдается процесс концентрации капитала и создания крупных компаний, в том числе вертикально-интегрированных. Одним из преимуществ такой организации бизнеса является возможность снижения рисков предприятий находящихся в последовательной цепи производства продукции. То есть если на каком-то этапе производства продукции – у какого-то предприятия – образуется избыточная прибыль, центральный офис объединения может перераспределить эту прибыль в пользу других предприятий, испытывающих временные трудности. Таким образом, снижение рисков позволяет увеличить уровень разделения труда и эффективность производства продукции в целом.

Однако возможна и другая ситуация, когда прибыль концентрируемая в головной компании, путем ее изъятие из региональных компаний, не направляется на вложения в производственную сферу (инвестиции в основной капитал и прирост запасов сырья и материалов), а вкладывается в финансовые инвестиции, в том числе, выводится за рубеж.

Региональный разрез распределения реальных и финансовых инвестиций приведен в табл.1. Исходя из данных таблицы можно сделать вывод, что регионом с максимальной долей финансовых вложений является Москва. Соотношение (F_0 / I) в Москве составило в 2016 г. гигантское значение, равное 73, это означает что осуществленные за период (год) финансовые вложения в 73 раза превосходят инвестиции в основной капитал. Даже с учетом того что большая часть их гасится в тот же период, эта сумма постоянно находящаяся в обороте на финансовых рынках, которая потенциально могла бы быть направлена на инвестиции в основной капитал, фактически изымается из производственного инвестирования.

Таблица 1.
Соотношение финансовых и реальных инвестиций, крупные и средние предприятия, все отрасли экономики.

	Выручка, млрд. руб.	F_0 / I		F_s / I	
		2016	среднее 2010- 2016	2016	среднее 2010- 2016
Россия	144 583	12,44	9,07	2,40	1,70
Центральный федеральный округ (31)	80 934	35,99	28,52	5,61	3,99
Москва (45)	65 115	73,00	64,51	11,04	8,44
Северо-Западный федеральный округ (30)	15 875	9,35	6,52	1,67	1,31
Санкт-Петербург (40)	10 614	16,52	13,26	3,57	3,04
Приволжский федеральный округ (32)	14 938	7,74	5,14	1,24	1,15
Южный федеральный округ (33)	6 838	2,60	1,31	0,97	0,50
Уральский федеральный округ (34)	13 033	3,62	2,94	1,80	1,41
Курганская область (37)	174	0,94	1,51	0,43	0,55
Свердловская область (65)	3 037	10,03	4,83	2,22	1,38
Тюменская область (71)	7 878	2,86	2,73	1,81	1,48
Тюменская область (кроме Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа) (71001)	1 414	8,58	4,72	2,38	1,40
Челябинская область (75)	1 945	4,31	2,63	1,23	0,93
Сибирский федеральный округ (35)	8 458	4,07	2,56	1,19	0,96
Дальневосточный федеральный округ (36)	3 383	2,59	2,67	1,07	0,68
Северо-Кавказский федеральный округ (38)	1 123	3,13	1,20	0,72	0,43

Задачей государства является создание условий для выравнивания регионального распределения финансовых ресурсов между территориями. С учетом того, что в Москве и Санкт-Петербурге находятся штаб-квартиры большинства крупнейших российских компаний, большая часть налога на прибыль и других налогов зачисляемых в бюджеты этих городов должна направляться в федеральный бюджет, с целью снижения налоговой нагрузки на другие регионы.

Другой вывод, который можно сделать из анализа данных рис.1 и табл. 1 состоит в необходимости ограничения финансовых вложений предприятий в ущерб инвестициям в основной капитал. Особенно это ограничение важно для предприятий, получающих от государства льготные кредиты под низкий процент. Без таких ограничений вся помощь будет использована предприятиями для получения высокой доходности на финансовых рынках. Одним из инструментов ограничения финансовых спекуляций может стать введение налога на финансовые операции (налога Тобина). Налог уплачивается при приобретении и продаже иностранной валюты и финансовых вложений, ставка налога может быть небольшой. Введение такого налога не окажет существенного влияния на добросовестных покупателей финансовых активов, но существенно ограничит краткосрочных спекулянтов, получающих прибыль за счет многочисленных актов купли-продажи, которые заинтересованы в значительных колебаниях курса национальной валюты и фондового рынка, что наносит существенный ущерб большинству других экономических агентов.

Создание системы стимулов по увеличению инвестиций в основной капитал и ограничение объема финансовых вложений позволит существенно увеличить инвестиционные ресурсы формируемые внутри страны с целью увеличения инвестиций в реальный сектор экономики, что сформирует условия для увеличения темпов экономического роста.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

*Шеховцева Л.С., д.э.н.
БФУ им. И. Канта, Калининград*

Ограниченность неоклассических моделей развития способствовала возникновению альтернативных основному течению подходов: институционального, эволюционного, поведенческого. В то же время современные разработки во все большей степени переплетаются, создавая канву современно экономической теории.

Институциональные исследования экономического роста позволяют учитывать в рамках теории модернизации наряду с преобразованиями производства социальную, культурную и политическую трансформации, т.е.

междисциплинарный подход. Такой подход, как показали исследования, можно использовать и в региональной экономике¹.

Актуальными для региональной теории представляются положения М. Тодаро о том, что разработка государственной политики является главной задачей экономики развития. «Как таковая экономика развития занята разработкой государственной политики, направленной на осуществление в возможно сжатые сроки радикальных экономических, институциональных и социальных преобразований общества. Без такой политики пропасть между желаемой целью и реальностью будет расширяться с каждым годом. Поэтому она отводит государственному сектору намного более важную роль, чем неоклассическая теория²».

Он отмечает важность включения в проблемы развития кроме чисто экономических переменных (доходы, цены, уровень сбережений) также неэкономических институциональных факторов, таких как характер землепользования, влияние различных социальных слоев и групп, кредитные институты, системы образования и здравоохранения, мотивация действий чиновников, отношение населения к работе, поведение политических и экономических элит и другие. Многие стратегии экономического развития давали сбой из-за того, что экономисты не воспринимали экономику как социальную систему, в которой взаимодействие экономических и неэкономических факторов может как способствовать, так и противодействовать развитию.

Институциональная теория преодолевает ограниченность неоклассической теории, не рассматривающей внутренние источники развития. Так, из базовой модели роста Р. Солоу следует, что само по себе накопление капитала не ведет к непрерывному экономическому росту. Такой рост может происходить, по данным П. Ромера, за счет введения в модель внешних эффектов, экстерналий. К ним относятся социальные (общие) эффекты от инвестиций, отличные от частных стимулов, ориентированных на прибыль: накопление человеческого капитала, расширение масштабов внедрения новых технологий и другие.

Такие эффекты могут быть реализованы в рамках централизованных и региональных проектов и программ, стратегий развития. Экономическая политика в поддержку ускоренного роста на федеральном и региональном уровнях является необходимым, но недостаточным условием преодоления «западни» низкого уровня технологий³.

Однако, в проблеме государственного влияния на экономику должна быть проявлена гибкость, ситуационный подход. То, что было пригодно для одних стран (Чили, Бразилия) – уменьшение правительственных расходов, снижение инфляции, либерализация внутреннего рынка – оказалось неэффективным для других стран. Это же относится к политике импортозамещения: в странах Восточной Азии и Латинской Америки она привела к экономическому росту, но затем оказалась неэффективной. В тот же период новые индустриальные страны добились роста за счет экспортоориентированного производства. «Как

---

¹Шеховцева Л.С. Междисциплинарная методология исследования региона как субъекта развития //Материалы III Всероссийского симпозиума по региональной экономике. Т.1 - Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2015.С.148 - 152

² Тодаро М. Экономическое развитие /Пер. с англ. – М.: Экономический факультет МГУ, ЮНИТИ. 1997.С.132

³ ШеховцеваЛ.С. Управляемое развитие региона: стратегическое целеполагание. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2005. 354 с.

безусловная установка на импортозамещение, так и надежды на спонтанное повышение конкурентоспособности на практике приводят к менее значительным результатам, чем ориентация национальной экономики на производства с большей долей добавленной стоимости»⁴.

Важным институциональным фактором роста является наличие условий реализации сравнительных преимуществ национальной экономики и местоположения регионов относительно внешней среды. Однако, как показали эмпирические исследования, сама по себе открытость во внешней торговле не может быть гарантией успешного развития. В современной теории эндогенного роста не установлено однозначное влияние торговой либерализации на экономический рост. Положительное влияние прослеживается при перемещении ресурсов в сферы деятельности, обеспечивающие долгосрочный рост, т. е. обеспечение комплементарных инвестиций (научные исследования, инновации, расширение разнообразия продукции, улучшение ее качества и т.д.), а также в близкорасположенные регионы – участники внешнеэкономической деятельности при сильных позициях национальной экономики в сферах, усиливающих ее сравнительные преимущества.

Особое значение придается сокращению бедности, причем не только в качестве цели, но и импульса развития. Установлена обратно-пропорциональная зависимость между уровнем неравенства в стране, характеризуемым величиной коэффициента Джини, и качеством ее институтов (см. вышеуказанный источник).

Целеполагание и согласование интересов различных социальных групп рассматривается как одно из важнейших условий развития в различных теориях и концепциях: У. Изарда по региональной экономике, Р.Н. Евстигнеева и Л.П. Евстигнеевой по экономической синергетике, А. Аузана, А. Золотова, Л. Григорьева, В. Тамбовцева, А. Шаститко и других по институциональной экономике. Это подтверждается практикой разработки стратегий, программ, проектов, бюджетов развития страны и регионов.

Однако, теоретические положения стратегического целеполагания используются слабо, цели формируются, в основном, эмпирическим путем. Недостаточно разработано и институциональное обеспечение развития региональной экономики. Действующий федеральный закон от 24 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» нуждается в развитии и конкретизации, в том числе и на региональном уровне.

Решение задач регионального целеполагания и институционального обеспечения основывается на использовании элементов междисциплинарного исследования по цепочке наук: социология, системный анализ, теория организации, теория стратегического управления, институциональная экономика, экономическая теория и региональная экономика.

Социология предполагает учет интересов и согласование целей региональных групп населения. Системный анализ рассматривает регион как систему взаимосвязанных элементов, иерархий и режимов существования. Теория организации изучает регион как организацию, имеющую групповые цели, интересы и противоречия, горизонтальные и вертикальные связи. Теория стратегического управления основана на разработке стратегических целей и способов проактивного (упреждающего) поведения региона во внешней среде. Институциональная экономика рассматривает целевые институты и институты,

---

⁴ Управление социально- экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы/Рук. авт. кол. Д.С. Львов и А.Г. Поршневу. – М.: Экономика, 2002.

обеспечивающие функционирование и развитие региональной экономики. Экономическая теория и региональная экономика служат основой формирования социально-экономических целей и институтов региона. Взаимосвязанные элементы цепочки наук интегрируют инструментарий региональной экономики.

В работе обосновано⁵, что цели (целевые ориентиры) основных субъектов социально-экономического развития региона, определяющие его функции, являются потенциальными и реальными институциями, а концепция и методология определения этих целей может быть использована для системного формирования целевых институций и институтов.

Целеполагание является функцией стратегического управления развитием региона как субъекта Федерации. Результатом ее выполнения являются обобщенные региональные стратегические цели, которые выражают сбалансированные интересы основных субъектов - целеносителей (населения, делового сообщества, органов управления различных уровней - федерального, регионального и муниципального) и выступают как социальные формы функций и ожидаемых результатов экономической деятельности. В функциональном контексте стратегические цели можно считать институциями и называть их целевыми институциями. Для выполнения определенных целевых функций (институций) предназначены институты региона, которые связаны с организационными образованиями (например, законы) и организационными структурами (например, органы управления).

Институциональное обеспечение включает целевые институции и институты как функциональные и организационные элементы региональной системы. Эти элементы можно назвать институализированные формы гражданского сознания и гражданской активности соответственно. Цели как институализированная форма гражданского сознания могут служить основой систематизации и проектирования другой институализированной формы гражданской активности - институтов. С другой стороны, именно институты закрепляют в научно-практической деятельности механизмы, процедуры определения целей и способов их достижения.

Таким образом, системное институциональное обеспечение социально – экономического развития региона требует создания взаимосвязанной последовательности его основных структурных элементов: цели – институты – механизмы - результаты. Эту последовательность можно назвать «институциональной цепочкой». В ней каждый последующий элемент обеспечивает выполнение предшествующего, а в целом институциональная цепочка направлена на достижение социально – экономической цели, снижение неопределенности экономики.

Цель социально – экономического развития – состояние экономики, социальной сферы, которое определяется участниками стратегического

---

⁵ Шеховцева Л.С. Становление парадигмы формирования стратегических целей и институтов региона как субъекта развития // Регион: экономика и социология. 2015. № 2. С. 70-85.

планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и качественными показателями⁶.

Стратегическая цель социально-экономического развития региона – это цель, задающая образ (или его часть) будущего нового состояния региона в неопределенной и нестабильной окружающей (внешней) среде, включающая количественные и качественные измерители и указывающая (по возможности) путь его достижения⁷.

Институт – организационное образование (закон, стратегия, программа) и/или организационная структура (орган управления, фонд развития региона), предназначенные для выполнения какой-либо цели-институции.

Механизм – состав и порядок действий (взаимодействий) экономических субъектов в процессе реализации цели (функции) или решения задачи (проблемы).

Результат – оценка степени достижения цели, экономических, социальных, экологических, управленческих и других эффектов

Институты иногда отождествляют с механизмами. Это справедливо частично, например, для законов прямого действия, четко прописывающих состав экономических субъектов и порядок их взаимодействия. Часто законы не могут отобразить всю сложную гамму взаимоотношений между субъектами деятельности. Для решения этой проблемы используются «внешние» по отношению к закону нормативные правовые документы: регламенты, правила, порядки, методики, детально и конкретно определяющие содержание и порядок проведения операций (т.е. алгоритм).

Институциональная цепочка имеет универсальный характер на всех уровнях управления: наднациональном, федеральном, региональном, муниципальном. Задавая общую канву, она позволяет учитывать специфику социально-экономического развития регионов. К тому же институциональная цепочка может включать эксклюзивные (специальные) институциональные режимы (ОЭЗ, ТОР) и инструменты (СПИК). Такой подход отвечает принципам развития многомерной, пространственной экономики, существующей в физической и виртуальной (цифровой) формах.

---

⁶ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2014. - №26, ч. I. –Ст. 3378.

⁷ Шеховцева Л.С. Становление парадигмы формирования стратегических целей и институтов региона как субъекта развития // Регион: экономика и социология. 2015. № 2. С. 70-85.

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ
IV
ВСЕРОССИЙСКОГО
СИМПОЗИУМА
ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКЕ**

Том 2.

**Институты регионального инфраструктурного
развития и обустройства территорий.
Современная государственная региональная
политика. Институты саморазвития территорий
разного уровня.**

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института экономики УрО РАН
Протокол № 7 от 19.09.2017
Регистрационный № 31 (17)

Подписано в печать 19.09.2017. Формат 60X84 1/16
Усл.п.л. 18,25 Тираж 100 экз. Заказ №

Институт экономики УРО РАН
620014, г. Екатеринбург ул. Московская, 29